

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

В ы п у с к 10-й

Книжная редакция газеты «Новгородская правда»

1 9 6 1

ОТ РЕДАКЦИИ

Издание „Новгородского исторического сборника“ осуществляется с 1936 года. В 1936—37 гг. издание велось Новгородским музеем совместно с Академией истории материальной культуры, а в 1937—41 гг. — совместно с Новгородской секцией Института истории Академии наук СССР.

Начиная с 10-го выпуска, сборник будет снова выходить при участии Института истории Академии наук в лице его Ленинградского отделения. В состав редакции сборника входят научные работники Ленинградского отделения и Новгородского музея.

До последнего времени на страницах сборника недостаточно освещались вопросы истории советского общества. Редакция считает, что история Новгородского края советского периода должна занять в сборнике надлежащее место. Будет также уделено внимание истории феодального Новгорода и малоизученным вопросам истории Новгорода эпохи капитализма. Кроме того, в сборнике будут помещаться статьи по истории новгородской культуры (архитектуры, живописи, прикладного искусства, литературы и др.).

И С Т О Р И Я И А Р Х Е О Л О Г И Я

Я. А. ГАНДКИН

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (ноябрь 1917—1920 гг.)

Выдающиеся успехи в развитии сельского хозяйства СССР имеют большое международное значение. Они являются живым воплощением ленинского кооперативного плана, яркой демонстрацией великих преимуществ социалистического сельского хозяйства перед капиталистическим. Ленинские идеи производственного кооперирования деревни, опыт коллективизации в Советском Союзе широко и творчески применяются во всех странах народной демократии.

Естественно поэтому, что все этапы истории социалистического преобразования сельского хозяйства в СССР вызывают большой интерес не только в нашей стране, но и во всех остальных странах социалистического лагеря.

По этому вопросу имеется обширная литература, насчитывающая несколько сот названий. Однако в подавляющем большинстве книг и статей освещается подготовка и проведение сплошной коллективизации и последующее укрепление колхозного строя. Истории же создания коллективных хозяйств в первые годы Советской власти специально посвящено небольшое количество работ¹.

Как известно, с первых же дней Советской власти Коммунистическая партия поставила перед собой задачу перехода от мелкого раздробленного и отсталого крестьянского хозяйства к крупному социалистическому земледелию. Вместе с тем В. И. Ленин

---

¹ В том числе имеется и несколько работ обобщающего характера: И. Конюков. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия. М., 1949; Н. Скрыпнев. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918—1920 гг. М., 1951; Селунская В. М. Коммунистическая партия — организатор и руководитель строительства первых совхозов и колхозов (ноябрь 1917—1920). «Вестник Московского университета». Историко-филологическая серия, 1957, № 4.

предупреждал, что переустройство сельского хозяйства на общественных началах — дело чрезвычайно трудное. Для того, чтобы осуществить массовую коллективизацию, необходимо было провести длительную и очень большую подготовительную работу и в частности создать материально-техническую базу для крупного общественного сельскохозяйственного производства.

Как указывалось в решениях VIII съезда партии, строить социализм можно было, только установив союз с середняком. В написанной В. И. Лениным резолюции этого съезда об отношении к среднему крестьянству отмечалось, что представители Советской власти, всячески поощряя организацию коллективных хозяйств, не должны допускать ни малейшего принуждения при создании этих хозяйств. «Лишь те объединения ценны, — подчеркивалось в резолюции, — которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике. Чрезмерная торопливость в этом деле вредна, ибо способна лишь усилить предубеждения среднего крестьянства против новшеств»².

Но первые шаги по созданию коллективных хозяйств, как учил Ленин, можно и нужно было сделать уже сразу после установления пролетарской диктатуры. В задачи аграрной политики, проводившейся Коммунистической партией и Советской властью в первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции, входило создание первых коллективных объединений, как очагов и рассадников коммунистических идей среди трудового крестьянства, как прообраза будущего колхозного строя деревни.

С момента зарождения социалистического земледелия Коммунистическая партия и Советское государство выступают как организующая и направляющая сила развития коллективных хозяйств в земледелии.

Национализация земли очистила аграрные отношения в России от феодально-крепостнических пережитков и явилась важнейшей предпосылкой для перехода в деревне от мелкого крестьянского хозяйства к крупному коллективному хозяйству. Важно отметить, что, как указывал Ленин, уже «...в законе о земле Советская власть дала *прямое* преимущество коммунам и товариществам, поставив их на первое место»³.

В 1918—1919 годах партией и правительством был принят ряд важнейших решений, направленных на всемерную поддержку создаваемых коммун, артелей и других объединений крестьян. Достаточно напомнить об изданных в феврале 1918 года законе

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7-е, М., 1953, стр. 448.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 286.

«О социализации земли» и в феврале 1919 года «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию».

Состоявшийся в марте 1919 года VIII съезд партии наметил дальнейшее проведение ряда мер, направленных к организации крупного социалистического земледелия. Принятая на этом съезде программа партии предусматривала устройство советских хозяйств, поддержку сельскохозяйственных коммун и других коллективных хозяйств.

Вся деятельность по организации и руководству коллективными хозяйствами направлялась В. И. Лениным. В его статьях и выступлениях обобщался накапливаемый опыт строительства колхозов и намечались дальнейшие пути социалистического переустройства сельского хозяйства.

Коммунистическая партия стремилась идеи социалистического преобразования деревни довести до сознания трудового крестьянства. Еще весной и летом 1917 года в большевистских газетах был опубликован ряд выступлений В. И. Ленина, в которых он не только призывал крестьян забирать землю у помещиков, но и советовал переходить к коллективной ее обработке.

Сразу же после II Всероссийского съезда Советов по инициативе Ленина был принят ряд мер для того, чтобы декрет о земле стал широко известен крестьянам. Для ознакомления трудового крестьянства с этим декретом, а позднее и с законом «О социализации земли» использовались все средства печатной пропаганды. Для разъяснения содержания и значения этих документов Центральный Комитет партии, ВЦИК и Совнарком, а также местные партийные и советские органы направили в деревню многочисленных агитаторов.

Призывы Коммунистической партии к созданию коллективных хозяйств, подкрепленные тем, что Советское государство представляло им ряд преимуществ, не могли не оказать влияние на наиболее передовых представителей крестьянства.

* * *

В Новгородской губернии коллективные хозяйства начали возникать сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Уже в конце 1917 года была создана коммуна «Петровское» в Демянском уезде. Организатор этой коммуны Алексей Крюков, выступая на первом губернском съезде сельскохозяйственных коммун в ноябре 1918 года, рассказал, что «коммуна устроена в прошлом году» и что произведенные весной 1918 года «яровые посевы дали хороший урожай»⁴.

⁴ Государственный архив Новгородской области (далее — ГАНО), ф. 489, оп. 1, д. 7, л. 12.

В первой половине 1918 года были созданы коммуны «Прилучье» в Старорусском уезде, «Белинская» в Новгородском уезде, «Шиботовская», «Старскогорская», «Мининская» и «Спасо-Мошенская» в Боровичском уезде, «Быковская», «Ермаковская» и «Хортовская» в Демянском уезде⁵.

Большинство коммун, возникших в 1918 году, создавалось на помещичьей земле. Членами первых коммун чаще всего были бывшие батраки. Коммуна «Петровское» была создана сельскохозяйственными рабочими имения, принадлежавшего до революции акционерному обществу «Дубровка». Членами коммуны «Быковская» были бывшие батраки имения помещика Карпова. В состав организованной в сентябре 1918 года коммуны «Трубников Бор» Новгородского уезда вступили одиннадцать семей рабочих бывшего поместья княгини Багратион-Мухранской.

Бывшие батраки имели опыт труда в крупном сельскохозяйственном производстве. Призыв Коммунистической партии к коллективному ведению хозяйства встречал у них живой отклик. Часто они предпочитали не делить помещичьи земли на части, а взять организацию хозяйства в свои руки, понимая, что при Советской власти они таким образом добьются счастливой, обеспеченной жизни.

Ярко об этом говорилось в заявлении, поданном в декабре 1918 года в Новгородский уездный земельный отдел с просьбой о регистрации коммуны «Остров», созданной на земле Архиерейской мызы. Уполномоченные коммуны писали: «Учредители коммуны, лица по многу лет служившие и работавшие в Сельце, ныне освободившиеся от гнета помещика-архиерея, желают свободного труда в свободной республике и надеются, что Уездотдел пойдет навстречу их желанию и предоставит возможность продолжать полезный труд на пользу общества на той земле, на которой им ранее приходилось работать на пользу эксплуататора-владельца»⁶.

В организации коммуны «Сустье-Полянка» Новгородского уезда принимали участие фабричные рабочие, связанные с сельским хозяйством. Коммуну «Быковская» организовал рабочий-литейщик, выходец из местного населения, Василий Дмитриев. Важно отметить, что немало коллективных хозяйств было создано и безземельными и малоземельными крестьянами, особенно из числа демобилизованных фронтовиков. 7 семейств крестьян-бедняков и середняков деревни Перелерки Старорусского уезда организовали коммуны имени Ленина на наделной земле, объединив

⁵ Там же, ф. 482, оп. 1, д. 556, лл. 43, 46; ф. 488, оп. 1, д. 14, лл. 1, 2; ф. 489, оп. 1, д. 12, л. 1.

⁶ Там же, ф. 491, оп. 3, д. 9, л. 2.

принадлежащий им живой и мертвый инвентарь. Объединились в сельскохозяйственную артель «Колошка» и 11 семейств середняков села Речка Старорусского уезда.

Самыми активными организаторами коллективных хозяйств были члены Коммунистической партии. В 1918 году Поддорская партийная организация явилась инициатором создания первой Поддорской трудовой коммуны. Постановление партийного собрания гласило: «Царящую продовольственную разруху может удалить только обработка земли трудовыми коммунами. Дружно за работу, тов. крестьяне-коммунисты. Да здравствует трудовая земледельческая коммуна!»⁷.

Организатором коммуны имени Ленина был коммунист Михаил Иванович Валов, а в числе ее учредителей были коммунисты Василий Павлович Юхнов, Григорий Антонович Сысоев и Алексей Алексеевич Карезин. В составе коммуны «Трубников Бор» также было 4 коммуниста. Председателем коммуны «Березка» Старорусского уезда был Савелий Васильевич Егоров, член партии с 1917 года, а коммуну «Старина» того же уезда организовал коммунист Петр Николаевич Жатков.

Коммунисты своим упорным трудом, мужественным отношением к преодолению трудностей и невзгод завоевывали доверие и уважение остальных членов коллективных хозяйств. Много сделал для укрепления коммуны «Петровское» ее организатор, член партии Алексей Крюков. Когда в июне 1919 года один из членов коммуны предложил переизбрать совет коммуны, возглавляемый Крюковым, общее собрание единодушно постановило: «Выразить тов. Крюкову полное доверие и благодарность за правильное ведение хозяйства в коммуне, а лицам, имеющим что-либо против Крюкова, выразить порицание»⁸.

Успешно возглавлял коммуну «Остров» член партии Михаил Иванович Зорин.

Таким образом, в конце 1917 года и в 1918 году передовые люди новгородской деревни под руководством коммунистов уже создавали первые коллективные хозяйства. К концу 1918 года в губернии было организовано 35 коммун, 13 сельскохозяйственных артелей и 3 товарищества по совместной обработке земли⁹.

В ноябре 1918 года проходили первые уездные и губернский съезды земельных отделов и сельскохозяйственных коммун. Решения их призывали к активной деятельности по созданию новых коллективных хозяйств.

Новгородский уездный съезд, заслушав доклад заведующего бюро коммун земельного отдела, выразил пожелание, «чтобы воз-

⁷ Там же. ф. 486, оп. 1. д. 13. л. 22.

⁸ Там же. ф. 488, оп. 2. д. 10. л. 220.

⁹ Там же. ф. 482, оп. 6. д. 555. лл. 1—10.

можно шире было распространено среди населения понятие о коммунальном хозяйстве»¹⁰.

С большим подъемом прошел губернский съезд. Съезд избрал своим почетным председателем В. И. Ленина и обратился к вождю революции с приветственной телеграммой. «Новгородский губернский съезд с/х коммун, — говорилось в ней, — приступая к работе, шлет Вам горячий привет и выражает полную уверенность в окончательной победе социализма над капиталом. Имея во главе социалистической революции такого стойкого и доблестного борца, как Вы, дорогой Владимир Ильич, не может быть места для сомнений. Все временные лишения мы несем безропотно, зная, что за этими невзгодами взойдет солнце правды, свободы, равенства и братства, которое своими лучами исцелит наши раны, веками болевшие от произвола капиталистов, помещиков и деревенских кулаков-мироедов»¹¹.

Глубокой верой в возможность добиться счастливой жизни при коллективном ведении сельского хозяйства были проникнуты речи 15 делегатов съезда, выступивших при обсуждении вопроса о ходе работы по организации коммун¹².

Создание первых коллективных хозяйств в Новгородской губернии проходило под руководством и при активной помощи партийных организаций. Партийные организации постоянно занимались вопросами создания общественного хозяйства в земледелии.

На состоявшихся в феврале и июле 1919 года Новгородских губернских партийных конференциях перед коммунистами была поставлена задача направить всю свою энергию на разъяснение крестьянству пользы общественной обработки земли и подчеркнуть значение организационной работы по созданию сельскохозяйственных коммун.

На губернской партийной конференции в ноябре 1919 года было принято решение о том, что для первых шагов при налаживании работы среди крестьян крайне важным является установление сети опорных пунктов, при помощи которых можно было бы постепенно расширить влияние партии на деревню. Далее указывалось, что кроме деревенских парторганизаций такими опорными пунктами в первую очередь должны явиться коммуны, артели и совхозы. Конференция обязывала уездные и волостные партийные организации прежде всего постараться сплотить и организовать коммунистов (т. е. членов коммун) и рабочих совхозов.

«Необходимо тщательно следить и проверять, — говорилось в резолюции, — чтобы коммунары, члены артелей и рабочие совхозов были непременно и аккуратно снабжены литературой. в

¹⁰ Там же, ф. 482, оп. 3, д. 1, л. 8.

¹¹ Там же, ф. 489, оп. 1, д. 7, л. 10.

¹² Там же, ф. 482, оп. 2, д. 1, л. 1.

частности газетами и библиотечками; обратить внимание, чтобы органы народного просвещения в первую очередь начали обслуживать культурно-просветительные нужды указанных организаций»¹³.

Члены коллективных хозяйств всегда могли получить необходимый совет и поддержку в партийных организациях. Характерно, что уже в апреле 1918 года правление Шиботовской коммуны, зная, что сельских партийных организаций вблизи еще нет, обратилось в Боровичскую городскую организацию РКП(б) с просьбой разрешить присутствовать на ее собраниях представителю коммуны. Такое разрешение было дано, и постоянная связь коммуны с партийной организацией была установлена.

Большое значение для укрепления первых коллективных хозяйств имело создание в некоторых из них партийных организаций. Уже в 1919 году в коммунах «Стрелинская», «Горно-Покровская» и «Чернецовская» Боровичского уезда имелись партийные организации. Демьянский уездный комитет РКП(б) в октябре 1918 года постановил выделить ответственных организаторов по созданию партийных ячеек в коммунах¹⁴.

Как сообщил в беседе с автором статьи Александр Арсентьевич Куликов (организовавший в 1918 году коммуну «Нагорное»), коммунисты — члены коммуны «Нагорное» составляли ядро Тесовской волостной партийной организации.

Осуществляя ленинский декрет о земле, местные Советы и их земельные органы стремились создать предпосылки для организации общественной обработки земли. Новгородский уездный съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в резолюции от 15 февраля 1918 года записал: «Для поощрения общественного землепользования общества или группы лиц, изъявивших желание обрабатывать землю сообща, должны быть наделены землею в первую очередь и удовлетворены необходимым как живым, так и мертвым инвентарем за счет государства»¹⁵.

Губернский исполнительный комитет и его земельный отдел требовали от уездных и волостных Советов депутатов и земельных отделов, чтобы они при ликвидации помещичьего землевладения сосредоточили свое внимание на агитации за коллективное землепользование и на практической работе по организации сельскохозяйственных коммун. В мае 1918 года губземотдел обязал уездные отделы при распределении казенных, монастырских и помещичьих земель «наделять землей в первую очередь, прежде отдельных лиц», коммуны и артели¹⁶.

¹³ Партархив Новгородского обкома КПСС (далее -- НПА), ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 63; д. 16, л. 8.

¹⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 3.

¹⁵ ГАНУ, ф. 822, оп. 1, д. 7, л. 37.

¹⁶ Там же, ф. 489, оп. 1, д. 7, л. 1; ф. 30, оп. 1, д. 14, л. 85.

Большую работу по организации коллективных хозяйств и руководству их деятельностью проводили созданные летом и осенью 1918 года при губернском и уездном земельных отделах бюро коммун (позже переименованные в подотделы коммун). Работники бюро часто выступали с докладами о значении коллективного сельского хозяйства.

Съезд граждан Грядской волости Маловишерского района, заслушав доклад заведующего губернского подотдела коммун, постановил: «Вести самую широкую пропаганду за переход от единоличного пользования землей к коллективному, оказывая всяческую поддержку группам, переходящим к такому пользованию»¹⁷. Аналогичная резолюция была принята и собранием граждан Папоротно-Островской волости.

Бюро коммун занималось и распространением литературы по вопросам коллективизации.

В 1919 году в уездных центрах с целью пропаганды коллективных форм ведения хозяйства были организованы кратковременные курсы работников волостных земельных отделов и других активных сельских работников. Курсы были посвящены вопросам земельной политики. На них были прочитаны лекции на такие темы: «Закон о социализации земли», «Положение о социалистическом землеустройстве», «Общественная обработка земли», «Сельскохозяйственные коммуны и артели» и другие. По окончании работы курсов слушатели были снабжены литературой по вопросам земельной политики Коммунистической партии¹⁸.

Работники бюро коммун были энтузиастами социалистического переустройства деревни. Они много внимания уделяли обследованию и инвентаризации коллективных хозяйств, помогали в составлении организационных планов. Заведующий Демянским бюро коммун т. Николаев только за два месяца побывал с указанной целью по 2—3 раза в пяти коммунах. В этот же период он проводил в ряде сельских Советов работу по созданию новых коллективных хозяйств¹⁹.

Руководствуясь указаниями партийных органов, земельные отделы стремились оказать агрономическую помощь коллективным хозяйствам. Агрономы выезжали с этой целью в коммуны, артели и товарищества. Уже в начале 1919 года губземотдел выделил агронома для работы в коммунах «Ермаковская» и «Петровское», причем в последней он должен был и жить²⁰.

Начиная с 1918 года, на губернских и уездных съездах земельных отделов, сельскохозяйственных коммун и артелей неоднократно

¹⁷ «Звезда», орган Новгородского губернского комитета РКП(б) и Новгородского губернского Совета депутатов, от 25 апреля 1919 года.

¹⁸ ГАНО, ф. 486, оп. 1, д. 13, л. 84.

¹⁹ Там же, ф. 488, оп. 1, д. 34, л. 52.

²⁰ Там же, д. 34, л. 52.

но обсуждались вопросы агрономического обслуживания коллективных хозяйств. В июне 1920 года съезд представителей колхозов и агрономических работников Бологовского уезда (этот уезд в то время входил в состав Новгородской губернии) постановил: «Агрономические работники полностью отвечают за состояние артельных хозяйств на своем участке — их обязанность своевременное составление хозяйственных планов колхозов, быть советчиками и т. д. Считать целесообразным заложение в колхозах опытных участков. Снабжение колхозов и совхозов племенным, семенным и посадочным материалом должно вестись в первую очередь»²¹.

Советское государство с самого начала создания коммун и артелей оказывало им всемерную материальную помощь. В. И. Ленин, выступая на первом съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей, говорил: «...мы не были бы коммунистами и сторонниками введения социалистического хозяйства, если бы не осуществляли государственной помощи всякого рода коллективным земледельческим предприятиям. Мы вынуждены это делать и потому, что это соответствует всем нашим заданиям, и так как мы прекрасно знаем, что эти товарищества, артели и коллективные организации являются новшеством, и если ему не оказать поддержку со стороны рабочего класса, стоящего у власти, то оно не привьется»²².

Новгородским губернским земельным отделом в 1918 году было передано коммуне и артелям имущество многих поместий. Коммуна «Петровское» получила не только многочисленные хозяйственные постройки, но и 14 лошадей, 20 коров, 2 быков, 10 плугов, 19 борон, 2 машинные грабли, 2 сѣялки, 2 косилки, мельницу и полностью оборудованные кузницу и столярную мастерскую. Необходимый живой и мертвый инвентарь получила и коммуна имени Карла Маркса Боровичского уезда и многие другие коллективные хозяйства губернии.

Несмотря на крайне тяжелое финансовое положение страны, Советское правительство оказывало колхозам и денежную помощь. В ноябре 1918 года Совет Народных Комиссаров по предложению В. И. Ленина создал миллиардный фонд для помощи сельскохозяйственным коммунам, артелям и товариществам по совместной обработке земли. В Новгороде был создан «Губернский иллиардный комитет по выдаче ссуд и пособий». Из этого фонда же в 1919 году коллективным хозяйствам Новгородской губернии было выделено 3,5 миллиона рублей для приобретения сельскохозяйственных орудий, скота, семян и минеральных удобрений. Коммуны «Березка», «Прилучье» и «Заря» Старорусского уезда получили 392 тысячи рублей, артель «Пробуждение» Новгородского уезда — 100 тысяч. В 1920 году коллективные хозяйства гу-

²¹ Там же, д. 482, оп. 6, д. 580, л. 16.

²² В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 176.

бернии получили 24 миллиона рублей²³. Хотя деньги в это время были обесценены, однако, эти ссуды помогли коммунам и артелям в укреплении их общественного хозяйства.

Значительную роль в организации первых коллективных хозяйств сыграли комитеты бедноты. Летом и осенью 1918 года новгородская партийная организация провела большую работу по созданию сельских и волостных комитетов бедноты. Как было сообщено на состоявшейся в ноябре 1918 года партийной конференции, в губернии имелось около пяти тысяч комбедов. Комбеды, действуя под руководством Коммунистической партии и Советского правительства, наносили серьезные удары по кулачеству, которое всячески препятствовало созданию социалистических форм сельского хозяйства. Члены комитетов бедноты Новгородской губернии активно участвовали в агитационной и организационной работе по созданию коллективных хозяйств. Не случайно, что из имевшихся в губернии в конце 1918 года 51 колхоза 41 был создан во второй половине года, то есть в период развертывания деятельности комитетов бедноты²⁴.

Несмотря на помощь, оказываемую государством, создание и развитие первых коллективных хозяйств проходило в очень тяжелых условиях. В то время советская республика была в кольце врагов. Трудящиеся, вдохновляемые и организуемые Коммунистической партией, напрягали все силы для отпора интервентам и белогвардейцам. Фабрики и заводы не могли обеспечить снабжение деревни необходимыми промышленными товарами. Государство было вынуждено брать у крестьян по продовольственной разверстке все излишки для нужд обороны. Первые колхозы в Новгородской губернии часто не имели достаточно посевного материала, не хватало хлеба и других продуктов.

Кроме того, созданию и развитию коллективных хозяйств упорно противодействовало кулачество вместе с остатками эсеров и других контрреволюционных партий. Кулаки вели агитацию против коммун и артелей, пытались создать к ним враждебное отношение у окружающего населения, поджигали постройки, организовывали вооруженные нападения на организаторов первых коллективных хозяйств.

Представители коммун Боровичского, Демянского и других уездов на первом губернском съезде Союза коллективных хозяйств в 1920 году рассказывали, что кулаки систематически травлили крестьян против членов колхозов и организовывали нападения на коммуны²⁵. В начале 1919 года было решено снабдить все коммуны Демянского уезда винтовками и патронами

---

²³ ГАНО, ф. 482, оп. 6, д. 797, лл. 24—46; Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.). Документы и материалы, М., 1954, стр. 514—515.

²⁴ ГАНО, ф. 482, оп. 6, д. 555, лл. 1—10.

²⁵ Там же, д. 559, л. 38.

на случай провокационных выступлений контрреволюционных партий»²⁶.

В мае 1919 года, когда войска Юденича подходили к границам Новгородской губернии, кулаки на собрании земельного общества угрожали коммунисту Василию Сторожину за то, что он организовал Жило-Видогощскую сельскохозяйственную артель (Новгородский уезд), говоря, что они его «повесят, когда придет белая гвардия»²⁷. Группа кулаков учинила вооруженное нападение на землемера, когда он отводил землю сельскохозяйственной артели «Колошка» Старорусского уезда²⁸.

Одной из форм борьбы враждебных элементов против коллективизации было создание лжеколхозов. Делегат Новгородского уезда тов. Уксусов рассказывал на губернском съезде коллективных хозяйств, что были случаи, когда «отборные кулаки» создавали «коммуны», чтобы «сохранить скот и хлеб от реквизиции». В отчете Губколхоза сообщалось, что имели место даже попытки создания лжекоммун, возглавляемых помещиками — «либеральными господами»²⁹.

В Новгородской губернии, где до революции было много монастырей, особенно частыми были случаи создания монастырских лжеколхозов. В 1918 году в бывшем Знаменском монастыре была создана «трудовая женская коммуна». В этой «коммуне» сохранились прежние монастырские порядки. Формально в «коммуну» входили только послушницы, но в действительности за счет коммуны жили 45 монахинь, в том числе и игуменья Агния, фактически всем руководившая. Когда местный Совет решил ликвидировать эту лжекоммуну, то монахини пытались спровоцировать рабочих фарфоро-фаянсовой фабрики и крестьянство окружающих деревень на выступления против решения органов Советской власти³⁰.

Лжеколхозы разоблачались партийными и советскими органами с помощью трудящегося крестьянства и ликвидировались. Кулаки и подкулачники не допускались в коммуны, а если и проникали в них, то вскоре изгонялись.

Чтобы не допустить в состав членов коммуны «Трубников Бор» враждебных элементов, в ее уставе говорилось: «Лицо, принимаемое в коммуны, должно представить рекомендацию, письменную или личную, из партии или из организации, стоящей на платформе Советской власти и приветствующей коммунизм»³¹.

Члены первых коллективных хозяйств активно участвовали в защите Советской России от интервентов и белогвардейцев. В от-

²⁶ Там же, ф. 488, оп. 1, д. 34, л. 35.

²⁷ НПА, ф. 71, оп. 1, д. 1, л. 108.

²⁸ ГАНУ, ф. 489, оп. 1, д. 243, л. 46.

²⁹ Там же, ф. 482, оп. 2, д. 556, л. 4; оп. 6, д. 559, л. 37.

³⁰ Там же, ф. 491, оп. 2, д. 53, лл. 53, 54, 128, 129; 135, 377, 378

³¹ Там же, оп. 3, д. 11, л. 11.

чете Новгородского совета союза губколхоза в ноябре 1920 года сообщалось, что коммуны и артели «лучших людей отдали на защиту Родины и по мобилизации и добровольно» и теперь главным образом работают в коллективных хозяйствах «старики, подростки и женщины»³².

Организаторы и члены советов (правлений) коммун и артелей первыми добровольно вступали в ряды Красной Армии. Организатор коммуны «Золотая нива» Новгородского уезда Иван Сонин стал красным командиром, организатор коммуны «Березка» Старорусского уезда Савелий Егоров — комиссаром батальона, свыше 50 организаторов других коллективных хозяйств губернии сражались в рядах Красной армии³³.

Члены коллективных хозяйств активно участвовали в борьбе с кулацкими мятежами и бандами. В конце 1918 года кулаки Тесовской волости Новгородского уезда, возглавляемые эсерами, хотели организовать мятеж. На многочисленном общеволостном собрании по вопросу о продовольственной разверстке эссы начали призывать крестьян к выступлению против Советской власти. Однако энергичное вмешательство вооруженных винтовками членов коммуны «Нагорное» во главе с коммунистом А. А. Куликовым предотвратило возникновение мятежа. Когда в начале 1919 года кулаки попытались организовать мятеж в районе деревни Висючей Бор Костьковской волости Демьянского уезда, все члены коммуны «Петровское» — мужчины, руковожденные коммунистами, немедленно выступили на подавление мятежа³⁴.

Члены коллективных хозяйств всем, чем только могли, помогали Красной Армии. Высоким патриотизмом проникнуто постановление съезда представителей колхозов Бологовского уезда, состоявшегося в октябре 1920 года. Постановление гласило: «Горячо отозваться на призыв помощи своим детям, братьям и отцам в рядах Красной Армии как продовольствием, так и обувью и одеждой»³⁵.

Собрание членов коммуны «Петровское», заслушав в январе 1920 года доклад о неделе фронта, единодушно постановило выделить средства для оказания помощи Красной Армии³⁶.

Не только в связи с тем, что в стране в эти годы шла гражданская война, был трудным и очень сложным путь зачинателей колхозного движения, но и потому, что шли они по непроторенным, по неизведанным дорогам, ибо никем, нигде и никогда раньше не создавалось социалистическое сельское хозяйство.

³² Там же. ф. 482, оп. 6, д. 559, л. 38.

³³ Там же, д. 662, лл. 35—36.

³⁴ Там же, ф. 488, оп. 1, д. 16, лл. 212, 213, 214.

³⁵ Там же, ф. 488, оп. 6, д. 580, лл. 47, 48.

³⁶ Там же, оп. 1, д. 16, л. 308.

Но организаторы первых коллективных хозяйств — коммунисты, рабочие, бывшие батраки, наиболее передовые бедняки и середяки — упорно преодолевали трудности. Они были воодушевлены ленинскими идеями строительства социализма, они уже тогда понимали, что в одиночку не выбиться из нужды, не избавиться от изнурительного и непроизводительного труда.

Примерный устав коммуны был впервые издан 21 июля 1918 года. Поэтому уставы коллективных хозяйств Новгородской губернии, созданных в первой половине 1918 года, выработывались самими их членами. Первые уставы, написанные иногда не очень грамотно, но всегда искренне и выразительно, говорят о высоких стремлениях учредителей коллективных хозяйств.

В уставе коммуны «Трубников Бор» Новгородского уезда цели и задачи коммуны определялись так:

- «1. Борьба против капитализма и уничтожение наемного труда.
2. Стремление к тесному сплочению всех трудящихся масс.
3. Для примера и поднятия духа среди трудящихся масс и происходящей пользы от совместной работы.
4. Стремление и побуждение трудового народа к защите Советской власти и социализма.

5. Стремление участвовать в развитии возможно больше школ, культпросветкурсов, лекций, библиотек, народных домов и, не покладая рук, заботиться о воспитании будущих борцов за свободу трудового народа»³⁷.

В уставе коммуны «Заря» Новгородского уезда говорилось: «Конечной целью нашей коммуны является переобразование сельского хозяйства на социалистических началах. Для этой цели мы, члены коммуны, будем бороться с капиталом, хотя бы с оружием в руках, против контрреволюционных попыток помещиков и кулаков и твердо стоять на страже прав и интересов пролетариата и деревенской бедноты, при этом действуя всегда в полном согласии с Советской властью»³⁸.

Члены коллективных хозяйств ставили своей задачей так организовать дело, чтобы их примеру следовали другие, чтобы идея социалистического ведения сельского хозяйства проникала в среду окружающего трудового крестьянства. В только что цитированном уставе коммуны «Заря» указывалось, что в коммуне «порядок должен быть образцовым как в поле, так и в постройках, один к другому должны всегда относиться с уважением, ибо наша коммуна образуется первая в нашей местности и должна стать образцом для волости и, может быть, для всего уезда»³⁹.

Члены Быковской коммуны писали, что их важнейшей целью

³⁷ Там же. ф. 491, оп. 3, д. 11, л. 11.

³⁸ Там же, д. 43, л. 4.

³⁹ Там же. ф. 482, оп. 6, д. 232, л. 5.

является «показать пример другим гражданам, какая есть выгода от вступления в коммуны»⁴⁰.

Ключом была внутренняя жизнь первых коллективных хозяйств. Она была полна исканий новых форм труда и быта. В. И. Ленин учил, что при организации общественной обработки земли и выборе ее форм нельзя обгонять сознание масс, надо использовать и обобщить их опыт. Формы сельскохозяйственных коллективов создавались в процессе народного творчества.

Уже в первых уставах обычно довольно четко определялась организация управления коллективными хозяйствами. На исполнительные органы (вначале они назывались по-разному: «совет коммуны», «хозяйственный совет», «комитет трудовой коммуны», «правление») возлагалось распределение текущей работы и снабжение орудиями производства, исполнение постановлений общих собраний. Уставами предусматривался регулярный созыв общих собраний с обязательным участием в них всех взрослых членов коллективных хозяйств. На собраниях должны были рассматриваться все важнейшие вопросы жизни коллективов, избираться исполнительные органы и заслушиваться их отчеты, разбираться вопросы приема и исключения членов коллективных хозяйств.

Члены коллективных хозяйств постепенно накапливали опыт организации труда и распределения доходов.

В 1918 году в Новгородской губернии преобладающее место среди коллективных хозяйств занимали коммуны. В коммунах обобществлялись все орудия и средства производства. В уставе созданной в мае 1918 года Быковской коммуны говорилось: «Ни один из членов не должен иметь никакой собственности в коммуне (исключая обувь и одежду, находящуюся при вступлении в коммуну)»⁴¹.

В уставе коммуны «Сустье-Полянка» было сказано: «Все средства коммуны, как-то: живой и мертвый инвентарь, скот, строения, продукты, наличные деньги, одним словом все имущество коммуны принадлежит всем ее членам»⁴².

Члены коммуны «Заря» в своем уставе записали: «Мы... отказываемся от всякой личной собственности, все пожитки свои и имущество, движимое и недвижимое, денежные знаки передаем в общее достояние коммуны»⁴³.

Слабой стороной деятельности первых коммун была организация труда и распределения. Известно, что еще Маркс предупреждал, что лишь на высшей фазе коммунистического общества «общество сможет написать на своем знамени: каждый по способностям, каждому по потребностям»⁴⁴. В первых же коммунах имен-

⁴⁰ Там же, ф. 482. оп. 6, д. 232, л. 37.

⁴¹ Там же, л. 37.

⁴² Там же, ф. 491. оп. 3, д. 10, л. 5.

⁴³ Там же, оп. 2, д. 43, л. 4.

⁴⁴ К. Маркс. Критика Готской программы. М., 1953, стр. 15.

по этот коммунистический принцип обычно ложился в основу разрешения вопросов организации труда и распределения.

Устав коммуны «Сустье-Полянка» Новгородского уезда гласил: «Основное положение коммуны: требовать от каждого члена коммуны труда по его силам, представить каждому члену коммуны из средств коммуны по его требованию»⁴⁵. Это же указывалось и в уставах ряда других коммун.

Конечно, в действительности коммуны обеспечить своих членов по их потребностям не могли. Поэтому в уставе коммуны «Трубников Бор» делалась оговорка, что коммуна должна «удовлетворить всем потребностям, поскольку это будет возможно»⁴⁶. Фактически же распределение доходов чаще всего производилось «по едокам». В конце 1918 года в Быковской коммуне Демянского уезда было решено распределять продукты «по числу наличных душ едоков, не считаясь с трудоспособностью, но по утвержденным нормам для определенного возраста»⁴⁷.

В некоторых коммунах постепенно приходили к мысли о необходимости при распределении доходов учитывать степень участия в коллективном труде. В 1919 году собрание членов коммуны «Сустье-Полянка», отказавшись от ранее установленного принципа распределения по потребностям, приняло решение «распределять все продукты, принимая в расчет рабочие часы каждого члена»⁴⁸.

Вот как выглядела организация труда и распределения в первой в губернии (по времени создания) коммуне «Петровское» Демянского уезда. По постановлению общего собрания, принятому в мае 1918 года, на работу должны были выходить ежедневно все трудоспособные члены коммуны. Хлеб же «должны получать все как старый и малолетний по означенной норме»⁴⁹. Другие продукты тоже решено было распределять пропорционально количеству членов семьи. Заработанные вне коммуны деньги члены коммуны обязаны были сдавать в общую кассу, а затем они делились «на каждого работника поровну, не считая женщин»⁵⁰.

В 1918 году посев в коммуне зерновых культур был произведен совместно, но картофель был посажен каждой семьей отдельно. Однако полученный урожай картофеля также было решено сдать в коммуну. Но уже во второй половине 1918 года среди членов коммуны стали возникать разногласия. Четыре семьи не желали подчиняться принятому уставу. В декабре 1918 года они были исключены из коммуны за то, что не хотели сдавать сво-

---

⁴⁵ ГАНУ, ф. 491, оп. 3, д. 10, л. 5.

⁴⁶ Там же, д. 11, л. 11.

⁴⁷ Там же, ф. 482, оп. 6, д. 232, л. 12.

⁴⁸ Там же, ф. 491, оп. 3, д. 10, л. 23.

⁴⁹ Там же, ф. 488, оп. 1, д. 16, л. 16.

⁵⁰ Там же.

их коров в общее пользование, не хотели сдавать в коммуну выращенный каждым в отдельности картофель и, наконец, за то, что протестовали против распоряжения совета коммуны о том, что дрова должны заготавливаться коллективно.

В январе 1919 года собрание коммуны признало ошибкой отсутствие общего котла и приняло решение исправить эту ошибку.

Распределение поровну, независимо от отношения к труду, приводило к тому, что часть коммунаров недобросовестно относилась к работе. В поисках путей к улучшению трудовой дисциплины общее собрание коммуны «Петровское» в феврале 1919 года постановило: «Не выходящих назначать на работу вне очереди»⁵¹.

К лету 1919 года в коммуне все настойчивей возникал вопрос о переходе на устав артели. Но все же 7 июля 1919 года собрание членов коммуны постановило: «Жить по-старому, коммуной, все, что не принято на учет, принять. Скот поставить на общий двор. произвести регистрацию всего личного имущества»⁵².

Картина организации труда и распределения в коммуне «Петровское» типична для первых коммун Новгородской губернии, однако следует заметить, что во многих коммунах вопрос о переходе на устав артели в 1919 и особенно в 1920 году был решен по-иному, чем в коммуне «Петровское».

Уже в 1919 году наиболее распространенной формой колхозного строительства в губернии становится сельскохозяйственная артель. Уставами артелей предусматривалось обобществление части или всего землепользования. Средства производства, принадлежащие крестьянам, вступавшим в артели, обобществлялись неполностью. В артелях обычно допускалось, наряду с наличием общественного хозяйства, ведение членами артелей своих частных хозяйств в таких пределах, чтобы работа в своем хозяйстве не мешала участию в общеартельном труде. В отчете Новгородского губколхоза от 12 сентября 1920 года писалось: «Мертвый инвентарь обобществлен в артелях тем, что сообща обрабатывают землю, также и рабочий скот (лошади), но фактически живой инвентарь остается в собственности владельцев»⁵³.

Наряду с артелями и коммунами в губернии были и товарищества по совместной обработке земли. В них также обобществлялось все или часть землепользования, средства же производства в значительной мере оставались в индивидуальном владении, но, как писал губколхоз, «вновь приобретенный материал считался общим»⁵⁴.

⁵¹ Там же, л. 154.

⁵² Там же, лл. 3—16, 220.

⁵³ Там же, ф. 482, оп. 6, л. 556, л. 4.

⁵⁴ Там же.

Таковы были первые шаги по выработке форм коллективного ведения сельского хозяйства в Новгородской губернии.

В 1919 году, как уже указывалось, положение в губернии было особенно напряженным в связи с наступлением белогвардейских войск Юденича. Однако число коллективных хозяйств в течение этого года возросло почти в 3 раза. Если к концу 1918 года в Новгородской губернии насчитывалось их 51, то к концу 1919 года было 142 колхоза, в том числе 55 коммун, 66 артелей и 21 товарищество по совместной обработке земли. В 1920 году рост количества сельскохозяйственных объединений продолжался, причем часть коммун перешла на устав сельскохозяйственной артели. К концу 1920 года в губернии было 171 коллективное хозяйство: 36 коммун, 103 артели и 32 товарищества по совместной обработке земли⁵⁵.

Коллективные хозяйства в Новгородской губернии были небольшими. В конце 1920 года одно хозяйство в среднем объединяло 53 человека; на один колхоз приходилось только 105 десятин земли⁵⁶. Следует попутно заметить, что и в целом по Европейской части РСФСР в среднем на один коллектив приходилось 88 десятин земли⁵⁷.

Важно указать, что среди коллективных хозяйств Новгородской губернии было уже немало таких, которые достигли заметных успехов. На губернском съезде коллективных хозяйств в 1920 году представитель Старорусского уезда докладывал, что есть колхозы, «которые хорошо благоустроены и твердо организованы». О наличии коммун и артелей, доказавших свою жизнеспособность, говорил и делегат от Новгородского уезда⁵⁸.

В сельскохозяйственную артель «Заречье» Новгородского уезда в начале 1920 года входило 168 человек, из них 93 трудоспособных. В коммуну «Петровское» Демянского уезда — 138 человек, в том числе 83 трудоспособных. Эти и некоторые другие коллективные хозяйства имели уже в 1920 году относительно большое количество рабочего и продуктивного скота: площадь посевов у них заметно возросла по сравнению с 1918 и 1919 годами⁵⁹.

В Новгородской губернии еще задолго до образования всероссийского объединения коммун и артелей возникла мысль о необходимости создания в целях взаимопомощи союза коллективных хозяйств. 27 октября 1918 года съезд делегатов сельскохозяйственных трудовых коммун Боровичского уезда рассмотрел вопрос об организации союза коммун уезда. Обсуждение этого вопроса вы-

⁵⁵ Там же, ф. 493, оп. 2, л. 29, лл. 1-4; ф. 482, оп. 6, л. 55, лл. 1-10; л. 860, л. 6.

⁵⁶ Там же, ф. 482, оп. 6, л. 860, л. 6.

⁵⁷ И. А. Конюков, Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия, М., 1949, стр. 61.

⁵⁸ ГАНО, ф. 482, оп. 2, л. 556, л. 4.

⁵⁹ Там же, л. 555, л. 2.

звало большой интерес среди участников съезда. В резолюции было отмечено, что «отсутствие органа, связывающего все коммуны, может неблагоприятно отразиться на дальнейшей деятельности сельскохозяйственных коммун». Съезд постановил: «Организовать Союз коммун Боровичского уезда, каковой явится желаемым органом впредь до организации Центрального Коммунального хозяйства»⁶⁰. В марте 1919 года был создан союз коммун, артелей и товариществ Новгородского уезда⁶¹.

В конце 1919 года и в начале 1920 года были созваны уездные и губернские съезды сельскохозяйственных коммун и артелей, на которых было окончательно оформлено создание союза сельскохозяйственных коллективов. Губернский союз в дальнейшем вошел в качестве члена в состав «Всероссийского союза трудовых производительных сельскохозяйственных коллективов (коммун и артелей)».

Союзы сельскохозяйственных коллективов работали под руководством Народного комиссариата земледелия и местных земельных органов.

В Уставе Старорусского союза так определялись его задачи: «Объединение всех сельскохозяйственных коммун и артелей уезда в единую хозяйственную организацию, которая будет планомерно проводить общий план народного хозяйства... Поднятие производительных сил в хозяйстве коммун и артелей... Укрепление в сознании работников коммун и артелей идей коммунистического хозяйственного строительства и поднятие их общекультурного уровня»⁶².

Члены совета губернского союза коллективов, возглавляемые представителем сельскохозяйственной артели «Остров» М. И. Зориным, обследовали коммуны и артели, помогали им советами и указаниями⁶³.

Создание уездных и губернского союза сельскохозяйственных коллективов, как и приведенные выше данные о количественном росте колхозов, знаменовали укрепление колхозного движения в Новгородской губернии к концу гражданской войны.

* * *

Коммунистическая партия и Советская власть, оказывая всемерную поддержку первым колхозам, не ставили, как уже указывалось, непосредственной задачи перевода в те годы миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства. В. И. Ленин рассматривал первые аграрные законы Советской власти как пробу практического действия в области

⁶⁰ «Вестник областного комиссариата земледелия Союза коммун Северной области», № 4, декабрь 1918 года.

⁶¹ «Звезда», 1 апреля 1919 года.

⁶² ГАНО, ф. 482, оп. 6, д. 619, л. 53.

⁶³ Там же, д. 559, лл. 37—38.

социалистического строительства в земледелии. Колхозное движение тех лет было первым опытом такого строительства.

Естественно, что первые строители коллективных хозяйств не избежали целого ряда ошибок. В трудах В. И. Ленина, в решениях партии неоднократно прямо говорилось об этих ошибках. Ошибки особенно сказались в деятельности коммун, в частности в области организации труда и распределения.

Эти ошибки связаны с той обстановкой, в которой развертывалось строительство первых коллективных хозяйств. Характеризуя политику военного коммунизма и обосновывая необходимость перехода к новой экономической политике, В. И. Ленин писал: «Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы **подготовить** — работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму»⁶⁴.

Все это, однако, не может умалить значение коммун, сельскохозяйственных артелей и товариществ по совместной обработке земли первых лет Советской власти. Значение колхозного движения тех лет было высоко оценено В. И. Лениным. Уже в ноябре 1919 года Ленин, выступая на совещании по партийной работе в деревне, заявил: «Мы медленно и неуклонно доказываем крестьянам преимущества общественного хозяйства»⁶⁵.

На I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей В. И. Ленин выразил уверенность, что каждая коммуна и артель станет «...настоящим рассадником коммунистических идей и представлений среди крестьян, практическим примером, показывающим им, что она, хотя и слабый, маленький еще росток, но все же не искусственный, не парниковый, а настоящий росток нового социалистического строя»⁶⁶.

Ленинское предвидение оправдалось. Хотя колхозное строительство первых лет Советской власти еще не могло разрешить задачи создания крупного обобщественного земледелия, но организованные тогда коллективные хозяйства явились рассадниками идей социалистического переустройства деревни.

Характеризуя первые шаги в области коллективизации, В. И. Ленин указывал, «...что сознание в самых широких массах трудящегося крестьянства проснулось и что стремление к установке общественной обработки земли есть в самом крестьянстве,

⁶⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 35, 36.

⁶⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 127.

⁶⁶ Там же, стр. 182.

в большинстве трудящегося крестьянства»⁶⁷. И тогда же Ленин напоминал: «Конечно, повторяю, к этому величайшему из преобразований мы должны подходить с постепенностью. Немедленно ничего нельзя здесь сделать...»⁶⁸.

В дальнейшем же Коммунистическая партия претворила в жизнь ленинский кооперативный план, который исходил из того, что переход к крупному социалистическому сельскому хозяйству может быть осуществлен только на базе индустриализации, что трудящееся крестьянство может прийти к социализму лишь в союзе с рабочим классом, под его руководством.

Создание и упрочение колхозного строя, крупные успехи в развитии социалистического сельского хозяйства, достигнутые в последние годы, являются торжеством ленинской генеральной линии партии.

---

⁶⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 320.

⁶⁸ Там же.

Т. К. ТРЕНОГОВА

РАБОТА ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ СРЕДИ КРЕСТЬЯН НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 ГОДУ*

Союз рабочего класса с трудящимся крестьянством является решающим условием победы пролетарской революции. В России, где до Октябрьской революции 82 процента населения составляли крестьяне, этот союз имел исключительное значение. Победа социалистической революции в такой стране была бы невозможна, если бы рабочий класс не сумел привлечь на свою сторону грудящееся крестьянство, убедить его в правильности идей большевистской партии, поднять на борьбу с помещиками и капиталистами.

Решающее значение в деле привлечения крестьянства на сторону пролетариата принадлежит партии большевиков и ее вождю В. И. Ленину. Разрабатывая план перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, В. И. Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах и в других работах показал, что основной силой в этот период является пролетариат, который под руководством Коммунистической партии сплачивает вокруг себя беднейшее крестьянство и, нейтрализуя середняка, ведет борьбу с буржуазией в городе и в деревне. Руководствуясь положениями Ленина, разработанными в Апрельских тезисах, VII Апрельская конференция большевиков обсудила важнейшие вопросы: о войне, о Временном правительстве, о Советах рабочих и солдатских депутатов, аграрный вопрос и другие.

* Вопрос о подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции в Новгородской губернии нашел отражение в следующих работах: Е. Г. Гандкина. Из истории революционного движения в Новгородской губернии в период борьбы Коммунистической партии за подготовку социалистической революции (апрель-октябрь 1917 г.) — «Ученые записки» Новгород. пед. ин-та, т. 4, Новгород, 1958 г.; П. Першин. Крестьянские земельные комитеты в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции — «Вопросы истории», М., 1948, № 7; Т. Треногова. Борьба петроградских большевиков за крестьянство в 1917 г. Л. 1916 г., глава 7 — Аграрное движение в Озерном крае осенью 1917 г.

Придавая исключительное значение аграрному вопросу, конференция приняла решение: о конфискации помещичьих земель с последующей национализацией всех земель в государстве и передачей распоряжения землей в руки Советов крестьянских и батрацких депутатов. Эти решения Апрельской конференции и легли в основу деятельности большевиков среди крестьян в первый период революции.

В огромной крестьянской стране, какою тогда была Россия, партии большевиков и руководимому ею рабочему классу пришлось преодолеть немало трудностей, чтобы отвоевать крестьянские массы от буржуазии и соглашательских партий. Особенно жестокую борьбу пришлось вести большевикам с партией эсеров, левая часть которой в первый период революции развернула среди крестьян значительную агитацию. Много сил и энергии вложил в это дело и петроградский рабочий класс. В настоящей статье говорится о деятельности петроградских рабочих среди крестьян Новгородской губернии в период подготовки Октябрьской социалистической революции.

* * *

Новгородская губерния была одной из отстающих в царской России. Земледельческое население здесь составляло 86 процентов, а удобной земли было мало. Большую часть территории занимали леса, болота, озера и естественные луга. Лучшие земли, удобные для земледелия, принадлежали помещикам, монастырям, членам царской семьи и кулакам. Трудовое крестьянство вынуждено было арендовать ее у помещиков и кулаков, или обрабатывать исполу. Насколько бедственно было положение трудящегося крестьянства, видно из следующих цифр. В Новгородской губернии до Октябрьской революции бедняцких хозяйств было 61 процент¹. Из них безлошадных — 22,9 процента, безкоровных — 14,8 процента, беспосевных — 13,5 процента². Эта ужасающая бедность гнала крестьян на поиски работы, главным образом, в Петроград, как наиболее близкий промышленный центр. Большая часть их, вливаясь в ряды петроградского пролетариата, не порывала связи с деревней. Это создавало благоприятную обстановку для влияния рабочих на крестьянство и способствовало проведению революционной работы в деревне.

Февральская буржуазно-демократическая революция пробудила политическую активность и инициативу широких народных масс, всколыхнула всю страну, докатилась до самых глухих ее уголков. Рабочие и крестьяне на своих собраниях начали обсуж-

¹ Статистический справочник по Новгородской губернии. Новгород. 1921 год, стр. 97.

² Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписки 1917 г. Труды ЦСУ, т. V, вып. 1, М., 1921 г., стр. 52.

дать свои нужды, требования, предложения. Крестьянство, веками мечтавшее о земле, немедленно приступило к обсуждению земельного вопроса. Но он волновал не только крестьян. Рабочие Петрограда, как и всей страны, с первых дней революции большое внимание уделяли вопросу о земле. Этот вопрос являлся предметом обсуждения всех рабочих собраний и митингов. Петроградские рабочие единодушно поддерживали большевистский лозунг о конфискации всех помещичьих земель и призывали крестьян приступить к немедленному их захвату. Так, рабочие завода «Старый Парвайнен» в резолюции по текущему моменту 13 апреля выдвинули в качестве одного из основных политических требований: «Немедленный захват помещичьей, удельной, кабинетской и монастырской земель Крестьянским комитетом, передачу орудий производства в руки рабочих»³.

Такие же требования высказали в своих резолюциях от 16 апреля рабочие завода «Русский Рено»⁴ и многих других заводов Петрограда.

Своим депутатам в Совет рабочие давали наказ, разработанный большевистской партией. «Все земли,— говорилось в наказе,— не только царские, удельные, монастырские, но и земли помещиков должны перейти безвозмездно к крестьянам... Земли, равно как и живой и мертвый инвентарь помещичьих имений, надо брать организованно, под контролем Советов крестьянских депутатов и депутатов от сельскохозяйственных рабочих»⁵.

Рабочие требовали от своих депутатов решительно добиваться выполнения этого наказа.

Вместе с вопросом о земле на рабочих собраниях ставился вопрос и об организации крестьянства. Рабочие четырех мастерских Путиловского завода (чугунолитейной, меднолитейной, модельной и инструментальной), обсуждая вопрос о деревне, записали в своей резолюции: «Принимая во внимание многомиллионное крестьянство в революционной России, мы должны отдать все свои силы на его организацию, повести по правильным демократическим и социальным путям»⁶.

Здесь же был поставлен вопрос о посылке в деревню рабочих, чтобы ознакомить крестьян с происходившими в стране событиями. Эти решения рабочих собраний, а их было очень много, говорят о том, что рабочие Питера думали о своем союзнике, стремились ему помочь разобраться в событиях. Уже в марте 1917 года представители петроградских рабочих и солдат направляются в разные губернии России. В Новгородскую губер-

³ «Правда» № 35, от 18 апреля 1917 года.

⁴ «Правда» № 37, от 21 апреля 1917 года.

⁵ «Правда» № 51, от 7 мая 1917 года.

⁶ «Революционное движение в России в мае-июне 1917 г.». Сборник документов. М., 1959, стр. 300.

нию Петроградским комитетом большевиков был направлен Иван А.⁷ Он побывал в трех волостях (Трясовской, Ракомской и Шимской) Новгородского уезда, познакомил крестьян с обстановкой в стране, рассказал о Временном правительстве, о Советах рабочих и солдатских депутатов и о требованиях большевиков по аграрному вопросу и по вопросу о войне.

Проводить разъяснительную работу среди крестьян мешали контрреволюционные элементы деревни. Представитель Петроградского комитета рассказывал в своем отчете: «Наиболее трудным было мое положение по вопросу о войне. Так много лжи успела нагромоздить вся буржуазная печать на наши... головы»⁸. И несмотря на это, он выражает уверенность, что крестьянство пойдет за большевиками, надо только его организовать, чаще посылать в деревню агитаторов и большевистскую литературу.

Под влиянием сообщений делегатов, вернувшихся из деревни, и развивающихся в стране событий у рабочих Петрограда появилось стремление создать специальную организацию для работы среди крестьян. Такой организацией явились землячества. Это были революционно-демократические беспартийные организации, объединяющие рабочих петроградских заводов и фабрик и солдат Петроградского гарнизона, уроженцев одной губернии, одного уезда, одной волости. Многие из них имели связь с деревней и хорошо знали нужды крестьян, условия деревенской жизни и подход к крестьянству.

«Ближайшей целью земляческих организаций,— говорилось в уставе землячеств,— является объединение пролетарских и полупролетарских крестьянских масс для совместного отстаивания ими политических прав и удовлетворения экономических и просветительных нужд деревни»⁹.

Из этого видно, что основной задачей, которую ставили перед собой землячества, было поднятие политического и культурного уровня своих земляков. С этой целью ими распространялись газеты, книги, брошюры, воззвания, листовки. Землячества устраивали в деревне библиотеки, концерты и проводили другую работу.

Первые землячества в Петрограде начали возникать в марте 1917 года, но массовая их организация началась в мае. Точно установить дату, когда организовалось Новгородское землячество в Петрограде, не удалось, но то, что в мае оно уже существовало, говорит тот факт, что в конце мая и в начале июня в Новгород-

⁷ Под таким псевдонимом был помещен в «Правде» отчет представителя Петроградского комитета большевиков, проводившего работу в Новгородской губернии. Подлинную фамилию его установить не удалось.

⁸ «Правда» № 25, от 6 апреля 1917 года.

⁹ «Солдат» № 36, от 27 сентября 1917 г.

скую губернию были отправлены первые представители Новгородского землячества.

Около этого же времени организовалось и Новгородское землячество в Кронштадте. Это землячество объединяло 150—200 человек матросов, солдат и рабочих Кронштадта, уроженцев Новгородской губернии.

При помощи своих представителей землячествам удалось наладить связь почти со всеми уездами Новгородской губернии. Так в конце мая и в начале июня в Новгородскую губернию было направлено 20 агитаторов из Кронштадта. Агитаторы были распределены по следующим уездам: в Новгородский уезд были направлены Иванов и Самуилов, в Старорусский — Павлов, в Крестецкий — Трофимов и Еремеев, в Тихвинский — Кругляков в Валдайский — Анисимов и Миронов, в Череповецкий — Цветков и Беляев, в Демянский — Зехов и Ильин, в Кирилловский — Колошев и Чеканов, в Боровичский — Ильин и Федоров, в Устюжский — Журавлев и Никулин, в Белозерский — Григорьев и Романов¹⁰.

Представители Новгородского землячества проводили в деревне большую работу. Они принимали участие в крестьянских съездах, помогали организовывать революционные крестьянские комитеты, выступали с политическими докладами и вели другую работу. На собрании Новгородского землячества в Кронштадте 18 мая был заслушан доклад тов. Королева о поездке его в город Новгород на губернский крестьянский съезд. Тов. Королев рассказал о том, что как в самом Новгороде, так и в большинстве уездов Новгородской губернии Советы бездействуют, а вся власть сосредоточена в руках комиссаров Временного правительства.

Второй представитель землячества Тужинов, вернувшийся из Белозерского уезда, рассказал о трудностях при организации волостных революционных крестьянских комитетов. Собрание обсудило отчеты и решило немедленно направить по одному агитатору в каждый уезд Новгородской губернии¹¹.

Уезжающих в деревню землячества снабжали соответствующими удостоверениями, небольшим количеством денег на проезд и литературой для бесплатной раздачи крестьянам. Приехав на место, представитель землячества должен был рассказать крестьянам об организации землячества и о тех задачах, которые стояли перед ними. В свою очередь землячества требовали от местных революционных комитетов, чтобы те ставили в известность земляков о своей деятельности и своих нуждах как политических, так и экономических, для поддержки и помощи друг другу.

¹⁰ «Известия Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 57, от 29 мая 1917 г.

¹¹ Там же.

Деятельность своих посланцев землячества тщательно контролировали. Отчеты об их работе ставились на общих собраниях земляков и активно обсуждались. Если выяснялось, что делегируемый с работой не справился, его заменяли другим. Такой случай произошел на собрании Новгородского землячества в Кронштадте. Заслушав отчет своего представителя, вернувшегося из Бечевинской волости Белозерского уезда, собрание решило послать туда другого агитатора, «...вменив ему в обязанность организовать население этой волости»¹².

Среди агитаторов, отправляемых землячествами в деревни, было много большевиков, но были и беспартийные, сочувствующие большевикам. Поэтому, как правило, приезжие из Петрограда и Кронштадта рабочие, матросы и солдаты, выступая на собраниях и митингах, отстаивали большевистские требования о конфискации земли у помещиков, агитировали против империалистической войны и т. д. Это вызывало самое ожесточенное сопротивление со стороны местных властей, духовенства, кулачества.

Характерен, в этом отношении, следующий случай. В Жуковской волостной Совет крестьянских депутатов приехал агитатор-большевик тов. Алексеев. Узнав об этом, губернский исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов предложил местным властям «...за его работой следить»¹³.

Условия для работы агитаторов были трудные. Меньшевики и эсеры, по взвываясь темнотой крестьянской бедноты, распространяли про большевиков самые нелепые слухи и небылицы, запугивали крестьян, натравливали их на рабочих. Агитаторов часто арестовывали, не давали выступать на собраниях и всячески их травили. Особенно преследовались большевики-ленинцы. На станции Малая Вишера Новгородской губернии хотели убить матроса за то, что он ленинец¹⁴.

Второй матрос, большевик В. А. Кульков, находившийся в Новгородской губернии в селе Высоком, рассказал о том, как местный священник неоднократно призывал крестьян к его избитию и распространял про него слухи, что он якобы дезертир. Но когда увидел, что это не помогает, что крестьяне его не слушают, священник написал прошение прокурору окружного суда г. Новгорода, в котором говорилось: «В. А. Кульков занимается грабежами, богохульствует, ведет пропаганду большевизма, что очень вредно отзывается на крестьянах и вызывает кровопролития»¹⁵. Священник просил прокурора принять самые энергичные меры к задержанию и заключению Кулькова в тюрьму. Из Новгорода было выслано 6 человек солдат для ареста матроса.

¹² «Голос Правды» № 57, от 25 мая 1917 г.

¹³ Ленинградский партийный архив (далее — ЛПА). ф. 4000. опись 7. св. 876, д. 731, л. 59.

¹⁴ «Голос Правды» № 90, от 17 июля 1917 г.

¹⁵ Там же, № 113, от 29 ноября 1917 г.

Представитель Петроградского комитета большевиков, проводивший работу в Новгородском уезде, рассказывал об обстановке, в которой приходилось работать. Собрания проходили бурно. Крестьяне задавали много вопросов. Особенно большое сражение пришлось выдержать в Шимске. Буржуазные элементы деревни и «крепкие» крестьяне выступали враждебно против большевиков, «...но искреннему свободному слову нетрудно было разбить всю ложь буржуазии»¹⁶.

Таких примеров было много не только в Новгородской, но и в других губерниях. Но петроградские рабочие, несмотря на лишения и трудности, упорно проводили работу среди крестьян. Пешком пробираясь от деревни к деревне, рабочие-агитаторы выступали по нескольку раз в день, отбивая яростные нападки враждебных элементов. И они сумели донести до широких трудящихся масс крестьянства слова большевистской правды. Они опровергли клевету, распространяемую буржуазией о В. И. Ленине, о большевистской партии и помогли крестьянам разобраться, кто их друзья и кто враги. В результате этой работы крестьяне начали разбираться в политической обстановке, и все чаще бурные крестьянские сходы и митинги заканчивались принятием большевистских резолюций.

По докладу делегата Новгородского землячества г. Кронштадта Ф. Павлова на митинге в Медниковской волости Старорусского уезда была принята резолюция, требующая безвозмездной передачи земли крестьянам, а фабрик и заводов — рабочим и установления народно-демократической республики¹⁷.

Крестьяне Усадьевской волости Тихвинского уезда Новгородской губернии, обсудив вопрос о текущем моменте, единогласно приняли большевистскую резолюцию, которая заканчивалась следующими словами: «Мы шлем проклятие изменникам революции, идущим на кадетско-буржуазном поводе, именуящими себя социалистами, и шлем горячий привет товарищу Ленину, как искреннему борцу за трудовое крестьянство...»¹⁸.

После июльских дней обстановка в стране резко изменилась: кончилось двоевластие, революция вступила в новую фазу. Шестой съезд партии большевиков, поставив вопрос о вооруженном восстании, с еще большей силой подчеркнул ленинское положение о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством. Перед землячествами и другими рабочими организациями встали новые задачи по усилению агитационной работы в деревне. Особенно интенсивно эта работа проводилась в период выборов в Учредительное

¹⁶ «Правда» № 26, от 6 апреля 1917 года.

¹⁷ «Голос правды», № 89, от 2 июня 1917 г.

¹⁸ «Деревенская беднота» № 7, от 19 октября 1917 г.

собрание. К этому времени землячества петроградских рабочих сильно выросли и были представлены уже не только губернским, но и уездными, и волостными землячествами. Новгородское губернское землячество в Петрограде объединяло следующие уездные землячества: Боровичское, Кирилловское, Новгородское, Старорусское, Тихвинское. Эти землячества объединялись в союз. Во главе этого объединенного губернского землячества стояло бюро из 7 человек. Это бюро выбиралось на общем собрании всех землячков губернии и проводило всю организационную работу.

Работой уездных землячеств руководило бюро из трех человек. Установить, какое количество членов землячества объединяло Новгородское губернское и уездное землячества, не удалось. Но по объявлениям, которые они помещали в большевистской печати, видно, что работа велась большая. Собрания проходили два раза в месяц, собирались по воскресеньям, преимущественно в рабочих районах города. Кирилловское землячество проводило свои собрания на Выборгской стороне в столовой завода Розенкранц, Боровичское — на Гаванской улице Васильевского Острова в доме № 28, Старорусское — в помещении Женского медицинского института на Петроградской стороне. В этом же помещении проводились собрания и Новгородского губернского землячества¹⁹.

О том, что Новгородское землячество проводило большую работу, говорит и тот факт, что при создании Объединенного совета землячеств в августе 1917 года, объединившем 12 губернских, туда вошло и Новгородское землячество, как наиболее влиятельное и многочисленное²⁰.

Находясь под непосредственным влиянием большевиков, землячества провели огромную работу среди крестьян. Но деятельность петроградских рабочих этим не ограничилась. Работу среди крестьян проводили и другие рабочие организации, профсоюзы и фабрично-заводские комитеты. Осенью в связи с выборами в Учредительное собрание рабочими и солдатскими организациями Петрограда были посланы тысячи агитаторов в деревню.

Петроградские заводы не только выделяли людей, но оказали и большую материальную помощь. Один Выборгский район на литературу для бесплатной раздачи крестьянам и солдатам выделил 4.232 рубля. Рабочие Трубочного завода отчислили от своего заработка на приобретение и раздачу большевистских газет 7.500 рублей²¹.

---

¹⁹ «Солдат» № 31, от 21 сентября, № 32, от 22 сентября, № 52, от 16 октября 1917 г.

²⁰ «Солдат» № 27, от 17 сентября 1917 г.

²¹ Гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (далее ГАОРСС ЛО), ф. 119, св. 26, л. 29, л. 238.

В октябре началась массовая отправка агитаторов в деревню с петроградских заводов и фабрик. Общее собрание рабочих Соединенных кабельных заводов, после доклада представителя Василеостровского районного комитета большевиков Веры Слуцкой о текущем моменте, выделило 8 человек для агитации в деревне. Из них 2 человека было послано в Новгородскую губернию. Чтобы обеспечить их деньгами, было решено отработать в воскресенье полдня всем заводом²².

Трубочный завод отправил в деревню 18 человек, из них 1 был направлен в Новгородскую губернию. Отправляя своих агитаторов, рабочие выработывали для них свои указы, которыми они должны были руководствоваться при проведении работы среди крестьян. Рабочие Соединенных кабельных заводов снабдили своих агитаторов наказом, в котором предлагалось проводить на собраниях основные требования большевистской партии: немедленный переход власти в руки Советов рабоч. кр. и солд. деп., передача земли в руки земельных комитетов; провозглашение справедливых условий мирных переговоров всем воюющим народам²³.

О том, какую большую и плодотворную работу проделали эти агитаторы, видно из их отчетов. Большевик-рабочий Соединенных кабельных заводов, проводивший работу в Новгородской губернии, писал, что он объехал 11 волостей Валдайского и Старорусского уездов. Провел десятки собраний и митингов, на которых выступал с докладами о текущих событиях, разъяснял положение о выборах в Учредительное собрание, призывал голосовать за список № 6 (большевиков)²⁴. Эти рабочие-агитаторы завоевали авторитет и уважение среди крестьян. Немало сердечных слов и искренних благодарностей получили рабочие организации Петрограда из деревни о деятельности своих посланцев.

Своей самоотверженной работой под руководством Коммунистической партии питерские рабочие помогли трудовому крестьянству и солдатам убедиться в том, что при власти буржуазии, поддерживаемой меньшевиками и эсерами, крестьянам не получить земли, не закончить империалистической войны, не получить народам свободы. Убедившись в этом, трудовое крестьянство Новгородской губернии начало активно выступать против политики Временного правительства.

В Новгородской губернии так же, как и других губерниях Озерного края²⁵, выступления крестьян начались с порубок поме-

²² ГАОРСС ЛО, ф. 4600, св. 1, д. 10, л. 8.

²³ Там же, лл. 72—82.

²⁴ Там же, л. 85.

²⁵ Озерной край — географическое понятие. Сюда входили губернии: Петроградская, Новгородская, Псковская и Олонецкая.

щицкого и казенного леса. Уже в марте на имя комиссара Временного правительства Новгородской губернии Булатова начали поступать жалобы помещиков. Владелец имения «Дехово» сообщил, что крестьяне Селогорской волости «...услыхав о свободе... начали рубить лес и лесные материалы»²⁶. Такие же сведения поступали из Подберезской волости от доверенного наследников селения «Мясной Бор» и других волостей и уездов Новгородской губернии.

Характерно, что уже в этих первых сведениях о выступлении крестьян против помещиков в Новгородской губернии сообщается об агитаторах. Стремясь помочь помещикам, комиссар обратился в Комитет общественного спокойствия, куда и сообщает о рубке крестьянами помещицкого леса и о том, что «...в волостях появились агитаторы, которые призывают кончить войну»²⁷. Из Боровичского уезда Минецкой волости владелец имения Васильчиково сообщал, что «...ведется агитация среди крестьян о насильственном захвате земли»²⁸. Комиссар просит принять срочные меры и обратиться за помощью к командиру 175 пехотного полка.

Но в первые месяцы революции аграрное движение в Новгородской губернии не носило еще массового характера и быстро ликвидировалось. Однако уже в апреле аграрным движением были охвачены следующие уезды: Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский, Новгородский. Движение принимало разнообразные формы. В Белозерском уезде крестьяне, работавшие на сплаве дров, потребовали повышения заработной платы до 10 рублей в день и введения восьмичасового рабочего дня²⁹. Очень сильное движение сплавщиков было в Демянском уезде. Ряд лесопромышленников обратился в военно-гражданский общественный комитет с просьбой прислать воинские части для нормального проведения сплава.

В связи с наступлением весенних полевых работ и сенокоса, движение принимает иной характер. Крестьяне начинают действовать организованнее. Выносятся решения о снижении арендной платы, об отобрании покосов и пахотной земли. Волостная управа Апраксинской волости Новгородского уезда 23 апреля вынесла решение «...запретить крестьянам работать на помещиков исполу»³⁰. Общее собрание крестьян Черновской волости этого же уезда приняло решение о безвозмездном отчуждении земли от местных помещиков. Высоковский волостной земельный комитет Новгородского уезда взял на учет все сенокосы, которые сдавались в аренду крестьянам Антониевским и Званско-Знаменским монастырями, а также священником села Городок и бывшей лесной стра-

²⁶ ЛПА. ф. 4000. оп. 7. св. 876, д. 731, л. 2.

²⁷ Там же, л. 5.

²⁸ Там же, л. 5.

²⁹ Там же, л. 8.

³⁰ Там же, л. 22.

жей удельных лесов. Всего было взято на учет 186 десятин покосов, которые и были распределены между крестьянами³¹.

Временное правительство, стремясь прекратить эти действия крестьян, посылает на места строжайшие приказы о прекращении «беспорядков», об установлении «законности». Уже 13 апреля министр — председатель Г. Е. Львов обратился к губернским комиссарам с требованием твердо отстаивать недопустимость самовольных решений аграрного вопроса крестьянами. Квалифицируя справедливую борьбу крестьян с помещиками как «насилие» и «грабеж», Львов требует «...всей силой закона прекратить проявление всякого насилия и грабежа»³².

Но буржуазия и помещики прекрасно понимали, что крестьянство не остановить этими циркулярами и постановлениями, и искали новые меры. В качестве одной из таких мер, которая заставила бы крестьян подождать разрешения земельного вопроса, было обещание созвать Учредительное собрание, которое должно было решать аграрный вопрос, а созыв его ставился в зависимость от победоносного исхода войны.

Изооряясь в обмане крестьян и стремясь показать, что оно практически занимается земельным вопросом, Временное правительство 21 апреля приняло решение о создании земельных комитетов. Главный земельный комитет был более чем наполовину подобран из крупных помещиков и возглавлялся кадетско-эсеровскими чиновниками. В. И. Ленин, разоблачая закон о земельных комитетах, назвал его мошенническим помещичьим законом³³. В Новгородской губернии земельный комитет был организован 22 мая, уездные: Белозерский и Валдайский — 25 мая, Кирилловский — 9 июня, Боровичский — 10 июня, Крестецкий — 23 июня³⁴. Положение о составе земельных комитетов было разработано так, что главную роль в них играли лица, назначенные органами Временного правительства, избранные же народом представители решающего значения не имели. Однако благодаря инициативе и активности масс, некоторые уездные, а в особенности волостные и сельские земельные комитеты возникали самостоятельно и действовали революционно. Такие явления наблюдались и в Новгородской губернии.

На заседании Новгородского губернского земельного комитета 12 июля выяснилось, что «волостные комитеты в громадном большинстве уездов Новгородской губернии организовывались не в порядке, установленном уездными земельными комитетами, как то требует постановление Временного правительства об учреждении земельных комитетов, а еще до образования уездных земель-

³¹ Там же, л. 24.

³² «Революционное движение в России в апреле 1917 года». Сборник документов. М. 1958 год, стр. 316.

³³ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 199.

³⁴ «Красная летопись», 1928 г., № 2 (26), стр. 128.

ных комитетов и притом далеко не единообразным способом. Так, в некоторых уездах земельные комитеты избирались волостными земскими собраниями, организованными не по закону о волостных земствах., в некоторых уездах — на собраниях всех жителей волости»³⁵.

В донесении Новгородского губернского земельного комитета министру внутренних дел говорилось, что «Старорусский земельный комитет имел непредусмотренный законом состав и... состоит при местном Совете, который до последнего времени находился под влиянием большевистского течения»³⁶. Старорусский и Боровичский уездные земельные комитеты издали инструкции, «...подсказывающие населению законность захватов»³⁷.

Низовые земельные комитеты, находясь в самой гуще классовой борьбы, объединяли вокруг себя бедноту, сплачивали ее на борьбу с эксплуататорами, превращались не только в пособников аграрного движения, но и возглавляли его.

Крестьянские земельные комитеты устанавливали арендную плату за землю, цены на рабочие руки, на лес и дрова, описывали и брали на учет помещичий инвентарь, семена, хлеб и другое имущество, запрещали помещикам рубить, вывозить и продавать купцам лес, снимали ненавистных крестьянству управляющих, предлагали крестьянам вносить арендную плату не помещикам, а волостному комитету, выносили решения об отобрании земли у помещиков.

На первом своем заседании 9 июня Кирилловский уездный земельный комитет вынес решение об увольнении всех управляющих удельных имений и о замене их новыми лицами, рекомендуемыми самим населением из специалистов по лесному делу³⁸. В Заручьевской волости Крестецкого уезда по постановлению волостного земельного комитета крестьяне поделили все пахотные земли и сенокосы в имении «Ровнушки»³⁹.

Такие постановления принимались очень многими волостными земельными комитетами Новгородской губернии. Получилось так, что низовые земельные комитеты, вопреки замыслам Временного правительства превратить их в органы защиты помещичьей собственности, превратились в органы борьбы крестьян против помещиков. Но борьба шла не только с помещиками, летом и осенью земельные комитеты начали выносить решения, направленные против хуторян и отрубников, а также сельских торговцев и предпринимателей. В Новгородской губернии ряд сельских земельных комитетов вынес решения о производстве ревизии в частных торговых предприятиях и обязали торговцев продавать свои товары с

³⁵ «Красная летопись», № 2 (26), 1928 г., стр. 128.

³⁶ «Крестьянское движение в 1917 году». Госиздат. 1927. стр. 93

³⁷ Там же.

³⁸ ЛПА. ф. 4000, оп. 7, св. 876, д. 731, л. 28.

³⁹ Там же.

надбавкой не больше десяти процентов⁴⁰. В Министерство внутренних дел начали поступать массовые жалобы помещиков и капиталистов на «неправильные» действия крестьянских комитетов, которые де своими действиями нарушают нормальную жизнь.

Такая деятельность низовых крестьянских комитетов говорит о том, что городской пролетариат оказывал все большее влияние на крестьянство. Временное правительство, встревоженное таким положением, становится на путь репрессий. В середине августа в деревнях Новгородской губернии появились вооруженные отряды, которые отбирали у крестьян помещичье имущество, производили аресты членов земельных комитетов. В Соснинско-Пристанской волости Новгородского уезда действовал отряд под командой офицера гвардейского кавалерийского запасного полка. В донесении Министерству внутренних дел из Новгородской губернии сообщалось, что опыт отправки кавалеристов для прекращения захватов со стороны крестьян дал «блестящие» результаты.

Но и эти меры не принесли желаемых результатов. Карательные экспедиции очень скоро не стали достигать своей цели, так как солдаты, распропагандированные рабочими, переходили на сторону крестьян. Осенью аграрное движение началось с новой силой. В Новгородской губернии в связи с плохим урожаем начались массовые захваты помещичьего хлеба. Крестьяне Щегринской волости Боровичского уезда поделили между собой хлеб и пахотные земли в имении «Юрьево», в Тимошинской волости Белозерского уезда крестьяне захватили хлеб у помещика Громова, такие же сведения поступали из других волостей⁴¹. Призывы большевиков немедленно отбирать землю у помещиков находят все более широкую поддержку у крестьян. К октябрю крестьянское движение настолько разрослось и приняло такие формы, что местные власти были вынуждены признать полное свое бессилие. Из волостей и уездов в Министерство внутренних дел начали поступать сведения о неподчинении крестьян Временному правительству, о невозможности приостановить разраставшееся аграрное движение. Из Белозерского уезда Новгородской губернии в сообщении о массовых аграрных «правонарушениях» крестьян подчеркивалось, что «...волостные земства и милиция бессильны. Земельные комитеты бездействуют и не ведут никакой борьбы с захватчиками»⁴².

Такое же явление имело место в Кирилловском уезде. Уездный комиссар сообщал о том, что идет массовая порубка леса. Местная власть бессильна. Крестьяне начали отказываться платить подати и налоги и выполнять другие повинности.

Под влиянием агитации рабочих и солдат и развивавшихся в стране событий беднота и середняки начали осуществлять свою

⁴⁰ Там же, л. 34.

⁴¹ Крестьянское движение в 1917 году, стр. 249.

⁴² ЛПА, ф. 4000, оп. 7, св. 876, д. 731, л. 37.

вековую мечту о земле. Характерным в этом отношении является решение одного крестьянского собрания «Делить землю помещиков и крупных кулаков, не дожидаясь разрешения Временного правительства, потому что у власти хотя и не царь, а министры, но никакого толка нет безземельным»⁴³.

Революционная борьба крестьян Новгородской губернии за землю, так же, как и крестьян всей страны, слилась с борьбой рабочих и солдат Петрограда за власть. 25 октября 1917 года пролетариат под руководством Коммунистической партии в союзе с деревенской беднотой, поддержанный большинством крестьянства, совершил Великую социалистическую революцию. Немалую роль в этом сыграл рабочий класс Петрограда, который своей самоотверженной революционной работой обеспечивал переход крестьянства на сторону пролетариата.

---

⁴³ 1917 год в деревне. Госполитиздат, 1929 г., стр. 247.

Н. В. ТКАЧЕНКО

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905—1914 ГОДАХ

В конце XIX—начале XX века Россия вступила в эпоху империализма. Новая историческая обстановка характеризовалась небывалым обострением всех противоречий капитализма. Развивающийся монополистический капитализм в России тесно переплетался с остатками крепостничества во всех областях хозяйственной и общественной жизни, которые тормозили дальнейшее развитие страны.

Сочетание помещичьего, капиталистического и национального гнета с полицейским деспотизмом царского самодержавия делало невыносимым положение народных масс. В России быстро назревал революционный кризис. «Коренные потребности общественного развития страны, самые насущные интересы народов России настоятельно требовали слома существующего строя и прежде всего — уничтожения помещичьего землевладения и свержения царской монархии. Разрешить эти исторические задачи можно было только путем буржуазно-демократической, народной революции»¹.

Вождем революции стал русский рабочий класс, который к началу XX века приобрел значительный опыт классовой борьбы, создал свою марксистскую партию и выступил как самая передовая и организованная сила в стране. Крестьянство было одной из движущих сил в революции, ближайшим союзником пролетариата, т. е. оно могло получить помещичью землю, освободиться от эксплуатации и гнета диктатуры помещиков-крепостников в лице царского самодержавия с его полицейским произволом и беззаконием только в совместной борьбе и под руководством рабочего класса. В революционных боях 1905—1907 годов закладывались основы союза рабочего класса с трудящимся крестьянством.

---

¹ Пятьдесят лет первой русской революции. Тезисы, 1955 г., стр. 6.

Вождем и организатором героической борьбы революционно-го народа в России выступила большевистская партия, руководимая В. И. Лениным.

Рабочие и крестьяне Новгородской губернии, как и всей России, испытывали всю тяжесть эксплуатации помещиков и капиталистов, страдали от политического беспорядка и полицейского произвола.

Новгородская губерния была сельскохозяйственной. К началу XX века крестьяне здесь составляли подавляющее большинство населения — 1.313.687 чел., или 86 процентов². В некоторых уездах крестьянское население составляло свыше 90 процентов (Устюжнский уезд)³.

Огромные земельные богатства губернии принадлежали помещикам, купцам, кулакам, монастырям, казне. К 1905 году 2.230 помещичьих хозяйств имели 1.428.064 десятины лучшей земли, или 29 процентов всей частной земельной собственности⁴. Среди помещиков были такие высокопоставленные чины царской России, как И. Л. Горемыкин (в 1895—99 гг. — министр внутренних дел, в 1906, 1914—16 гг. — председатель Совета министров), М. В. Родзянко (один из лидеров партии октябристов, председатель 3-й и 4-й Государственной думы), Н. Н. Коковцев, князь Б. А. Васильчиков, князь Голицыны, граф И. К. Бенигсен и др.

В среднем на одно помещичье хозяйство приходилось по 640 десятин. Но значительная часть помещиков владела двумя и более тысячами десятин земли. Так, в Новгородском уезде помещица А. Д. Багратион-Мухранская имела более 11 тыс. дес. (в Чудовской волости — усадьба Холопья Полисть, в Апраксинской и Любанской волостях). Один из Голицыных имел около 9 тыс. дес. земли в Марьинской волости (с Марьино). Князь Васильчиков владел более 11 тыс. дес. в Старорусском уезде (в Доворецкой волости — село Выбиты, в Ратицкой и Любынской волостях) и в Шимской волости Новгородского уезда (усадьба Бор). Помещица Святополк-Мирская имела около 21 тыс. дес. земли в Тихвинском и Боровичском уездах, Коковцев — 9.700 дес. в Левочской (усадьба Горны) и Васильевской волостях Боровичского уезда, Родзянко — около 5 тыс. дес. в Крестецком уезде (усадьба Топорок) и т. д.⁵.

² Памятная книжка Новгородской губернии на 1905 г., ч. III, стр. 17.

³ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXV. Новгородская губерния. СПб. 1903 г., стр. 376, 472.

⁴ В 1907 г. в состав Новгородской губернии входили 11 уездов: Новгородский, Старорусский, Демянский, Крестецкий, Валдайский, Боровичский, Тихвинский, Устюжский, Череповецкий, Кирилловский, Белозерский.

⁵ Статистика землевладения 1905 г. Вып. XXXVIII. Новгородская губ. СПб. 1906 г., стр. 10—11.

⁶ ГАНО, ф. 98, оп. 3, л. 1802, лл. 238—250; л. 1804, лл. 371—372; л. 1811, лл. 73—78; л. 1820, лл. 37—40; 276—298; л. 1844, лл. 33—35, 272—273, 353—372.

Около 39 тыс. кулацких хозяйств имели в собственности 1.147.484 дес. земли⁶. Крупными землевладельцами были новгородские монастыри. В начале XX века их насчитывалось в губернии — 43. Всего церквям и монастырям принадлежало свыше 50 тыс. дес. земли, в том числе Валдайский Иверский монастырь имел земли 3.779 дес., Кирилло-Белозерский — 1.280 дес., Новгородский Савво-Вишерский — 820 дес., Новгородский Перекомский — 947 дес. и т. д.⁷ Особенно хорошие земельные угодья (пашни, заливные луга) имели Юрьевский, Хутынский, Антониевский, Старорусский Спасо-Преображенский, Клопский, Деревяницкий и Званский монастыри.

В то же время 214.183 крестьянских хозяйства имели наделенной земли 2.886.931 дес., или 28,3 процента общего количества земли в губернии⁸.

Подавляющая часть новгородского крестьянства была нищей, малоземельной, задавленной полукрепостнической эксплуатацией. На каждые 100 дворов только 83 имели наделы, 17 хозяйств были безземельными. Иначе говоря, одна шестая часть крестьян была в действительности сельским пролетариатом, не имеющим другого источника существования, кроме собственных рук.

Свыше 13 процентов крестьянских хозяйств были безлошадными. В некоторых уездах, например, в Тихвинском процент безлошадных был еще больше. Там не имели лошадей 20,7 процента дворов⁹.

Большую часть крестьянских земель составляли песок, болота, кустарники, нарезанные полосками, нередко всего в одну сажень шириной. Все лучшие покосы, выгоны для скота были отрезаны помещиками в период проведения реформы 1861 года.

Недостаток земли вынуждал крестьян на кабальных условиях арендовать землю у помещиков и кулаков. По сведениям Новгородского губстатбюро до 37 процентов крестьянских хозяйств арендовали землю у помещиков и сельской буржуазии¹⁰. В некоторых волостях, например, в Дубровской Устюжнского уезда процент хозяйств, вынужденных прибегать к аренде земли, достигал 87 процентов¹¹. Условия аренды были самые разнообразные: за отработки, за доли урожая и за деньги. Например, в север-

⁶ Статистика землевладения. 1905 г. Вып. 38. Новгородская губ. СПб. 1906, стр. 10—11.

⁷ ГАНО, ф. 98, оп. 3, д. 1905, л. 548; д. 1835, л. 31; ф. 380, оп. 1, л. 1965.

⁸ Статистика землевладения, стр. 10.

⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности т. XXV. Новгородская губ. СПб, 1903 г., стр. 339.

¹⁰ «Тяжесть налогов довоенного и настоящего времени для крестьянского населения Новгородской губернии». Губстатбюро. Новгород. 1923 г., стр. 23—29.

¹¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности т. XXV. Новгородская губ. СПб, 1903 г., стр. 493.

ных уездах крестьяне платили за аренду каждый третий сноп урожая. И все же большей половине крестьян хлеба не хватало и на полгода. Чтобы не умереть с голоду, новгородские крестьяне ежегодно покупали до 13 млн. пудов хлеба и 15 млн. пудов сена. Причем, в некоторых уездах (Устюжский) крестьяне были вынуждены покупать от половины до двух третей всего потребного количества хлеба¹².

Крестьянин жестоко эксплуатировался торговым и ростовщическим капиталом. Для уплаты податей и налогов крестьянину-бедняку часто приходилось продавать урожай осенью, когда хлеб стоил дешево, а затем зимой и весной покупать хлеб у торговцев или одалживать у помещиков и местных богатеев за отработки.

К грабежу крестьян помещиками и сельской буржуазией присоединился грабеж крестьян со стороны царского правительства. Государство взыскивало с крестьян тот громадный выкуп за землю, который был возложен на них при проведении реформы 1861 года. Причем, выкупная цена земли была гораздо выше действительной ее цены. Уплата выкупных платежей была разложена на 49,5 лет при 5 процентах годовых. В итоге к 1905 году крестьяне платили за землю почти вдвое больше ее первоначальной стоимости.

На крестьянах лежало и много других платежей. С них взимали земские и мирские сборы, они выполняли различные натуральные повинности (дорожная, ямская и др.). Только за один 1905 год новгородские крестьяне должны были выплатить 2.095.273 руб. выкупных платежей и 3.131.996 руб. земского сбора¹³. Немало крестьянских денег переходило в царскую казну через косвенные налоги и винную монополию.

Плохое питание, тяжелые санитарно-гигиенические условия жизни приводили к большой заболеваемости и смертности среди крестьян. Один из землевладельцев Новгородского уезда писал в 1903 году: «...Народ наш живет в обстановке убийственной... Нынешние крестьянские избы в большинстве случаев представляют собою грязные и сырые помещения, в которых из углов и с полов дует, т. к. срублены плохо, поставлены без фундаментов, без двойных рам и дверей, без теплых сеней, отчего зимою на полах нередко стоит ледяная стужа... Печи сбиты из глины и плохо греют. Зимой в избах стоят кадки с водой, тут же греют воду для скота, нередко держат и телят...»¹⁴.

Скученность крестьянских дворов приводила часто к массовому, иногда целыми деревнями, уничтожению их от пожаров. С 1866 по 1900 год в губернии пострадало от пожаров 80.000 крестьян-

¹² Там же, стр. 59, 497.

¹³ Обзор Новгородской губернии за 1905 г. ЦГИАЛ, ф. 1236, оп. 4, д. 49, л. 371.

¹⁴ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXV, Новгородская губ., СПб., 1903 г., стр. 84—85.

ских дворов, т. е. за 34 года погорела $\frac{1}{3}$ часть крестьян губернии¹⁵.

Голод и нищета гнали новгородских крестьян на отхожие промыслы. В первом пятилетии XX века в поисках заработка ежегодно от 160 до 200 тысяч крестьян забрасывали хозяйство в деревне и нанимались на фабрики и заводы губернии и Петербурга, на заготовки леса в казенных лесных дачах¹⁶.

В Новгородской губернии, так же как и всюду в России, шел «один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищеского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой...»¹⁷.

Вспыхнувшая в 1904 году война с Японией принесла новые бедствия трудовому народу. Война расшатала хозяйство страны, дезорганизовала транспорт, истощила казну. В результате войны в стране росла дороговизна, снижалась заработная плата рабочих. В деревне военная мобилизация лишала крестьянские семьи работников, вызывала ропот и недовольство крестьян. В Новгородской губернии к июлю 1904 года было призвано в действующую армию 21.172 чел.¹⁸. Война обострила классовые противоречия, усилила ненависть народа к царскому самодержавию. В стране назрел глубокий революционный кризис.

Расстрел рабочих Петербурга 9 января 1905 года послужил началом первой русской революции. Революционное движение в Новгородской губернии развивалось под непосредственным влиянием рабочего движения в Петербурге. Тесные связи с Петербургом существовали здесь с первых шагов революционного движения в России.

Новгородская губерния долгие годы была местом ссылки участников революционного движения. В 90-х годах здесь жили высланные под надзор полиции члены «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», участники революционных рабочих кружков Петербурга, студенты высших учебных заведений, высланные из столицы за участие в революционном движении.

В то же время десятки тысяч новгородских рабочих и крестьян работали на фабриках и заводах Петербурга, вместе с петербургским пролетариатом участвовали в стачках и забастовках 90-х и начала 900-х годов, посещали рабочие кружки, многие из них были участниками событий 9 января 1905 года. По сообщению «Ведомостей Санкт-Петербургского градоначальства» в числе убитых и

---

¹⁵ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. XXV. Новгородская губ. СПб 1903 г., стр. 252.

¹⁶ Обзор Новгородской губернии за 1905 г., ЦГИАЛ. ф. 1236. оп. 4. т. 49. л. 3716.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 396.

¹⁸ Обзор Новгородской губернии за 1904 г., стр. 53—54.

умерших от ран после расстрела 9 января было десять человек новгородских рабочих и крестьян¹⁹.

В письмах на родину новгородцы сообщали своим землякам о событиях в Петербурге. При поездках в родные места они привозили с собой нелегальную литературу. Революционные идеи, социал-демократическая литература проникали в самые глухие углы губернии и находили там живейший отклик крестьян.

И вот несмотря на то, что к началу революции 1905—1907 годов в губернии не было оформленных социал-демократических организаций, они возникли лишь в ходе революции (напр. в Новгороде — осенью 1905 г.) уже с первых дней революции рабочие и крестьяне губернии вступили в активную борьбу против самодержавия.

В январе-марте 1905 года на крупных предприятиях губернии прошла волна забастовок, в них приняли участие свыше 2,5 тысячи рабочих. Всего в 1905 году в стачках и забастовках участвовало свыше 4-х тысяч рабочих новгородских фабрик и заводов²⁰.

Вслед за рабочим классом на борьбу против самодержавия и помещиков поднялось крестьянство России. С весны 1905 года по всей стране начались аграрные волнения, охватившие 85 уездов Европейской России. Борьба крестьян против помещиков выражалась в порубках лесов, запашке помещичьих земель, разгроме усадеб помещиков, она носила преимущественно стихийный, неорганизованный характер.

Задача революционных социал-демократов состояла в том, чтобы внести сознательность и организованность в крестьянское движение и направить его по правильному руслу.

III съезд РСДРП в резолюции «Об отношении к крестьянскому движению» отметил, что крестьянское движение, являясь стихийным и политически бессознательным, неизбежно обращается против существующего строя и против всех остатков крепостничества вообще. Съезд указал, что в задачи социал-демократии входит поддержка всякого революционного движения, направленного против существующего общественного и политического строя. что в силу этого социал-демократия должна стремиться очистить революционно-демократическое содержание крестьянского движения от всяких реакционных примесей, развивая революционное самосознание крестьян и доводя до конца их демократические требования.

В качестве практических мероприятий съезд поручил всем партийным организациям пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия поддерживает все революционные мероприятия крестьянства — вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель. Съезд

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 647, л. 8.

²⁰ Вардзар. Статистика стачек в 1905 г. Приложение, табл. IX, стр. 103.

выдвинул, как практический лозунг агитации среди крестьян, как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение, организацию крестьянских революционных комитетов. Съезд наметил как наиболее целесообразные формы крестьянского движения политические демонстрации, коллективный отказ от платежей налогов, от исполнения воинской повинности, отказ от исполнения постановлений и приказаний начальства. В то же время, исходя из задачи перерастания революции демократической в революцию социалистическую, съезд выдвинул задачу самостоятельной организации сельского пролетариата и слияния его с городским пролетариатом под знаменем социал-демократической партии²¹.

Аграрная программа большевистской партии, разработанная В. И. Лениным, основанная на учете потребностей исторического развития России, отражала коренные интересы крестьянства.

Выполняя решения III съезда РСДРП, партия поддерживала все революционные требования крестьянства, боролась за создание и укрепление боевого союза рабочего класса и крестьянства, рассматривая его как решающую силу, способную свергнуть самодержавие и уничтожить остатки крепостничества. довести до конца буржуазно-демократическую революцию и расчистить путь к социалистической революции.

Вместе с тем, большевики вели решительную борьбу с буржуазными партиями, из которой главной была партия кадетов. Опасность аграрной программы этой контрреволюционной партии либеральной буржуазии состояла в том, что она была рассчитана на примирение крестьян с помещиками. Кадеты всеми силами старались сохранить помещичье землевладение. Чтобы предотвратить захват крестьянами всей земли, они обещали им увеличить земельные наделы за счет удельных, кабинетских, монастырских и государственных земель. «В своей аграрной программе,— указывал В. И. Ленин,— кадеты, как и всегда, ужом выются между помещиками и крестьянами, между старой властью и народной свободой»²².

Своей предательской контрреволюционной политикой либеральная буржуазия стремилась удержать крестьянство от участия в революции и повести его за собой. Новгородские кадеты в резолюции губернского земского собрания прямо писали, что они всей душой желают мирной эволюции политической и экономической жизни России, желают сделать все для того, чтобы «вывести отечество на путь спокойного государственного развития»²³. Представители партии кадетов в губернии, разъезжая по уездам, в так называемых «собеседованиях» с крестьянами убеждали их

²¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК». 1953 г., ч. I, стр. 80—81.

²² В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 384.

²³ ГАНУ, ф. 716, оп. 1, д. 53, л. 24.

прекратить захваты помещичьих земель, подождать 2—3 года, пока правительство разрешит аграрный вопрос, и малоземельные крестьяне будут наделены землей из государственного фонда²⁴.

Поэтому борьба между революционным пролетариатом и либеральной буржуазией за крестьянство была главным направлением, определяющим судьбы первой русской революции.

Большой вред наносили революционному движению крестьянства также мелкобуржуазные взгляды народнических партий (народные социалисты, трудовая группа, эсеры), которые отражали интересы мелкой буржуазии и были тогда партиями демократическими, поскольку они вели борьбу с крепостническим помещичьим землевладением. Однако их демократизм был буржуазным, непоследовательным. Все они были сторонниками буржуазного режима.

Аграрная реформа эсеров предусматривала решение земельного вопроса путем социализации земли, т. е. распределения земли между трудящимися по трудовой или потребительской норме. Но уничтожение частной собственности на землю и уравнительное землепользование при сохранении буржуазного режима, частной собственности на средства производства и мелкотоварного хозяйства не могли удовлетворить разорявшееся крестьянство. Большинство крестьян не имело ни скота, ни инвентаря, что лишало их возможности вести хозяйство и при наличии земли. Таким образом, называя себя выразителями интересов крестьянства в целом, эсеры в действительности отражали классовые интересы зажиточно-кулацкой верхушки деревни.

Партия эсеров широко пропагандировала свои ошибочные и вредные взгляды в деревне. В 1905 году в центре и на местах издавалось большое количество эсеровской литературы для крестьян. В Новгородской губернии организации эсеров были созданы в Боровичском и Устюжском уездах, в городе Новгороде, а их литература получила довольно широкое распространение. Считая главной формой борьбы крестьянства аграрный террор, эсеры плелись в хвосте крестьянского движения, вносили дезорганизацию в революционное движение крестьянства.

Большевистская партия решительно разоблачала псевдосоциалистический характер аграрной программы эсеров и вред эсеровской тактики. Руководствуясь решениями III съезда РСДРП, Новгородская группа РСДРП, агитаторы, большевики, направляемые партией в деревню, проводили большую работу среди крестьян, разъясняли им решения III съезда, стремились привлечь массы крестьянства на сторону пролетариата, ввести стихийное крестьянское движение в русло сознательности и организованности.

---

²⁴ ЦГИАМ, ф. департамента полиции (далее — ДП.), оп. 236(П), 1906, д. 715, л. 112.

Революционное движение крестьянства Новгородской губернии в 1905 году началось в марте-апреле в Боровичском, Крестецком и Демянском уездах и достигло наивысшего подъема в октябре-декабре, охватив к этому времени все одиннадцать уездов. Наиболее массовыми и организованными в этот период были выступления крестьян северных уездов (Белозерского, Кирилловского, Череповецкого)²⁵. Крестьяне рубили помещичьи, удельные и казенные леса, отказывались платить выкупные платежи, налоги и сборы, захватывали помещичьи и монастырские земли.

Повсеместная, массовая рубка казенных и помещичьих лесов являлась одной из наиболее распространенных форм крестьянского движения в губернии. Дело в том, что при так называемом «освобождении» крестьяне губернии из 6 млн. десятин леса получили только 1 млн. дес. Нужда в лесе не только для построек, но даже для отопления была настолько велика, что, как говорил во II Государственной думе депутат от крестьян Новгородской губернии Измайлов, «они не только десятки лет сжигают в печах свои огорожи вокруг хат», но «отпиливают углы у собственных изб», «из больших старинных изб делают маленькие для того только, чтобы при перестройке как-нибудь сэкономить охапку дров для топлива»²⁶.

Массовая рубка казенных и частных лесов началась в октябре 1905 года в Барановской, Мегринской и Марковской волостях Белозерского уезда. Выступления крестьян здесь были настолько серьезны, что новгородский вице-губернатор просил штаб Петербургского военного округа выслать для подавления крестьянских выступлений сотню казаков или роту солдат²⁷. В половине ноября Белозерский и Череповецкий уезды сплошь были охвачены крестьянским движением, и оно приняло «характер прямо угрожающий», как писали местные власти. Крестьяне целыми деревнями и обществами составляли приговоры сходов и на их основании открыто рубили частные и казенные леса, угрожали разгромом имений помещиков, отказывались платить налоги²⁸.

В некоторых волостях Череповецкого, Кирилловского, Белозерского, Боровичского и других уездов в октябре-ноябре 1905 года состоялись сельские сходы, собрания и митинги. В постановлениях и приговорах крестьяне требовали передачи им помещичьих, монастырских, удельных земель, упразднения местной полиции и земских начальников, отмены выкупных платежей и косвенных налогов, созыва всенародного Учредительного собрания.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 647, л. 99. ГАНО. ф. 138. оп. 1. д. 25. л. 120; д. 7240, л. 12; ф. 117, оп. 1, д. 531а, л. 3.

²⁶ Статья В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции», Соч., т. 13, стр. 381.

²⁷ ЦГИАМ, ф. ДП. Особый отдел, 102, оп. 233, 1905, д. 2550, ч. 43, л. 68.

²⁸ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 107, 1905 г., д. 4456, лл. 2—3, оп. 108, 1906 г., д. 6921, л. 7.

Большое значение в деле развития крестьянского движения имело широкое распространение среди крестьян социал-демократической литературы. Уже в начале февраля 1905 года в селениях Чуриновской волости Белозерского уезда распространялась прокламация РСДРП, призывающая крестьян поднять знамя восстания против правительства и добиваться улучшения своей участи²⁹. К октябрю 1905 года воззвания и прокламации ЦК РСДРП, Петербургского комитета РСДРП распространялись по всей губернии. Их доставляли агитаторы-большевики, направляемые партией в деревню, крестьяне, возвращавшиеся домой из Петербурга. Листовки разбрасывались по дорогам, их посылали в письмах к родным и знакомым. Крестьянин д. Перхова Молвотицкой волости Демянского уезда Осип Филиппов, приехав в отпуск из Петербурга, где он работал на заводе электротехнических сооружений и участвовал в забастовке, привез с собой прокламации и воззвания РСДРП и другую нелегальную литературу³⁰. Распространялась в это время в губернии и работа В. И. Ленина «К деревенской бедноте»³¹. Брошюра в популярной форме излагала взгляды большевиков на аграрный вопрос и давала развернутую критику аграрной программы эсеров.

Небывалый размах революционного движения в стране осенью 1905 года и начавшаяся в октябре Всероссийская политическая стачка, охватившая более двух миллионов человек, перепугали царское правительство. 17 октября 1905 года царь издал манифест, в котором лицемерно обещал народу гражданские свободы и созыв законодательной думы.

Этот политический маневр самодержавия, которым оно пыталось выиграть время для того, чтобы собраться с силами и разгромить революцию, вызвал новые волнения народных масс. В городах Новгороде и Череповце состоялись массовые митинги и демонстрации, на которых новгородские большевики разъясняли народу истинный смысл царского манифеста, призывали трудящихся к вооруженному восстанию, к свержению самодержавия, к борьбе за установление демократической республики.

В листовке, выпущенной в эти дни, Новгородская группа РСДРП писала, что манифест вырван у самодержавия героической борьбой рабочих, что оно уступило лишь тогда, «когда сотни тысяч народу... с оружием в руках готовы каждую минуту не оставить камня на камне от царя и его приспешников». Листовка предупреждала рабочих и крестьян не доверять царской «милости», не успокаиваться на достигнутом, а организовываться и вооружаться для того, чтобы окончательно уничтожить «само воспоминание о былом самодержавии»³².

²⁹ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 540, л. 120.

³⁰ Там же, ф. 138, оп. 2, д. 34, лл. 109—110.

³¹ Там же, оп. 1, д. 7208, лл. 271—272.

³² ЦГИАМ, ф. ДП, Особый отдел, 102, оп. 5, 1905, д. 2603, л. 69.

В эти дни в уездах состоялись сельские сходы, где крестьяне выражали свою солидарность и поддержку героической борьбе рабочего класса, требовали освобождения политзаключенных, устранения от власти губернаторов. В постановлении собрания крестьян Вахонькинской волости Череповецкого уезда указывалось: «...приветствовать выражением любви и глубокой благодарности наших братьев рабочих, студентов и всех борцов за свободу... требовать освобождения всех политических и прекращения их дел... Признать необходимым немедленное устранение от власти губернаторов и градоначальников»...³³

В этот период в губернии создаются первые массовые демократические организации. Широкое распространение получил Всероссийский крестьянский союз, отделения которого были созданы в Боровичском, Крестецком, Демянском, Белозерском и других уездах. Крестьянский союз способствовал расширению размаха политической, революционной активности крестьянства.

В программе и деятельности крестьянского союза отразились мелкобуржуазные иллюзии, колебания и нерешительность крестьян. Но несмотря на ошибки союза, руководство которым захватили эсеры, большевики поддерживали его, исходя из коренного ленинского положения о необходимости укреплять и развивать в ходе революции союз пролетариата и крестьянства. Вместе с тем большевики вели решительную борьбу против политики эсеров, способствуя этим высвобождению крестьян из-под их влияния. Крестьянский союз и особенно его местные организации играли в 1905 году революционную роль и способствовали подъему крестьянского движения. Рядовые члены союза шли в своих требованиях значительно дальше его руководителей — эсеров.

Вот как делегат первого Северного областного съезда крестьянского союза (декабрь 1905 г.) от Новгородской губернии³⁴ отвечал руководителям съезда на предложение о частичном выкупе крестьянами помещичьих земель: «Я — крестьянин... И знаю, что такое выкупные и другие земельные платежи. Они задушили нас, сняли с нас последнюю рубаху. Земли у нас нет, вся у помещиков. Толкуют, что они за нее деньги платили. А где они эти деньги брали? Все с нас же, мужиков... За одну аренду мужики нивесты сколько переплатили. А выкупных? Земля-то нам в 300—400 рублей десятина въехала. Скажете в государство пошли... А из государства куда? Тем же помещикам отдавали... Нет уж, довольно, заплатились...»³⁵

Высшей точкой развития первой русской революции явилось декабрьское вооруженное восстание. Вместе с рабочими Москвы с оружием в руках выступил пролетариат Харькова. Читы и дру-

³³ Газ. «Право», Петербург, 1905 г. № 43.

³⁴ Всего на съезде от Новгородской губернии было 7 делегатов.

³⁵ Журнал «Крестьянское дело», № 2, 1906 г. Приложение, стр. 1 - 63.

гих городов. Под влиянием Московского вооруженного восстания в декабре 1905 года и начале 1906 года в Новгородской губернии вновь прошла волна забастовок рабочих крупных заводов и железнодорожников³⁶.

Царское правительство жестоко подавило вооруженное восстание. Подъем революции сменился ее постепенной убылью. Однако, несмотря на террор и жестокие репрессии, революционная борьба рабочих и крестьян продолжалась.

В 1906 и первой половине 1907 года в Новгородской губернии прошло несколько стачек и забастовок рабочих, в которых участвовало около полутора тысяч человек. Особенно длительными и упорными были забастовки в мае 1907 года рабочих сплава на реке Холове в Крестецком уезде и на Белозерском канале, в которых приняли участие и местные крестьяне.

В этих условиях большевистская партия продолжала борьбу за усиление своего влияния в крестьянских массах. Решения Таммерфорской конференции (декабрь 1905 г.) по аграрному вопросу еще раз подтвердили, что большевики и впредь будут поддерживать все революционные мероприятия крестьянства вплоть до конфискации государственных, помещичьих и церковных земель.

В 1-й Государственной думе 27 апреля — 8 июля 1906 г. большинство получила партия кадетов. Большевики разоблачили деятельность контрреволюционной думы, активно боролись за крестьянство против кадетов, за укрепление союза рабочего класса и крестьянства. Постепенно разочаровываясь в думе, крестьянство вновь поднималось на борьбу за революционный захват помещичьих земель. Выступления крестьян стали более массовыми и организованными. охватывали часто несколько селений.

Широкое распространение в губернии в этот период получила такая форма крестьянского движения, как коллективный отказ от уплаты налогов. Об этом свидетельствует огромный рост недоимок, скопившихся за крестьянами. По выкупным платежам недоимки увеличились с 275.177 руб. в 1904 году до 1.261.027 руб. на 1 января 1906 года. По земскому сбору недоимки возросли за тот же период с 389.869 руб. до 1.939.861 руб.³⁷.

Крестьяне отказывались нести повинности, перестали вносить арендную плату, не допускали полицию и местные власти описывать их имущество за долги. Так, в Шереховичской волости Боровичского уезда крестьяне ряда селений: с. Белого, Шереховичи, деревень Заручевье, Колоколуши, Почерняево, Песчаницы, Большие Горы, Заречье и других, сговорившись между собой, отказались

³⁶ ГАНО, ф. 138, оп. 1, д. 25, лл. 152, 167, 169—170, 172, д. 7557, л. 8; д. 7256, л. 2; ф. 117, оп. 1, д. 519, л. 264.

³⁷ Памятная книжка по Новгородской губернии за 1905 г., ч. III, стр. 32—34, за 1908 г., ч. III, стр. 37, 41.

от уплаты налогов. В ответ на организованное и стойкое сопротивление крестьян земский начальник вызвал в волость воинскую часть, и лишь под угрозой расстрела крестьяне стали выплачивать налоги³⁸.

Среди передовых крестьян к этому времени выросли активные помощники большевистской партии, организаторы борьбы крестьян. Весной 1906 года крестьянин дер. Рушиново Папоротно-Островской волости Крестецкого уезда Илья Харламов вел широкую агитацию среди крестьян этой волости, призывая их к отказу от уплаты податей и налогов. В результате крестьяне ряда деревень отказались платить подати и нести повинности. Такую же агитацию вел в Бураковской волости Кирилловского уезда крестьянин дер. Дуравина Василий Иванович Зайцев³⁹.

В январе 1906 года в Велильской волости Демянского уезда бывшие учителя из крестьян этой волости Петр Никаноров и Иван Феофанов вели революционную пропаганду по программе РСДРП, призывая крестьян не платить податей и устраивать забастовки⁴⁰. В 1906—1907 годах революционную пропаганду в Демянском уезде проводил крестьянин с. Воскресенска Павел Васильевич Громонтов. Он призывал крестьян отбирать помещичьи, казенные, монастырские земли, бороться за свержение самодержавия⁴¹.

Выступления крестьян часто сопровождались столкновениями с полицией. Так, при взыскании налогов в Кушеверской волости Боровичского уезда, в Таллицкой волости Кирилловского уезда, в Заборовской волости Тихвинского уезда и др. местах произошли открытые вооруженные столкновения крестьян с отрядами полиции, вызванными для оказания помощи местным властям при взыскании налогов⁴².

Продолжалась массовая рубка частновладельческих лесов, причем, крестьяне не допускали полицию до обмера порубок. В дер. Новое Лукошкино Демянского уезда крестьяне не только не допустили пристава со стражниками обмерить срубленный ими помещичий лес, но, по заявлению пристава, собрали еще пять деревень, чтобы организовать коллективное сопротивление полиции. Организаторами этого выступления были крестьяне д. Новое Лукошкино Дмитрий Егоров, Марк Филиппов, Калина Иванов и Антон Матвеев⁴³.

Еще зимой 1905 года крестьяне с. Бабино Любанской волости Новгородского уезда начали рубку леса помещика Тыркова. Она

³⁸ ГАНО, ф. 138, оп. 1, д. 7276, лл. 44—45.

³⁹ Там же, ф. 138, оп. 2, д. 34, лл. 36—37; оп. 1, д. 7240, л. 211.

⁴⁰ ЦГИАМ, ф. Министерства юстиции, 1906, д. 2078, л. 1.

⁴¹ ГАНО, ф. 138, оп. 1, д. 7278, л. 66.

⁴² Там же, д. 7340, лл. 189—190; д. 7258, лл. 367—368, ф. 117, оп. 1, д. 512, л. 308.

⁴³ Там же, оп. 2, д. 34, л. 68.

повторилась, и в апреле 1906 года, кроме того, крестьяне захватили землю помещика⁴⁴.

В августе 1906 года крестьяне деревень Пятницы, Мокровицы, Покровского и других Десятопятницкой и Любытинской волостей Боровичского уезда разделили между собою соседнюю помещичью землю и лес⁴⁵.

Летом 1906 года получила распространение такая форма борьбы крестьянства, как поджоги и разгромы помещичьих имений. В течение лета были разгромлены имения многих помещиков губернии. В июле 1906 года крестьяне Косицкой волости Новгородского уезда разгромили имение помещицы Мюллер и отобрали пастбище. Дважды крестьяне Любанской волости того же уезда громили имения помещика Мартынова и других землевладельцев. Крестьяне ряда деревень Ягановской волости Череповецкого уезда разгромили имение предводителя дворянства Игнатьева. В Боровичском уезде были разгромлены имения Федово и Кучково помещика Тарасова, имение Тереня помещицы Клодт, произведены поджоги имений помещиков Путилова, Товарова и других⁴⁶.

Волнения крестьян дер. Розгон Лызичской волости Боровичского уезда начались еще в 1905 году и вылились в открытое выступление летом 1906 года. Крестьяне отказались платить помещице за пользование ее пастбищем, заявив, что земля их, они и должны ею пользоваться. Помещица подала жалобу в суд, который приговорил крестьян к штрафу. В ответ на это возмущенные крестьяне сожгли хозяйственные постройки в имении⁴⁷.

Около трех месяцев продолжалась активная борьба крестьян Волоцкой волости того же уезда с местными властями и помещиками. Крестьяне жгли имения помещиков, перестали платить налоги и сборы. Лишь с арестом руководителей выступления крестьян дер. Малого Каменника Трофима Васильева и Алексея Петрова властям удалось подавить движение крестьян в этой волости⁴⁸.

Большую роль в повышении организованности крестьянского движения сыграла социал-демократическая агитация в деревне. Формы политической работы в деревне были разнообразны: распространение прокламаций и листовок, организация революционных кружков среди крестьянства, выступления большевиков на митингах и собраниях. В деревне Хорино Крестецкого уезда, например, успешно вел пропаганду большевик Ф. Г. Чучин (местный учитель), пользовавшийся большой популярностью среди крестьян. В декабре 1905 года в Хорино был устроен митинг, на котором вы-

⁴⁴ Там же, оп. 1, д. 7257, лл. 69—70.

⁴⁵ ГАНО, ф. 138, оп. 1, д. 7258, л. 209.

⁴⁶ Там же, д. 7257, лл. 177, 183; д. 7258, лл. 156—157, 209, 255, 312, 388; д. 7262, лл. 129—132; д. 7273, л. 10.

⁴⁷ Там же, д. 7258, л. 255.

⁴⁸ Там же, д. 7258, л. 388.

ступали приехавшие из Петербурга члены РСДРП Е. А. Литкенс и Вл. Войтинский, очень радушно встреченные крестьянами⁴⁹.

В Новгородском уезде широко распространялась прокламация «Избирательная платформа РСДРП». В Старорусском уезде распространял социал-демократическую литературу, в частности, воззвание ЦК РСДРП «Новое преступление паризма», крестьянин села Нового Воскресенской волости Василий Герасимович Чистяков⁵⁰.

Члены Новгородской группы РСДРП также вели большую разъяснительную работу среди крестьян. Специальная книжная комиссия группы, работавшая в Петербурге, направляла оттуда в Новгород революционную литературу, которую затем размножали в подпольной типографии группы. Вместе с тем, группа сама издавала прокламации, среди них — обращение «Ко всем новгородским крестьянам и рабочим», «Адрес социал-демократическим депутатам» и др.

Всего в группе, по сведениям жандармов, состояло свыше 28 человек: бывшие студенты высших учебных заведений, исключенные за участие в революционном движении, рабочие и несколько человек мелких служащих (В. П. Закатов, братья Быковы, В. Погодина, рабочий-металлист И. С. Шапошников, А. С. Вербо, С. С. Борцов, Л. К. Артынов, Н. М. Прокофьева, Г. И. Никитин и др.). Группа была связана с Петербургским Комитетом РСДРП через члена Комитета «Николая Алексева» (видимо партийная иличка), который в то же время состоял в книжной комиссии группы⁵¹.

В случае ареста большевиков-агитаторов крестьяне активно выступали в их защиту. Так, в апреле 1907 года крестьяне с. Молвотицы, узнав о приезде следователя по делу П. В. Громонтова, арестованного за социал-демократическую агитацию, (о котором упоминалось выше), с угрозами потребовали освобождения агитатора, заперли следователя и пристава в волостном правлении и освободили лишь тогда, когда они согласились подписать и отправить в Демянск (где в тюрьме находился Громонтов) телеграмму об освобождении арестованного⁵². Вообще, как отмечал новгородский губернатор, борьба с революционной пропагандой в деревне представляла для местных властей большие трудности, т. к. крестьяне, которых вызывали в суд в качестве свидетелей, как правило, отказывались давать какие-либо показания⁵³.

Отдельные революционные выступления крестьян продол-

---

⁴⁹ Е. А. Мороховец. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. 1926 г., стр. 106—107.

⁵⁰ ГАНУ, ф. 197, оп. 3, д. 43, лл. 7—8.

⁵¹ ЦГИАМ, ф. ДП. Особый отдел, 1907, д. 5, ч. 36, лл. 11—16.

⁵² ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 4, 1907, д. 49, л. 369.

⁵³ Там же, ф. 1405, 1908, оп. 194, д. 1019, л. 1.

жались и в 1907 году. Однако общий спад революционного движения, усиление правительственных репрессий привели к тому, что к осени 1907 года революционное движение в Новгородской губернии пошло на убыль. Усилились аресты агитаторов. В конце 1907 года, по доносу провокатора, жанлармами была разгромлена Новгородская группа РСДРП. Тысячи рабочих и крестьян—участников революции были заключены в тюрьмы или сосланы. По сообщению газеты «Товарищ» только в одном селе Городище Белозерского уезда в сентябре 1907 года были заключены на разные сроки в тюрьму 347 человек⁵⁴.

После 1905 года самодержавие поняло, что больше невозможно спекулировать на темноте и покорности крестьянства, что «мира» у него с массой разоренного, доведенного им до полного обнищания крестьянства, быть не может. Поэтому правительство сделало попытку расколоть крестьянство, создать из него слой зажиточных крестьян-собственников, кулаков и в них получить прочную опору в деревне.

«Правительству ничего не оставалось, — указывал В. И. Ленин. — как попытаться путем судорожных усилий, путем какого угодно разорения деревни, расколоть крестьянство, отдать деревню «на поток и разграбление» кулаков и зажиточных мужиков, чтобы опереться на союз крепостников-дворян с «новыми помещиками», т. е. с богатеями, крестьянами-собственниками, с крестьянской буржуазией»⁵⁵ Таков был истинный смысл новой аграрной политики самодержавия.

9 ноября 1906 года был издан указ, который давал право каждому крестьянину выйти из общины и закрепить свой земельный надел в личную собственность с вытекающим отсюда правом продавать его, закладывать и т. д. Крестьянам, выделяющимся из общины, земля отводилась в одном месте в виде хутора или отруба. Таким образом, крестьянская община подвергалась насильственному слому. В выделении из общины была заинтересована прежде всего сельская буржуазия, кулаки, т. к. выделение лучшей земли в одном месте позволяло им еще более укрепить свое хозяйство. Кулаки получили также возможность при помощи Крестьянского банка скупать по дешевой цене у маломощных крестьян их землю.

Столыпинская аграрная реформа проводилась с большим трудом, под огромным нажимом властей, так как основная масса крестьянства не видела в выделении из общины спасения от нужды и кабалы.

В Новгородской губернии за первые три года проведения новой аграрной реформы (1907—1909 гг.) выделались на хутора и отруба всего 1137 крестьян-домохозяев, причем 990 человек из

⁵⁴ ГАРС, ф. 136, оп. 1, д. 7328, л. 38.

⁵⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 158.

них получили в свое владение бывшие общинные земли и только 237 человек получили земли на участках, купленных через Крестьянский банк⁵⁶.

Выделы из общины во многих селениях сопровождались недовольством большинства крестьян. Общинники отказывались подписывать приговоры о выделах, выступали против выдела хуторов и отрубков за счет общинных земель. Так, в марте 1908 года крестьяне дер. Задняя Семеновской волости Демянского уезда выступили против двадцати своих односельчан, заявивших о своем желании укрепить землю в личную собственность⁵⁷. В 1910 году из 27.165 крестьян губернии, заявивших о выделе, получили согласие общества только 5.121 чел.⁵⁸.

В ответ на сопротивление крестьян проведению аграрной реформы правительство издало дополнительные аграрные законы, от 14 июня 1910 года и 29 мая 1911 года, которые предусматривали осуществление принудительного землеустройства в интересах кулаков. Но и эти меры не дали желаемого результата: за 10 лет (1907—1916 гг.) в Новгородской губернии выделались на хутора и отруба всего 9.586 хозяйств, или 6,3 процента общего числа хозяйств, в которых было сосредоточено земли 7,4 процента общей земельной площади губернии⁵⁹. Таким образом, хуторское и отрубное землевладение в Новгородской губернии не получило, несмотря на всяческое содействие царских властей, сколько-нибудь широкого распространения.

Следует отметить, что значительная часть крестьян пошла на хутора от нужды. Об этом говорит хотя бы тот факт, что 1.987 хуторских и отрубных хозяйств губернии (более 20 процентов всех хозяйств этого типа) к 1917 году совершенно не имели сельскохозяйственного инвентаря⁶⁰.

Столыпинская аграрная реформа привела к дальнейшему разорению крестьянства и обострению классовых противоречий в деревне. «Мы знаем теперь, — писал В. И. Ленин в 1913 году, — что ни «реформирования», ни «покоя» не получилось, а получилась голодовка 30 миллионов крестьян, невиданное (даже в многострадальной России невиданное) обострение нищеты и разорения и чрезвычайно сильное озлобление и брожение в крестьянстве»⁶¹.

Об этом процессе разорения и обнищания крестьянства Новгородской губернии можно судить по непрерывному увеличению числа крестьян, вынужденных заниматься отхожими промыслами. С 187.767 чел. в 1907 году число их увеличилось до 214.686 чел.

⁵⁶ Памятная книжка Новгородской губ. на 1912 г., ч. III, стр. 16—17.

⁵⁷ ГАНО, ф. 138, оп. 1, д. 7348, лл. 53—78.

⁵⁸ Памятная книжка Новгородской губ. на 1912 г., ч. III, стр. 6—7.

⁵⁹ Статистический справочник по Новгородской губернии, 1921 г., стр. 98.

⁶⁰ Там же, стр. 115.

⁶¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 158.

в 1911 году⁶². В деревне царила невероятная нужда. И хотя острая борьба на время стихла, в массах крестьян происходило глухое брожение, которое то здесь, то там выливалось в открытое недовольство. Новгородский губернатор был вынужден заявить, что «положение губернии в настоящее время таково, что в тот или иной уезд может потребоваться экстренная посылка войск для содействия гражданским властям в прекращении беспорядков»⁶³.

Местные власти в ряде уездов часто не в состоянии были без помощи войск принимать какие-либо меры против аграрных волнений крестьян. По свидетельству земского начальника 7 участка Боровичского уезда местные полицейские власти по целым годам не могут добиться исполнения решений судебных органов по делам о захвате крестьянами помещичьих земель и порубках леса: «особенно, если речь идет о целых деревнях». Так, при взыскании с крестьян дер. Раменья Городищенской волости за захват целой деревней земли помещика Балка пристав, приехав в деревню, смог описать только несколько самоваров, но по требованию крестьян тут же вернул их обратно⁶⁴.

Революционные настроения крестьян поддерживались и участниками революции 1905—1907 годов, которые в письмах из ссылки к родным призывали крестьян продолжать борьбу. Крестьянин Белозерского уезда Алексей Румянцев писал своему брату в деревню: «...Скоро пробьет час суда народного над помещиками и капиталистами и тогда народ сумеет расправиться со всеми палачами»⁶⁵.

В 1910 году глухое недовольство народных масс все чаще стало выливаться в открытые выступления. В стране намечался новый революционный подъем. Наступательную борьбу начал рабочий класс. С лета 1910 года непрерывно росло число стачек, демонстраций, забастовок, в них принимало участие все большее и большее количество рабочих. Вслед за рабочими вновь поднималось против помещиков и кулаков крестьянство России. За 1910—1914 годы в стране произошло свыше 13 тыс. крестьянских выступлений.

В условиях нового революционного подъема крестьянское движение направлялось против помещиков, сельской буржуазии и против царских властей. Формами крестьянской борьбы были поджоги, порубки частновладельческого леса, захват помещичьих и кулацких земель, противодействие размежеванию общинных земель на хутора и отруба, столкновения крестьян с местными властями, с полицией и войсками во время взимания податей и других налогов, выступления крестьян против существующего порядка уп-

⁶² ГАНО, ф. 98, оп. 3, д. 470, л. 45.

⁶³ Там же, ф. 138, оп. 1, д. 7335, л. 203.

⁶⁴ Там же, д. 7339, лл. 75—76.

⁶⁵ Там же, д. 7337, лл. 25—26.

равления и т. д. Особенно усилились в этот период выступления крестьян против царских властей на местах, против кулачества, увеличилось число поджогов.

В условиях нового революционного подъема 1910—1914 годов поджоги были одной из первоначальных форм борьбы крестьян и отражали то глухое озлобление, которое царило среди разоренных и голодающих крестьян после проведения столыпинской реформы. В Новгородской губернии эта форма борьбы получила широкое распространение летом 1912 года. В разных местах губернии крестьяне производили поджоги волостных правлений, кулацких хуторов, земских хозяйственных складов, в лесных уездах — Череповецком, Белозерском производились поджоги лесов. В августе 1912 года начальник губернского жандармского управления вынужден был отметить, что «необычайно большое в текущем году число пожаров (главным образом лесных) заставляет предполагать, что производятся поджоги со стороны крестьян и что среди них существует какое-то скрытое брожение»⁶⁶.

В 1910—1912 годах в ряде уездов губернии (Новгородском, Валдайском, Череповецком и др.) вновь начались массовые рубки помещичьих и казенных лесов. Только в 1911 году судебными органами губернии было рассмотрено около семи тысяч дел о хищении и рубке чужого леса⁶⁷. Участились случаи нападения крестьян на полицейских урядников, земских начальников и других представителей местных властей. Так, в сентябре 1911 года произошло вооруженное нападение крестьян Велильской волости Демянского уезда на волостного урядника, в феврале 1913 года — на земского начальника в Череповецком уезде и т. д.⁶⁸

С 1910 года отмечается также значительный рост открытых массовых выступлений крестьян против столыпинского землеустройства. В 1911 году в ряде уездов началась открытая агитация крестьян против закона о выходе из общины⁶⁹. В том же году в октябре произошли волнения крестьян дер. Ручино Талицкой волости Кирилловского уезда, направленные против выхода из общины на отруба четырех местных богатеев. Крестьяне прогнали из деревни землемера и стражников, не допустив их до проведения размежевания⁷⁰.

Сильное возмущение крестьян было вызвано также увеличением в эти годы прямых и косвенных налогов, ростом земских и мирных сборов. Открытые выступления крестьян против увеличения земского и продовольственного сборов происходили в 1911—1912 годах в Валдайском, Старорусском и Новгородском уездах.

⁶⁶ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 1097, л. 55.

⁶⁷ Обзор Новгородской губернии за 1911 г., стр. 122—137.

⁶⁸ ГАНО, ф. 117, оп. 1, д. 1083, лл. 54—55; д. 1132, л. 19.

⁶⁹ Там же, д. 1038, л. 86.

⁷⁰ Там же, д. 1097, л. 1.

где целые селения отказывались платить сборы. Часто эти выступления заканчивались вооруженными столкновениями крестьян с полицией. Так было в ряде селений Медведевской, Боровенской и Сопкинской волостей Валдайского уезда, в дер. Сельцо Налючской волости Старорусского уезда и в других местах⁷¹.

Всего по губернии только за один 1911 год в окружном суде, в уездных судах и у земских начальников было разрешено 1862 судебных дела по выступлениям против порядка управления⁷². Сюда по царскому законодательству относились дела об участии в восстаниях и сопротивлении властям, о революционных аграрных выступлениях, оскорблении властей, неисполнении требований властей и др. Из числа осужденных по этим делам 89 процентов составляли крестьяне.

Одной из характерных особенностей периода 1910—1914 годов явилось избавление крестьянских масс от конституционных иллюзий. Отрицательное отношение крестьян к думе, не оправдавшей их надежд, в условиях нового революционного подъема проявилось настолько сильно, что новгородский губернатор вынужден был отметить это в ответе на запрос Министерства внутренних дел в начале 1912 года о политическом настроении населения. Значительно возросла политическая активность крестьянства, что особенно ярко проявилось в период проведения выборов в IV Государственную думу (ноябрь 1912 г.). Крестьянство теперь отчетливо понимало, что защиту своих интересов оно может доверить только революционным партиям и прежде всего социал-демократам. По сообщениям губернаторов и начальников губернских жандармских управлений в 12 губерниях, в том числе и в Новгородской, крестьянскими уполномоченными были избраны социал-демократы.

Но подъем революции был прерван начавшейся империалистической войной 1914 года, которая всей тяжестью обрушилась на плечи народных масс. Она вызвала разруху народного хозяйства царской России, принесла трудящимся голод и неисчислимые жертвы; сокращалось промышленное производство и тысячи рабочих оставались на улице, не хватало хлеба, цены на товары росли. Война подорвала и сельское хозяйство отсталой России. В Новгородской губернии за время войны положение крестьян еще более ухудшилось. Посевная площадь зерновых, по сравнению с 1913 годом, сократилась на 40.126 десятин, валовой сбор зерна сократился на 2.041.000 пудов. В 1916 году четвертая часть хозяйств новгородских крестьян оказалась безлошадными, пятая часть крестьянских хозяйств совершенно не имела сельскохозяйственного

⁷¹ ГАОУ ф. 17, оп. 1, д. 1097, лл. 71—72, д. 1038, лл. 26—29.

⁷² Обзор Новгородской губернии за 1911 г., стр. 122—137.

инвентаря⁷³. Тысячи крестьянских семей лишились своих кормильцев, отцов и братьев, мобилизованных в царскую армию.

В народных массах все сильнее зрело недовольство империалистической войной и политикой царского самодержавия. Первым на борьбу против войны и самодержавия вновь поднялся рабочий класс России. Число стачек, политических демонстраций из года в год росло. В 1916 году бастовало свыше 1 миллиона рабочих, волновалась армия, вновь начались выступления крестьян.

В Новгородской губернии в эти годы недовольство народных масс все чаще проявлялось в многочисленных случаях уклонения крестьян от мобилизации, побегов из армии, возмущения политикой самодержавия, когда крестьяне в собраниях и беседах открыто называли царя изменником, виновником бойни и т. д., говорили, что наступает пора повторить 1905 год, вновь подниматься на борьбу за свержение самодержавия и помещиков. В стране назревал революционный переворот. Вся лучшая часть крестьянства обращала все более свои взоры на рабочий класс и его авангард — большевистскую партию как на единственного вождя народа в борьбе за свободу⁷⁴.

---

⁷³ Статистический справочник по Новгородской губернии. Новгород, 1921 г., стр. 114, 149—150, 152—155, 237.

⁷⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 394.

В. А. ДЬЯКОВ, В. Е. ФИЛЬГУС

НОВГОРОДСКИЙ ГАРНИЗОН ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ 1860-х гг.

На рубеже 50—60-х годов прошлого столетия Россия прошла через один из переломных этапов своей истории. Назревавший уже давно кризис феодально-крепостнической системы стал особенно быстро обостряться после Крымской войны 1853—1856 годов, закончившейся позорным поражением царизма.

В стране сложилась революционная ситуация, которая, по словам В. И. Ленина, характеризовалась следующими тремя главными признаками: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство... 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению»¹.

В период революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX века, которая, как известно, не привела к революционному взрыву, а завершилась рядом реформ, подготовленных правительством, русская армия оставалась в основном верным оружием в руках царизма. Однако революционные настроения быстро распространились и среди военнослужащих, причем охватили гораздо более широкий круг лиц и значительно большую территорию, чем когда-либо раньше. Характеризуя начавшийся в 1861 году разночинский или буржуазно-демократический период в истории русского революционного движения и сравнивая его с закончившимся дворянским периодом, Ленин подчеркивал: «шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»². Правильность этого определения блестяще подтверждается конкретно-историческим

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 189—190.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 15.

материалом как по отношению ко всему русскому обществу, так и применительно к царской армии.

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX века сравнительно высоко поднялась волна стихийных солдатских выступлений, направленных против тяжелых условий службы, против бесправия и произвола, против грубости командного состава, против насилий и рукоприкладства. Нередко недовольство существующим положением со стороны солдат сливалось с крестьянским движением, и временно отпускные или находящиеся на действительной службе солдаты нередко возглавляли выступления крестьян против помещиков³.

Оппозиционные настроения охватили значительную часть офицерского корпуса. Многие офицеры читали запрещенные издания, высказывали сочувствие крестьянскому движению, выступали с осуждением существующих порядков в периодической печати. Публично выражали сочувствие жертвам политических репрессий. Лучшие из них усваивали революционно-демократическую идеологию и становились членами подпольных кружков, постепенно слившихся в тайное революционное общество «Земля и Воля», возглавляемое Н. Г. Чернышевским, А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Открытые проявления оппозиционных настроений и отдельные антиправительственные выступления среди военнослужащих имели место в Петербурге и в Варшаве, в Москве и в Вильно, в Киеве и в Казани, на Кавказе и в Сибири. Имели место они и в частях новгородского гарнизона, состоявшего в то время из кадетского корпуса и местного батальона внутренней стражи.

В начале 60-х годов XIX века среди военнослужащих новгородского гарнизона довольно широкое распространение получили редактировавшийся Н. Г. Чернышевским журнал «Современник», издававшаяся в Лондоне А. И. Герценом и Н. П. Огаревым бесцензурная газета «Колокол» и другие выпускавшиеся ими издания, а также «Великорусс», «Молодая Россия» и некоторые из остальных нелегальных воззваний, размножавшихся различными революционными кружками. Запрещенная литература расходилась прежде всего среди преподавателей и воспитанников кадетского корпуса, а от них нередко попадала к военнослужащим, проходившим службу в батальоне внутренней стражи. Контакты между ними облегчались тем, что в этот последний в качестве юнкеров попадали некоторые из тех, кто учился прежде в кадетском корпусе или имел каких-либо общих знакомых с его воспитанниками.

---

³ В. Е. Фильгус. Крестьянский вопрос и русская армия в период подготовки и проведения крестьянской реформы. Астраханский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова. Ученые записки, т. IV, Астрахань, 1955, стр. 39—66.

Журнал «Современник», которым особенно увлекались воспитанники Новгородского кадетского корпуса, в начале 60-х годов пропагандировался в их среде оппозиционно-настроенными преподавателями Михалевским и Гагелем⁴. Их оппозиционные настроения и активная просветительская деятельность отмечаются в воспоминаниях современников. В. Михалевский, учившийся в Петербургском университете вместе с Н. Г. Чернышевским, был по-видимому, близок к нему по своим политическим убеждениям. Осенью 1862 года Михалевский стал членом «Земли и Воли»⁵. Осенью 1861 года умер Гагель, и его похороны вылились в демонстрацию привязанности воспитанников корпуса к прогрессивно-настроенным преподавателям и предлогом для выражения оппозиционных настроений.

Распорядителем на похоронах был Михалевский. Накануне назначенного дня к нему обратился исполнявший обязанности фельдфебеля 3 роты воспитанник Дуропа с просьбой позволить ему произнести речь на могиле Гагеля. Замещавший директора корпуса полковник Герман, которому было доложено об этой просьбе, согласился ее исполнить при условии, что Михалевский предварительно просмотрит и отредактирует подготовленный Дуропом текст речи. Отсутствие источников не позволяет восстановить этот текст. По словам Михалевского, речь «заклучала в себе выражения сочувствия и благодарности к покойному за то, что он, исполняя добросовестно долг учителя и воспитателя, содействовал умственному и нравственному развитию воспитанников и притом высказано было, что Гагель умер именно в такое время, когда больше всего нужны правительству разумные и честные деятели»⁶. При предварительном просмотре текста Михалевский, по его словам, не обнаружил в нем ничего предосудительного и нашел нужным внести только одну поправку, заменив фигурировавшее у Дуропа выражение «переходное время» словами «благодатное время»⁷. Докладывая о речи Дуропа начальству, Михалевский, разумеется, не мог быть и не был вполне откровенным. По-видимому, эта речь, как и похороны Гагеля в целом, имели оттенок политической демонстрации в значительно большей степени, чем это выясняется из официального объяснения Михалевского. Не случайно в акте инспекторского смотра, проводившегося в Новгородском кадетском корпусе в ноябре 1861 года, похороны Гагеля оказались на первом месте в перечне обнаруженных «беспорядков»⁸.

На втором месте фигурировало в этом перечне увлечение воспитанников прогрессивными периодическими изданиями. Незадол-

⁴ ЦГВИА, ф. 725—л, оп. 1, д. 3862, л. 206.

⁵ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, М., 1958, стр. 339.

⁶ ЦГВИА, ф. 725—л, оп. 1, д. 3862, л. 201.

⁷ Там же.

⁸ ЦГВИА, ф. 725—л, оп. 1, д. 3862, л. 155.

го до инспекторского смотра воспитательный комитет корпуса по инициативе инспектора-воспитателя подполковника А. Гудимы запретил подписку на те периодические издания, распространение которых среди воспитанников было признано нежелательным. На следующий день в расположении корпуса на стенах тех помещений, где жили члены комитета, были расклеены рукописные листовки под названием «Цензура». В них говорилось следующее: «Верные царю, заслуженные, почтенные и со светлым умом члены нашего комитета, вчерашнего числа определили запретить выпуску журналов «Современник», «Искры», «Века», «Популярной медицины». По их словам они вредны для юношества. Что может быть глупее? Цензор А. Гудима»⁹. Эта листовка явилась, несомненно, выражением протеста против решения воспитательного комитета и свидетельствовала о наличии оппозиционных настроений среди воспитанников.

Кроме этого, инспектирующий генерал-от-инфантерии Анненков и его свита обнаружили ряд других «беспорядков», подтверждающих широкое распространение оппозиционных настроений среди старших воспитанников Новгородского кадетского корпуса и показывающих, что они не раз выражали протест против существующих в корпусе порядков. Формы протеста были весьма примитивными, по довольно массовыми. Воспитанники 3 роты, например, воспротивились приказу об обыске шкапулок с их личными вещами. Большая группа представителей различных подразделений пыталась воздействовать на воспитательный комитет, обсуждавший меру наказания одного из провинившихся воспитанников. Собравшись у входа в помещение, где шло заседание комитета, группа шумом и отдельными выкриками выражала свое недовольство воспитателями типа А. Гудимы и высказывала одобрение В. Михалевскому¹⁰.

В годы первой революционной ситуации в Новгородском гарнизоне проявлялись и оппозиционные настроения иного характера, отражавшие недовольство той части дворянства, которая пострадала от реформы (лишившей ее дарового труда крепостных крестьян) и не сумела перестроить свое хозяйство на капиталистический путь развития. Данная часть дворянства тоже критиковала действия правительства, но это была критика не слева, а справа. Подобные настроения нашли свое выражение в судебном деле юнкера Новгородского батальона внутренней стражи Степана Кудрявого.

⁹ Там же, л. 175.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 725—л. оп. 1, д. 3862, лл. 151—226.

27 июля 1862 года за произнесение в разговоре с солдатами и унтер-офицерами, употребление в своем дневнике «дерзких, оскорбительных слов и выражений» против государя и правительства Степан Кудрявый по высочайшему повелению был предан военному суду¹¹. По его делу опубликовано только определение Генерал-Аудиториата¹². Между тем, это дело представляет несомненный интерес и заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробно.

Степан Кудрявый происходил «от древней дворянской, некогда богатой и знатной, фамилии», родословная которой началась «со времени монгольского владычества». Он родился в апреле 1838 года в Кронштадте. Отец его, капитан 1-го ранга, командовал фрегатом и был, по словам Кудрявого, хорошим и опытным моряком. В 1862 году он жил в своем родовом имении в селе Поповском Череповецкого уезда Новгородской губернии в чине генерал-майора на пенсии в 900 рублей серебром в год. Старшие братья Кудрявого Дмитрий и Павел были также морскими офицерами¹³.

Степан Кудрявый с 1850 по 1856 год воспитывался в Морском кадетском корпусе, но не окончил курса¹⁴. В ноябре 1856 года он был назначен подпрапорщиком резервного батальона в Софийский пехотный полк, а в феврале 1861 года переведен юнкером в Новгородский батальон внутренней стражи. По отзыву начальства, Кудрявый «вел себя одобрительно и был по усердию и исправности по службе примером для всех своих товарищей, до июня настоящего года (1862—В. Д. и В. Ф.) не возбуждал ни малейшего подозрения в каких-либо противозаконных поступках»¹⁵.

24 июня 1862 года рядовой второй роты Савелий Боровков явился к ротному командному штабс-капитану Юхневичу и вручил ему записку следующего содержания: «Имею явное подозрение на юнкера Кудрявого в том, что он составляет сочинения, противные законам о перемене правительства и наследственного престола и даже личной особы его императорского величества». По распоряжению Юхневича Кудрявый был арестован и «за строгим караулом» отправлен в Новгородский тюремный замок. Бумаги его, в том числе «Воспоминания» и «Дневник», были изъяты и в дальнейшем приобщены к делу. И «Воспоминания», и «Дневник» Кудрявый начал писать 25 мая 1862 года. Из надписи на титульном листе «Воспоминаний» видно, что он хотел довести их до 25 мая,

¹¹ ЦГВИА, ф. 9—л, оп. 68/9, 1 отд., 2 ст., 1862 г., д. 41.

¹² Государственные преступления в России XIX в. Сост. Б. Базилевский. Штутгарт, 1903, т. 1, стр. 209—210.

¹³ ЦГВИА, ф. 9—л, оп. 68/9, 1 отд., 2 ст., 1862 г., д. 41, лл. 329—333 и 402—416.

¹⁴ «С 1853 года запало желание быть юнкером» — см. ЦГВИА, ф. 9—л, оп. 68/9, 1 отд., 2 ст., 1862 г., д. 41, л. 332.

¹⁵ Там же, л. 34 об.

а «Дневник», таким образом, должен был составлять продолжение его «Воспоминаний».

Что заставило Кудрявого вести «Дневник»? В первой же записи от 25 мая он сам отвечает на этот вопрос: «Причина, побудившая сделать эту тетрадь, есть... напавшая на меня сильная тоска, которой и поделиться не с кем...». Кудрявый жалуется на то, что не пристал ни к одному обществу. «Солдаты не принимают, как дворянина, а офицеры и дворяне не хотят знаться, как с нижним чином». Он страшно тяготился одиночеством и чувствовал потребность поделиться с кем-либо своими мыслями. «...Сердце тоскует и не находит отрады», — писал Кудрявый. «Мне просто надо общество и друга, которому я бы мог поверять все сокровенные изгибы сердца»¹⁶.

Таким образом, «Дневник» заменял Кудрявому верного и понимающего друга. Поэтому он называет его «мертвым другом» и на первом листе его делает надпись. «Мертвый друг. Принадлежит Кудрявому». «Я пишу для себя, — поясняет Кудрявый, — следовательно, нет причины преувеличивать или украшать...»¹⁷.

Кудрявый вел «Дневник» с 25 мая по 22 июня 1862 года. Подробно описывая свои действия за каждый день, он жалуется на начальство, которое в течение 6 лет не удостоило его производством в офицеры, тяготится тем, что ему приходится жить в казармах среди солдат, которые не сочувствуют его положению и не понимают его; он жалуется на свою бедность, на то, что приходится продавать свои необходимые вещи, но и продавать бывало нечего. «И не знаю, что может быть хуже и несноснее, как моя настоящая жизнь...» — таких записей в «Дневнике» очень много. Главную причину своей бедности Кудрявый видит в уничтожении крепостного права, «...у меня ропот теперь не на отца, который положительно не виноват, — пишет Кудрявый, — а на пошлое и скверное правительство», которое отняло у него и у многих других дворян право на кусок насущного хлеба¹⁸.

Кудрявый не хочет молчать о том, что по его мнению необходимо не только записать в «Дневник», но и предать гласности. Он поверяет своему «Мертвому другу» все мысли политического характера, которые его волнуют. Он считает необходимым подробно изложить свои взгляды на тот случай, если эта тетрадь после его смерти достанется «человеку с хорошими сведениями и может попасться в руки того, кто будет писать какую-нибудь историю в смысле науки...» В Новгороде, по словам Кудрявого, почти все подготовлены к революции. Большая часть народа недовольна распоряжениями правительства, которое проводит

¹⁶ ЦГВИА. ф. 9—л оп. 68/9. 1 отд., 2 ст., 1862 г., д. 41. лл. 330, 350. 362. 400.

¹⁷ Там же, л. 336.

¹⁸ Там же.

разные преобразования не для того, чтобы улучшить положение государства, а в своих личных целях¹⁹.

Дворяне, по мнению Кудрявого, «возмущены тем, что правительство отнимает у них права, предоставленные несколькими императорами на протяжении целых веков. Между тем, говорил он, «не было примера в целой истории, чтоб было совершенное равенство». Чтобы сравнить все классы, «надо переменить или совершенно переиначить род правления». Но Кудрявый не верит в возможность равенства классов. «Никогда не дойдет до общего равенства, — утверждает он, — и всегда одна из каких-нибудь каст народа непременно возвысится и станет править всей массой». Не было ни одной реформы, которая не вызвала бы толков, выражающих недовольство дворян, «которые одни в настоящее время попали в рабство, а не достигли свободы». Дворяне, говорит Кудрявый, считают необходимым, чтобы члены царствующего дома получали содержание не по праву родства, а по исполняемой должности²⁰.

«...Я, как и все дворяне,—пишет он о себе,—до того озлоблен против правительства и государя, что при малейшей вспышке революции встал бы первый и постарался быть во главе революционеров, лишь бы лучше действовать и как можно больше нанести вреда правительству и короне, — не столько короне, сколько правительству, — этим большим свиньям и дурням министрам, которые, пользуясь добротой государя, производят разные реформы для своей личной пользы, а никак не для пользы отчизны»²¹.

Вряд ли стоит доказывать, что всего этого было более, чем достаточно для предания С. Кудрявого военному суду. Однако следствие показало, что он не ограничивался записью своих политических взглядов в «Дневнике», но и неоднократно высказывал их своим сослуживцам. Рядовой Савелий Боровков, по доносу которого началось дело, заявил, что около 5 часов утра 20 июня, находясь вместе с Кудрявым в карауле при артиллерийских складах, он заметил, что Кудрявый что-то пишет. На вопрос Боровкова, что он пишет, Кудрявый прочитал два стихотворения, которые «ничего особенного в отношении правительства... не заключали». Но после этого, продолжает Боровков, Кудрявый начал читать «в прозе, и хотя я всего прочитанного... объяснить не могу, но хорошо помню, что он из тетради сей прочитал следующее: «сын генерала не может наследовать генералу, следовательно, и сын императора также не может наследовать императору, а потому надо изменить род правительства»²².

Согласно показаниям унтер-офицера Николая Мольвера, Куд-

¹⁹ Там же, л. 396.

²⁰ ЦГРГА, ф. 9—л, оп. 68/9, 1 отд., 2 ст., 1862 г., д. 41, лл. 375, 397.

²¹ ЦГВИА, ф. 9—л, оп. 68/9, 1 отд., 2 ст., 1862 г., д. 41, лл. 375 об.

²² ЦГВИА, ф. 9—л, оп. 68/9, 1 отд., 2 ст., 1862 г., д. 41, л. 139.

рядовой говорил, что правительство своими реформами желает уравнять дворян с низшими сословиями. Они возражают против этого, но согласились бы, если бы в число равных вошел императорский дом. Рядовой Андрей Кузьмин показал, что слышал от Кудрявого, будто теперь «должны быть все равны, как дворяне с солдатами, так и император с ними». Эти показания подтвердили рядовой Тимофей Соколовский и унтер-офицеры Токалов, Ключков, Пленшцев, Семенов, Коровин и Сотников²³. По показанию рядового Никиты Васильева, Кудрявый жаловался на свою бедность вследствие того, что император отнял у помещиков крестьян, которых у него, Кудрявого, было 150 душ; жаловался на то, что долго не производят в офицеры, и говорил, что готов был бы штыком заколот императора, если бы он был тут. Слова Кудрявого о готовности заколоть государя штыком подтвердили рядовой Боровков, Кузьмин, Соколовский, Семенов, Кукарин и Мартинсон²⁴.

Рядовой Петр Александров также подтвердил эти показания и добавил, что Кудрявый «жалел, что мало выгорел Петербург, и если бы он сам был там, то всеми силами старался бы поджечь императорский дом и убить самого государя. Однако много припасают для него ножей и кто-нибудь да убьет его». О том, что надо сжечь царский дворец, слышал рядовой Резников. Унтер-офицер Коровин показал, что Кудрявый говорил об этом еще в начале июня в трактире, куда пришел пить чай²⁵. Об одном разговоре с Кудрявым заявил следственной комиссии унтер-офицер Ключков. На вопрос Кудрявого, кому он служит, Ключков ответил: «богу, великому государю и за государя всегда готов умереть». Кудрявый, «по выслушании слов сих, — жаловался комиссии Ключков, — назвал меня болваном»²⁶. Компрометирующие показания против Кудрявого дали 16 человек — 9 рядовых и 7 унтер-офицеров. Остальные нижние чины 2-й роты заявили, что никогда не слыхали от Кудрявого предосудительных выражений против правительства²⁷.

На допросе в следственной комиссии 27 июня 1862 года Кудрявый показал, что выражения против государя, царствующего дома и правительства писал в дневнике лично для себя, без зловредного намерения. Мнения о революционном настроении жителей Новгорода основывал на слухах, но от кого слышал, не помнит. Кудрявый сознался в употреблении в разговоре с ниж-

²³ Там же, лл. 102, 104 об. — 105.

²⁴ ЦГВИА, ф. 9—л. оп. 68/9, 1 отд., 2 стл., 1862 г., л. 41, л. 106

²⁵ Там же, лл. 100 об., 107.

²⁶ Там же, л. 99.

²⁷ Согласно «Списку нижним чинам», приложенному к делу, во 2-й роте Новгородского батальона внутренней стражи на 25 июня числилось 197 нижних чинов в 4 нестроевых. (Там же, лл. 109—114).

ними чинами дерзких выражений о правах наследника престола и народа, но заявил, что нижние чины его не поняли. О ножах, приготовленных для государя, говорил без умысла, «от пустой вспыльчивости»²⁸. Свое намерение собственноручно заколоть царя Кудрявый сперва отрицал. «Это сущая нелепица: у меня бы не поднялась рука на простого гражданина». Затем он заявил, что не помнит, но «быть может в запальчивости говорено». Наконец, сознался в том, что говорил об этом, «но в сущности бы не мог исполнить, потому, что я по душе не подлец и по сердцу не злодей закоренелый». По поводу пожара в Петербурге и сожжения дворца говорил: «Мне все равно, я не проигрываю и не выигрываю». Относительно равенства Кудрявый, по его словам, «объяснял, что мы у бога все одинаковы и в совести должны быть одинаковы, но в правах закона не должно быть равенства». Свой разговор с Боровковым Кудрявый не отрицал, но заявил, что тот «перевернул» его слова. Что касается Клочкова, то Кудрявый подтвердил, что назвал его болваном за разговоры о том, будто теперь дворяне будут работать. Высказывания о необходимости уравнивания в правах членов царствующего дома с народом Кудрявый отрицал²⁹.

На вопрос следственной комиссии, кто оказал влияние на образ его мыслей, Кудрявый назвал юнкеров Фехнера и Гаевского, выпущенных на службу из Новгородского кадетского корпуса и временно, до распределения в полки, состоящих при Новгородском батальоне внутренней стражи. Кудрявый заявил, что его мнения разделяли воспитанники Новгородской гимназии Васильев, Толбухин (товарищ Кудрявого по корпусу) и Петров (отставной юнкер), а также экстерн Константиновского военного училища Гасабов. Он признался, что высказывал свои мысли юнкерам Гренадерского саперного батальона Обухову и Пупышеву, но последние сочувствия к нему не обнаруживали. Все названные лица отрицали факты предосудительных разговоров с Кудрявым, но на дальнейшей стадии следствия и на очных ставках с этими лицами Кудрявый настаивал на справедливости своих показаний, которые между прочим, подтверждаются его записями в «Дневнике» о неоднократных разговорах с ними на политические темы³⁰. Кроме того, Кудрявый был связан еще с рядом лиц как военных, так и гражданских.

Из «Дневника» видно, например, что Кудрявый говорил с отставным юнкером чиновником Курским о пожарах в Петербурге, во время которых «хотели произвести бунт и, воспользовавшись суматохой, истребить царствующий дом, ввести конституционное правление и уничтожить корону». С отставным юнкером чиновником Юхновским Кудрявый говорил о пожарах в Петер-

²⁸ ЦГВИА. ф. 9—л. оп. 68/9. 1 отд. 2 ст., 1862 г., д. 41, л. 199.

²⁹ Там же, лл. 196—198.

³⁰ ЦГВИА. ф. 9—л. оп. 68/9. 1 отд., 2 ст., 1862 г., д. 41, лл. 346—364.

бурге и появлении тайных прокламаций. По-видимому, некоторое влияние на Кудрявого имел ротный командир Юхневич, так как Кудрявый писал в «Дневнике», что Юхневич прибил («привязал») его к себе, вызвал на откровенность и от разговоров о домашних делах перешел к обсуждению распоряжений правительства и положения в Польше. Однако на следствии оба отрицали эти факты.

29 июня 1862 года по приказанию командира отдельного корпуса внутренней стражи генерала-от-кавалерии фон-дер-Лауница Кудрявый был снова допрошен и заявил, что его увлечение было следствием тягостного положения, которое создалось в связи с потерей надежды на получение офицерского звания и недостатком средств, особенно после смерти матери, которая высылала ему деньги сверх суммы, назначенной отцом. Он выразил глубокое раскаяние и «со слезами» умолял пощадить его. К делу приобщена написанная в это время рукопись Кудрявого «Еще душевное признание», в которой он снова говорит об отсутствии злого умысла: «Одно только прошу, бога ради, не думайте, что я по душе злодей, желающий зла своей отчизне»³¹.

В комиссии военного суда 27 июля 1862 г. Кудрявый полностью подтвердил показания, данные на предварительном следствии, и снова заверял, что все это «было без всякого злого умысла» и «произошло в запальчивости и по причине безденежья»³². Комиссия признала Кудрявого виновным «в произнесении в присутствии нижних чинов одной с ним роты и в употреблении в своем сочинении под названием дневника дерзких и оскорбительных слов и выражений против священной особы государя императора и правительства» и первого августа приговорила: «...лишив дворянского достоинства, юнкерского звания и всех прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на 11 лет»³³.

Командир корпуса Лауниц в своем мнении по поводу приговора полагал, что Кудрявый «по всей строгости законов» подлежит «ссылке в каторжную работу на заводах на 6 лет...». Вместе с тем, принимая во внимание, что слова Кудрявого не оказали вредного влияния на нижних чинов, молодость и недостаточность образования, его 6-летнюю беспорочную службу, полное признание и чистосердечное раскаяние, Лауниц считал возможным ходатайствовать об облегчении меры наказания³⁴. 2 октября 1862 года генерал-аудиторiat вынес определение по делу Кудрявого, в котором отметил, что Кудрявый «за преступления эти... подлежит смертной казни». Но так как Кудрявый судился обыкновен-

³¹ ЦГВИА, ф. 9—л. оп. 68/9, 1 отд., 2 ст., 1862 г., л. 41, лл. 224—227, 240—241.

³² Там же, лл. 281—286.

³³ ЦГВИА, ф. 9—л. оп. 68/9, 1 отд., 2 ст., 1862 г., л. 41, л. 3.

³⁴ Там же, лл. 3—4.

ным военным судом (не по полемому уголовному уложению) и принимая во внимание ходатайство Лауница, генерал-аудиториат приговорил: сослать Кудрявого «в каторжную работу в крепостях на двенадцать лет». Остальные лица, прикосновенные к делу, были освобождены от всякой ответственности. 4 октября Александр II утвердил этот приговор «с тем, чтобы срок каторжной работы Кудрявому сократить на шесть лет»³⁵.

Как уже говорилось, дворянин по происхождению, С. Кудрявый выражал настроения той части дворянства, которая не сумела приспособиться к отмене крепостного права, понесла определенные убытки и переживала материальные затруднения. Но дело С. Кудрявого содержит сведения и об оппозиционных настроениях прогрессивного характера в Новгороде 1861 — 1862 годов и о тех лицах, которые были им особенно подвержены. Из этих сведений, к сожалению, весьма скудных, видно, что некоторая часть населения Новгорода выражала недовольство против царского правительства. Заявление Кудрявого о том, что «в Новгороде почти все подготовлены к революции», является, несомненно, большим преувеличением. Однако оно подтверждает, что оппозиционные настроения в Новгороде существовали, а это являлось одним из показателей революционной ситуации начала 60-х годов.

Выше уже говорилось о том, что Кудрявый во время следствия указал несколько лиц, которые имели особенное влияние на его образ мыслей. Первыми были названы Людвиг Фехнер и Ксенофонт Гаевский, выпущенные из Новгородского кадетского корпуса в 1861 г. и с несколькими своими товарищами временно прикомандированные к местному батальону внутренней стражи. Если вспомнить о деятельности Михалевского и о тех «беспорядках», которые были обнаружены главным штабом военно-учебных заведений в 1861 году, то станут понятными серьезные опасения, возникшие после этого у военных властей. По их указанию было выяснено, что одновременно с Фехнером и Гаевским в батальоне внутренней стражи находились юнкера Платон Лихачев, Алексей Роппанет, Хрисанф Соловьев, Юлий Доморацкий, Дмитрий Мацкевич, Вячеслав Кегель, Леонид Бурков, Константин Писаренко, Иван Смирнов, Владимир Лавров и Николай Скорлов. В те соединения, куда были направлены до ареста Кудрявого Л. Фехнер, К. Гаевский и другие, инспекторский департамент военного министерства поспешил послать распоряжения о том, чтобы соответствующие командиры и начальники внимательно наблюдали за их благонадежностью³⁶. О причастности к делу Кудрявого гимназистов Васильева, Толбухина и Петрова было уведомлено

³⁵ Там же, лл. 56, 59—60.

³⁶ ЦГВИА, ф. 395, оп. 297/857, 2 ст., 1862 г., д. 49, л. 23.

Министерство просвещения, а о юнкерах Обухове и Пупышеве — поставлен в известность командир гренадерского корпуса³⁷.

В связи с показаниями Кудрявого о его связях с Гасабовым велось специальное следствие. При этом выяснилось, что Гасабов (Гасаба) был уроженцем г. Шемахи, воспитывавшемся в Новгородской гимназии. Окончив гимназию, он был без экзаменов принят в Константиновское военное училище, откуда в 1862 году был «при общем производстве юнкеров выпущен по слабости здоровья к статским делам с чином XIV класса», причем местом жительства избрал Петербург. Начальник Константиновского военного училища дал следующую характеристику Гасабову: «Человек этот не способен руководить, но по ограниченности своей способен увлекаться... Жил на казенном содержании, но экипировался хорошо, что подает повод думать, что у него есть денежные средства³⁸.

Таким образом, по делу Кудрявого проходит 16 других военнослужащих, в той или иной мере подозревавшихся в неблагонадежности. К сожалению, пока еще не обнаружены источники, необходимые для того, чтобы подтвердить или отвергнуть эти подозрения. С уверенностью можно сказать, однако, что значительная часть подозревавшихся лиц была заражена антиправительственными настроениями, и не столько дворянским фрондерством Кудрявого, сколько революционно-демократической идеологией, пропагандировавшейся Михалевским, Гагелем и их единомышленниками.

К концу 1862 года антиправительственные настроения среди военнослужащих Новгородского гарнизона стали постепенно спадать, но они не исчезли. Стал несколько меньше, но далеко не исчез интерес к различного рода «потаенной» литературе. В сентябре 1862 года в распространении революционных прокламаций и различного рода запрещенных изданий был заподозрен преподаватель Новгородского кадетского корпуса Б. Я. Сцыцборский³⁹. По требованию военного министра Д. А. Милютина штаб-офицер корпуса жандармов по Новгородской губернии полковник Буцковский произвел негласное дознание, в результате которого пришел к выводу о неосновательности имевшихся подозрений. В своем донесении он писал, что Сцыцборский «держит себя очень скромно, в разговорах не дозволяет себе выражать каких-либо мыслей, вредных для правительства, также и в преподавании не отвлекается от предмета, объясняемого им, чтобы передавать что-либо недозволенное; вообще его в корпусе любят и никто из сослуживцев, у которых я выспрашивал, не отзывался о нем невыгодно»⁴⁰. Сцыцборский был оправдан, но

³⁷ Там же, т. 12.

³⁸ ЦГВИА, ф. 725—д., оп. 1, д. 5739, лл. 4—5.

³⁹ ЦГВИА, ф. 395, оп. 297/857, 2 ст., 1862 г., л. 122, лл. 1—3.

⁴⁰ ЦГИАМ, ф. 109, 1-я эксп., 1862 г., д. 458, л. 4.

факт распространения нелегальной литературы в корпусе не был опровергнут. Следовательно, среди преподавателей или воспитанников находился кто-то, занимавшийся этим.

Заканчивая краткий и, в связи с недостатком источников, по-видимому, неполный обзор событий, характеризующих состояние новгородского гарнизона в годы первой революционной ситуации, подведем итоги сказанному и сделаем те выводы, которые уместны в настоящее время, когда затронутый вопрос только начинает изучаться.

Подавляющее большинство военнослужащих Новгородского гарнизона, как и русская армия в целом, оставалось верными царизму. Однако антиправительственные настроения распространились здесь довольно широко. Основным центром, из которого распространялись антиправительственные настроения вместе с «Современником» Н. Г. Чернышевского, различными изданиями А. И. Герцена и революционными прокламациями, являлся Новгородский кадетский корпус. Отсюда эти настроения расходились не только по новгородскому гарнизону, но в определенной степени и по тем частям русской армии, в которые получали назначения подготовленные в корпусе офицеры. Последнее утверждение не является умозрительным, оно может быть подтверждено рядом примеров.

В марте 1862 года сто шесть офицеров разных родов оружия выступили в «Северной пчеле» с гневным протестом против опубликованной «Военным сборником» статьи флигель-адъютанта полковника Э. Витгенштейна, нагло заявившего, что русский солдат не может исправно нести службу без телесных наказаний и не считает их унижением⁴¹. В недавно обнаруженном списке офицеров, подписавших протест, находим двух воспитанников Новгородского кадетского корпуса: поручика 19-й арт. бригады Н. А. Жданова и подпоручика 1-го резервного стрелкового батальона В. Хромецкого⁴². Два названных офицера вместе со своими товарищами не побоялись открыто выступить против опекаемого военным министерством журнала и быть обвиненными в коллективной борьбе против существующих порядков, в «действиях скопом». Это, разумеется, было бы невозможным, если бы они еще в корпусе не получили определенной идейной закалки.

Доказательством того, что наличие под протестом 106 офицеров подписей воспитанников Новгородского кадетского корпуса не является случайностью, может служить дальнейшая судьба В. Хромецкого. Во время польского восстания 1863 года в руках властей оказались несколько его писем, не оставляющих сомнения в

---

⁴¹ Э. Витгенштейн. Кавалерийские очерки. «Военный сборник», 1862 г., № 2, стр. 440.

⁴² ЦГВИА. ф. 395, оп. 299/859. часть обер-аудитора, 1862 г., д. 161, л. л. 9, 29.

том, что он сочувствует повстанцам и, по-видимому, помогает им⁴³. Хромецкий был арестован, подвергся ряду тщательных обысков. но в его вещах и бумагах «ничего сомнительного и предосудительного» не оказалось. Тем не менее, он был переведен в Оренбургский линейный № 6 батальон, т. е. отправлен в едва замаскированную ссылку⁴⁴.

Приводившийся в статье фактический материал, при всей своей неполноте, позволяет говорить о существовании различного рода оппозиционных настроений в новгородском гарнизоне во время революционной ситуации 1860-ых годов. Имеющиеся факты еще не дают возможности с полной достоверностью и во всех деталях реконструировать новгородские революционно-демократические организации; однако существование одной из них, как нам представляется, уже не может подвергаться сомнению. Речь идет о кружке, группировавшемся вокруг преподавателей Новгородского кадетского корпуса В. Михалевского и Гагеля и состоящем из его воспитанников и преподавателей, из гимназистов, из офицеров и юнкеров Новгородского батальона внутренней стражи. То, что известно о Михалевском, прямо указывает на наличие связей этого кружка с ближайшим окружением Н. Г. Чернышевского и с революционным обществом «Земля и Воля».

---

⁴³ ЦГВИА, ф. 395, оп. 297/857, 1863 г. 2 ст., д. 31, лл. 1—5, 16—19.

⁴⁴ Там же, лл. 3, 20—31.

Г. С. РАБИНОВИЧ

ВЛИЯНИЕ СОЛЯНОГО ПРОМЫСЛА НА РАЗВИТИЕ ТОВАРНО - ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТАРОРУССКОМ УЕЗДЕ В XVII ВЕКЕ

Документы, которыми мы располагаем, не позволяют точно установить начало солеварения в Старой Руссе. Но можно с полной уверенностью сказать, что его расцвет относится к XV—XVI векам. Об этом свидетельствуют сравнительные данные о движении населения Старой Руссы с конца XV по начало XVIII века.

В конце XV века по подсчету В. Н. Бернадского в Старой Руссе было около 1000 дворов, подавляющее большинство которых занималось солеварением¹.

В середине XVI века по разрядному и разметному списку 1545 года в Руссе насчитывалось 1.473 тяглых двора, а с нетяглыми 1.545 дворов². К концу XVI века население Руссы несколько уменьшилось, но она все же оставалась довольно большим городом. До «Литовского разорения» 1581 года в ней числилось 1254 тяглых двора³. Однако захват города войсками Стефана Батория, моровое поветрие и голод начала XVII века и последовавшая затем шведская оккупация привели к полному опустошению города. «А после немецкие отдачи в Старой Русе на посаде посадцких дворов несколько не осталось,—говорится в наказе писцам 1622 года,—а которые посадцкие люди после немецкие и литовские войны остались, и те живут на Москве, и в Новгороде, и по иным городом»⁴.

Во второй четверти XVII века город постепенно заселяется, но былого расцвета он уже не достигал. По переписи 1625 года в Рус-

¹ В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, стр. 136—137. Подчеркнуто нами Г. Р.

² Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889, стр. 52.

³ П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. II. Киев, 1919, стр. 22.

⁴ С. Веселовский. Акты писцового дела, М., 1913, стр. 172.

се насчитывалось «в живущем» всего 137 дворов, из них в 43 жили стрельцы и в 68 посадские черные люди⁵.

В середине XVII века население Руссы несколько увеличилось⁶, достигнув к 1678 году 455 дворов, из которых 356 было посадских, гостинных и бобыльских⁷. В начале XVIII века численность населения Руссы оставалась приблизительно на том же уровне⁸.

О солеваренных промыслах Старой Руссы до XVII века мы имеем весьма смутное представление. Впервые серьезно подошел к изучению данных писцовых книг конца XV века о старорусском солеварении В. Н. Бернадский. Он пришел к выводу, с которым нельзя не согласиться, что именно «соляной промысел и собрал на берегах Полисти все то разнообразное население, которое мы находим в Руссе в XV веке»⁹.

Наиболее впечатляющую картину степени развития солеваренной промышленности в Старой Руссе в конце XVI — начале XVII веков создает перепись 1625 года. Здесь было четыре соленых озера, соединенных между собой деревянными трубами, которые расходились по всему посаду. Основным источником соленой воды было «ключевое соленое озеро», имевшее в длину 100 сажен (233 м) и в ширину 32 сажени (73,6 м) в одном конце и 6 сажен (14 м) в другом¹⁰. Его соединяла с другим «копаным» озерком труба 10 сажен (23 м) и «копаная речка» длиной в 120 сажен (276 м) и 6 сажен (14 м) в ширину¹¹.

Помимо озерков резервуарами, в которых накапливалась соленая вода, служили 4 колодца — «рознимальники». Поверхность их равнялась 36—100 кв. саж. (149—530 кв. м), а глубина 3 саж. (7 м)¹².

Деревянные трубы, уложенные наклонно под землей, соединяли соленые озера и рознимальники с небольшими колодцами, находившимися вблизи варниц. Малых рознимальников в Руссе по писцовой книге было 250¹³. О размерах солеварения в Руссе в

⁵ Рукописное отделение Публичной библиотеки им. Сааттыкова-Щедрина. Писцовая книга Старой Руссы 1625 г., лл. 186, об. — 187.

⁶ По подсчету П. П. Смирнова в Руссе в 1648 г. числилось 174 посадских и бобыльских двора. (П. П. Смирнов, ук. соч., стр. 22).

⁷ Центральный Гос. Архив Древних Актов (в дальнейшем ЦГАДА). ф. Поместного приказа, кн. 8.570, лл. 652 об. — 660, 664 об.

⁸ По переписи 1707 г. в Старой Руссе было 345 посадских дворов. (Архив ЛОИИ, коллекция актовых книг № 115, ведомость сравнительная дворам в городах Новгородской епархии 1678 и 1707 гг., л. 171).

⁹ В. Н. Бернадский, ук. соч., стр. 137.

¹⁰ Писцовая книга Старой Руссы 1625 г., л. 193 об.

¹¹ Там же, л. 194.

¹² Там же, лл. 194—195.

¹³ Там же, лл. 139 об. 140. В варничных книгах соляного промысла Иверского монастыря в Старой Руссе малые рознимальники носят название ульев. Более подробные сведения об устройстве варниц и технике солеварения в Руссе изложены в статье автора «Соляной промысел Иверского монастыря в Старой Руссе в XVII веке», рукопись.

конце XVI—начале XVII веков говорит и тот факт, что площадь, где складывались варничные дрова и бревна, занимала 3 версты (3,2 км) в длину и 5 саж. (11,7 м) в ширину по обоим берегам р. Полисти.

По данным переписи 1607 года, отразившим положение города в конце XVI века, в Руссе было 509 варниц и варничных мест, из которых в начале XVII века действующих было лишь 174¹⁴. В 1625 году писцы насчитали в Руссе 183 варницы и варничных места, но соль варили в это время лишь в 8¹⁵.

Во второй четверти XVII века солеварение в Руссе постепенно восстанавливается. Особенно быстрый рост его наблюдается во второй половине XVII века. В 1662 году в Руссе насчитывалось не менее 52 действующих варниц¹⁶, а в первой половине XVIII века их было 87¹⁷.

Возрождение солеваренной промышленности Старой Руссы происходит на иной основе — новые варницы устраиваются «по-пермски» и «по-балахонски». Перестройка варниц по пермскому образцу вела к их укрупнению и более развитому разделению труда, что в конечном итоге увеличивало их производительность и доходность. Так, в сметном списке окладных доходов и расходов Старой Руссы 1646 года с государевой варницы «старорусского строения» предполагалось получить 156 руб. 18 алт. 1 д. «соляные прибыли», а с варницы, устроенной «по-пермски»,—215 руб. 23 алт. 3 д.¹⁸ В той же росписи упоминаются в качестве рабочих, обслуживающих старую варницу, лишь варцы и кузнецы, а в варнице «пермского строения» помимо варцев — подварки, водолен и подвозчики дров¹⁹. В той же государевой варнице старорусского строения в 1646 году было сварено 2.458 $\frac{1}{4}$ пуд. соли²⁰, в то время, как в варницах Иверского монастыря, построенных в 50—60-х годах, вываривалось в год 4—5 тыс. пуд.²¹

¹⁴ Там же, лл. 210—210 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В окладной книге 1662 г. в Руссе перечислено 36 варниц посадских людей, 6 монастырских (1 Юрьева монастыря, 1 Хутынского и 4 Иверского), 1 варница боярина И. В. Морозова и 2 государевых. Кроме того было еще 7 варниц Иверского монастыря, не подлежащих обложению. Таким образом всего в это время было не менее 52 варниц. (См. ЦГАДА, ф. 137, Городовая книга по Старой Руссе № 56).

¹⁷ ЦГАДА, ф. 353, Главная соляная контора, д. № 1345, 1752 г., л. 5 об.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 137. Городовые книги Старой Руссы, 1646, № 6, лл. 935, 937 об.

¹⁹ Там же, л. 962.

²⁰ Там же, л. 935 об.

²¹ По варничным книгам соляного промысла Иверского монастыря в Старой Руссе можно установить, что его 11 варниц давали в год 40—50 тыс. пуд. соли. Были годы, когда вываривалось до 64 тыс. пуд. Значит каждая варница давала около 4—5 тыс. пуд. в год, а все 52 варницы — 200—260 тыс. пуд. (См. ук. в примеч. № 13 статью автора).

В первой половине XVII века, наряду с посадскими людьми, в Старой Руссе владели варницами новгородские монастыри: Юрьев, Хутынский, Духов, Отенский, а также старорусский Спасский. Во второй половине века сохранили свои варницы в Руссе лишь Юрьев и Хутынский монастыри. По ходатайству патриарха Никона царь разрешил в 1654 году патриаршему Иверскому монастырю принять по вкладу гостя Парфения Веневитова его шесть соляных варниц в Старой Руссе. В конце 50-х — начале 60-х годов монастырь построил в Руссе еще пять варниц. Соляной промысел Иверского монастыря — самый крупный в Старой Руссе, был весьма нежелательным конкурентом для посада, поскольку он пользовался рядом льгот и привилегий.

В связи с тем, что сведения о посадском солеварении Старой Руссы неполны и разрознены, мы дальше используем данные архива Иверского монастыря о монастырском солеварении.

По самым осторожным подсчетам солеваренные промыслы Старой Руссы во второй половине XVII века давали от 200 до 260 тыс. пуд. соли в год²². Сюда приезжали за солью посадские торговые люди из 30 городов и крестьяне из 12 уездов Московского государства (Ржева, Торопца, Пскова, Новгорода, В. Лук, Велижа, Витебска, Полоцка, Твери, Можайска, Смоленска и др.). Русса снабжала своей солью район радиусом в 200—400 верст²³.

В конце XVII века под влиянием конкуренции более дешевой волжской и соликамской соли старорусские солеваренные промыслы переживают застой и постепенно приходят в упадок²⁴.

Петр I, проезжая в 1693 году через Старую Руссу, нашел частное солеварение в большом упадке²⁵. Круг покупателей старорусской соли сильно сузился, однако и в начале XVIII века Старая Русса снабжала своей солью значительный район.

В 1709 году, как это устанавливается по подрядным записям, зарегистрированным в приказной палате, из Руссы было вывезено 97.300 пуд. соли в Петербург, Ладогу, Новгород, Псков, Тихвин, Гдов, Нарву, Порхов, Торопец, В. Луки²⁶. Надо полагать, что какое-то количество соли помимо этого было продано также и в самой Руссе.

В рамках журнальной статьи нет возможности дать более полную картину старорусского солеварения. Эти вопросы автором освещены в специальных статьях «Солеваренный промысел Иверского монастыря в XVII веке» и «Рынок сбыта Старорусской соли в XVII веке» и подлежат дальнейшему изучению.

---

²² Там же.

²³ Статья автора «Рынок сбыта старорусской соли в XVII в.», «Научные доклады высшей школы», Исторические науки, 1961, № 3, стр. 94—95.

²⁴ Там же.

²⁵ М. И. Полянский, Историко-статистический очерк Старой Руссы. Новгород, 1885, стр. 39.

²⁶ ЦГАДА, ф. 658, Старорусская крепостная контора, № 5.

Целью данной статьи является освещение вопроса о влиянии солеваренной промышленности на развитие товарно-денежных отношений среди сельского населения Старорусского района.

* * *

«Как только городская промышленность как таковая отделяется от земледельческой, ее продукты с самого начала являются товарами, и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли»²⁷ — пишет Маркс. Росту товарного обращения в эпоху феодализма способствует не только продажа продуктов городской промышленности, но и спрос последней на сырье и оборудование, поставляемые деревней, что способствует втягиванию сельского населения в товарно-денежные отношения.

Многовековое существование соляных промыслов в Старой Руссе не могло не сказаться на занятиях и быте окружающего сельского населения. Деревянное оборудование варниц, холст и рогожи для мешков — все это большей частью поставляли для соляного промысла крестьяне Старорусского и других ближайших уездов и отчасти жители города. Лес для постройки и ремонта варниц, для устройства рассольных колодцев и труб, для желобов, полатей и другого оборудования варниц поставлялся в Руссу крестьянами отдаленных погостов Старорусского и Новгородского уездов. Особо высокого качества и определенного размера бревна шли на изготовление рассольных труб.

В 1709 году крестьяне Деменского погоста Новгородского уезда пригнали по реке Полисти солевару Ульяну Блохину²⁸ 600 бревен (4—6 саж. в длину и 6—9 вершков в диаметре). Для государева соленого озера был куплен у крестьян Коломенского погоста Старорусского уезда «трубной лес» «50 дерев»²⁹, у крестьян того же Деменского погоста в 1710 году куплен был крестьянином Рамышевского погоста Никитой Прониным «варничный лес» — 200 дерев и 300 «тесниц»³⁰.

Варницы в XVII вке были устроены так, что пары при солеварении не имели достаточно свободного выхода и потому крыши часто портились. Тес, драницы, скалы³¹ для ремонта крыш покупались в огромных количествах. В 1645 году крестьянин Петровского погоста Старорусского уезда С. Звонской и старорущанин «государев трубник» Д. Трофимов подрядились поставить 2 тыс. драниц гостю Ф. Веневитову за 5 руб.³² Иверский монастырь для

²⁷ К. Маркс. Капитал. т. III, М., 1955, стр. 344.

²⁸ ЦГАДА, ф. 658, Старорусская крепостная контора. № 5 л. 7, об.—8.

²⁹ Там же, л. 63.

³⁰ Там же. № 6, л., 32 об.

³¹ Скала — береста, специально приготовленная для крыши под тес.

³² Архив ЛОИИ, ф. Иверского монастыря оп. 2, карт. 1, 1645—54 гг., д. № 60, л. 1.

своих 11 варниц ежегодно закупал 4,5—9 тыс. драниц, 500—2000 скал и сотни «тесниц»³³. Драницы и тес привозились в Старую Руссу преимущественно из Славитинского и Должинского погостов Старорусского уезда и из Новгородского уезда, а скалы — из Снежского погоста Старорусского уезда.

Крестьяне Старорусского и Новгородского уездов поставляли также солеварам «варничные колоды»³⁴ и деревянные «сливальные ковши». Варничные колоды доставлялись в Руссу, главным образом, из Новгородского уезда, а ковши — из Рамышевского погоста Старорусского уезда. В варничных книгах Иверского монастыря мы находим записи о покупке у новгородских крестьян в 1670—71 годах 6 колод, в 1671—72 годах—7, в 1688—89 годах—20 колод³⁵. Солевар П. Маленкой купил в 1708 году у крестьян Новгородского уезда 10 колод, П. Кладухин — 3 сосновые колоды по 7 саж. (16,3 м) длиной³⁶.

Сливальные варничные ковши Иверский монастырь покупал постоянно в 60-х годах у крестьянина Рамышевского погоста Миши Богданова. В 1664 году он купил у него 294 ковша, а в 1667—68 годах 400 ковшей³⁷. Соляному промыслу требовалось также большое количество ведер, ушатов, которые также поставляла деревня. Из Рамышевского, а также Чертицкого погостов поступали телеги, колеса и дровни для подвозки дров к варницам³⁸.

При насыпке соли работники одевали лапти, которые также сгоняли пар покупались у крестьян. Наконец, на промысле изгреблялось большое количество рогож и холста, из которых изготовлялись мешки и кули для соли. Так, в 1667—68 годах для промысла Иверского монастыря куплено было 550 рогож, а в 1680—81 годах — 1000 рогож. В 1663 году для соляного промысла Иверского монастыря куплено было 780 арш. толстого холста³⁹, в 1665 году 50 арш. холста на «соляные мехи» у старорушанина посадского человека Офонки Сеченого⁴⁰, в 1680—81 годах у крестьянина Коломенского погоста было куплено 140 арш.⁴¹. Возможно, что холст ткали сами старорушане, но скорее они скупали его в деревне, а затем перепродавали, ибо среди населения

---

³³ В 1665 г. было куплено 9 тыс. драниц, в 1667—68 гг. 5550, в 1680—81 гг. 5200 (ф. Иверского монастыря, оп. 1, № 33, л. 82 об., № 1023, л. 106, № 128, л. 79 об—81).

³⁴ Варничные колоды — это огромные корыта, достигавшие в длину до 16 м., выдолбленные из дерева. В них наливался соляной рассол.

³⁵ Там же, оп. 1, № 127, л. 102, № 85, л. 93 об., № 140, л. 123.

³⁶ ЦГАДА, ф. 658. Старорусская крепостная контора. 1708 г. № 4, л. 142. л. 45.

³⁷ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, оп. 1, № 28, л. 47 об., № 49, л. 60 об.

³⁸ На промысле Иверского монастыря в 1688 г. было 110 лошадей (см. там же, № 177, л. 24).

³⁹ Там же, № 22, л. 111 об.

⁴⁰ Там же, № 33, л. 82 об.

⁴¹ Там же, № 128, л. 79.

Старой Руссы ремесленников-холщевников мы не встречали. Мы не имеем сведений о покупке холста посадскими солеварами, но она несомненно значительно больше, чем у монастыря, ибо монастырь продавал почти всю свою соль на месте, а посадские вывозили ее в значительном количестве за пределы города.

Пригородные деревни поставляли также уголь для старорусских кузниц, в которых изготовлялись и чинились црены и другое железное оборудование для варниц. Уголь для монастырских кузниц постоянно поставляли крестьяне пригородных деревень — Скрыпково и Козоны Петровского погоста, Гридино, Заболотье, Кобылкино и Чуриково Рамышевского погоста. Монастырский промысел покупал уголь партиями от 10 до 100 кулей у разных крестьян этих деревень. За 1667—68 годы было куплено всего 813 кулей.

В 90-х годах монастырь уже заключает подрядные записи на поставку угля. Так, в 1694—95 годах крестьянин дер. Брагино Петровского погоста Мелешка Савельев «имал... подряд на уголь»⁴². Надо полагать, что и посадские солевары также покупали уголь в деревне. В 1662 году на посаде было 7 кузниц и только при одной из них имелся угольник⁴³.

Значительный приработок крестьянам Старорусского и Новгородского уездов давал вывоз соли из Старой Руссы. В 1709 году из Руссы было вывезено различными подрядчиками на крестьянских подводах и на речных судах 97.300 пудов соли⁴⁴. Подрядчиками являлись преимущественно посадские люди гор. Старой Руссы, а извозчиками — крестьяне окрестных деревень. В том же 1709 году старорущанин Гр. Моисеев дважды подряжался на перевозку соли по зимнему пути в Псков на 15 тыс. пудов⁴⁵. Если учесть, что на одну подводку грузили не более 20—25 пудов, то на перевозку данного количества соли потребовалось 600—650 подвод.

В архиве Иверского монастыря сохранились многочисленные сведения о найме крестьянских подвод для перевозки соли. Этот монастырь продавал большую часть своей соли на месте в Руссе, но и ежегодно отправлял 3—4 тыс. пудов ее в Валдай в монастырь, 800 пудов — на монастырское подворье в Москву и 300—400 пуд. — на подворье в Новгород. Для перевозки нанимались обычно крестьяне села Рахина, Яжелбиц и других населенных пунктов. В 1671—72 годах в монастырь из Старой Руссы было отпущено 5.200 пудов соли на «наемных подводах». За провоз извозчикам

⁴² Там же, № 360, 1695—96 гг., л. 82.

⁴³ ЦГАДА, ф. 137. Городовые книги Старой Руссы 1662 г., № 56, л. 6 об. Угольник — помещение для хранения угля.

⁴⁴ Там же, ф. 658. Старорусская крепостная контора, № 5.

⁴⁵ Там же, л. 103—103 об.

дано было 96 руб. 23 алт. 2 д.⁴⁶, т. е. в среднем по 3,5 деньги с пуда.

Мы не касаемся здесь кирпичного производства, которое тоже в значительной мере обслуживало соляные промыслы. В варничных книгах Иверского монастыря сохранилось много записей о покупке кирпича и камня для варничных печей, но производились они исключительно у посадских людей.

Состояние источников не позволяет определить объем закупок материалов и оборудования посадскими солеварами. Лишь в отдельных случаях его можно определить для монастырского промысла. Но и эти, далеко не полные данные, свидетельствуют о том, что ряд сельских ремесел и промыслов в Старорусском и Новгородском уездах был вызван к жизни развитием солеварения в Старой Руссе.

Однако при примитивности техники в XVII веке главный расход соляного промысла составлял расход на дрова. Анализ бюджета соляного промысла Иверского монастыря, произведенный нами, показал, что на дрова расходовалось более половины годового бюджета⁴⁷.

Солеваренные промыслы Старой Руссы поглощали ежегодно огромное количество дров. Годовая потребность в дровах, по нашим расчетам, равнялась 60—85 тысячам сажен⁴⁸. Заготавливались дрова в Старорусском и Новгородском уездах в погостах, расположенных по берегам реки Полисти, Порусьи, Ловати, Рядьи, Снежи, Лютой, Полю и др.

За сотни лет существования солеваренного промысла леса вокруг Руссы были сильно вырублены, и потому район лесозаготовок отодвигался все дальше. Так, Иверский монастырь в 60—70 годах XVII века заготавливал дрова преимущественно в Воскресенском и Ефремовском погостах Старорусского уезда, а в конце века также и в более отдаленных Коломенском, Славитинском и Должинском погостах. Заготовка дров для солеваренной промышленности Старой Руссы стала основным приработком для огромного большинства крестьян и бобылей Старорусского и ряда погостов (Налюцкого, Ляховецкого, Борковского, Курского, Деменского и др.) Новгородского уездов.

⁴⁶ Архив ЛОИИ. ф. Иверского монастыря, оп. 1, № 85, л. 105.

⁴⁷ В варницах Иверского монастыря в 1689—90 гг. на дрова было израсходовано 1.904 руб., а на оплату рабочих, ремонт и оборудование было израсходовано 1.610 руб.

⁴⁸ По варничным книгам промысла Иверского монастыря можно установить, что на одну варю (варя — время от начала выварки до выемки соли, в Руссе варя длилась 4 суток) уходило 30 саж. дров. В среднем в каждой варнице производилось в год 40—55 варь. На одну варницу, таким образом, уходило 1.200—1.650 саж. дров в год, а на 52 (в 1662 г.) 62.400—85.200 саж. В последующие годы, как указывалось выше, количество варниц в Руссе увеличилось, но солеварение в конце XVII — начале XVIII вв. шло не столь интенсивно, многие варницы простилаивали и потому, думается, эту цифру можно принять для начала XVIII в.

Дровяной промысел был основным промыслом и главным источником денежных доходов в хозяйстве подавляющего большинства старорусских крестьян. На это прямо указывали власти Иверского монастыря в своем письме к патриарху Никону. В 1655 году они писали, что их «крестьяня оскудили и оброку им взять нигди; а посадские люди наших крестьян дров сечь и возить не наймут, а у них... и промысел, что дрова к варницам готовили»^{48 а}.

Чтобы обеспечить соляной промысел дровами, как монастырские, так и посадские солевары заключали с крестьянами договоры на поставку дров, выплачивая деньги вперед. Самые ранние договоры на поставку «варничных» дров дошли до нас от 1649—54 годов. Это «подрядные записи» околорусских крестьян с гостем Федором Веневитовым и с «дворником» подворья Юрьева монастыря Гр. Прокофьевым.

Заготавливались дрова на реках Порусье и Ходыни. Договоры заключались обычно на «сечку, воску и метку», т. е. крестьяне должны были заготовить дрова в лесу, сложить их в «костры», вывезти на своих лошадях на берег реки и весной сметать в реку. Деньги дровопоставщики всегда получали вперед. В случае же, если дровопоставщики не выполняли договора в срок или поставляли дрова плохого качества («тонки и суковаты»), они обязывались выплатить удвоенную сумму аванса и сверх того «за варничный простой и убытки и волокиты и за остальной и за пометной за всякий елтыш» по 10 денег⁴⁹.

Позднее договоры на поставку дров приобретают по преимуществу форму заемной крепости. До нас дошло несколько сот заемных крепостей начала XVIII века, заключенных крестьянами Старорусского и Новгородского уездов со старорусскими солеварями.

Наряду с заемными крепостями в это время встречаются и подрядные записи. От заемных крепостей они отличаются лишь по форме.

Поставка дров крестьянами непосредственно в Руссу практиковалась, главным образом, мелкими солеварями. Крупные же солевары доставку дров в Руссу организовывали сами.

П. И. Маленкой, владевший в начале XVIII века в Руссе 8 варницами, постоянно нанимал крестьян Рамышевского и Петровского погостов Старорусского уезда для «гонки» плотов с реки Пола в Старую Руссу. В 1708 году трое крестьян «заняли у... Петра Маленкого денег 9 рублей, а за те деньги пригнать им займщикам ему, Петру, готовых его варничных дров елтышев 40

^{48-а} РИБ, т. 5, стр. 169.

⁴⁹ Там же, оп. 2, карт. 1, 1645—1652 гг., д. № 60, лл. 6, 11, дд. № 70, 93, 97, 100, 101, 179.

плотов»⁵⁰. В том же году ему пригнали еще 80 плотов, а в 1710 году он четыре раза нанимал крестьян для сплава дров из Новгородского уезда в Руссу. Всего в этом году было пригнано 240 плотов и на сплаве было занято 33 человека⁵¹.

До середины XVII века дрова для старорусских солеваров заготавливались, главным образом, в дворцовых погостах, расположенных вблизи Руссы. За право заготовки дров солевары платили в казну небольшой оброк.

Во второй половине XVII века условия для снабжения соляных промыслов посадских людей Старой Руссы дровами значительно усложнились. В 1654 году 11 ближайших к Руссе дворцовых погостов были переданы в вотчинное владение Иверскому монастырю. Монастырские власти чинили всяческие препятствия посадским солеварам, которые ранее свободно заготавливали дрова в этих погостах.

Иверский монастырь, монополизировав ближайшие к Руссе лесные угодья, поставил посадских солеваров в очень невыгодное положение в отношении дровозаготовок. Это вызывало с их стороны постоянные протесты и жалобы царю. Борьба за право пользования лесными угодьями велась между посадскими солеварами и монастырем на протяжении всей второй половины XVII века и принимала порой очень острые формы.

Наиболее полное изложение всех обид, чинимых посадку Иверским монастырем, мы находим в челобитной старорушан царю начала 90-х годов. В челобитной, подписанной 174 посадскими людьми, говорится: «...к варничному соляному промыслу дров сечь и припасать в Старорусском уезде нам негде, потому, что ныне в Старорусском уезде все их монастырские вотчины, а иных вотчин в Старорусском уезде малое число и те в неугодных местах». И от этого «нам, соляным промышленникам, великое разорение, потому что... в Старорусском уезде дров припасать негде, а припасаем мы и гоняем дрова из Новгородского и Торопецкого уездов, верст за полтораста и болши, болшими и малыми реками, с великою нуждою и те дрова ставятся нам дорогою ценою»⁵².

Завладев лесами, Иверский монастырь стремился также монополизировать наиболее удобные сплавные реки. В той же челобитной посадские люди жаловались, что с тех пор как старцы Иверского монастыря начали в варницах соль варить «и промышлять с нами вряд, и дрова по Порусье секут и гонят оне, а нас холопей и сирот ваших по той Порусье, реки дров сечь и гонять мочью своею не пушают и по се время»⁵³. Даже Никон, столь рья-

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 658, Старорусская крепостная контора, № 4, 1708 г., л. 8 об.

⁵¹ Там же, 1710 г. № 6, лл. 27—27 об., 34 об.

⁵² Акты исторические, т. V, СПб, 1842, стр. 410, 414.

⁵³ Там же, стр. 409—410.

но защищавший интересы соляного промысла Иверского монастыря в его борьбе с посадом, был возмущен их непомерными требованиями. На письме начала 60-х годов, в котором монастырские власти просили Никона ходатайствовать перед царем о предоставлении им монопольного права сплава дров по реке Порусье — он сделал такую приписку: «то от вашего безмерия, что захотела без нашего ведома вдруг забогатеть: добро бы ныне и смирнее»⁵⁴.

Конечно, полностью запретить заготовку дров для посадских солеваров в своих владениях монастырь не мог. Это лишало его вотчинных крестьян весьма существенного приработка да и самому монастырю для его 11 варниц леса хватало с избытком. В конце концов за пользование монастырскими лесными угодьями был установлен особый оброк — брязга, который выплачивался крестьянами-дровопоставщиками, заготавливавшими дрова для посада, или солеварами, бравшими на оброк монастырские пустоши, заросшие лесом.

В архиве монастыря сохранилась тетрадь 203 (1694—95), «а в ней записка Ловоцким дровам, что сечены на Ловоти на посадских людей, а с них имано в монастырскую казну, брязги с сажени по 4 деньги»⁵⁵.

Многие крупные солевары Старой Руссы имели пасеки в Новгородском уезде и платили брязгу за право заготовки дров новгородским помещикам. Так, один из крупнейших солепромышленников Старой Руссы П. И. Маленкой в 1708 году уплатил «бязговые деньги» новгородскому помещику Конону Голохвастову «за сечку в угодьях ево в усадьби Устье Белой за дрова за 2000 саж». ⁵⁶ В 1709 году тот же Маленкой заключил договор с новгородским помещиком Антоном Дириным о том, что последний отдал в Молвотицком погосте «лесные свои угодья на сечку варничных дров на 2300 саж». ⁵⁷ Бязговых денег «рядил он Антон взягь от сажени по 2 деньги»⁵⁸.

Солепромышленники Дементий Прокофьев и Денис Сторожев заключили в 1708 году договор с помещиком Новгородского уезда И. В. Оничковым, который отдал на оброк свои лесные угодья «для дровяного промыслу... вперед на 10 лет, а за те леса, за дрова брать ему Ивану у них Дементия и Дениса бязговых денег с тысячи сажень дров по 20 руб. да по 8 пуд. соли»⁵⁹.

Помещики получали брязгу не только с солеваров, но и с крестьян, заготавливавших дрова для продажи. На этой почве проис-

⁵⁴ РИБ. т. V. СПб, 1878 г., стр. 418.

⁵⁵ Архив ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, оп. № 1. № 330, л. 1.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 658. Старорусская крепостная контора, 1708. № 4, л. 92, об.

⁵⁷ Там же, 1709, № 5, л. 108 об.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, 1708 г. № 4, л. 118.

ходили конфликты между помещиками и крестьянами, которые зачастую самовольно рубили дрова в помещичьих лесах. В Старорусской крепостной конторе в 1709 году записана мировая сделка после длительной тяжбы между новгородским помещиком Алексеем Диринным и крестьянином погоста Черенчиц Старорусского уезда. Тяжба шла из-за того, что крестьянин Иван Михайлов «посек насильно» на поместной земле Дирина лес. Дирин требовал возмещения за 7 лет по 12 руб. за год. На того же Ив. Михайлова «били челом» также племянник Дирина, Леонтий «в отнемном своем кафтане» и Василий Терпигорев «в посеченном своем лесу на варничные дрова, в прогоне тех дров»⁶⁰.

Брязга — типичный феодальный оброк. Она ложилась, прежде всего, на плечи крестьян-дровспоставщиков, уменьшая их заработок. В то время как старорушане и новгородцы платили светским и духовным феодалам по 2—4 деньги брязги с сажени, крестьяне Чердынского уезда, которые снабжали дровами солеваров Соли Камской, рубили дрова в казенных лесах беспошлинно⁶¹.

Вместе с тем взимание брязги увеличивало себестоимость соли посадских солеваров, ставя их в невыгодное положение на рынке по сравнению с монастырским промыслом.

Поставка дров, материалов и оборудования для соляных промыслов Старой Руссы способствовала значительному развитию товарно-денежных отношений в соседних с Руссой уездах. Об этом свидетельствует челобитная старост всех погостов вотчины Иверского монастыря 1657 года, в которой они просят заменить им натуральные повинности денежным оброком⁶².

Указывая в числе натуральных повинностей поставку варничных дров и бревен, извести, годовых работников, плотников и т. д., они просят заменить натуральные повинности уплатой денежного оброка в 3000 руб. Монастырские власти после повторных ходатайств крестьян отменили ряд натуральных повинностей. в частности, поставку дров для варниц, но сохранили оброк хлебом, поставку бревен для варниц, извести для строительства в монастыре, а также годовых работников и плотников для работ в монастыре.

Придя к выводу, что бесперебойное снабжение дровами варниц невозможно обеспечить с помощью оброчной повинности, руководители соляного промысла Иверского монастыря переходят окончательно к покупке дров у своих же вотчинных крестьян. Трудно сказать, в какой мере практиковалась покупка дров в 50-х годах, ибо до нас не дошли варничные книги за эти годы. Но по данным варничной книги 1662—63 годов монастырь купил для соляного промысла 16.086 саж. дров и принял 3967 саж. от мона-

⁶⁰ Там же. л. 154.

⁶¹ Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М. 1957 г., стр. 253.

⁶² Архив ЛОИИ. ф. Иверского монастыря. оп. 2. карт. 3, 1657 г., л. № 39

стырских крестьян «оброчных гужевых дров» «по договорной записи за оброчные серебряные деньги»⁶³. В данном случае поставка дров в порядке оброчной повинности была мерой временной, вызванной недостатком у крестьян серебряных денег.

В дальнейшем мы встречаем поставку дров в порядке оброчной повинности лишь для нужд монастырского хозяйства в Валдае⁶⁴.

В 180 (1671—72) г. было «куплено у монастырских крестьян и у бобылей Воскресенского и Ефремовского погостов варнишных плавных дров 15.608 саж. Дано за сажень за сечку и за возку и за метку по 2 алт.»⁶⁵. У тех же крестьян и бобылей и у «подрядчиков» было куплено в том же году еще 2126 саж., а «всего куплено... и из лесу вывожено и в реку сметано и в Старую Руссу приплавлено 17.734 саж.»⁶⁶.

Покупка дров для соляного промысла систематически фиксируется в варничных книгах. Соляной промысел Иверского монастыря покупал 17—20 тыс. саж. дров ежегодно, но были случаи, когда заготовки достигли 24,5 тыс. и 28.822 саж. в год⁶⁷.

Таким образом сила экономического развития заставила этого крупнейшего вотчинника в деле снабжения дровами своего соляного промысла, работавшего на рынок — перейти к системе купли продажи. Но покупая дрова у своих же крепостных крестьян, монастырь использовал свою вотчинную власть для снижения цен на дрова.

Наиболее ранние сведения о ценах на дрова мы можем почерпнуть из упомянутых выше, подрядных Веневитова. В конце 40-х и начале 50-х годов XVII века заготовка и вывозка с «меркой» в реку сажени дров стоила 10—11 коп.⁶⁸.

В начале 60-х годов старцы Иверского монастыря платили за саж. дров по 4 алт. 2 д. (13 коп.) в переводе на серебряные деньги⁶⁹. В 70-х годах цены (по монастырским материалам) снизились до 2 алт. — 2 алт. 2 д. (6—7 коп.)⁷⁰: Такое резкое снижение цен на дрова, думается, связано было со снижением цен на соль почти вдвое по сравнению с концом 60-х годов. Если в 1667 годах пуд соли в Руссе продавали по 34,5 д. (17 коп.), то в 1670—71 годах она стоила уже 18 д. (9 коп.)⁷¹.

⁶³ Там же, оп. 1, № 22, 1662—63 гг., л. 4 об.

⁶⁴ Там же, оп. 1, № 73, 1670—71, № 187, 1688—89 гг.

⁶⁵ Там же, оп. 1, № 85, л. 49 об.

⁶⁶ Там же, л. 50 об.

⁶⁷ В 1667—68 гг., когда во всех 11 варницах было сварено 828 варь соли, дров было заготовлено 28.882 саж., а в 1687—88 гг. 24.408 саж.

⁶⁸ Там же, оп. 2, карт. 1, 1645—1652 гг., д. 60, лл. 6—11; дд. № 79, 85, 93, 97, 100, 101; карт. 2, 1654 г., д. 30, 41.

⁶⁹ Там же, оп. 2, карт. 20, 1667 г., д. № 5.

⁷⁰ Там же, оп. 1, № 127, л. 59—59 об. № 85, л. 49 об.

⁷¹ Таблица в ук. выше статье автора. «Рынок сбыта старорусской соли в XVII в.».

В 90-х годах цены на дрова снова повышаются. Руководители соляного промысла Иверского монастыря платили за саж. от 3 до 4 алт. (9—12 коп.)⁷², а в начале XVIII века—по 5 алт. 2 д. (16 коп.)⁷³. Правда, в начале XVIII века в цену монастырских дров включались и расходы по подноске их к варницам, в то время, как до этого времени учитывалась лишь плата за «сечку», «возку», «метку» и «гонку». Если вычесть стоимость подноски к варницам—5 ден. (2,5 коп.)⁷⁴, то сажень дров в начале XVIII века монастырскому промыслу стоила 4 алт. 3 д. (13,5 коп). Из заемных крепостей начала XVIII в. видно, что большинство посадских солеваров платило крестьянам-дровоставщикам по 15—20 коп. за сажень, а иногда по 24 и даже по 30 коп. Рост цен на дрова, надо полагать, был вызван удалением района заготовок от города. Думается, что это было одной из причин, вынудивших старорусских солеваров снова повысить цены на соль, что привело в конце концов к сужению рынка и сокращению выварки соли⁷⁵.

Анализ цен на дрова позволяет сделать и другой вывод, а именно — руководители монастырского соляного промысла покупали дрова по более низким ценам, нежели посадские солевары. Правда, сравнение можно привести только для начала XVIII века, но есть основание предполагать, что эта разница в XVII веке была еще больше.

Монастырские власти много лет подряд снабжали дровами государевы варницы в Старой Руссе (их было 2, а потом 3). В 1662 году возник спор между целовальниками государевых варниц и властями Иверского монастыря. Целовальники хотели заготавливать дрова для государевых варниц сами, а Иверские старцы боялись, чтобы они под видом заготовок для государевых варниц не заготавливали бы дрова и для своих варниц и, таким образом, река Порусья «во все лето... будет заперта»⁷⁶.

В письме к патриарху Никону монастырские власти просили ходатайствовать перед царем о запрещении целовальникам гонять дрова по р. Порусье, а если это не удастся, то просить хотя бы о том, чтобы монастырь поставлял для государевых варниц готовые дрова, «а по цены, почему у промышленников старорушан дрова за варницы станут и по той цены давали-б из государевой казны за те дрова деньги»⁷⁷. Спор разрешился в пользу монастыря, ибо в варничных книгах, начиная с 188 (1679—80), постоянно встречаем записи о выделении из монастырских запасов 3500—

⁷² Архив ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, оп. 1, № 260, лл. 56—57 об. 1692 г., № 289, лл. 49—51, 1693 г.

⁷³ Там же, оп. 1, № 911, л. 35—35 об. 1704 г.

⁷⁴ В 1692—93 гг. за подноску дров к варницам платили от 4 до 7 д., но чаще всего 5 д. (см. там же, оп. 1 № 296).

⁷⁵ См. ук. выше статью автора.

⁷⁶ РНБ, т. V, № 167.

⁷⁷ Там же.

4000 саж. «по подряду» для государевых варниц, ценою по 5 алт. 3 д.—5 алт. 4 д. (16,5—17 коп.)⁷⁸. Сам монастырь, как свидетельствуют записи, платил в это время за сажень по 2 алт. 1 д. без «волочки», т. е. с доставкой к варницам по 2 алт. 5 д. — 3 алт. (8,5—9 коп.).

Из этого следует, что монастырь в XVII веке покупал дрова почти в два раза дешевле, нежели посадские солевары. Надо полагать, что монастырские власти в немалой степени использовали свои владельческие права для нажима на своих крестьян с целью снижения цен. Немудрено поэтому, что крестьяне всегда охотнее поставляли дрова посадским солеварам, а не Иверскому соляному промыслу.

Так, в 1665 г. игумен Иверского монастыря Филофей в письме к Никону жаловался на своих крестьян, которые отказываются возить дрова для варниц монастыря, а подряжаются у старорушан посадских людей «варнишных промышленников, и дешевле нашего... и твой великого господина варнишной соляной промысел хотят остановить: денег в дрова не емлют неведомо для чего»⁷⁹. Правда, тут же выясняется и причина нежелания крестьян наниматься для возки дров к монастырским варницам. «И оне ж де крестьяне — пишет он далее — послали к тебе великому господину бити челом: будто се на них дрова наметывают возить по неволи, утая то, что у посадских людей, варнишных промышленников, наймутца и дешевле нашего»⁸⁰. В ответ на это письмо Никон приказал прислать к нему подрядчиков, «которые в людях подряживаютьца, а у вас де не подряживаютьца... за крепкими поруками; а там велеть сыскать, для чего у вас не подряжаютца, и тот сыск прислать к нам же»⁸¹.

В следующем году произошло столкновение по той же причине между монастырскими властями и Веневитовыми. В 1666 году из Москвы от Никона пришел приказ, чтобы монастырские крестьяне «отнюдь у Веневитовых в дрова и во всякие промыслы денег не имали и не наймовались»⁸². А если «сторонние люди у них начнут наймоваться и тех людей в монастырские леса и во всякие угодыя пускать не велеть. А буде кто из монастырских крестьян станут у тех Веневитовых в работу наймоваться, или в подряд подряжатца в дрова, и в иное что, или под извоз, или деньги в дрова и во всякие промыслы учнуть займать, и **тех крестьян велеть бити кнутом нещадно**, или сковав, присылать к нам, великому господину в Воскресенский монастырь»⁸³.

⁷⁸ Архив ЛОИИ, ф. Иверского моп-ря, оп. 1, № 128, л. 12—12 об., 1680—81 г. Надо полагать, что монастырь начал снабжать государевы варницы дровами значительно ранее, но книги с 1672 по 1680 г. не сохранились.

⁷⁹ РИБ, т. V, № 216.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, № 241.

⁸³ Там же. Подчеркнуто нами. Г. Р.

Таким образом, хотя в силу экономического развития монастырские власти и перешли в деле снабжения промысла дровами к покупке на основе свободного договора, но вместе с тем, они применяли и методы феодального принуждения, что вызывало протест крестьян.

* * *

Степень занятости крестьян Старорусского уезда дровяным промыслом вследствие неполноты и разрозненности, дошедших до нас источников, точно определить трудно, однако приблизительное представление они все же дают. Сохранились записи о раздаче денег за отдельные годы на «сечку» и возку дров Иверскими старцами и служебниками, и две записи о заготовке дров для посадских людей. Записей подрядчиков почти не дошло до нас.

Наиболее полную картину охвата крестьян дровопоставками дает запись 203 (1694—95 г.) по Коломенскому погосту, в которой зафиксированы поставки крестьян Иверского монастыря для посадских солеваров. Из 194 дворов этого погоста было занято дровопоставками 120 дворов, т. е. 61 процент. В погосте были деревни, где все дворы занимались дровопоставками. В д. Перегино было 13 дровопоставщиков на 11 дворов. Объясняется это тем, что зачастую берутся за поставку дров взрослые, но еще не отделившиеся сыновья. В д. Люблино из 8 дворов 7 было занято дровопоставками, в д. Лобынь из 15 дворов—14, в д. Середка из 8—6 и т. д. В той же книге мы находим сведения о дровопоставках крестьян отдельных деревень Рамышевского и Черенчицкого погостов. В погосте Рамышево из 26 дворов дровопоставками было занято 15 дворов⁸⁴, т. е. около 60 проц. (всего было заготовлено в Рамышеве для посадских людей 395 саж. дров, от 5 до 50 саж. на двор). В д. Ходынь Черенчицкого погоста из 11 дворов дровопоставками было занято 8 дворов, поставлявших от 10 до 50 саж. каждый, в д. Веряски из 16 дворов — 15 (по 3—20 саж.). Однако, в погосте Черенчицы из 29 было занято дровопоставками лишь 10 дворов.

Среди крестьян, занятых заготовкой дров для посадских людей, отмечается значительное число крупных дровопоставщиков. В упомянутой д. Перегино один лишь Ив. Борисов поставил 5 саж., но зато трое заготовили по 50 саж., а Григорий Федотов — 76 ажен. Большинство крестьян этой деревни заготовляет по 20—30 саж.⁸⁵ Архип Борисов из д. Галузино поставил 100 саж.,

⁸⁴ Архив ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, оп. 1, № 330, 1694—95 гг. Сведения о количестве дворов в деревнях нами взяты из книги обложения «сеными деньгами» в 204 (1695—96) г. № 345.

⁸⁵ Там же, оп. 1, № 330, л. 5 об. — 6

Козьма Юрьев и Матвей Мартынов из Залучья — по 50 саж., Григорий Кириллов из д. Лудова-Горка — 90 саж.⁸⁶, и т. д. Наряду с этим встречаются крестьяне, которые заготавливают по 4—5 и даже по 2 саж. Всего в Коломенском и ряде деревень Рамышевского и Черенчицкого погостов в 203 (1694—95) г. было занято заготовкой и поставкой дров для посадских солеваров 205 крестьян. Они заготовили 4858 саж. дров, т. е. в среднем по 24 саж. на человека.

Значительно больше дров для посадских солеваров в 208 (1699—1700) г. заготавлилось в Дретенском погосте. Здесь было меньше крестьян, занятых заготовкой и поставкой дров для посадских солеваров, ибо монастырские власти весьма широко размещали в Дретенском погосте авансы на дрова для своих варниц, но зато преобладали крупные дровопоставщики. Так, Тимофей Захарьев из д. Кривец заготовил 1500 саж., Федор Степанов из дер. Любитово — 650 саж., Ив. Барсученок из дер. Сараево—350 саж., Ем. Минин из дер. Щитогощи — 310 саж., Демка Ларионов из дер. Кобякино — 286 саж., Степан Линков из дер. Щетинин Бор — 550 саж.⁸⁷, Яков Иванов из дер. Козлово — 500 саж. и т. д. Всего было занято дровопоставками для посадских солеваров в Дретенском погосте 61 чел., которые заготовили 7285 саж. дров, т. е. в среднем по 120 саж. на одного дровопоставщика⁸⁸.

В 1703 году на реках Ловати и Редье, т. е. в тех же погостах было заготовлено для посадских людей 9048 саж. дров⁸⁹. Сохранились отдельные сведения о заготовке дров для посадских солеваров в Воскресенском и Петровском погостах начала 60-х годов XVII века. В Воскресенском погосте в дер. Свинухово у И. Савельева было «высечено» на Василия Веневитова 470 саж. 2 чет., в дер. Маурно бобыль Г. Григорьев заготовил для него же 1206 саж. и А. Никитин — 355 саж.⁹⁰. Для Никифора и Афанасия Веневитовых в дер. Воскресенье И. Лехков заготовил 554 саж., Н. Константинов из дер. Васильевщина — 210 саж., И. Харитонов из дер. Ожеедово — 1018 саж., Архип и Дорофей «с соседы» из дер. Великое Село поставили 1080 саж., Ивашка и Мишка — 500 саж., Г. Васильев из дер. Нагаткино Петровского погоста поставили Никифору Веневитову 1200 саж. дров⁹¹.

О значительном охвате дровопоставками крестьян свидетельствуют также записи о раздаче денег монастырскими служебника-

⁸⁶ Там же, оп. 1, № 457.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, оп. 1, № 909, лл. 19—22. В 1703 г. в монастырскую казну поступило брызговых денег 90 р. 16 алт., а поскольку за сажень брали в это время по 2 д., значит было заготовлено всего 9,048 саж.

⁹⁰ Там же, оп. 2, карт. 9, 1660—1661 г., д. № 7, лл. 1, 2.

⁹¹ Там же.

ми на вывозку дров для солеваренного промысла Иверского монастыря. В 1694—95 годах вывозкой дров было занято в Славитинском погосте 68 процентов крестьянских дворов, в Должинском — 73 процента, в Дретенском — 66 процентов и в Снежном — 64 процента, а всего было вывезено 6039 саж. дров⁹².

Таким образом, охват крестьян дровопоставками оказывается весьма значительным. Особенно широко были охвачены дровопоставками крестьяне Дретенского и Коломенского погостов. Есть основание предполагать, что крестьяне Воскресенского и Ефремовского погостов, являвшихся сферой деятельности монастырских подрядчиков, были также очень широко вовлечены в дровопоставки. Несколько меньше объем заготовок дров в остальных погостах, но все 11 погостов Старорусского уезда — вотчины Иверского монастыря и Лосский погост Дворцовой волости, а также ряд погостов Новгородского уезда были вовлечены в дело заготовки дров для солеваренных промыслов Старой Руссы.

Вовлечение крестьян в дровопоставки для солеваренных промыслов Старой Руссы, по нашим наблюдениям, способствовало углублению имущественной дифференциации крестьянства, хотя в целом в данном районе она еще обозначена слабо. Среди крестьян-дровопоставщиков в это время выделилась группа подрядчиков, которые играли роль посредников между рядовыми дровопоставщиками и солепромышленниками. Самые ранние сведения о подрядчиках в материалах Иверского монастыря дошли до нас от 1662 года. В варничной книге этого года мы находим имена семи подрядчиков, поставлявших дрова для соляного промысла монастыря. Наиболее крупным среди них является Левка Хохол, который поставил 3716 саж. дров и вывез 1940 саж., заготовленных самим монастырем, т. е. в общей сложности 5636 саж.⁹³ Подрядчики Ефим Иванов и Архип Ильин из Велико-го Села Воскресенского погоста поставили первый 935, второй — 997 саж., Юшка Фалельев из дер. Подсопочье — 1.740 саж., Иван Харитонов из дер. Ожеедово — 381 саж. и 1100 саж. вывез⁹⁴ и т. д. Всего в этом году подрядчиками было заготовлено 7 тыс. сажен и вывезено 3 тыс. саж. из общего количества 16 тыс. саж. заготовленных монастырем дров. В варничных книгах 1687—88 годов называются имена 11 дровяных подрядчиков из Воскресенского, Ефремовского и Лосского погостов⁹⁵, 1689—90 годов — 10 и 1690—91 годов — 16⁹⁶.

В 90-х годах на страницах дровяных тетрадей часто встречается имя подрядчика Исака Корнышева из села Караваево Дре-

⁹² Там же, оп. 1, № 342, лл. 7, 17 об., 36 об., 42. Общий итог по всем погостам подсчитан нами. Г. Р.

⁹³ Там же, оп. 1, № 22, лл. 74 об.—75, 77 об.

⁹⁴ Там же, лл. 75—77.

⁹⁵ Там же, оп. 1, № 189, л. 105 об.—106.

⁹⁶ Там же, оп. 1, № 217, л. 144 об., № 238, л. 146 об.

тенского погоста. В 1693—94 годах у него было принято монастырскими властями 2461 саж. дров, на заготовку которых он раздавал деньги крестьянам Петровского, Дретенского, Лосского, Славитинского и Снежского погостов⁹⁷. В 1694—95 годах монастырский служебник Лука Рыжик принял «в пасаках сеченых дров роздачи подрядчика Исака Корнышева» 2044 саж.⁹⁸

В начале XVIII века монастырь закупал дрова исключительно у подрядчиков. В 1703 году в монастырских варницах ушло около 8200 саж. дров, а у подрядчиков в этом году было куплено для соляного промысла 10.837 саж.

Монастырь снабжал подрядчиков деньгами, которые они раздавали крестьянам. В 1703 году из монастырской казны было выдано подрядчикам Мануилу Иванову и Луке Емельянову «в дровы» на раздачу крестьянам к 1704 году и на вывозку 870 руб.⁹⁹

Подрядчики, надо полагать, выделялись, главным образом, из зажиточной верхушки деревни. По переписной книге 1668 года и оброчным книгам вотчины Иверского монастыря удалось установить имущественное положение некоторых из них. Подрядчики Архип Ильин, Иван Харитонов, Петр Парфеньев и Пахом Кириллов относились к «прожиточным», тягла они платили с 1—1,5 осьминоков¹⁰⁰. Многие крупные дровопоставщики Дретенского погоста также относились к зажиточной части деревни. Так, Тимофей Захаров (1900 саж.) платил тягла с 1,75 осьминоков, Яков Иванов (5000 саж.) с 3-х осьминоков, Ем. Минин (310 саж.) с 1,5 осьминоков, Ефим Иванов (150 саж.) с 2 1/2 осьминоков, Федор Степанов (650 саж.) с 1 осьминки и т. д.¹⁰¹

Высокий процент крупных дровопоставщиков среди крестьян, поставляющих дрова посадским солеварам, также, думается, связан с их имущественным положением. Посадские солевары особенно мелкие и средние заключали договоры на поставку дров непосредственно к варницам, ибо организация сплава сравнительно небольших партий дров была невыгодна. А доставка дров на берег реки была по силам лишь средним и зажиточным крестьянам. Наоборот, монастырский промысел, который сам организовывал вывозку и сплав, втягивал в дровопоставки значительную часть бобылей. Так, в Дретенском погосте среди монастырских дровопоставщиков было 12 бобылей, а всего в погосте было 29 бобыльских дворов. В дер. Гарижа Петровского погоста было 8 бобылей и

⁹⁷ Там же, оп. 1, № 304, л. 7 об.

⁹⁸ Там же, оп. 1, № 164, л. 76.

⁹⁹ Там же, оп. 1, № 909, л. 33 об. У писца в итоге указано 835 руб., по нашему подсчету дано подрядчикам 870 руб. Г. Р.

¹⁰⁰ Там же, оп. 1, № 52, 1668 г., лл. 80 об., 83, 192 об. Осьминка — окладная единица, равная 1/8 выти. Выть — окладная единица, равная 6—8 десятинам.

¹⁰¹ Как нам сообщил проф. А. Л. Шапиро, по его наблюдениям в Старорусском уезде крестьян, плативших тягла с 1 осьминки, можно считать средними. .

1 подсосудник, из них в 203 (1694—95) г. дровопоставками занято было 5¹⁰².

Причем, весьма важно отметить, что в вывозке дров бобыли почти не участвуют. В той же Гариже крестьяне Аф. Прокофьев и Демка Моисеев подрядились на сечку, первый на 60 саж., второй на 40 саж. и па вывозку по 20 саж. каждый, а бобыли этой деревни хотя и берут в «сечку» по 20—30, а некоторые даже по 85—90 саж. (Ив. Чиж и Осип Савельев), па вывозку не подражаются совсем¹⁰³. И так по всем погостам за очень небольшим исключением.

Бобыли и крестьяне пригородных деревень также часто нанимались наряду с посадскими людьми для подноски дров к варницам. В «дрововолочных» тетрадах монастыря мы часто встречаем имена крестьян и бобылей пригородных деревень.

В 1691—92 годах для «волочки» дров нанимались бобыль дер. Гарижи Гаврила Змазнев и крестьянин Тимофей Змазнев, бобыль Панфил Юрьев и крестьяне Кузьма Родионов и Никон Гаврилов из деревни Скрыпково, бобыль Павел Артемьев из Горошкова, бобыли Степан Павлов и Степан Филиппов из дер. Козоны, крестьяне Петр Иванов и Трофим Яковлев¹⁰⁴. Надо полагать, что сплавом леса и дров в Старую Руссу также были заняты преимущественно бобыли.

Таким образом заработки беднейшей части деревни на дровяном промысле приближались к труду работных людей, а среди зажиточной части крестьянства выделялись дровопоставщики-подрядчики, которые превратились в посредников между крестьянами и солеvarами.

* * *

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что:

1. Поставка крестьянами Старорусского и Новгородского уездов для соляных промыслов Старой Руссы варничных дров, варничного леса, холста, рогож и других материалов и оборудования и перевозка соли были основными приработками крестьянского населения этих уездов. Ими было занято большинство населения Старорусского и значительная часть крестьян Новгородского уезда. Думается, что именно наличие постоянных приработков у старорусских крестьян послужило основанием требования в 1657 году старост всех 11 погостов вотчины Иверского монастыря о замене всех натуральных повинностей денежным оброком.

2. Эти занятия способствовали втягиванию крестьян Старорусского и Новгородского уездов в товарно-денежные отношения

¹⁰² Там же, оп. 1, № 161, л. 26—26 об.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, оп. 1, № 296.

и росту имущественной дифференциации среди них. Отмечая относительно большой охват дровопоставками бобылей, следует указать, что из среды зажиточных крестьян выделяются крупные дровопоставщики-подрядчики, которые играли роль посредников между рядовыми дровопоставщиками и солепромышленниками.

3. Брызга — это типичный феодальный оброк, который платили посадские солевары и крестьяне за право пользования лесными угодьями духовных и светских феодалов, падала, главным образом, на дровопоставщиков-крестьян, уменьшая их заработок. Вместе с тем, брызга, увеличивая себестоимость соли, ухудшала также положение старорусских солеваров в конкурентной борьбе с более дешевой пермской и волжской солью.

Но несмотря на это развитие солеваренной промышленности даже в условиях господства феодальной системы хозяйства было фактором, подрывавшим натуральную основу экономики не только в городе, но и в деревне.

А. А. ЗИМИН

НОВГОРОД И ВОЛОКОЛАМСК В XI-XV ВЕКАХ

Одной из главных проблем истории Новгородской боярской республики является изучение борьбы Новгорода с московскими князьями, завершившейся включением новгородских земель в состав Русского централизованного государства. Составной частью этой проблемы является вопрос о борьбе Москвы и Новгорода за город Волоколамск и за Волоколамскую волость, лежавшие на середине пути из Новгорода к центру страны. Борьба эта продолжалась около 150 лет вплоть до конца существования Новгородской боярской республики. Данная тема представляет интерес и для изучения более широкой проблемы, привлекающей в последние годы все большее внимание советских ученых — проблемы образования Русского централизованного государства.

Историю города Волоколамска и позднейшего Волоколамского удельного княжества обыкновенно начинают с 1135 года, когда этот город впервые упомянут в летописи¹. Но в таком случае, что бы мы ни говорили о географическом положении города, нам останутся не вполне понятными не только его внезапное появление в XII веке, но и особенности его дальнейшей истории. Поэтому следует попытаться уточнить обстоятельства возникновения города, исследовать первоначальный период его истории, когда зарождалась связь Волоколамска с Новгородом, имевшая впоследствии столь большое значение.

Уже само географическое положение города Волоколамска и примыкающих к нему районов в высшей степени знаменательно.

---

¹ И. Машков. Воскресенский собор в Волоколамске. «Сб. статей в честь гр. Уваровой». М., 1916, стр. 295 и сл.; И. Ф. Токмаков. Город Волоколамск Московской губ. и его уезд. М., 1906, стр. 3; Ю. В. Готье. Исторический очерк Волоколамска и Волоколамского уезда; «Экономический сборник по Волоколамскому уезду». 1926, стр. 111; М. Н. Тихомиров. «Древнерусские города». М., 1956, стр. 418—419. Только А. Эйлером впервые поставлен вопрос об Ярославе Мудром, как об основателе города Волоколамска (А. Эйлер, Исторический очерк г. Волоколамска, 1891, стр. 3—4).

Они находятся на водоразделе, проходящем с юго-запада на северо-восток от Вязьмы и Гжатска в направлении Переяславля Залесского. Этот водораздел к западу сливается со среднерусской возвышенностью. По его северному склону текут реки — Лобь, Лама, Сестра, впадающие в реку Дубну и Шошу, а эти последние собираются в Волгу. По его южному склону текут реки Руза с Волошной, Озерной и другими, собирающимися в реки Москву и Клязьму. Это — важнейший водораздел восточной Европы, разделяющий бассейн Оки от бассейна Волги². Такое расположение водных путей сыграло большую роль в истории Волоколамска и его волостей.

Для первоначального периода истории города имели большое значение два водных пути, проходивших по окраинам его волостей. Это, прежде всего, путь из Новгорода к верховьям Волги, а оттуда в Каспийское море. В VIII—IX веках по этому пути велись оживленные сношения с мусульманским Востоком. На Каспий из Новгорода можно было попасть, преодолевая часть пути коротким волоком через реку Ламу, далее на реки Волошну, Рузу, Москву, а оттуда спускались по реке Оке к низовьям Волги. Это и был тот самый волок Ламский, который дал наименование всему краю³.

По западным окраинам волоколамских волостей проходил также путь «из Варяг в Греки», т. е. из Новгорода в Киев, а далее в Царьград. Реки Шоша и Лама являлись и в этом случае одной из периферийных артерий водного пути (с верховьев Волги на р. Москву, которая в верховьях сближалась с рекой Гжать, а оттуда на верховья Днепра у Смоленска)⁴. Оживленные сношения по обоим этим водным путям способствовали возникновению города Волоколамска. Ведь даже само это название «Волок на Ламе» напоминает нам о том далеком времени, когда город был транзитным пунктом в далеких поездках наших предков⁵.

Минуя вопрос о первоначальном заселении района Волоколамска, перейдем сразу же к известиям, говорящим о создании города. Ценнейшим источником, но, к сожалению, совершенно неиз-

² Подробнее об этом см. Ю. В. Готье, указ. сочин., стр. I—IV; М. К. Любавский, Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 98—99.

³ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 11.

⁴ Эйлер. Указ. соч., стр. 3. О пути «из Варяг в Греки», см. статью С. В. Бернштейн-Коган. Путь из Варяг в Греки, «Вопросы географии», сб. 20, М., 1950.

⁵ «Название «волок» — пишет М. Н. Тихомиров, — указывает на существование водного пути по Ламе, Шоше и Волге» и ниже — «Город (т. е. Волоколамск — А. З.) возник, вероятно, там, где водный путь прекращался и начинался «волок» к Тростенскому озеру, откуда берет начало Озерна, впадающая в Рузу, приток Москва-реки». (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 418).

пользованным при изучении истории города, является Волоколамский патерик⁶ Досифея Топоркова. Автор патерика «братанич», т. е. племянник игумена Волоколамского монастыря Иосифа Санина, жил в конце XV — первой половине XVI веков. Происходя из среды небогатых волоцких землевладельцев и обладая большими литературными познаниями⁷, автор собрал в своем произведении много сведений по истории родного ему края. Он использовал рассказы своих старших современников (Пафнутия Боровского, Иосифа Санина и других), материалы княжеского архива, а также местные предания, возможно, частью занесенные в летописи. Поскольку его сведения в ряде случаев подтверждаются имеющимися в нашем распоряжении летописями, актовыми и житийными материалами, они приобретают особый интерес. Так, например, у Досифея Топоркова встречаем известие о первоначальном расположении города Волоколамска.

В настоящее время город находится неподалеку от реки Ламы. Однако, судя по названию, Волоколамск некогда был расположен на самом берегу реки. И, действительно, на берегу этой реки, по соседству с городом, в начале XVI века находилось село Староволоцкое, давшее название одному из станов Волоцкого уезда (Староволоцкий стан)⁸. Это село, очевидно, располагалось на том месте, где когда-то находился и сам город. Досифей Топорков писал о первоначальной истории Волоколамска: «Бе же первые на брезе Ламы реки и той ныне нарицаетьца Старый Волок»⁹. Город, судя по его положению на речных путях, был основан в VIII—IX веках выходцами из Новгорода в связи с возникновением Новгородского государства, а также в связи с развитием сношений новгородцев с соседями и заморскими странами. Уже в первоначальный период своей истории он был одним из крайних владений Новгорода: «Волок же той бяше изначала предел Великого Новаграда», — писал Досифей Топорков¹⁰. Крайнее положение Волоколамска на речных путях отразилось на том, что первоначально городок был, вероятно, небольшим поселением (о нем еще долгое время не будут упоминать летописные своды).

При князе Ярославе Мудром Волоколамск был перенесен на то место, где он находится и до сих пор. Досифей Топорков, хорошо

⁶ Текст см. Отдел рукописей Государственного Исторического музея, Синодальное собрание (ниже — ГИМ Синод), № 927, лл. 1—44. Патерик был опубликован в ограниченном количестве экземпляров Московскими Высшими женскими курсами, семинарием по древнерусской литературе под № 5, стр. 1—24.

⁷ О Досифее Топоркове см. А. Д. Седелников. Досифей Топорков и хронограф. «Известия АН СССР», 1924, VII серия, № 9.

⁸ Князь Федор Борисович Волоцкий писал в своей духовной грамоте: «А у города даю свои княгини село Староволоцкое и з деревнями» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М.—Л., 1950, ниже — Д и ДГ, под № 98).

⁹ ГИМ, Синод, № 927, л. 3.

¹⁰ ГИМ, Синод, № 927, л. 2 об.

знакомый с местными преданиями, рассказывает одну из легенд об основании города. В ней много позднейших домыслов, столь характерных вообще для рассказов о создании древнерусских городов, (о явлении князю пророка Ильи и т. д.), но основа ее, полагаем, близка к истине. Князь Ярослав,— повествует Досифей,— «проязду творя по градам руским, прииде на Старый Волок. И прошед его два поприща и ста шатры на горе близь речки, иже впаде в Ламу»¹¹. Князь будто бы под влиянием чудесного явления пророка Ильи приказывает заложить город на новом месте, а также построить монастыри — Воздвиженъев и Ильин. «И град сотвори Волок, идеже и доньше стоит и оба монастыря... и внутрь града соборную церковь Воскресенья господа нашего Исуса Христа. И даст свещиником и обоим монастырем во окорьмление тамгу со всего и померное и явку з животины и пятно. И даст им грамоты вечныя и печати златыя приложи, их же мы самовидцы быхом и прочтохом. И пребыша до князя Бориса Васильевича лет мало не пятьсот»¹².

Конечно, в этом рассказе есть позднейшие домыслы (в частности, может быть не вполне точно перечислены поборы в пользу монастыря), но основа его достоверна. Досифей Топорков сообщает, что он сам видел грамоты, данные Ярославом Мудрым. Любопытно замечание автора «о золотых печатях», привешенных к грамотам Ярослава Мудрого. Русские печати X—XI веков до нас не дошли. Однако, у нас есть все основания полагать, что важнейшие княжеские печати той поры были золотыми (о золотых печатях упоминается в договоре Игоря с греками; золотники Владимира и Ярослава также могли играть роль печатей и т. д.). Вследствие своей ценности золотые печати X—XI веков были расхищены, почему и не сохранились до наших дней. Таким образом, свидетельство Досифея Топоркова о «золотых печатях» Ярослава Мудрого весьма правдоподобно.

У нас нет также оснований сомневаться в правдивости и других его показаний. К сожалению, — замечает Досифей Топорков о грамотах Ярослава, князь Борис Васильевич «взял их, не вем с которую мыслию, к себе в казну, а им (т. е. монастырям — А. З.) даст свои грамоты. Или паче хотя соблюсти, но не соблюде. Преставлюшюся ему, и изгибоша у него в казне, и погуби память прародителей своих»¹³. Следовательно, грамоты Ярослава погибли уже по смерти князя Бориса Васильевича. Взятые они были в казну после окончательного перехода Волоколамска из-под власти Новгорода под власть волоцкого удельного князя, в связи с чем были даны новые льготные грамоты, более соответствующие изменившейся исторической обстановке.

¹¹ ГИМ, Синод, № 927, л. 3.

¹² Там же, л. 3 об.—4.

¹³ Там же, л. 4.

Наличие грамот Ярослава, данных монастырям и церкви в городе Волоколамске, думаем, исторический факт. Это вполне соответствует характеру деятельности Ярослава Мудрого. Летописец писал о нем под 1037 годом «И при сем монастыреве починаху быти. И бе Ярослав любя церковные уставы», и в другом месте: «И иные церкви ставляше по градом и по местам, поставляя попы и дая им от имения свой урок»¹⁴.

Итак, нынешний город Волоколамск был, вероятно, заложен во время объездов русских земель князем Ярославом Владимировичем Мудрым¹⁵. Ярослав, начав свою деятельность новгородским князем, до самого конца своей жизни не прерывал своей связи с этим городом. Нам известны его Правда Русская (см. 1—18 статьи Краткой Правды и Покон Вирный), а также его забота об укреплении новгородских окраинных владений. В 1030 году основан г. Юрьев (Ливонский). Уже при Ярославе Мудром впервые упоминается в летописях город Торжок, другое окраинное владение Новгорода, с которым тесно связана история города Волоколамска¹⁶.

Волоколамск в XI—XII веках был небольшим поселением. Первое упоминание о нем в летописях датируется 6643/1135 годом. В это время новгородский князь Всеволод Мстиславович с братом Изяславом предприняли неудачный поход на Ростов, после которого «Всеволод иде опять к Новугороду, а Изяслав оста на Волоце Ламьском»¹⁷. В эпоху борьбы Новгорода за свою самостоятельность с суздальскими князьями, город Волоколамск приобрел большое военно-стратегическое значение, как опорный пограничный пункт на подступах к Новгороду. С этого периода начинается рост города¹⁸.

Военно-стратегическое значение Волокла на Ламе было причиной того, что в нем, как и в других городах на южных окраинах Новгородской феодальной республики, помещались с вооруженными гарнизонами дети или родичи новгородского князя, а иногда просто

---

¹⁴ Повесть временных лет, ч. I, М.-Л., 1950, стр. 102.

¹⁵ Эти наши соображения об основании Волоколамска совпадают с данными одной из недошедших до нас летописей, которую так излагает Эйлер: «В древних рукописях, сохраняющихся в монастыре преподобного Иосифа Волоколамского, упоминается об основании князем Ярославом Владимировичем нового города Волоколамска в 1054 году... Древний город, по свидетельству летописи, был очень обширен, имел до 80 церквей» (А. Эйлер. Указ. соч., стр. 3). Обстоятельства основания города описаны в этой рукописи вполне согласно с данными Досифея Топоркова. Сообщение о 80 церквях в городе носило, конечно, легендарный характер.

¹⁶ «Преподобный отец наш Ефрем Новоторжский бе в сия времена» (Новгородские летописи, СПб., 1879, стр. 176).

¹⁷ ПСРЛ, т. VII, стр. 29, ср. т. I, вып. II (изд. II), стр. 302; т. XXV, стр. 32, ср. т. XX, ч. I, стр. 105, (под 6644 г.).

¹⁸ К середине XII в. город уже был укреплен. Татишев передает, что в 1159 г. «Изяслав Давидович... поехал сам к нему (т. е. — Андрею Боголюбскому — А. З.) на Волок, где Андрей тогда град на Ламе строил» (В. Н. Татишев. История Российская, кн. III, М., 1774 г., стр. 124).

город с волостями передавался самому князю¹⁹. Цель этого — обеспечить защиту пределов Новгорода. Через Волоколамск Новгород снабжался хлебом и другими припасами из Ростово-Суздальской земли. Поэтому обладание Волоком означало обладание воротами, ведущими в центр Новгородской республики, оно и грозило нарушению всей системы снабжения Великого Новгорода²⁰.

Длительная и кровопролитная борьба за Волоколамск происходила в условиях довольно частой смены новгородских князей, в значительной степени объяснявшейся классовой борьбой внутри Великого Новгорода. Князья и их родичи, обосновавшиеся на Волоке, часто вовсе не желали его покидать после изгнания из Новгорода. Они рассчитывали, владея этой ключевой позицией, в скором времени вернуть потерянное господство.

Борьба обострилась со второй половины XII века, когда сложилось государственное устройство Новгорода как феодальной республики. Главными врагами Новгородской республики выступали ростово-суздальские князья, опиравшиеся на сильную боярскую партию внутри Новгорода. В борьбе с ними новгородцы использовали поддержку их противников-черниговских князей. В тех случаях, когда ростово-суздальские «Всеволодовичи» изгонялись из Новгорода, они стремились укрепиться на подступах к городу — в Волоколамске, откуда их пытались выбить черниговские противники²¹. Если же удержать Волок было нельзя, город предавался огню и мечу.

¹⁹ «И посадиша у себя новгородци Мстислава, а брата его Ярополка в Торжку, а Ярослава Мстиславича, внука Юрьева на Волоце». ПСРЛ, т. VIII, стр. 95 под сентябрем 6685 г. Ср. также: Новгородская первая летопись, М., 1950, стр. 35, 275. (далее — НПЛ); ПСРЛ, т. IV, стр. 15, т. V, стр. 167, т. X, стр. 6, т. XXIII, стр. 52, т. XXV, стр. 89, т. XXVI, стр. 55. Ярослав недолго пробыл на Волоке — уже в 6686 г. он был захвачен своим «братаничем» Всеволодом Юрьевичем: ПСРЛ, т. I, вып. II, (изд. II), стр. 387, т. VII, стр. 95, т. XXV, стр. 89.

²⁰ Когда в 6686 (1178 г.) кн. Всеволод Юрьевич захватил Волоколамск, он прежде всего «город пожже... а жита пожгоша и до всего» (ПСРЛ, т. I, вып. II (изд. II), стр. 387, т. VII, стр. 95, т. XVIII, стр. 25). В 1213 г. из Юрьева в Москву через Волок бежал князь Владимир Всеволодович («Летописец Переяславля Суздальского», М., 1851, стр. 111).

²¹ Новгородские князья из черниговской династии требовали у Всеволодовичей возврата Волока, после того, как последние захватили его, будучи изгнанными из Новгорода. В 6724 (1216) году Мстислав Мстиславович обращался к своему зятю суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу с требованием: «Пусти мужи новгородци и новоторжци и еси зашел волости новгородские, Волок, воспят!» (ПСРЛ, т. VII, стр. 121, ср. т. I, вып. III, стр. 494; НПЛ, стр. 56, 256; ПСРЛ, т. IV, стр. 22, т. X, стр. 70, т. XV, стр. 320, т. XX, ч. I, стр. 149, т. XXIII, стр. 65, т. XXV, стр. 112). Занятие Волока Ярославом сопровождалось, очевидно, избиением его населения. Летописец вспоминал тех, кого Ярослав «изби в Новгороде и в Торжку и на Волоце» (ПСРЛ, т. VII, стр. 123; ср. т. I, вып. III, стр. 500, т. IV, стр. 25, т. XXV, стр. 114). После нового изгнания Ярослава Всеволодовича в 1228 г. из Новгорода в 6737 (1229) году новгородский князь Михаил Всеволодович обращался к нему «Отступнися Волока, то есть волость Новгородская и силою еси взял за себя» (ПСРЛ, т. VII, стр. 134, т. XXV, стр. 123, НПЛ, стр. 68, 275).

Во второй половине XII века складывается так называемое «сместное» (совместное) владение Волоколамском новгородских князей и боярского руководства Великого Новгорода. Возникновение «сместного» порядка владения Волоком теснейшим образом связывается с появлением договорной системы, ограничивавшей до известной степени самовластные стремления новгородских князей. Сложение этой системы, по сути дела, знаменовало превращение Новгорода в феодальную республику.

В литературе нет прочно утвердившегося мнения о времени возникновения договорной системы отношений между Новгородом и князьями, а отсюда и «сместного» порядка владения Волоколамском. Решительно должно быть отведено утверждение М. К. Любавского, считавшего, что указанный порядок установился лишь в XIV веке²².

У нас не только имеются договорные грамоты Новгорода с князьями 60-х годов XIII века, но есть данные утверждать, что сама договорная система сложилась значительно ранее. Заключая договор с князем Ярославом Ярославовичем Тверским в 60-х годах XIII века, новгородцы требовали: «на семь, княже, целуй хръст к всему Новугороду, на цемь то целовали деди и отци и отец твой Ярослав»²³. Упоминание о «дедах» кн. Ярослава Ярославича ведет нас к Всеволоду и Андрею Юрьевичам, т. е. — к середине и третьей четверти XII века, ко времени напряженной борьбы Новгорода за свои вольности, когда новгородцам удалось сдержать натиск ростово-суздальских князей²⁴. Б. Д. Греков, а вслед за ним М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, считают, что оформление Новгородской феодальной республики и возникновение договорной системы про-

²² М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. стр. 95.

²³ ГВН и П., № 2. Л. В. Черепнин, правда, обратил внимание, что в другой (на его взгляд, более ранней) договорной грамоте 60-х гг. XIII века (ГВН и П., № 1) упоминание «дедов и отцов» — отсутствует (Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, М.-Л., 1948, стр. 253). Но если и считать грамоту, помещенную под № 2, составленной на 4—5 лет позднее указанной выше, то вряд ли упоминание «отцов и дедов» в этой последней, будет позднейшим домыслом. «Первци князи» встречаются и в других аналогичных документах: ср., например, «Первци князи и дед твои и отьць твои» в договоре 1304—1305 гг. Михаила Ярославича с Новгородом (ГВН и П., № 7).

²⁴ В ходе этой борьбы большое значение имело обладание Волоком. В летописях рассказывается, что в 6668 г. (1160) князь Андрей Юрьевич «снимастаня с Изяславом на Волоце и посла к новгородцем, река им: — Ведомо буди, хочю искати Новагорода» (ПСРЛ, т. 1, вып. III, стр. 509). У Татищева под 1159 г. сохранилась иная редакция этого же сообщения: «Изяслав Давидович поехал сам к нему (т. е. Андрею — А. З.) на Волок, где Андрею тогда град на реке Ламе строил, и тут съехався, учинили крепкий союз» (В. Н. Татищев. История Российская, кн. III, М., 1774, стр. 124). Экземплярский неверно считал это, сообщение Татищева за сведение об основании города (А. В. Экземплярский. «Великие и удельные князья Северной Руси», т. II, СПб., 1891, стр. 353). Речь идет, конечно, об укреплении Волоколамска. Зато брат Андрея Боголюбского Всеволод сделал все, чтобы разрушить город. В 6686 (1178 г.), говорит

изошло в связи с восстанием 1136 года²⁵. Л. В. Черепнин высказал гипотезу о том, что формуляр договоров сложился около 1197 г. при князе Ярославле Владимировиче. Именно этому князю автор приписывает «грамоты Ярослава», упоминаемые в Новгородской летописи под 1228—1229 г. Однако под этими грамотами летописец разумеет документы, связанные с именем Ярослава Мудрого²⁶. Впрочем и Л. В. Черепнин полагает, что договорный формуляр «поэтапно готовился и в более раннее время — с середины XII века»²⁷.

В чем сущность «сместной системы» владения Волоком, как она рисуется нам договорными грамотами тверских князей с Новгородом второй половины XIII и первой половины XIV веков? Со второй половины XII века, после усиления борьбы Великого Новгорода с суздальскими князьями, которое привело к регламентации княжеской власти в пределах этой феодальной республики, было установлено, что Волоколамск и другие пограничные города являлись новгородскими владениями²⁸. Это должно было пресечь попытки князей захватить порубежные новгородские земли. Одновременно с княжескими тиунами на Волок посылались власти, подчинявшиеся боярскому руководству Великого Новгорода. Новгородские власти «держали» одну половину Волока, а княжеские тиуны — другую²⁹. Это было значительным ограничением власти новгородского князя на Волоке.

летопись, «Иде Есвлод Юрьевич к Торжку за неисправление Новгородское... И пле перебрав дружинку к Волоку... город пожгоша» (ПСРЛ, т. VII, стр. 95, т. IX, вып. II, стр. 387, т. X, стр. 6, т. XV, стр. 265, т. XVIII, стр. 25, т. XX, ч. 1, стр. 134, т. XXIII, стр. 52, т. XXIV, стр. 83). В 6720 (1212 г.) одно время на Волоке был Владимир Всеволодович по поручению брата Константина («Володимер от брата от Костянтина иде на Волок и оттоле посла и Костянтин на Москву». ПСРЛ, т. VII, стр. 118, ср. т. IV, стр. 25, т. X, стр. 66, под 6721 г.).

²⁵ Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. IV, 1929 г., стр. 13—14; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 206; Д. С. Лихачев. Софийский временник и Новгородский политический переворот 1136 г.—«Исторические записки», кн. 25, стр. 242.

²⁶ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 251—253; по этому вопросу см. также соображения в рецензии А. А. Зимина и В. Т. Пашуто «Вопросы истории», 1947, № 9, стр. 121. К тому же, уже под 1196 г. в Новгородской 1-й летописи по Синодальному списку говорится, что Ярослав Владимирович, изгнанный из Новгорода, княжил в Торжке «в своей волости» (А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 193). Таким образом договорная система отношений с князьями, фиксировавшая сместное владение Торжком и Волоком новгородской знати с князьями, сложилась уже до 1196 г.

²⁷ Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 253.

²⁸ «А се, княже, волости новгородские: Волок со всеми волостями, Тържк, Бежице, Городьць Палиць» (ГВН и П. № 2; ср. там же, №№ 1, 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 77).

²⁹ «А держати ти свои тиуны на половинне, а новгородець на половинне в всен волости Волоцьской» (ГВН и П, № 1, ср. там же, №№ 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 77).

Указанный порядок сместного владения Волоком просуществовал почти до самого завоевания Новгорода Москвою. Уже после фактического присоединения Волоколамска к Москве (1462 г.) новгородцы хотели заключить договор с Казимиром IV на условиях «сместного» владения городом. Только в договоре 1471 года Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем город Волоколамск среди новгородских волостей больше не упоминается³⁰.

«Сместное» владение городом Волоколамском было в известной степени исключением из общего правила, согласно которому князья не имели права держать своих тиунов в новгородских волостях³¹. Вызывалось это необходимостью для князя, одного из руководителей вооруженных сил Новгорода, держать вооруженные отряды на границе новгородских владений (в том числе и в Волоколамске), а вместе с ними также своих судей и слуг. «Сместный» порядок управления послужил в дальнейшем одним из основных поводов для претензий Всеволодовичей, а позднее Тверских и Московских князей на район Волоколамска. Этот же порядок дал возможность ростово-суздальским князьям в 90-х годах XII века или в самом начале XIII века присоединить верхнее Поволжье к своей территории (в 1208/9 г. уже упомянута в летописях Тверь, а в 1216 г. — Зубцов)³².

В 1238 году Волоколамск в числе других русских городов был взят и разгромлен войсками Батыя³³. Началась тяжелая для русского народа пора татаро-монгольского ига.

После гибели князя Юрия Всеволодовича (1238 г.) великим князем Владимирским сделался его брат Ярослав — первый князь, о котором определенно известно, что им были составлены договорные грамоты с Великим Новгородом об условиях княжения и сместного владения Волоком Ламским³⁴. Когда Ярослав Всеволодович впервые заключил свой договор с Новгородом, точно определить трудно, известно лишь, что новгородским князем он был в течение долгого ряда лет³⁵. Вскоре после его смерти (1246 г.) великим князем Владимирским сделался его сын Александр Невский, долгое время перед этим бывший новгородским князем. Постепенно слагался обычай приглашать в Новго-

³⁰ ГВН и П. №№ 26, 77.

³¹ «Что волостини всех новгородьских, того ти, княже, не держати своими мужи, нъ держати мужи новгородьскими». (ГВН и П, № 2. ср. № 1 и др.).

³² ПСРЛ, т. VII, стр. 116, 120. Ср. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, стр. 193.

³³ Под 6746 г. см. НПЛ, стр. 76, 288, ПСРЛ, т. VII, стр. 141, т. XV, стр. 370, под 6745 г. см. т. I, вып. III, (изд. II), стр. 518, т. IV, стр. 32, т. X, стр. 109, т. XXIV, стр. 93, т. XXV, стр. 128, т. XXVI, стр. 73.

³⁴ Ср. указание в грамоте его сына Ярослава с Новгородом: «на нем то целовал хрьст отец твою Ярослав» (ГВН и П, №№ 1, 2, 3).

³⁵ Впервые в Новгороде Ярослав Всеволодович княжил в 1215 г., затем был в 1222—23 гг., 1225—28 гг., и, наконец, в 1230—1236 г. в Новгороде княжил его сын Александр Невский.

род на княжение тех из русских князей, которые получали в Орде ярлык на великое княжение. По смерти Александра Невского, по словам летописца, «бысть князь великий Володимирский и Новгородский его брат Ярослав Ярославович Тверской»³⁶.

Ко времени княжения Ярослава Ярославовича относятся первые, дошедшие до нас договорные грамоты тверских князей с Новгородом³⁷.

После смерти Ярослава (1272 г.) разгорелась борьба за великое княжение Владимирское и за Новгород между его братом Василием Ярославичем и сыном Александра Невского Дмитрием. В то время, как великим князем был Василий Ярославич, Дмитрий занял княжеский престол в Великом Новгороде, в котором он задолго до этого неоднократно был князем (в 1259—63, 1268, 1270 гг.). Однако, в результате захвата Василием Торжка и похода его союзника тверского князя Святослава на Волок Ламский³⁸, новгородцы вынуждены были признать великого князя Владимирского князем Новгородским. В 1276 году Василий Ярославич умер, и его место на великом княжении Владимирском, а также Новгородском княжении, занял Дмитрий Александрович. Новый великий князь вскоре вызвал неудовольствие татарских ханов, и во время похода 1293 года он был разбит татарской ратью Дюдены. Среди разграбленных татаро-монголами русских городов летописи называют и Волоколамск, где в 1294 году скончался и сам Дмитрий³⁹. Новгород признал на некоторое время власть великого князя Владимирского Андрея Александровича, но уже вскоре новгородским князем сделался Михаил Тверской. Это далеко не случайно. В конце XIII — начале XIV веков крепнет связь Новгорода с Тверью, которая занимает все более и более видное место среди русских княжеств.

³⁶ ПСРЛ, т. X, стр. 144. Александр Невский был новгородским князем с небольшим перерывом до того, как в 1252 г. сделался великим князем Владимирским; после 1252 г. он оставил в Новгороде своего сына Владимира. Позднее, одно время, Александр сохранял новгородское княжение за собою, пока в 1259 г. не поставил новгородским князем своего другого сына Дмитрия, изгнанного Ярославом Ярославичем.

³⁷ ГВН и П. №№ 1—3. Впервые Ярослав Ярославич недолгое время княжил в Новгороде в 1255 г.; позднее он был неоднократно новгородским князем с 1263 г.

³⁸ В 6781 (1273) году «князь Святослав Александрович (очевидно, описка, должно быть — Ярославич — А. З.) со тверичи начат воевати волость Новгородскую: Волжк, Бежичи, Вологду» (ПСРЛ, т. VII, стр. 172, ср. также НПЛ, стр. 322, ПСРЛ, т. V, стр. 198, т. X, стр. 151, т. XX, ч. 1, стр. 167, т. XXIII, стр. 89, т. XXIV, стр. 101, т. XXV, стр. 151, т. XXVI, стр. 94).

³⁹ В 6801 (1293) году «татарове... поступили на Волок и тамо тоже зло съдеяша. Волок взяша, а люди из лесов изведоша». (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 82). О взятии Волока и смерти Дмитрия см. ПСРЛ, т. I, вып. III (II изд.), стр. 483—484 (под 6802—6803 гг.), стр. 527. НПЛ, стр. 327—328; ПСРЛ, т. IV, стр. 44—45, т. V, стр. 201—202, т. VII, стр. 180—181, т. X, стр. 169—170, т. XVI, стр. 56, т. XX, ч. 1, стр. 171, т. XXII, ч. 1, стр. 402, т. XXIII, стр. 94; т. XXIV, стр. 105—106, т. XXV, стр. 157, т. XXVI, стр. 95—96).

К концу XIII века увеличивается значение и Волоколамска. Возникают и развиваются важные городские центры в бассейне реки Оки, с которыми налаживаются связи новгородцев. На самых же удобных путях (из Новгорода в бассейн Оки находился Волоколамск⁴⁰ (путь по рекам Шоше и Ламе через Волок шел на верхнее течение Москвы). Благодаря росту экономических и политических связей Новгорода как с Тверью, так и с Москвою, Волоколамск становился важным пунктом в сношениях с этими центрами. «Волочане» не раз выступали заодно в различных предприятиях тверских и московских князей. Так, в 1285 (6793) г. «волочане» ходили вместе с «тверичами» и «москвичами» в поход на Литву⁴¹.

К 1294—1296 гг. относится докончание между Новгородом и Михаилом Ярославичем Тверским. Из пунктов докончания для нас интересны те, которые относятся к характеристике «смешного» владения Волоком: «А чего будеть искати мне, — писал князь Михаил, — и моим бояром и моим слугам у новьгородьцев и у новоторжьщев и у волочан, — а тому всему суд дати без перевода». И еще: «А кто будеть давних людий в Торжьжку и в Волоце, а позоровал ко Тфери при Александре и при Ярославе, тем тако и седети, а позоровати им к тебе»⁴². Если мы припомним, что в 1293 году военные действия происходили как раз на территории Волока и Торжка, то особый интерес к этим землям, проявленный в договорной грамоте, будет понятен⁴³. Впрочем, тверские князья на этот раз укрепились в Новгороде лишь не надолго: новгородцы уже в 1299 году приняли к себе сына Андрея Александровича — Бориса, который, однако, вскоре был изгнан из Новгорода и в 1302 году умер в Костроме.

После смерти Андрея (1304 г.) великое княжение получил тверской князь Михаил Ярославич, которому присягнул в верности и Новгород. В 1304—1307 годах были составлены новые тек-

⁴⁰ По наблюдениям Ю. В. Готье, из Новгорода в бассейн Оки, кроме пути через Волоколамск, был другой путь (по реке Дубне и рекам ее бассейна — Сестре, Лутосне и Яхроме, далее волоком на верховье Клязьмы и оттуда волоком на реку Москву). Он страдал двумя неудобствами: 1) приходилось преодолевать два волока и 2) проходил неподалеку, как от г. Твери, так и от города Москвы. При напряженных отношениях, которые существовали между тверскими и московскими князьями, это создавало значительные трудности для новгородских караванов (Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. IV—V).

⁴¹ Под 6793 (1285) г. в летописях сообщается, что «того же лета воеваша Литва Олешу и прочие волости владыки Тверского, и совокупишася на них тверичи, москвичи, волочане... и угониша их в лес, канун Спасову дню, и бнша их» (ПСРЛ, т. VII, стр. 179, ср. т. I, вып. III (изд. II), стр. 483, т. X, стр. 166 (под 6794 г.), т. XVIII, стр. 81, т. XX, ч. I, стр. 170, т. XXIII, стр. 93, т. XXIV, стр. 205, т. XXV, стр. 156).

⁴² ГВН и П, №№ 4, 5; А. А. Зимин. О хронологии грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. «Проблемы источниковедения», сб. V, М., 1956, стр. 307.

⁴³ ПСРЛ, т. VII, стр. 180., ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 269.

сты докончаний новгородцев с тверским князем, имевшие пункты о «сместном» владении Волоколамском⁴⁴. В это же самое время князь Михаил ведет напряженную борьбу за великое княжение и за Новгород с московским князем Юрием Даниловичем. Юрию в 1314—15 годах удалось подчинить своему влиянию Новгород (куда был прислан его наместник Федор Ржевский). Позиции тверского князя слабели. В 1316 году его наместника снова изгнали новгородцы. Неудачен был его же поход в этом году через Волоколамск на Новгород⁴⁵, невыгоден был его договор 1318 года с новгородцами⁴⁶.

В 1319 году Михаил Ярославич был убит в Орде, и его преемником стал князь Юрий, которому подчинился и Новгород.

В ходе напряженной борьбы московских князей с тверским князем (21 ноября 1325 г. был убит кн. Юрий Данилович, а 15 сентября 1326 г.—Дмитрий Михайлович Тверской), одержала победу Москва. С этой поры Новгород, а вместе с ним и Волок, на «сместном» праве владения надолго входят в орбиту влияния московского князя (великое княжение Александра Михайловича Тверского в 1326—27 г. и его договор с новгородцами следует считать эпизодом, несколько не изменяющим общей картины отношений Москвы с Новгородом).

В 1328 году Иван Данилович Калита сделался великим князем, и с этой поры великое княжение прочно закрепляется за московским князем. При Калите «была заложена основа *могущества Москвы*»⁴⁷. Москва брала в свои руки инициативу создания Русского централизованного государства.

Московские князья редко бывали в Новгороде, а тем более на Волоке. Но если власть великокняжеских наместников, ограниченная докончальными грамотами, в Великом Новгороде была часто номинальной, то Волоколамском, несмотря на оговорки «сместного» права управления городом, бояре и князья, посаженные московским государем, распоряжались, как своим феодальным владением⁴⁸.

Московские князья пытались привлечь на свою сторону отдельных влиятельных новгородских феодалов, главным образом,

---

⁴⁴ ГВН и П, №№ 6—10.

⁴⁵ «Того же лета князь великий Михайло ходил на Волок, събрав рать велику, воя многы и поиде ратью к Новгороду к Великому» (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 88, ср. т. VII, стр. 187 и др.).

⁴⁶ ГВН и П, № 13, ср. А. А. Зимин. Указ, соч., стр. 312. Ср. также ГВН и П, № 14.

⁴⁷ К. Маркс. Хронологические выписки «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 149.

⁴⁸ Волоколамском в 30-х гг. XIV в. управляли княжеские волостели (ГВН и П, № 86).

из среды новгородской духовной аристократии⁴⁹. Они стремились также совсем изъять из числа новгородских земель Волок, встречая энергичное противодействие Великого Новгорода. Так, в первой трети XIV века московский великий князь жалует половиной Волока боярина Родиона Нестеровича, который уже вскоре после этого (через год) согнал посадника Микулу и с Новгородской половины города⁵⁰.

В 1345 году Семен Иванович Гордый женился на дочери князя Федора Святославича Дорогобужского, которому великий князь и передал Волоколамск во владение⁵¹.

Волоцкие феодалы, значительное число которых обеспечило свои владения благодаря пожалованиям московских князей, энергично поддерживают в это время политику Москвы. Возглавленная ими волоцкая рать воюет в это время совместно с московской как тверские⁵² волости, так и смоленские⁵³.

⁴⁹ См. жалованную грамоту Ивана Калиты 2-й половины 30-х гг. XIV в. Юрьеву монастырю (ГВН и П, № 86). Обстоятельства ее выдачи хорошо выяснены Л. В. Черепнинным (Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, кн. II, М., 1951, стр. 116—117).

⁵⁰ «По званию великого князя Иоанна прииде к нему некто от киевских благоплеменитых влможж служити Родион Нестерович, а с ним сын его Иван и с ним же княжата и дети боярские и двора его до тысячи и до семисот. Князь же великий... даде ему в вотчину пол Волока Ламского, а другая бысть половина Новгородская. По лете же едином Родион Нестерович посадника Новгородского Микулу сосла и приведе весь (Волок?) к великому князю. Князь великий дасть ему село во область круг реки Выходни на пятнадцати верстах» (ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. II, стр. 478). Хронология рассказа сбивчива. Указанные сведения помещены в Новгородской IV летописи по сп. Дубровского под 1332 г., но далее в них говорится, что Родион в битве под Переяславлем в 1337 г. убил боярина Акинфа. Из других известий мы знаем, что указанная битва произошла гораздо ранее — в 1304 г. Однако, тогда на московском престоле кн. Ивана Даниловича еще не было. Само известие о Родионе, как доказал А. Н. Насонов, — позднейшая вставка в новгородскую летопись, сделанная в Новгородский свод 1539 г. потомками Родиона — Квашинными (А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. «Проблемы источниковедения», сб. VI, М., 1958, стр. 273—274.) Однако, вставка отражает какие-то реальные события: потомки Родиона владели землями в Волоцком уезде, правильно характеризуется порядок владения Волоком в XIV в. Сведения о Родионе сокращенно изложены в челобитной Ждана Квашина, поданной в декабре 1575 г. (См. Н. П. Лихачев. «Разрядные дьяки XVI в.». СПб, 1888. Приложения, стр. 7—8). Сын Родиона Иван Родионович упоминается в духовных Дмитрия Донского (Д и ДГ, №№ 9, 12), что делает сомнительным выезд его с отцом еще при Иване Калите.

⁵¹ Зимою 6854 (1345—1346) г. «князь великий Семен отосла княгиню свою Еупрасию к отцю ей, к князю Федору Святославичю на Волок» (ПСРЛ, т. VII, стр. 210, т. XVII, стр. 32, т. XVIII, стр. 95, т. XX, ч. 1, стр. 189, т. XXIV, стр. 118, т. XXV, стр. 176). Подробнее об этом см. А. И. Копанев. История землеведения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 21—38.

⁵² Так в 6875 (1367) г. «рать московская также и волотьскаа рать повосваше Тверскиа власти» (ПСРЛ, т. XI, стр. 8). Поход против Твери был предпринят в 6883 (1375) г., когда Волок был сборным пунктом для войск Дмитрия Донского: «пришедшу ему на Волок (29 июля — А. З.) и ту придоша к нему вси князи Русстии» (ПСРЛ, т. XI, стр. 22—23, ср. т. V, стр. 233, т. VIII, стр. 22, т. XVI, стр. 99, т. XX, ч. 1, стр. 195—196, т. XXIII, стр. 118—119, т. XXIV, стр.

В конце XIV века Волоколамск приобрел большое значение в качестве опорного пункта в борьбе Московского княжества с Литвою⁵⁴.

В течение ряда лет Волоколамск находился под властью князя Владимира Андреевича⁵⁵. В 1390 году великий князь Василий Дмитриевич утвердил Волок за серпуховским князем в своей «доначальной» грамоте⁵⁶. Это был факт, имевший большое значение в дальнейшей истории Волоколамска. Впервые город попадает в «удел» и впервые это владение Волоком фиксируется в официальном документе князей Московского дома. О «сместном» держании города с новгородцами здесь нет ни слова.

Все это не могло не вызвать реакцию со стороны Новгорода, всеми силами старавшегося удержать Волок за собою. Владимир Андреевич не долго владел Волоколамском⁵⁷. Уже вскоре новгородцы восстановили свои права на этот город и в 1393 году Василию Дмитриевичу снова приходится захватывать его вместе с

130. т. XXV, стр. 190) В походе на Тверь принимали участие и новгородцы, которые помнили еще сожжение Торжка в 1372 г. князем Михаилом Александровичем Тверским.

⁵³ В 6877 (1369) г. «москвичи и волочане воевали Смоленские власти» (ПСРЛ, т. XI, стр. 12, т. XV, вып. 1, стр. 91). Но через год, в конце ноября 6879 (1371) г. тверской князь Михаил Александрович в союзе с литовским князем Ольгердом, Святославом Смоленским, осадил Волоколамск, хотя и не вполне удачно («прииде к Волоку, стояв два дни, бився и Волока не взял»). Во время битвы под Волоком был смертельно ранен воевода Волоцкий кн. Василий Иванович Березуйский (ПСРЛ, т. XI, стр. 14, т. XVII, стр. 38, 130; под 6878 г. см. ПСРЛ, т. I, вып. III, (изд. II), стр. 533, т. VIII, стр. 17, т. XV (1 изд.), стр. 430, т. XV, вып. I, стр. 94, т. XVIII, стр. 110, т. XX, ч. 1, стр. 193, т. XXIII, стр. 116, т. XXIV, стр. 126, т. XXV, стр. 186, Летописный свод XV в. («Материалы по истории СССР», т. II, М., 1955, стр. 302).

⁵⁴ А. М. Сахаров. Города Северо-восточной Руси XIV—XV вв. М., 1951, стр. 89; см. также В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961, стр. 215—218.

⁵⁵ Волоколамск, быть может, находился во владении кн. Владимира Андреевича еще в XIV—XV в. Во всяком случае, там мы застаем его в 1382 г., когда он отражал нашествие Тохтамыша (НПЛ стр. 378, ПСРЛ, т. IV, стр. 39, т. VI, стр. 102—103, т. VIII, стр. 47, т. XI, стр. 77, 79—80, т. XV, стр. 146, т. XVI, стр. 128—129, т. XVIII, стр. 133, т. XX, ч. 1, стр. 204, т. XXI, ч. 1, стр. 400, т. XXII, ч. 1, стр. 416, т. XXIII, стр. 129, т. XXIV, стр. 154, т. XXV, стр. 210, т. XXVI, стр. 151). В 6894 (1386) г. волоцкая рать участвовала в походе Дмитрия Донского и Владимира Андреевича на Великий Новгород (ПСРЛ, т. V, стр. 241).

⁵⁶ В dokonчании с московским князем Владимир Андреевич писал, «что мы дал в удел Волок с волостями, а волости Издетель да Воиничи». (Д и ДГ. № 13, ср. ПСРЛ, т. XI, стр. 121, т. XXV, стр. 218 и др.).

⁵⁷ М. К. Любавский считал, что Владимир Андреевич недолго владел Волоком еще и потому, что в 1390 г. новгородцы заключили мир с Василием I «по старине», т. е. с возвращением Волока (М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 95). Думаем, что здесь путаница понятий: мир «по старине» не означал возврата Новгороду Волока, а восстановление сместного владения им. С другой стороны, эту часть договора с Новгородом московские князья как раз не были склонны выполнять, и она далеко не всегда имела какое-либо обязательное значение. Кстати, восстановление мира «по старине» произошло, примерно, в то же время, когда Волок был передан кн. Владимиру Андреевичу (в начале 1390 г.).

другими новгородскими пригородами⁵⁸. Новгородцы и на этот раз добились статус—кво, которое было вновь нарушено в 1398 году, когда московский великий князь во время вспыхнувшей войны с ними, снова «отнял» новгородские пригороды и Волоколамск в частности⁵⁹. Впрочем, в 1399 году война Москвы с Новгородом закончилась, и новгородцы «взяша с великим князем мир по старине»⁶⁰. Это, впрочем, не означало признания «смешного» права владения Волоком. Волоколамск в Москве по-прежнему считался «уделом» князя Владимира Андреевича.

Конечно, номинальное владение землями, столь упорно отстаивавшимися Новгородом, не устраивало серпуховского князя, у которого не хватило бы сил для их защиты. Поэтому в 1401—1402 годах он меняет их Василию I на Городец⁶¹. Вскоре после этого (в 1404 г.) новгородцы, не признавая права Василия Дмитриевича на единоличное владение Волоком, передали его в числе 13 городов князю Юрию Святославичу и Федору, его сыну, которых изгнал из Смоленска литовский князь Витовт⁶². Однако Юрий Святославич, ставший новгородским князем, уже через два года покидает Новгород, «отъеха в Москву».

В то же самое время и московский великий князь, ввиду грядущих битв за русские земли с Литвою, стремился как можно прочнее освоить Волок на Ламе⁶³. Город находился недалеко от границ с великим княжеством Литовским и был в известном смысле одной из крепостей, прикрывавших путь на Москву. В

⁵⁸ «Взя у Новагорода пригороды Торжек и Волок Ламский и Вологду» (ПСРЛ, т. XI, стр. 154, ср. НПЛ, стр. 386, т. XVI, стр. 136, т. XXI, ч. II, стр. 416).

⁵⁹ «Князь велики у Новагорода отнял Волок Ламский с волостями и Тръжок с волостями и Бежецкий Верх» (ПСРЛ, т. XI, стр. 169, ср. НПЛ, стр. 389, т. XVI, стр. 139, под 5905 г.).

⁶⁰ ПСРЛ, т. XI, стр. 171. Напрасно только М. К. Любавский связывает «удержание» Волока Москвою с поражением, нанесенным Витовту татарам. Он писал, что в 1399 г. «Витовт потерпел поражение от татар на реке Ворскле и можно было не опасаться (?—А. З.) его воинственных замыслов, Василий не соблюл новгородскую старину и удержал Волок Ламский» (М. К. Любавский. Указ соч., стр. 97). Как раз наоборот — Василий I удержал Волок ввиду предстоящей борьбы с Литвою за русские земли.

⁶¹ Д и ДГ, № 16. О датировке и обстоятельствах нового «докончания» см. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. 1, стр. 67—74. По мнению Л. В. Черепнина, Василий I совершает мену волостей «потому, что его ближайшие политические задачи данного времени были связаны с Московско-Литовскими и Московско-Новгородскими, т. е. западными и северо-западными отношениями». В результате же обмена земель «Василий I получает в свои руки важные пункты на северо-западном и западном направлении» (там же, стр. 70—71).

⁶² Ср. под 6912 г. ПСРЛ, т. IV, вып. 2, стр. 395, т. XI, стр. 190; под 6911 г., т. IV, стр. 144, т. XVI, стр. 148.

⁶³ Литовский великий князь Ольгерд уже в 1371 г. осаждал Волоколамск, напав на русскую землю (ПСРЛ, т. XI, стр. 14). Не случайной, через сто лет в 1471 г. литовский великий князь и польский король Казимир IV составили проект договора с Новгородом, которым пытались обосновать право на «смешное» владение Волоком (ГВН и П, № 77).

этой связи понятно значение одного из важнейших мероприятий Василия I по обороне западных границ Московского княжества: в июле 1408 года он передал ряд крупных городов (в их числе Владимир, Волок и др.), перешедшему под его власть литовскому князю Свидригайлу⁶⁴. Литовский князь недолго пробыл при дворе Василия Дмитриевича. Когда через два года он отъехал в Литву, вопрос о судьбе Волоколамска снова встал перед Василием I.

В условиях напряженной борьбы за создание Русского централизованного государства московскому великому князю пришлось вести очень осторожную политику, поскольку ему угрожала опасность как со стороны Литвы, так и со стороны Орды. Одно время Василий Дмитриевич посадил на Волок белевских князей Василия и Федора Михайловичей. Однако, в 1424 году он целует крест новгородцам, что «ему отступитися их вотчины Бежитцкого Верха да Волока да волотцких мест»⁶⁵.

Только Василию Темному удалось присоединить окончательно Волоколамск к Москве⁶⁶, а сыну его Ивану III и внуку Василию III — закрепить это присоединение. Но это произошло не сразу.

Долгое время Василий Темный, как и его отец, вел двойственную политику по отношению к Новгороду и новгородским волостям. Она объяснялась сложными условиями феодальной войны 1432—1453 годов, которую тогда переживала страна. Весной 1433 года кн. Юрий Дмитриевич Галицкий захватил Москву, но уже вскоре вынужден был ее покинуть и заключить договор с Василием II, признав его право на Московский престол⁶⁷.

⁶⁴ ПСРЛ, т. V, стр. 457, т. VI, стр. 136, т. VIII, стр. 82, т. XI, стр. 204, т. XIV, стр. 174, т. XVIII, стр. 155, т. XX, ч. 1, стр. 225, т. XXI, ч. II, стр. 451, т. XXIII, стр. 142, т. XXIV, стр. 174, т. XXV, стр. 237.

⁶⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 92; в эти годы на Волоке, по свидетельству летописи, был страшный «мор» (ПСРЛ, т. III, стр. 238; под 6933, т. V, стр. 263; под 6934 г., т. VI, стр. 143, т. VIII, стр. 93, т. XII, стр. 6; ср. также т. XVIII, стр. 168, т. XX, ч. I, стр. 233, т. XXI, ч. II, стр. 454, т. XXV, стр. 247, т. XXVI, стр. 84).

⁶⁶ По ряду сведений в 1-й трети XV века, на Волоке некоторое время находился некий кн. Борис Васильевич. Так, в 1430 г. он заложил Воскресенский собор в г. Волоколамске (И. Машков. Воскресенский собор в Волоколамске. «Сборник статей в честь гр. Уваровой», стр. 298). Токмаков, ссылаясь на надпись на иконостасе Воскресенского собора, пишет, что Борис Васильевич был на Волоке в 1425 г. (цит. соч., стр. 8). Это, ни в коем случае, не мог быть сын Василия Темного (он родился в июле 1449 г. ПСРЛ, т. XXVI, стр. 208). Личность князя загадочна. Напомним, что в ноябре 1435 г., согласно псковским летописям, московский государь посылает во Псков на княжение некоего кн. Бориса Васильевича («Псковские летописи», вып. 1, М., 1941, стр. 43). Очевидно, это и был кн. Борис Васильевич, находившийся в течение ряда лет 1-й трети XV в. на Волоке.

⁶⁷ Д и Л, № 30. А. А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. «Проблемы источниковедения», сб. VI, М., 1957, стр. 297—298.

Чувствуя свое положение непрочным, Василий II идет на уступки новгородцам с целью обеспечить себе поддержку в борьбе с галицким князем. Он заключает с ними договор «по старине», т. е. в частности, подтверждает права Великого Новгорода на Волок⁶⁸.

Расчет московского князя не оправдался. Когда Юрий Дмитриевич 20 марта 1434 года разбил Василия II и снова взял Москву, то московский князь был изгнан из Новгорода, несмотря на заключенное соглашение с новгородским боярством.

Смерть князя Юрия (июль 1434 г.) на время изменила расстановку политических сил в Северо-Восточной Руси. Наследник Галицкого князя Василий Юрьевич был вынужден покинуть Москву и, пробив некоторое время в Новгороде, ушел в Кострому, которую он хотел сделать трамплином своего похода на столицу складывающегося Русского централизованного государства. Не считая возможным в такой сложной обстановке идти на открытый конфликт с новгородцами, Василий II зимой 1434—1435 года целует им крест, что «отступитися ему, князю великому, новгородчкой отчины Бежецкого верха и на Ламьском Волоке и на Вологде». Одновременно московский великий князь обещал прислать «своих бояр на розвод земле (т. е. — для размежевания границ — А. З.) на Петровъ день, а новгородцом слати своих бояр».

Все это было чисто дипломатической уловкой Василия II. После того, как в 1436 году ему удалось победить своего галицкого противника, а новгородцы послали своих бояр в пригороды, в частности, на «Ламьский Волок» — «князь великой своих бояр не посла, ни отчины новгородцкои нигде же новгородцом не отведе, ни исправы не учини»⁶⁹. С этого времени Василий II начал решительную борьбу за полное подчинение Новгородской республики. Боярские верхи Новгорода пытались сопротивляться Москве, поддержав претензии на московский престол Дмитрия Шемяки, но победу одержал Василий Темный.

Феодальная война 1432—1453 годов была важной вехой в истории строительства Русского централизованного государства⁷⁰. На повестку дня встал вопрос о присоединении Новгородской феодальной республики к Москве. С сепаратистской политикой новгородского боярства надо было решительно покончить.

В 1456 году Василий II предпринимает большой поход на

⁶⁸ ГВН и П, № 19. О датировке договора см. А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XIV вв., стр. 319—320.

⁶⁹ НПЛ, стр. 418.

⁷⁰ Подробно ее ход изложен Л. В. Черепниным в его книге «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.». М., 1960, стр. 734—810.

Новгород, отправным пунктом которого был Волок на Ламе⁷¹. Поход был удачен — новгородцы вынуждены заплатить большую контрибуцию. В то же время эта победа Москвы, казалось, совершенно не отразилась на московско-новгородском Яжелбицком докончании 1456 года⁷². В этом документе по-прежнему Волок считается волостью новгородской и снова прокламируется сместное владение им. Однако, совершенно прав Л. В. Черепнин, писавший, что в докончании наглядно выступает «перед нами устойчивый, заочневший в течение двух столетий, договорный формуляр, уже не отвечавший исторической действительности середины XV века и не отражавший реального соотношения политических сил... Великие князья присягнули... поскольку этому тексту они придавали чисто декларативное значение»⁷³. Анализ последующих событий подтверждает высказанную Л. В. Черепниным точку зрения.

Вопрос о Волоколамске во время феодальной войны приобрел особую остроту. Волок на Ламе был ключевой позицией в борьбе за Новгород, но он же бывал и пунктом сосредоточения противников Москвы⁷⁴. Поэтому Московское правительство решило окончательно оторвать волоцкие земли от Новгорода. Средством осуществления такого отрыва и было создание Волоцкого удельного княжества во главе с князем московского дома. В 1462 году Василий Темный завещает Волоколамск, как часть своего княжения, малолетнему сыну Борису (родился в 1449 г.)⁷⁵.

Так было создано Волоколамское удельное княжество. Впрочем, его основание положила еще Софья Витовтовна, завещавшая около 1449—1452 годов своему внуку, князю Борису, ряд сел

⁷¹ «Бывшу же ему на Волоце и ту придоша ему братна его и вси князи и воеводы его с множеством воинства» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 145, т. XII, стр. 110, т. XVIII, стр. 210, т. XXV, стр. 274, т. XXVI, стр. 215, Иоасафовская летопись, М., 1958, стр. 48).

⁷² ГВН и П, № 22—23.

⁷³ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, стр. 359.

⁷⁴ В 1447 г. во время борьбы с Василием Темным, Дм. Шемяка и кн. Иван Можайский «стояли... на Волоце» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 268, т. XXVI, стр. 206). Поэтому, выступив против коалиции Галицкого князя, Василий II прежде всего и двинул «к Волоку на Шемяку и на Можайского со многю силою» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 269, т. XXVI, стр. 206; Иоасафовская летопись, стр. 41).

⁷⁵ «А сына своего Бориса благословляю... даю ему Волок с волостями и с путми и з селы и со всеми пошлинами» (Д и ДГ, № 61; ср. ПСРЛ, т. IV, стр. 148, т. V, стр. 274, т. VI, стр. 185, т. VII, стр. 238, т. VIII, стр. 150, т. XII, стр. 115, т. XVIII, стр. 215, т. XX, ч. 1, стр. 276; т. XXIII, стр. 157, 190, т. XXIV, стр. 185, т. XXV, стр. 278, т. XXVI, стр. 221. Иоасафовская летопись, стр. 53).

на Волоке⁷⁶. Кроме Волоколамска, Василий Темный завещал Борису город Рузу «с волостями и с путми и с селы и с пошлинами», Ржеву, а также в Москве «год князя Ивана Можайского». Позднее Иван III (ок. 1473 г.) передал Борису Васильевичу на Волоке Шапковскую слободу⁷⁷ и в 1497 году променял на земли, доставшиеся князю Борису по завещанию Марии Голтыевой (ряд сел в Коломне, Владимире и под Москвою) большие волости на Волоке, Буйгород и Колпь, ранее находившиеся за великим князем⁷⁸.

Образование Волоцко-Рузского удельного княжества под московской эгидой было закреплено только военным поражением Новгорода и его присоединением к Москве. Еще в 1471 году, составляя проект договора с Казимиром IV, боярские верхи Новгорода распоряжались Волоком, как своею волостью. Он должен был перейти на условиях «сместного» владения великому князю литовскому, которого новгородская феодальная знать хотела посадить на Новгородское княжение. Однако, договор с Казимиром никогда не был осуществлен на практике. В 1471 году Иван III организует поход на Новгород; сборным пунктом для русских войск был, как и раньше, Волок на Ламе⁷⁹.

Волоцкий князь Борис Васильевич энергично поддерживал Ивана III в походе на Новгород. Только разгром Новгорода мог обеспечить ему целостность территории Волоцкого княжества. К тому же кн. Борис Васильевич надеялся получить свою «часть» из добычи, которую сулил ему поход 1471 года⁸⁰.

В ходе войны новгородские войска были разбиты, и Великий Новгород вынужден был заключить Коростынский договор, согласно которому им признавалось верховное главенство Москвы⁸¹. Среди новгородских волостей Волок на Ламе в этом договоре отсутствует. Московский великий князь добился его окончательного изъятия из состава владений Великого Новгорода. И когда

⁷⁶ «Из сел из своих даю ему свой же прикуп на Волоце Белевутовские села да Окоракские (Д и ДГ, № 57). В духовном завещании (1462 г.) кн. Василий Темный подтвердил это распоряжение своей матери: «А что его благоговела моя мати... на Волоце Белевутовскими селы, Спаським селом и з деревнями да на Издетемле-Окоракскими селы — ино то ему и есть». (Д и ДГ, № 61).

⁷⁷ «Да что ти есмь дал Шопкову слободу также в вотчину и удел» (Д и ДГ, № 69).

⁷⁸ Д и ДГ, № 85.

⁷⁹ 24 июня 1471 г. Иван III прибыл на Волок. Именно сюда собрались его братья Юрий, Андрей, Борис, а также кн. Михаил Андреевич с сыном (ПСРЛ, т. VIII, стр. 163, т. XII, стр. 132, т. XVIII, стр. 230, т. XXI, ч. II, стр. 537, т. XXII, ч. I, стр. 479, т. XXV, стр. 288, т. XXVI, стр. 236, Ноасафовская летопись, стр. 68).

⁸⁰ В 1479 г. Борис Васильевич горько жаловался своему брату Андрею, что Иван III «Новгород Великий взял с ними, ему ся все подостало, а им жеребья не дал из него» (ПСРЛ, т. VI, стр. 222).

⁸¹ ГВН и П. №№ 26--27.

в 1475 году Иван III ездил в Новгород для расправы с неугодной ему боярской партией и в 1478 году предпринимал карательный поход на Новгород, закончившийся окончательным присоединением этой феодальной республики к Москве, — Волоколамск являлся все тем же передовым московским форпостом, каким сделался уже задолго до этого, а волоцкий князь Борис Васильевич — надежным союзником великого князя⁸².

Создание Волоколамского удельного княжества во главе с братом Ивана III, в результате военного поражения Новгорода, является завершением первого этапа присоединения Волока к Москве. Борьба Москвы за Волок является одной из сторон процесса создания Русского централизованного государства.

---

⁸² Во время посздки 1475 г. Иван III останавливался на Волоке в октябре на Дмитриев день (ПСРЛ, т. VI, стр. 200, т. XII, стр. 158, т. XX, ч. 1, стр. 314, т. XXV, стр. 304. Иоасафовская летопись, стр. 90, 94). Во время похода 1478 г. Иван III был на Волоке 14 октября. Волочане, возглавленные князем Борисом Васильевичем, также были участниками похода 1478 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 207, т. VIII, стр. 185, 188, т. XII, стр. 172—174, 189, т. XVIII, стр. 255—256, 258, т. XX, ч. 1, стр. 320—322; т. XXV, стр. 311, Иоасафовская летопись, стр. 98).

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НОВГОРОДА И КАРЕЛ В XII—XIV ВЕКАХ

Во внешнеполитической истории Новгородской боярской республики заметное место занимают карелы, особенно в период XII—начала XIV веков. Карелы были наиболее крупным и сильным из нерусских племен Новгородской земли и весьма способствовали распространению сферы влияния Новгорода на огромные пространства европейского Севера, вплоть до Белого моря, Ботнического залива и фьордов северной Норвегии. В XII—XIII веках внешняя политика Новгорода на западе и северо-западе нередко проводилась в значительной мере силами карел.

Между тем, по вопросу о характере политических отношений карел и Новгорода в XII—XIII веках уже в течение почти ста лет среди исследователей существуют две различных точки зрения. Позиции многих дореволюционных русских и советских ученых резко противостоят мнению финляндских буржуазных историков, извращающих сущность политических взаимоотношений Новгорода и карел в XII—XIII веках. Необходимо детально разобрать этот вопрос для того, чтобы правильно понять и объяснить роль карел в политической истории Новгородской республики.

Прежде, чем перейти к основной теме, нужно сделать еще два предварительных замечания.

Настоящая работа ограничивается хронологическими рамками XII — начала XIV веков, охватывающими весьма важный период в истории Карелии¹. В этот период в Карелии происходил распад патриархально-родового строя и вызревание классовых, феодальных отношений. Этот процесс проходил под большим воздействием экономики и социальных отношений русских областей Новгородской земли, но новые социальные отношения

¹ Нижней гранью этого периода берется начало XII в. по той причине, что для предшествующего времени у нас нет вполне достоверных письменных и археологических сведений о карелах.

не были навязаны сверху, они вызревали в недрах самого карельского общества. Потому в XII—XIII веках в Карелии внешне еще сохранялись основные формы племенного строя (строга «военной демократии»), подтачивавшиеся изнутри процессами феодализации².

Нужно еще отметить, что до последнего времени в понятие «карелы» и «Карелия» для XII—XV веков вкладывалось обычно представление о современном народе и современной территории с этими названиями (например, в книге С. С. Гадзяцкого «Карелы и Карелия в новгородское время», изд. в 1941 г. в Петрозаводске). Однако, в результате исследований крупнейшего советского ученого-финноугроведа Д. В. Бубриха теперь установлено, что для той эпохи термином «карелы» можно называть лишь население Карельского перешейка и северного Приладожья с прилегающими к северу и западу землями. Эта территория в русских источниках XIII—XIV веков называлась «Корельская земля», с конца XV века — «Корельский уезд». Территория Олонецкого перешейка и все остальные земли, прилегавшие к Онежскому озеру, носили название «Обонежье» и были заселены племенем весь (впоследствии в значительной своей части слившимся с карелами). Поэтому теперь в научной литературе термин «Карелия» для новгородского времени применяется условно, как обозначение двух различных этнических территорий — земли карел и земли веси (Обонежья), т. е. территорий, на которых жили предки современных карел. Существовала и третья карельская область, условно называемая в литературе «Северная Карелия» — осваиваемые карелами огромные малонаселенные земли между Белым морем и Ботническим заливом.

В настоящей работе речь пойдет о первой из трех названных здесь областей — о Карельском перешейке, и о его населении — о собственно карелах. Эту область можно для того времени называть «Карелия» в узком значении этого слова.

I.

Финляндские буржуазные историки, начиная с основателя финляндской буржуазно-националистической историографии Ирве Коскинена, выдвинули свою теорию, по которой Карелия в XII—XIII веках не находилась в зависимости от Новгородского государства, и карелы в этот период были лишь союзниками

---

² В следующий исторический период — с начала XIV до конца XV в. — родоплеменной строй уже сменился феодальными отношениями; этот период лежит вне рамок данной статьи.

новгородцев³. Подобная концепция имела целью опровергнуть давно установленный факт, что карельский народ с начала своей политической истории неразрывно связал свою судьбу с великим русским народом.

В пользу своей теории финляндские ученые выдвигали следующие доводы:

1) В перечне новгородских «волостей», содержащемся в договорах Новгорода с князьями⁴, не упоминается Корела (Карелия);

2) В договоре Новгорода с Ганзой и Готландом 1262—63 годов⁵ содержится указание, что новгородцы не берут на себя ответственности, если с немецкими купцами что-либо случится на территории Карелии⁶.

Несостоятельность первого довода доказал советский ученый С. С. Гадзяцкий. В своих исследованиях о Карелии, Водской и Ижорской землях⁷ Гадзяцкий показал, что в перечне новгород-

---

³ G. Z. Yrjö-Koskinen, *Finnische Geschichte*, Leipzig, 1874; ss. 10, 15—16; M. G. Schybergson, *Finlands historia*, Bd I, Helsingfors, 1888, s. 39; K. O. Lindqvist, *Suomen historia*, Porvoo, 1926, ss. 50—51; J. Karttunen, *Suomen Karjalan historia*. «Karjalan kirja», 1932, s. 205; A. M. Tallgren, *Suomen Karjalan gautakausi*. «Karjalan kirja», 1932, s. 180 и др. Реакционный финский историк Я. Яккола, доводя эту концепцию до крайности, договорился даже до утверждения о существовании в XII—XIII вв. карельского «полунезависимого государства» (J. Jaakkola, *Suomen varhaiskeskiaika* (Suomen historia, III), Porvoo—Helsinki, 1938, s. 333). Разумеется никаких доказательств в пользу своего утверждения Яккола привести не мог, ибо никаких фактов, говорящих о наличии в Карелии того времени собственной государственной организации, в источниках нет; построение Якколы — типичный образец буржуазно-националистической фальсификации истории Карелии.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949, №№ 1—3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26.

⁵ Там же, № 29; в более ранних изданиях и литературе этот документ обычно датировался 1265 г. Аналогичный пункт содержится и в проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом 1269 г. (там же, № 31).

⁶ V. Voionmaa, *Suomen karjalaisen heimon historia*, Helsingissä, 1915, s. 24; A. M. Tallgren, *ук. соч.*, стр. 180; H. Karttunen, *ук. соч.*, стр. 205; Я. Яккола, *ук. соч.*, стр. 297, 333 и др.

⁷ С. Гадзяцкий, *Карелия и карелы в Новгородское время*. Петроградск., 1941; его же, *Водская и Ижорская земли Новгородского государства*. Исторические записки, № 6, М., 1940, стр. 100—148.

Здесь же отметим, что обе указанные работы явились важным вкладом в изучение истории Новгорода и Новгородской земли. В обеих работах С. С. Гадзяцкий проявил себя прекрасным знатоком и весьма тонким исследователем русских источников, особенно — источников XIV—XV вв.; страницы названных работ, посвященные исследованию истории Карелии, Водской и Ижорской земли за указанные столетия, представляют большую научную ценность. К сожалению, в то же самое время С. С. Гадзяцкий был совершенно

ских «волостей» (т. е. — новгородских колоний) не упоминается не только карела, но и такие бесспорно подвластные Новгороду племена, как водь и ижора. Изучив все письменные известия о водях, ижоре и карелах XI—XIII веков, Гадзяцкий пришел к совершенно правильному выводу, что Водская и Ижорская земли и Карелия не были «волостями», т. е. колониями Новгорода, а входили в состав собственной территории Новгородского государства (подробнее об этом см. ниже)⁸.

Второй и главный довод финляндских буржуазных историков кажется на первый взгляд более основательным. Но большой и сложный вопрос о взаимоотношениях карел и Новгорода мы не можем решать на основании только одного факта. О тесной политической связи Новгорода и карел говорят все известия о карелах XII—XIII веков в русских, шведских, финляндских и норвежских источниках; в частности, норвежские источники 60-х годов XIII века прямо называют карел данниками Новгорода⁹. Разумеется, мы не можем, как это делают финляндские историки, отвергнуть совокупные свидетельства всех письменных источников и признать достойным доверия только одно свидетельство договора 1262—63 годов. Понятно, что поскольку основным критерием для финляндских буржуазных историков в данном случае служили политические соображения, то только свидетельство упомянутого договора могло быть использовано ими для доказательства буржуазно-националистической теории «независимости» Карелии. Мы в данном случае должны поглубже рассмотреть политическую ситуацию, освещаемую договором 1262—63 годов, и другими источниками XIII века, чтобы решить, действительно ли показания этого договора и всех других источников диаметрально расходятся.

Финляндские буржуазные историки могли делать из источников вывод о «независимости» Карелии потому, что они подходили к политическим отношениям XIII века с представлениями XIX—XX столетий. Войонмаа, один из наиболее объективных (в данном вопросе) финляндских авторов, указывал, например, что отношения карел с Новгородом были более союзническими, чем зависимыми, и выражались только в военном союзе и сборе дани¹⁰.

беспомощен, когда ему приходилось изучать нерусские источники, и был совсем незнаком с иностранной научной литературой по своей теме; в связи с этим разделы его работ, посвященные внешнеполитическим вопросам, очень слабы в научном отношении.

⁸ С. С. Гадзяцкий. Карелия и карелы в новгородское время, стр. 38—39; его же: Водская и Ижорская земли, стр. 100 и 137.

⁹ Текст саги о Хаконе сыне Хакона, цитируемый в статьях: И. Шакольский. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки», т. 14. М., 1945, стр. 36; его же: Посольство Александра Невского в Норвегию. «Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 113—114.

¹⁰ В. Войонмаа, ук. соч., стр. 24, 26.

Между тем, для XII—XIII веков именно этими двумя факторами — поставкой военных отрядов и уплатой дани — как раз и определялась политическая зависимость того или иного племени от русских княжеств, в частности — от Новгорода. Взаимоотношения Новгорода с многочисленными племенами, входившими в состав Новгородского государства, носили особый, специфический характер¹¹, и принципиально отличались от колониальной политики западноевропейских государств (Швеции, Дании) и рыцарских орденов (в Прибалтике). Новгородцы на подчиненных землях не ломали местный исконный уклад жизни, не вводили сразу своей администрации, не строили замков и крепостей, не вводили свои войска и т. д. Для Новгорода было достаточно, чтобы племя признало себя зависимым и согласилось на уплату дани; никаких иных форм подчинения новгородцы не требовали. Племя сохраняло свою родоплеменную администрацию, которая самостоятельно разрешала все внутриплеменные дела.

Если мы учтем эти особенности новгородской политики, вопрос о зависимости карел от Новгорода уже не будет вызывать сомнений. Свидетельство договора 1262—63 годов, на первый взгляд говорящее за «независимость» Карелии, также может быть без труда разъяснено. Новгородцы отказывались брать на себя ответственность, если с немецкими купцами что-нибудь случится в Карелии, ибо в Карелии не было новгородской администрации и новгородских войск, и Новгород не мог обеспечить охрану немецких купцов, если на них захотят напасть местные жители. Взаимоотношения с немецкими купцами были внутренним делом местного населения, а во внутренние дела подчиненных племен Новгород не вмешивался.

II.

Указанные выше общие характерные черты новгородской политики в подчиненных землях могут быть в полном объеме прослежены при изучении истории Карелии XII—XIII веков: и здесь до второй половины XIII века зависимость Карелии от Новгорода выражалась главным образом в праве новгородского правительства на сбор дани.

В Карелии XII—XIII веков (кроме Обонежья) не было русских поселков, не проводилась русская колонизация. Укрепленные пункты Карелии — Корела, Тиверский городок и городища северного Приладожья и Саволакса до конца XIII века не имели

¹¹ Определение этого особого характера новгородской колониальной политики уже было дано нами в работах «Борьба шведских крестоносцев против Финляндии» («Историч. журнал», 1940, №№ 4—5, стр. 103) и «Емь и Новгород в XI—XIII вв.» («Уч. записки ЛГУ», серия ист. наук, вып. 10, Л. 1941, стр. 104, 105).

русских гарнизонов¹², и вообще до конца XIII века в Карелии не было русских вооруженных сил. Таким образом, подвластность карел Новгороду имела весьма поверхностный характер, карелы под новгородской властью сохраняли в основном свой местный исконный уклад жизни.

Отсутствие в основных карельских землях русских гарнизонов и русских колонистов показывает, что власть Новгорода над Карелией опиралась на какие-то силы внутри местного карельского населения.

Поскольку в Карелии в XII—XIII веках под властью Новгорода продолжал существовать исконный родоплеменной строй (находившийся в последней стадии — в стадии своего разложения и вызревания классовых отношений), господство внутри племени сохранялось в руках племенной знати. Карельская племенная знать и в XII, и в XIII веках продолжала руководить внутренней жизнью карельского населения и в пределах основной племенной территории, и в отдельных районах и селениях. Новгороду было выгодно поддерживать племенную знать, ибо через ее посредство можно было держать в своих руках власть над карельскими землями. С другой стороны, карельской племенной знати в XII—XIII веках выгодно было ощущать за своей спиной могущественную поддержку новгородского правительства. В результате распада первобытнородовых отношений карельская племенная знать постепенно превращалась в класс феодалов и стремилась сосредоточить в своих руках всю власть внутри племени, чему сильно способствовала поддержка сверху, из Новгорода.

Таким образом, Новгородское государство в XII—XIII веках управляло карельскими землями при посредстве карельской племенной знати. В частности, племенная знать осуществляла, вероятно, одну из главных функций государственного аппарата того времени — сбор дани.

Отношения карельского населения с Новгородским феодальным государством мы, конечно, не должны идеализировать, это были отношения господства и подчинения. Свою власть над карелами Новгород в случае необходимости поддерживал насильственными мерами. Так, когда шведы подчинили своему влиянию соседнюю с Карелией область — землю финского племени емь, новгородский князь Ярослав Всеволодович в 1227 году для закрепления Карелии под властью Новгорода принудительным путем произвел массовое крещение карел¹³.

---

¹² А с конца XIII — начала XIV вв. можно предполагать наличие русских военных сил только в городе Корела, и к концу XIV в. — в Тиверском городке.

¹³ ПСРЛ, т. I, изд. 2-е, вып. 2, Л., 1927, стб. 449. Вероятно, крещение было произведено лишь в близко прилегающих к захваченной шведами земле: сми западных карельских погостах и на Карельском перешейке.

Новгородское феодальное государство держало в подчинении массы карельского населения силами карельской племенной знати, но вместе с тем держало в подчинении и саму племенную знать. Когда племенная знать в конце XIII века сделала попытку выйти из повиновения (см. ниже), Новгород немедленно применил меры вооруженного принуждения. Правда, такой факт до конца XIII века случился только однажды. Для XII—XIII веков характерны дружественные отношения между феодализирующейся верхушкой карельского племени и правящим классом Новгорода.

Союз новгородского боярства с племенной знатью Карелии был настолько прочным и тесным, что отдельные наиболее видные представители карельской знати со временем вошли в состав новгородского боярства и переселились в Новгород¹⁴. Так, в летописях XIV века упоминаются два лица с карельским именем «Валит». Под 1337 год в летописи упоминается сидевший в городе Корела воевода Валит Корелянин¹⁵; это был, очевидно, крупный представитель карельской феодализирующейся знати, потомок племенных старейшин, которому было поручено управление Корельской землей. Во второй половине XIV века в летописях неоднократно упоминается Иван Федорович Валит¹⁶, видный новгородский боярин, занимавший в 1350 году должность тысяцкого¹⁷, неоднократно руководивший новгородскими войсками в боевых походах, а также строительством крепостей на рубежах Новгородского государства. Иван Федорович Валит был явно выходцем из карельской племенной знати, вошедшим в ряды новгородского боярства, и неоднократно занимавшим руководящие посты в управлении Новгородской республикой.

Укреплению связи карельской племенной знати с Новгородским государством весьма способствовала интенсивно развивавшаяся торговля между карельскими землями и Новгородом. Основным богатством карельских земель была пушнина; именно в погоне за пушшиной карелы освоили в XII—XIII веках огромные пространства Севера до Ботнического залива, Белого моря и даже до берегов полярного океана. Добываемая карелами пушнина сбывалась в Новгород, основной центр пушной торговли

---

¹⁴ А. И. Попов, Валит. «Советское финноугроведение», т. V, Петрозаводск, 1949, стр. 132—138; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. Л., 1961, стр. 156—158.

¹⁵ ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 220.

¹⁶ Там же, стр. 235; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 361, 376, 381, ПСРЛ, т. IV, стр. 348; ПСРЛ, т. XVI, стр. 132.

¹⁷ Новгородская первая летопись, стр. 361; ср. А. И. Попов, ук. соч., стр. 137; В. Н. Бернадский, ук. соч., стр. 157. Оба исследователя высказывают также предположение, что в 1372 г. Иван Федорович Валит занимал еще более высокую должность в системе Новгородского государства—должность посадника (А. И. Попов, ук. соч., стр. 138; В. Н. Бернадский, ук. соч., стр. 157).

средневековой Европы, и из Новгорода отправлялась новгородскими купцами на запад. Торговля карел с Новгородом осуществлялась, вероятно, через посредство карельской племенной знати. Для племенной знати эта торговля должна была быть одним из основных источников обогащения. Заинтересованность карельской знати в развитии торговли с Новгородом была основным экономическим фактором, скреплявшим политическую связь Карелии с Новгородским государством.

Добыча пушнины была делом всего карельского населения, и прежде всего — рядовых крестьян-общинников. Обилие лесов даже в основной племенной территории карел — в северо-западном Приладожье — позволяло заниматься охотой на пушного зверя не только жителям карельских лесных погостов и северной периферии, но и крестьянам из земледельческих селений Приладожья¹⁸. Хотя основную выгоду от продажи пушнины получала знать, в какой-то, хотя бы и очень небольшой мере, в сбыте пушнины было заинтересовано и все население. С другой стороны, рядовое население было заинтересовано в торговле с новгородцами еще и потому, что от новгородцев в Карелию в обмен на меха поступали некоторые товары, например — украшения, некоторые металлы и т. и. Таким образом, торговля в рассматриваемый период способствовала развитию экономических связей между основной массой карельского населения и новгородцами.

Еще более важное значение имели политические связи карел и Новгорода, которые были скреплены совместной борьбой с внешними врагами. Так, карелы вместе с новгородцами ходили на шведов в 1256, 1301, 1396 годах (и, вероятно, в 1160-х гг. и в 1198 г.), на емь — в 1191 и 1228 годах. Кроме того, карелы самостоятельно ходили в походы в интересах Новгородского государства: на емь в 1143 году, на шведов — в 1178, 1187 годах, на норвежцев — в 1271, 1279, 1302—1303, 1445 годах¹⁹. При этом нужно иметь в виду, что в источниках сохранились сведения да-

¹⁸ Об этом свидетельствуют найденные при раскопках карельских могильников XII—XIV вв. в окрестностях Кексгольма кости медведя, куницы, белки и бобра, а также найденные там же наконечники стрел, специально изготовленные для охоты на пушного зверя (с затупленными концами, чтобы не повредить мех); см. Th. Schwindt, *Tietoja karjalan lautakaudesta*. Helsinki, 1893, с. 202 и рис. 38 а, в, с. В Ореховском договоре 1323 г. содержится сведения о существовании «ловищ» пушного зверя (в частности — бобров) в западной части Карельского перешейка (ГВН и П, № 38).

¹⁹ Новгородская первая летопись, стр. 27, 39, 65, 213, 230, 270, 387; ПСРЛ; т. IV, ч. I, вып. 2, стр. 440; *Islandske annaler*, ed. G. Storm. Christiania, 1888, ss. 73, 138, 141, 200; А. И. Гиппинг. *Нева и Ниеншанц*. I. СПб., 1909, стр. 111; И. П. Шаскольский. *Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в.* «Известия Карело-финского филиала АН СССР». Петрозаводск, 1951, № 2, стр. 9—20; его же: *Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40-х—50-х гг. XIII в.* «Историч. записки», № 43. М., 1953, стр. 195—199.

леко не о всех походах и особенно мало известно о походах, совершавшихся карелами без участия новгородцев. Наибольшую значимость имели карельские походы против шведов XII—XIII веков, активная борьба карел вместе с новгородцами против шведской агрессии на берегах Финского залива. В ходе борьбы против шведской крестоносной агрессии упрочились политические связи карел и Новгорода, были заложены основы исторической дружбы русского и карельского народов.

Для правильного понимания взаимоотношений карел и Новгорода нужно еще учитывать, что по своей экономике земледельческие районы северо-западного Приладожья были прямым продолжением земледельческих территорий южного Приладожья и Поволховья; здесь жили такие же крестьяне-земледельцы, как и на берегах Волхова. В торговом отношении северо-западное Приладожье было тесно связано с основной новгородской территорией по реке Волхову и особенно с центром торговой жизни северной Руси — Новгородом. Одним словом, в экономическом отношении бассейн Волхова, юго-восточное и северо-западное Приладожье представляли собой более или менее единое целое.

Все эти обстоятельства объясняют нам еще одну особенность политического положения Карелии в составе Новгородского государства. Как уже говорилось, С. С. Гадзяцкий весьма убедительно показал, что Карелия не упоминалась в договорах с князьями, так как не была «волостью» (колонией), а являлась территорией самого Новгородского государства²⁰. Эта точка зрения обосновывается рядом фактов. Когда в Карелии возник город Корела (XIII век), он стал считаться новгородским пригородом, наравне с Псковом и Ладогой; с образованием пятин, включивших в себя собственно новгородскую территорию и не включивших колонии, Корельская земля вошла в состав Водской пятины. Территория этой части Карелии имела деление на погосты, как и русские области Новгородской земли, и это явление оказалось настолько прочным, что оно сохранилось в Западной Карелии и после ее перехода под власть шведов²¹.

²⁰ С. Гадзяцкий. Карелия и карелы в новгородское время, стр. 38—39.

Этому выводу не противоречит то обстоятельство, что население Карелии в XII—XIII вв. платило дань Новгороду; в тот период даннические отношения не были обязательным признаком колониальной зависимости. Напомним, что в Киевской Руси все славянское население платило дань киевским князьям; отношения между Новгородом и карелами в XII в. во многом походили на отношения киевских князей и подвластных славянских (т.е. русских) племен — полян, древлян, кривичей и т. п. — в IX—X вв.

²¹ В аналогичном положении находилось и Обонежье. Обонежье также не упоминалось в договорах Новгорода с князьями в числе новгородских колоний; с образованием пятин Обонежье составило особую Обонежскую пятину; Обонежье также было с весьма раннего времени поделено на погосты, и это деление сохранялось до конца XVIII века. Кроме того, вхождение Обонежья в состав собственной территории Новгородского государства способствовало и наличию здесь немногочисленного, но постепенно увеличивавшегося русского крестьянского населения, пришедшего в Обонежье с берегов Волхова.

В то же время следует отметить, что в состав собственной территории Новгородского государства входили не все земли, принадлежавшие племени карела. Деление на погосты охватывало лишь северо-западное Приладожье и ближайшие соседние лесные районы. Зато огромные пространства северной Карелии от Ботнического залива до Белого моря не были поделены на погосты. Таким образом, в состав собственной территории Новгородского государства входили только наиболее населенные земледельческие погосты северо-западного и северного Приладожья (Ровдужский, Сакульский, Городенский, Кирьяжский, Сердовольский и Соломенский) и соседние окраинные погосты (Иломанский, Саволак, Яскис и Эврепя). По-видимому, эти земли составляли некогда первоначальную племенную территорию карел и были наиболее прочно освоены и заселены; напротив, пространства северной Карелии были освоены позднее, были слабо заселены и потому в племенную территорию включены не были.

Поскольку карельская племенная земля была частью собственной территории Новгородского государства, феодализирующаяся карельская племенная знать постепенно становилась частью новгородского правящего класса. Как уже отмечалось выше, некоторые представители карельской знати со временем даже переселились в Новгород и стали новгородскими боярами (Иван Федорович Валит); из основной массы карельской знати в XIV—XV веках в Корельской земле составилась слой мелких и средних феодалов — своеземцев, хорошо известных по Писцовой книге Вотской пятины 1500 года²².

Вхождение карельской племенной знати в состав собственной территории Новгородского государства объясняет нам многие особенности истории Карелии в новгородское время. Прежде всего, становится понятным участие карельских отрядов в походах новгородских войск внутрь Руси во время феодальных междоусобиц в русских землях в 1149, 1270, 1316 годах²³, то есть участие в военно-политических предприятиях, совершенно ненужных карелам с точки зрения собственных интересов Карелии. Становится понятным также участие карел в новгородском походе 1253 года против немцев²⁴, которые в тот год напали на Псков, но самой Карелии вовсе не угрожали. Делаются более понятными, наконец, и карельские походы против шведов в XII веке²⁵, предпринимавшиеся нередко самостоятельно, без участия новгородцев, и в обстановке, когда шведская экспансия еще непосредственно не угрожала карельским землям. Во всех этих событиях карелы участвовали не как данники, а как составная часть самого Новгородского госу-

²² С. С. Гадзьяцкий, *ук соч.*, стр. 146—147.

²³ Новгородская первая летопись, стр. 89, 321, 95, 337; ПСРЛ, т. II (1843 г.), стр. 40.

²⁴ Новгородская первая летопись, стр. 80, 307.

²⁵ И. П. Шаскольский, *Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в.*, стр. 9—20.

дарства; карелы (т. е. господствующая верхушка карел, карельская племенная знать) считали интересы Новгородского государства своими собственными интересами. Прочные социальные и хозяйственные связи карельской племенной знати и господствующих классов Новгорода делали подобное совпадение интересов вполне закономерным²⁶.

И во внутривластической борьбе, и в борьбе с внешними врагами карелы участвовали наравне с русским населением Новгородской земли. И такое положение карел в системе Новгородского государства не было чем-то исключительным. Аналогичное положение занимали воедь и ижора. Вотская и Ижорская земли также входили в состав собственной территории Новгородского государства²⁷, и воедь, и ижора также участвовали во внутривластической борьбе и в обороне границ государства наравне с соседним русским населением. Разница была лишь в том, что карельское племя по сравнению с воедью и ижорой было значительно больше и сильнее, и потому играло более крупную роль во внешнеполитической истории Новгорода.

Важно отметить, что карелы стали участвовать в политических действиях Новгородского государства уже в 1149 году (когда карелы в составе новгородского войска ходили в поход к Волге против суздальского князя Юрия Владимировича), то есть буквально через несколько лет после установления (в 1136 г.) независимости Новгорода от великокняжеской власти. Этот факт свидетельствует, что карелы со времени возникновения Новгородской боярской республики вошли в ее состав на равных (или почти на равных) правах с населением русских областей Новгородской земли.

Как часть собственной территории Новгородского государства, Карелия наряду с русскими местностями Новгородской области и с Вотской и Ижорской землями была обязана участвовать в защите государственных границ от внешних врагов; карелы наравне с новгородцами, псковичами, ладожанами, воедью и ижорой должны были поставлять воинов в войско Новгородского государства²⁸. Вооруженные силы Новгородского государства

---

²⁶ В частности, и правящие классы Новгорода, и карельская знать были заинтересованы в развитии новгородской внешней торговли, а для этого — в безопасности торговых путей в Финском заливе; потому карелы вместе с новгородцами боролись против шведской экспансии на берегах Финского залива.

²⁷ С. С. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства, стр. 100—148 (особенно стр. 100, 110, 137).

²⁸ С. С. Гадзяцкий связывает обязанность карел поставлять воинов в новгородское войско с существовавшей в северных погостах основной карельской племенной территории (в «Задней Кареле», т. е. в погостах к северу от Ладожского озера) по данным писцовой книги 1500 г. особой единицей обложения — «луком»; С. С. Гадзяцкий считает, что обложение не было связано с хозяйством карельского крестьянина, а исходило из личной повинности каждого карела являться с луком на войну (см. его «Карелы и Карелия в новгородское время», стр. 41; ср. Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, стр. 696). В действи-

составлялись из двух частей: из княжеской дружины и ополчения. Небольшая по размерам княжеская дружина, состоявшая всего из нескольких сот воинов, была постоянно в боевой готовности и нужна была главным образом для отражения неожиданных набегов на ближайшие к Новгороду местности. Для всех сколько-нибудь крупных военных предприятий производился набор ополчения из способных носить оружие крестьян и горожан Новгородской земли.

По-видимому, такой же характер ополчения имели и военные отряды, набравшиеся в Карелии²⁹. Поскольку в Карелии в XII—XIII веках еще в значительной мере сохранялся строй военной демократии, на основании сведений о других племенах, находившихся на той же стадии общественного развития, можно полагать, что и здесь участвовать в походах должны были все взрослые и способные носить оружие мужчины племени.

Вероятно, такой же характер ополчения имели военные отряды води и ижоры, Карельское, водское и ижорское ополчения много раз участвовали в составе новгородского войска в военных действиях на границах государства и во внутривосточной борьбе во время феодальных смут и усобиц. Летописцы в ряде случаев особо упоминают, когда в составе новгородского войска находилась «корела»³⁰; очевидно, что внутри новгородского войска карельское ополчение (как и водское и ижорское ополчения) составляло отдельную военную единицу³¹.

Показательно, что в составе новгородского войска наряду с «корелой» ни разу не упоминаются обонежцы. Видимо, Обонежье, расположенное вдали от границ, не участвовало в XII—

тельности, «лук» в Задней Кореле, как и в ряде других местностей русского Севера (например, на Кольском полуострове), был единицей обложения в землях, где наиболее важную роль в хозяйстве играла охота.

²⁹ С. С. Гадзяцкий (Карелы и Карелия в новгородское время, стр. 78) обратил внимание на выражение Воскресенской летописи (при описании состава новгородского войска в походе 1149 г. — ПСРЛ, т. XII, стр. 45) «все новгородцы и псковичи и корела»; в этом обороте содержится слово «все», обычно в летописных текстах употребляемое тогда, когда речь идет об ополчении. Еще более ясно на то, что отряды карел носили характер ополчения, указывает летописная запись 1270 г., где говорится, что к Новгороду были собраны псковичи, ладожане, корели, ижора и вожане, «от мала до велика» (Новгородская первая летопись, стр. 89).

³⁰ Новгородская первая летопись, стр. 89; 95. 295, 321, 337; ПСРЛ, т. VII, стр. 45. Правда, в Новгородской летописи отражены далеко не все новгородские походы, и особенно мало отражены походы раннего времени и военные операции, проходившие вдали от Новгорода; кроме того, говоря о походах, летописцы далеко не всегда указывали состав войска. Поэтому нет оснований думать, что в летописи отражены все случаи, когда карельское ополчение участвовало в составе новгородского войска; таких случаев было, безусловно, значительно больше.

³¹ С. С. Гадзяцкий. Карелы и Карелия в новгородское время, стр. 78.

XIV веках в обороне государства от внешних врагов. Отсутствие обонежских отрядов в составе новгородского войска говорит о меньшем политическом значении Обонежья сравнительно с основной карельской территорией.

Во главе карельского ополчения, вероятно, стояли представители племенной знати. В период военной демократии наиболее важной функцией племенных вождей и старейшин было предводительствование отрядами племени во время военных действий.

Карельские военные силы неоднократно предпринимали и самостоятельные походы на Запад. Защита интересов Новгородского государства и борьба против шведской экспансии к северу от Финского залива проводилась в XII веке в значительной мере отрядами карел³².

Самостоятельные действия карельских отрядов в интересах Новгородского государства — весьма важный факт политической жизни Карелии XII—XIII веков. Финские буржуазные историки пытались доказать, что поскольку карельские отряды часто ходили в походы самостоятельно, без участия новгородских войск, следовательно, не по принуждению новгородцев, то отсюда будто бы вытекает, что карелы не были подчинены Новгороду и были лишь союзниками новгородцев³³. Это утверждение опровергается показаниями источников. Так, например, после того, как карельские отряды совершили в 1187 году поход на крупнейший город Швеции, Сигтуну, в портовых городах Швеции по приказу властей были арестованы все, оказавшиеся там в этот момент, новгородские торговые люди; из этого явствует, что, по мнению шведских властей, поход карел на Сигтуну был не предприятием только одних карел, а делом всего, включающего в свой состав Карелию, Новгородского государства (и потому за карельский поход можно отомстить новгородцам)³⁴. Поскольку карелы не только вместе с русскими отрядами, но и самостоятельно боролись со шведами за интересы Новгородского государства, очевидно, что для них интересы государства были не чужими, а своими.

В свете всего сказанного выше ясно вырисовываются две основных особенности политического положения Карелии в XII—XIII вв. :

1. Основная племенная территория карел (10 погостов север-

³² И. П. Шаскольский. Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в., стр. 10—21. — Особенно в этой связи нужно отметить самый крупный поход, произведенный Новгородским государством против Швеции в XII в. — Сигтунский поход; основной, а может быть — и единственной военной силой, предпринявшей этот поход, были отряды карел (см. И. П. Шаскольский. Сигтунский поход 1187 г. «Исторические записки». № 29. М. 1949, стр. 144—161).

³³ К. О. Лилдквист, ук. соч., стр. 50—51 и др.

³⁴ И. П. Шаскольский. Сигтунский поход 1187 г., стр. 162.

ного Приладожья) являлась не колонией, а составной частью самого Новгородского государства.

2. Внутри данной территории до последних десятилетий XIII в. сохранялись племенной уклад жизни и свое племенное управление, самостоятельно разрешавшее все внутренние местные дела.

Племя корела было как бы отдельной автономной единицей в составе Новгородского государства. Формулировка новгородского летописца (под 1270 г.): «вся волость³⁵ новгородская: пльсковичи, ладожане, корела, ижора, вожане»³⁶ показывает, что племя корела входило в состав Новгородской республики на таких же правах отдельной самоуправляющейся единицы, как города Псков и Ладога (и племена водь и ижора).

III.

Как было организовано внутреннее управление на основной племенной территории? Прямых сведений об этом у нас нет, и мы можем использовать лишь косвенные данные.

Судя по сведениям «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, написанной в начале XIII века, эсты, латыши и ливы, находившиеся на том же уровне развития, что и карелы (т. е. — на стадии распада родоплеменных отношений и формирования классового, феодального общества)³⁷, не составляли в политическом отношении единого племени. Эстония, например, состояла из нескольких самостоятельных, независимых друг от друга областей — маакунт. Маакунты имели между собой экономические связи, в случае общей опасности заключали между собой соглашение и совместно выступали против врагов, но над маакунтами не было никакой общэстонской (общеплеменной) власти. Вероятно, аналогичное положение было и в Карелии. Карельское племя нельзя представлять себе каким-то подобием феодального государства с единоличным вождем, управляющим всеми делами племени. Племя, очевидно, тоже состояло из отдельных племенных групп, живших в нескольких районах основной карельской территории. Отдельные племенные группы карел были связаны между собой, но над ними не было общей централизованной власти.

Как уже отмечалось, в карельских землях существовало деление на погосты, установившееся во владениях древнерусского государства, особенно на севере Руси еще со времени киевских князей. Наиболее раннее упоминание погостов на основной карельской племенной территории содержится в тексте Ореховецкого договора 1323 года, где названы три западных погоста, уступленные шве-

³⁵ В понятие «волость новгородская» в данном случае вкладывается значение: все части самого Новгородского государства.

³⁶ Новгородская первая летопись, стр. 89, 321.

³⁷ Х. А. Моора. Возникновение классового общества в Прибалтике «Советская археология». XVII. М., 1953, стр. 125—132.

дам — (Яскис, Еврепя и Саволак)³⁸. Эти погосты как территориальные единицы существовали затем в течение ряда столетий; границы их частично сохранились в форме границ восточных провинций Финляндии вплоть до наших дней. Отсюда следует, что это территориальное деление возникло задолго до 1323 года и к моменту перехода под власть шведов опиралось уже на весьма давнюю местную традицию; иначе это территориальное деление не смогло бы удержаться после установления новых, шведских порядков. Столь же устойчивым было и деление на погосты в восточной части Карельского перешейка и в северном Приладожье, зафиксированное в письменных памятниках с конца XIV века, но также возникшее значительно ранее. Большинство этих административно-территориальных единиц в значительной мере в одних и тех же границах, сначала под именем погостов, затем под именем приходов, в XIX веке под именем уездов, с 1944 года как районы Ленинградской области и Карельской АССР существовали до 1950-х годов³⁹.

Устойчивость административного деления Карелии в новгородское время и в течение многих последующих столетий показывает, что это деление не было введено сверху, по произвольному распоряжению новгородских властей, а явилось результатом внутреннего развития местного общества; новгородским термином «погост» стала обозначаться территория, населенная отдельной группой карельского племени и представлявшая собой в экономическом и географическом отношении известное единство. Погост состоял из нескольких десятков племенных селений, расположенных обычно вдоль водной магистрали или по берегам крупного озера; река или озеро объединяли эти селения по экономическому признаку⁴⁰. Для новгородцев же погост был территориальной единицей, в пределах которой производился сбор дани⁴¹.

³⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 38.

³⁹ Существовавшие до 1960 г. Сосновский и Приозерский районы Ленинградской области были расположены на территории древних Ровдужского и Городенского погостов. Существовавшие до конца 1950-х гг. Куркийокский, Сортавальский и Питкярантский районы Карельской АССР по своей территории соответствовали древним Кирьяжскому, Сердовольскому и Соломенскому погостам. Не сохранился к середине XX в. как отдельная административная единица только Сакульский погост (на Карельском перешейке); его территория входила частично в Приозерский, частично — в Сосновский районы. Изменение произошло в последние годы, когда в связи с укрупнением районов Куркийокский и Питкярантский районы были слиты с Сортавальским районом, Сосновский — с Приозерским районом.

Об устойчивости территорий большинства карельских погостов с древних времен до конца XIX века говорил еще Войонмаа (ук. соч., стр. 59).

⁴⁰ Так, Кирьяжский, Сердовольский и Соломенский погосты представляли собой группы селений, лежащие вдоль берега Ладожского озера; Городенский погост — группу селений по нижнему течению р. Вуоксы; Саволакский погост — группу селений в районе оз. Сайма и т. д.

⁴¹ К северу от Ладожского озера — в «Задней Кореле» — в писцовой книге 1500 г. зафиксировано наряду с погостами существование и более древних местных территориальных единиц — «перевар». Перевары по размерам меньше

Следовательно, основная территория карельского племени — Корельская земля — представляла собой группу погостов, объединенных общностью этнического состава и имевших тесную хозяйственную связь.

По аналогии с эстонскими маакунтами можно полагать, что каждый карельский погост управлялся своей племенной знатью. В источниках XIV—XVI веков, как уже говорилось, несколько раз упоминаются лица с карельским именем «Валит», причем один из них, Валит Корелянин, в 1337 году был воеводой в городе Корела и Корельской земле, другой был видным новгородским боярином. Предание о третьем лице с именем Валит, жившем по одним данным в XIV веке, по другим данным — в конце XV века, управлявшем городом Корелой и Корельским уездом и завоевавшем для Руси «Мурманскую землю», было записано в конце XVI века на побережье Мурмана⁴². Четвертый Валит, живший в карельской деревне Кюлолакша, упомянут в берестяной грамоте XIV—XV вв.^{42-а}

По писцовым книгам известно существование в конце XV века семьи своеземцев Валитовских⁴³, по всей видимости — потомков феодализировавшейся карельской племенной знати. Имя «Валит» нашло отражение и в топонимике (в особенности на Карельском перешейке)⁴⁴. Это имя явно произошло от карельского слова *valittu*, означающего «выбранный», «избранный»⁴⁵. Поскольку в условиях родоплеменного строя у всех народов земного шара вожди и старейшины были выборными (избирались всеми членами рода или племени), есть все основания полагать, что «валитами» в Карелии на данном этапе исторического развития называли людей, занимавших выборные должности в карельском племени — должности старейшин и вождей.

За их потомками имя «Валит» сохранилось и после распада родоплеменного строя. В XIV—XV веках известны по крайней ме-

---

погостов и их границы не совпадают с границами погостов (С. С. Гадзяцкий, Карелы и Карелия в новгородское время, стр. 41). Происхождение этого института и его соотношение с погостами требует дальнейшего исследования; предлагаемое С. С. Гадзяцким (там же) объяснение, согласно которому перевары были территориями, обязанными варить мед для князя, слишком наивно, не учитывает местной специфики. Перевары в северном Приладожье, скорее всего, возникли раньше, чем погосты и корни этого явления надо искать не в XIV—XV вв. (как предлагает Гадзяцкий), а на более ранних стадиях развития местного общества.

⁴² ПСРЛ, т. V, стр. 220, 235; там же, т. IV, стр. 348; Новгородская первая летопись, стр. 361, 376, 381; Н. М. Карамзин. История государства Российского. т. XI, прим. 56; Русские акты Копенгагенского государственного архива. Русская историч. биб-ка, т. XVI, СПб, 1897, стр. 378.

^{42-а} А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), М., 1958, стр. 67.

⁴³ Новгородские писцовые книги, т. III, стлб. 831—832; А. И. Попов, ук. соч., стр. 135; В. Н. Бернадский, ук. соч., стр. 157—158.

⁴⁴ А. И. Попов, ук. соч., стр. 135; В. Н. Бернадский, ук. соч., стр. 157—158.

⁴⁵ А. И. Попов, ук. соч., стр. 135.

ре три разных лица с именем «Валит». Надо полагать, что это не был титул главного вождя племени. Валит, управлявший в 1337 году Корелой, и Валит—новгородский боярин, скорее всего были потомками разных семей карельской племенной знати. Правильнее полагать, что «валитов» в племени в одно и то же время было несколько, и что «валиты» были старейшинами отдельных групп карельского племени, т. е. старейшинами погостов.

Старейшины карельских погостов («валиты») так же, как и старейшины маакунт в Эстонии (о которых известно из свидетельства современника) должны были находиться в постоянной связи друг с другом. По аналогии с Эстонией начала XIII века, где периодически собирались на совещание вожди маакунт⁴⁶, можно думать, что и в Карелии устраивались периодические совещания старейшин погостов, и что решения об организации совместных походов на запад или о посылке войск внутрь Новгородской земли принимались сообща старейшинами погостов. Наличие постоянной связи между племенной администрацией карельских погостов и совместные действия этих погостов в политических делах, имевших общее значение для всех погостов, приводили к тому, что, не имея единой централизованной власти, основная карельская племенная территория выступала в политической жизни того времени, как более или менее единое целое.

Как уже отмечалось выше, новгородской администрации в Карелии до конца XIII века не было. Тем не менее, вхождение в состав Новгородского государства, участие в его политической жизни и в его борьбе против иноземной экспансии способствовало этнической и политической консолидации карельского племени.

Такой характер политическая жизнь Карелии носила до последних десятилетий XIII века. В 60-е — 70-е годы XIII века в отношении карел и Новгорода наступают некоторые изменения. По скудным известиям летописи мы узнаем, что в 60-е — 70-е годы XIII века впервые в истории Карелии какая-то часть карельского племени выступает против Новгорода. Уже в 1269 году новгородский князь Ярослав Ярославич собирался пойти в поход «на корелу», но новгородские правящие верхи настояли на отмене похода⁴⁷. Вероятно новгородские бояре были против карательной экспедиции, рассчитывая урегулировать конфликт мирным путем⁴⁸. В 1278 году, видимо, все же потребовалось прибегнуть к оружию, и

⁴⁶ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938. стр. 180.

⁴⁷ Новгородская первая летопись, стр. 89, 319.

⁴⁸ С. С. Гадзяцкий считает, что в этот момент «по-видимому, новгородцы в порядке компенсации за то, что «умолили» Ярослава Ярославича отменить поход на карел, потребовали ограничения самостоятельности своих карельских вассалов, объединили часть их в «Корельскую землю» и поставили во главе последней особого князя» («Карелы и Карелия в новгородское время», стр. 76). Эта гипотеза не может быть обоснована данными источников и кое в чем даже противоречит источникам; так, о существовании служилого князя в Карелии есть данные только для начала XIV в.

новгородский князь Дмитрий Александрович двинулся с войском в Карелию. По словам летописи, князь «казни корелу и взя землю их на щит»⁴⁹, т. е. — подверг наказанию за непокорность и добился полного подчинения.

В чем заключался конфликт новгородцев и карел 60-х—70-х годов XIII века — летопись не сообщает, и об этом можно только догадываться. Скорее всего, этот конфликт вызван процессами внутреннего социального развития Карелии. Поскольку власть Новгорода в Карелии опиралась, по-видимому, на местную племенную знать, конфликт Новгорода с Карелией должен был быть прежде всего конфликтом с карельской племенной знатью. Вероятно, к концу XII века карельская племенная знать стала все более превращаться в класс феодалов и начала, по-видимому, тяготиться зависимостью от Новгорода. Видимо, в среде карельской племенной знати появилась тенденция к отпадению от Новгорода с целью использовать дань, собираемую с карельского населения, для усиления своих доходов.

Весьма возможно, что известную роль сыграло в данном случае и влияние шведов⁵⁰. С середины XIII века, после захвата шведами центральной Финляндии, племенная территория карел стала пограничной землей; могли завязаться кое-какие торговые, а может быть и политические связи с соседними шведскими владениями. В среде племенной знати, в связи с возникшей тенденцией к отпадению от Новгорода, могла возникнуть и мысль об использовании в борьбе с новгородцами помощи шведов.

Для Новгорода в виду того, что Карелия стала теперь пограничной землей, конфликт с карельской племенной знатью представлял весьма серьезную опасность, и новгородцы прибегли к самым крутым и решительным мерам, чтобы восстановить свою власть над карельской территорией. В результате похода 1278 года князь Дмитрий Александрович, судя по тексту летописи, принудил недобвольные элементы внутри Карелии к покорности Новгороду⁵¹.

Поскольку можно предполагать среди причин конфликта 60-х—70-х годов XIII века влияние шведов, надо думать, что конфликт охватил не всю племенную территорию, а лишь граничащие со шведскими владениями погосты Карельского перешейка. Северное Приладожье и лесной Иломанский погост в конфликте, скорее всего, не участвовали.

В связи с событиями 60-х—70-х годов, новгородцам, видимо, пришлось усилить свою административную власть в Карелии. С 70-х годов XIII века в источниках появляется термин «Карельская земля»⁵², которым стала обозначаться основная племенная терри-

⁴⁹ Новгородская первая летопись, стр. 323.

⁵⁰ Так полагают многие исследователи: А. П. Гиппиус, Нева и Нисеншанц, Г. СПб., 1909, стр. 99—100; Ирве Коскинен, ук. соч., стр. 40; В. Вой-оимаа, ук. соч., стр. 25; Я. Яккола, ук. соч., стр. 431—434 и др.

⁵¹ С. С. Гадзяцкий, Карелия и карелы в новгородское время, стр. 79.

⁵² Там же, стр. 75—77.

тория карел — территория десяти карельских погостов. По-видимому, карельская племенная территория, представлявшая и ранее обособленную часть Новгородского государства, но не имевшая единого управления, единой политической организации, теперь такую организацию получает. Видимо, новгородцы поставили во главе карельских погостов какую-то общую административную власть, управляющую внутренними делами всей Карелии и подчиненную Новгороду. Административным центром Корельской земли становится город Корела, существовавший уже давно⁵³, но только теперь, с конца XIII века и начала XIV века; впервые упоминаемый в письменных источниках (упоминаемый именно как административный центр Карелии). С начала XIV века во главе управления Корельской землей новгородцы стали ставить служилого князя, приглашая для этого какого-либо из мелких удельных князей, и давать ему «в кормление» город Корелу и Корельскую землю.

Образование «Корельской земли», как обособленной и имеющей единое управление части Новгородского государства, было, без сомнения, связано с усилением внешней опасности — опасности со стороны шведов. «Корельская земля» была образована незадолго до начала русско-шведской борьбы за Карелию и для того, чтобы укрепить новгородскую власть над карелами ввиду надвигающейся угрозы шведской агрессии. Явно наличием внешней опасности вызвано и приглашение на руководство «Корельской землей» служилых князей, происшедшее уже после начала борьбы со Швецией за Карелию. Князь по понятиям того времени был прежде всего военачальником, и его главной обязанностью в Карелии была организация обороны от шведских захватчиков. Как и во всех других местностях древней Руси, и в Кореле князь должен был иметь свою небольшую дружину. Во время военных действий на обязанности служилого князя должно было ложиться руководство карельским ополчением.

Первым известным нам служилым князем в Кореле был в начале XIV века один из младших представителей тверской княжеской семьи Борис Константинович⁵⁴, который своими действиями вызвал недовольство новгородцев и был скоро отставлен. Затем, после перерыва в двадцать с лишним лет, в 1333 году новгородцы поставили во главе Корелы, Ладоги и Орешка приглашенного из Литвы молодого князя Наримонта⁵⁵. С тех пор и до середины XV века новгородцы обычно держали во главе пограничных городов — Корелы, Орешка, Копорья и др., служилого князя, приглашаемого из литовской княжеской семьи. Служилый князь «кормился» за счет

---

⁵³ В. И. Громов, Л. П. Потемкин, И. П. Шаскольский. Приозерск (Крела—Кексгольм). Исторический очерк, Л. 1960, стр. 7—8.

⁵⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 8.

⁵⁵ Новгородская первая летопись, стр. 346.

поборов с подчиненного ему населения и должен был руководить обороной пограничных земель от внешних врагов⁵⁶.

Поскольку служилые князья жили большею частью не в самой Кореле, а в Орехове или Копорье, во главе управления Корельской землей, кроме князя, ставился и воевода. Воевода мог быть выходцем из местной карельской знати (как, например, Валит-Корелянин, карельский воевода в 1337 году), но был представителем новгородских властей. В городе Корела складывается, вероятно, и какой-то аппарат управления при воеводе. В XIV—XV веках управление Карелией находится уже в руках не племенной знати, а русской администрации; в состав администрации могли входить и карелы, но сама администрация уже строится по русскому образцу.

Таким образом, в XIV—XV веках в Карелии происходит усиление административной власти Новгорода; старое племенное устройство постепенно сменяется новым административным устройством феодального типа; все меньше становятся различия в политической жизни Карелии и русских областей Новгородского государства.

Смена племенного самоуправления русским административным аппаратом в конце XIII и в XIV веках отражала глубокий социальный сдвиг, происшедший к этому времени в Карелии — переход от родоплеменного строя к феодальным отношениям.

Дополнение к стр. 126.

Изложенная на этой странице концепция, согласно которой имелись в XII—XIV вв. две части Карелии: южная часть, делившаяся на погосты и входившая в состав собственной территории Новгородского государства, и северная часть, охватывавшая огромные пространства от Белого моря до Ботнического залива и не поделенная на погосты, находит любопытное подтверждение в берестяной грамоте № 248 конца XIV — начала XV вв. В этой грамоте «корила погостская» обращается к «господину Новгороду» с просьбой о защите от внешних врагов (А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. «Сов. археология», 1958, № 2, стр. 234). Термин «корила погостская» означает: «корела погостская», т. е. — жители той части Карелии, которая имела деление на погосты и входила в состав собственной территории Новгородской республики. «Корела погостская» названа так в отличие от северных карел, живших на территории, не имевшей деления на погосты и не являвшейся частью собственной территории Новгородского государства (а находившейся в зависимости от Новгорода).

⁵⁶ В. Н. Бернадский. Новгород и Приладожская Карелия в XII—XV вв. «Уч. записки Лен. Гос. Пед. Ин-та им. Герцена», т. XXXIX, Л., 1941, стр. 194—198; С. С. Гадзяцкий, ук. соч., стр. 165—169.

А. И. СЕМЕНОВ

ДРЕВНЯЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕЙ ЧАСТИ ТОРГОВОЙ СТОРОНЫ НОВГОРОДА

Настоящая работа является продолжением историко-топографических изысканий по Торговой стороне Новгорода. В 1936 году автор опубликовал статью «Топография Новгородского Торга в 1583 году» (Новгород, ист. сборник, вып. 1), а в 1959 году — другую статью — «Древняя топография южной части Славенского конца» (Новг. ист. сборник, вып. 9). В предлагаемой статье рассматривается топография северного участка Славенского конца и южного участка Плотенского конца, находившегося на юг от Федоровского ручья.

Напостоянно установленная граница между Плотенским и Славенским концами становится известной с XVI века. Н. И. Костомаров высказал предположение, что Федоровский ручей «может быть в древности служил межею»¹ между Плотенским и Славенским концами, Костомаров мог бы подтвердить свое мнение летописным известием 1368—1369 года: «погоре Плотницьский конец весь от Никиты святого до Радукович»². Церковь Никиты стояла вблизи северного берега Федоровского ручья, стало-быть, летописное сообщение определяет южной границей Плотенского конца Федоровский ручей.

Но указываемая граница XIV века позднее была отодвинута на юг. В писцовой книге 1581—82 года (в последующем тексте статьи будет обозначаться: «ПК Майк.») в Плотенский конец включены все улицы от Федоровского ручья на юг до берегового участка Лубяницы включительно³. В писцовой книге 1585—86 года (в последующем тексте статьи будет обозначаться: «ПК Гр.») в состав Плотенского конца вошли улицы на юг от

¹ Н. И. Костомаров. Собрание сочинений. Книга 3, том 8. СПб, 1904, стр. 240.

² Московский летописный свод конца XV века (ПСРЛ, том 25) под 1369 г. Ср. Новг. 1 лет. под 1368 г.

³ В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб. 1911, стр. 222 (отдельный отпечаток из Летописи занятий имп. Археографической комиссии за 1911 год. Вып. 24).

Федоровского ручья до Буяной включительно⁴. В нарядной описи 1623 года⁵ Плотенский конец с южной стороны начинается тоже с Буяной улицы. Видимо, перемещение южной границы Плотенского конца за счет Славенского конца произошло в XV или в первой половине XVI века, возможно, после одного из больших пожаров Торговой стороны. При ее новой застройке к Плотенскому концу могли присоединить часть соседних улиц Славенского конца.

Рассматриваемый в статье участок Торговой стороны за 156 лет (с 1385 по 1541 г.) подвергся пяти опустошительным пожарам, после которых оставались только обгоревшие каменные церкви. В 1606 и 1696 годах этот участок снова почти полностью выгорал. Трудно представить, что страшные пожары не нарушали ранее сложившегося направления улиц. Но с другой стороны, крепкие устои частной собственности на дворовые участки свидетельствуют о длительной сохранности размеров дворовых участков без каких-либо существенных изменений. Размеры дворовых мест, записанные в писцовой книге 1623 года, служили официальным документом для меры тех же дворовых мест еще в последней четверти XVII века. Неизменность площади участков частных владений сохранялась при любых обстоятельствах: при передаче по наследству, при продаже, или при выморочности участка. В последнем случае писцы допускали деление дворовых мест в припуск к жилым дворам, но оно применялось не так уж часто и не отражалось на сложившейся топографии улиц и переулков.

В статье «Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода» автор в центральной части конца остановился на описании Ильиной улицы и сделал небольшие замечания о выходе Пробойной Плотенской улицы к Великому ряду. Дальнейшее описание улиц и начнем с нее.

1. Большая Пробойная Плотенская улица

Наличие этой улицы устанавливается по летописям и лавочным книгам 1583 г.⁶ (в последующем тексте статьи будут обозначаться — «ЛК»), по ПК Гр. и отдельным актам. Она была одной из главных магистралей древнего Новгорода и шла от Торга в Плотенский конец. Земляные работы, проведенные в 1959 году при строительстве здания столовой на Московской улице, установили направление улицы. Вырытый под здание столовой котлован своей запад-

⁴ Б. Д. Греков, *Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI века*. СПб. 1912, стр. 12 (отдельный оттиск из *Летоп. занятий Археограф. комиссии*, вып. 24).

⁵ *Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода*. М. 1808, стр. 72.

⁶ *Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г.* Изд. РАНИОН. М. 1930. (Далее обозначаются сокращенно: «ЛК»).

ной частью разместился между задним фасадом здания Горсовета (б. губернаторского дома) и площадкой высотной башни телевизионного центра. В западной части котлована, против шестого и седьмого окна (считая с востока) здания Горсовета, обнаружались 11 ярусов мостовых XIII—XVI веков Пробойной Плотенской улицы. Они шли в направлении на центр нынешнего здания Георгиевской церкви. Ширина вскрытой улицы в XIV веке составляла 4,3 метра. Котлован рылся до глубины 2,8 м. От этой глубины до 1,5 м от поверхности шли мостовые XIII—XV веков, а выше мостовые XVI века. Мостовые XIII—XV веков состояли из больших полубревен, положенных на лаги, во 2-ой половине XV века использовался более мелкий лес, и длина бревен не превышала двух метров. Они выкладывались двумя рядами, соприкасавшимися друг с другом. В летописи под 1470 годом помещено известие: «Помостиша мост нов от Лубянки во весь конец Плотницкой»⁷. Безусловно здесь идет речь о мощении Пробойной Плотенской улицы. В XVI веке ширина Плотенской улицы в районе Торга была от 5 до 6 сажен, она была шире других улиц Торговой стороны⁸.

Прямая Плотенская улица на юге выходила к церкви Дмитрия, разобранной в XVIII веке и стоявшей рядом с Георгиевской церковью на север от нее⁹. Здесь от Плотенской начиналась Иванская улица, шедшая в бѣрег, а Плотенская улица уклонялась к югу и, проходя между церквями Ивана на Опоках и Георгиевской, выходила к Великому ряду.

На север от Дмитриевской церкви на Торгу Плотенская улица шла на одинаковом расстоянии от берега — 102 сажени, выпуская Иванскую, пересекая Лубяницу, потом выпуская Буяну и разрезая Рогатицу на две отстоящие друг от друга части. Прохождение Плотенской через Иворову находилось в 118 саж. от берега, а через Славкову — в 150 саж. от берега. Пройдя Рогатицу, Плотенская улица уклонялась к востоку, а после Иворовой проходила с площади у Климентовской церкви за алтарем церкви Дмитрия Солунского к Федоровскому ручью, за ручьем же шла на север к Деревянному городу.

На Плотенскую улицу выходили только боковые стороны дворов или жилых строений, передние же стороны выходили на улицы, идущие к Волхову. По Плотенской улице на боковых сторонах рас-

⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Том VI примечание 629.

⁸ В ЛК (стр. 87—88) около Дмитриевской церкви Торга указана ширина Пробойной Плотенской улицы — 6 саж., а за Лубяницей — 5 саж. Новг. 4 летопись под 1508 г. сообщает о новой планировке новгородских улиц, сделанной по указанию великого князя Василия Ивановича Василием Бобром. Новая ширина их — 4 сажени была больше прежней.

⁹ В статье «Топография Новгород. Торга в 1583 г.». (Новг. ист. сборник. вып. 1) мною неверно показана Пробойная Плотенская улица проходящей мимо дворницких церквей к Волхову.

полагались лавки¹⁰. На перекрестке с Буйной улицей находилась «сторожня решеточная да беседа улицкая»¹¹. Размеры сторожни и беседы невелики. Обе вместе имели 2,5 саж. длины и сажень ширины. Другая сторожня и беседа находилась на углу Славковой улицы¹². Решетками прикрывались улицы на ночь, чтобы обезопасить дома и лавки от воров. В сторожне находился сторож, открывавший решетку для прохода возвращавшихся домой в ночное время.

2. Иванская улица

Положение улицы выясняется из ПК Гр. (стр. 11, 18). Она проходила от Пробойной Плотенской улицы прямо на Волхов с северной стороны церкви Ивана на Опоках. В XVI веке на улице у церкви Ивана дома стояли только по северной стороне, на южной стороне возле церкви были лавки. Фасады домов этого участка улицы были обращены на Торг, примыкавший к самой улице.

Иванская улица начиналась от Пробойной Плотенской у церкви Дмитрия, стоявшей с северной стороны Георгиевской церкви¹³. Пройдя метров 50 за церковь Ивана на Опоках к берегу, улица разветвлялась: южное ответвление проходило к Великому мосту через ряды Торга, а северное — продолжалось прямо до берега. Южное ответвление ЛК называют Великой улицей из Великого ряда на Опоки, или «улицею Пробойною, что к Ивану святому» или «улицей проезжей Великой в Плотенский конец»¹⁴.

Вся длина Иванской улицы от Пробойной Плотенской до Волхова (по северному ответвлению) составляла около 103 сажень. В ПК Гр. на северной стороне Иванской улицы от Пробойной улицы значатся 7 церковных дворов с общей погонной длиной по улице в 39 сажень. Потом от церкви Ивана на Опоках по той же северной стороне к Волхову названы еще 7 дворов и одно дворовое место, занимавшие по улице 36,5 погонной сажени, и после на Иванской улице указаны 21 двор без обозначения меры, как подошедшие под Тверской гостиный двор в 1570 году и про них сказано, что «те все дворовые места подойдут под новую городовую меру»¹⁵, т. е. под строение правобережной оборонительной деревянной стены. Надо полагать, что эти дворовые места находились на обеих сторонах улицы, и кроме того, часть их стояла на берегу вблизи Иванской улицы или в проулках в сторону Псковского двора, иначе их

¹⁰ ЛК, стр. 103—105.

¹¹ ЛК, стр. 104.

¹² ЛК, стр. 106.

¹³ Дмитриевская церковь обозначена на плане «Новгород с ситуациею» 1740 г., хранящемся в Центр. Гос. Военно-историч. архиве (Москва, ф. 3, оп. 20, д. 6479).

¹⁴ ЛК, стр. 36, 42, 47, 49, 50, 60.

¹⁵ ПК Гр. стр. 12.

трудно разместить на небольшом береговом отрезке Иванской улицы.

Писцовая книга Чоглокова 1623 года, составленная после шведской интервенции, звала Иванскую улицу, как застроенную дворами по обе стороны. Об этом можно судить по сохранившейся из нее выписи о дворе Афоньки Назарова на левой (южной) стороне улицы¹⁶, а также по другой из нее выписи: «...на Иванской улице от Ивана Предтеча к реке Волхову по правой стороне место пустое нетяглое Деревяницкого монастыря да Павла Загоскина¹⁷. На северной стороне улицы во 2-ой половине XVII века стоял двор гостя Семена Гаврилова. В Новгороде ему принадлежало много домов. Он имел несколько владений по соседству со своим двором на Иванской улице. Сохранились списки с купчих, меновых и данных, относящихся к 1671—1693 годам о приобретении Гавриловым дворов и дворовых мест на Иванской улице¹⁸. В пожар 22 мая 1696 года сгорел двор Семена Гаврилова и он умер (возможно, что от ожогов), наследником богатств стал его сын, гость Иван Семенов¹⁹.

В конце XVII века Иванская улица называлась Большой Иванскою²⁰. 20 мая 1709 года во дворе гостя (очевидно, Ивана Семенова) на Иванской улице начался пожар, который охватил пространство от Федоровского ручья до Торга. Сгорели торговые ряды, Гостиный двор и 15 церквей²¹.

Иванская улица показана пунктиром выходящей на берег на плане 1740 года — «Новгород с ситуациею» (Центр. гос. воен. ист. архив, ф. 3, оп. 20, д. 6479). На плане 1756 года²² Иванская улица уже не доходит до берега. Она проведена наискось к вновь проложенной улице между Михайловской (позже названной Московской) улицей и берегом, параллельно им (ныне ул. Александра Невского, б. Дворцовая).

3. Лубяница или Лубянка

В самой широкой части Торговой стороны от берега Волхова до Большого деревянного города шла Лубяница. На плане «Новгород с ситуациею» 1740 года пунктиром нанесены участки Лубяницы — от берега до нынешней улицы Александра Невского и от нынешней Кировской (б. Мало-Михайловской) улицы до вала.

¹⁶ Гос. архив Новгород. области (сокращенно — ГАНО), ф. 717, оп. 1, д. 53, л. 41 об.; писцовая книга Чоглокова 1623 г., хранившаяся в нач. XIX в. в Новг. губ. архиве (см. Истор. разговоры о древностях Вел. Новгорода, стр. 11) была затеряна еще в первой половине XIX г. и до нас не дошла.

¹⁷ Архив Новг. музея, № 21. Челобитная Деревяницкого монастыря Петру I.

¹⁸ ГАНО, ф. 717, оп. 1, д. 53, лл. 10 об., 12 об., 20, 25 об., 40, 41 об.

¹⁹ Там же, д. 52, л. 1 об.

²⁰ Там же, д. 53, л. 25 об.

²¹ ПСРЛ, т. III, СПб. 1841, стр. 276.

²² План Новгорода 1756 г. приложен к книге Н. Н. Муравьева — «Описание древней новгородской серебряной гривны», 1826 г.

**Схематический план
средней части Торговой стороны
по данным 1580-ых годов
ОБОЗНАЧЕНИЯ НА ПЛАНЕ**

Части Торга

- А. Ряды Торга. Направление и наименование рядов не обозначено. См. Новг. истор. сборник. Вып. 1, стр. 40 (план Торга 1583 г.).
Б. Конева площадка.
В. Хлебная горка.
Г. Тверской двор (его место заштриховано).
Д. Псковский двор (его место заштриховано).
Е. Великий мост (через Волхов).

Улицы

1. Пробойная Плотенская.
2. Ильина.
3. Лубяница.
4. Малая Лубянка.
5. Лубяницкий переулок.
6. Иванская.
7. Буяна.
8. Рогатица.
9. Иворова.
10. Переулок «у Климента святого».
11. Славкова.
12. Переулок на Славкову улицу.
13. Коржова.
14. Загородная.

Церкви

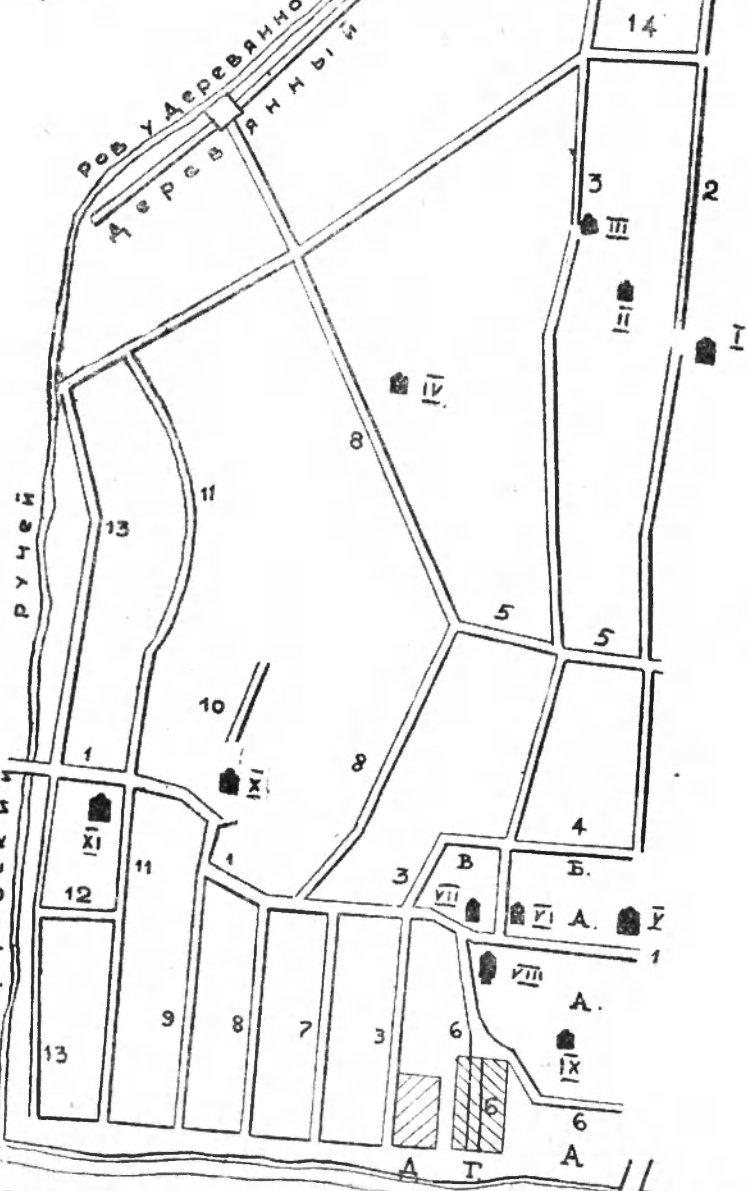
- I. Знаменья.
- II. Спаса-Преображения.
- III. Апостола Луки.
- IV. Ипатия.
- V. Успения.
- VI. Георгия.
- VII. Дмитрия на Торгу.
- VIII. Ивана на Опоках.
- IX. Бориса и Глеба.
- X. Климента.
- XI. Дмитрия Солунского.

Приблизительный масштаб — в 1 см — 33 сажени (71,28 м).

Рогатицкое
заполье

Ров у Деревянного города
Деревянный город

ручей
Федоровский

Река Волхов

У Большого деревянного города улица начиналась на расстоянии 130 метров от Ильиной. Она проходила с северной стороны Лукинской церкви, стоявшей в 65 метрах на северо-восток от сохранившейся донныне Спасо-Преображенской церкви²³. Дальше улица шла на запад к Георгиевской церкви (до современной Московской улицы). В «Описании семи новгородских соборов» начала XVI века²⁴. Георгиевская церковь обозначена «конец Лубянки». Но здесь Лубяница не кончалась, а под прямым углом поворачивала на север, и, пройдя метров 60 по мостовой нынешней Московской улицы, поворачивала на запад к берегу.

В. С. Передольский делил Лубяницу на три трети — Лукинскую, Егорьевскую и Иванскую (Дмитриевскую)²⁵. В опубликованных источниках известны только Лукинская и Егорьевская трети²⁶. Название — «Иванская треть» нигде не встречается. Ссылка Передольского на упоминание Иванской трети в Сборнике копий купчих и закладных гостя Семена Гаврилова не подтверждается. В этом сборнике, хранящемся в Государственном архиве Новгородской области, несколько раз названа Иванская улица, но не встречается «Иванская треть»²⁷.

По ПК Гр. можно установить границы Лукинской трети. Начало ПК Гр., где идет описание правой стороны Лукинской трети, утрачено. Но из общей итоговой сводки Лукинской трети видно, что не достает описания двух дворов и трех пустых мест. Поэтому установить точную длину правой стороны Лукинской трети нельзя: но она должна совпадать с левой стороной, которая полностью описана в ПК Гр.

²³ В летописной записи под 1528 г. об освящении перестроенной каменной церкви Луки указано, что она стоит «на Лубянице в поле» (ПСРЛ, VI, 1853 г., стр. 287). Поле вероятно образовалось после крупного пожара 1508 г., когда сгорела вся Торговая сторона. Церковь Луки сначала была деревянной (с 1207 г.), в 1424 г. ее построили каменной, в 1528 г. перестроили, а в 1702 г. заново построили каменной, так как в пожар 1696 г. Лукинская церковь сгорела. Церковь Луки была разобрана в 1850-ых годах (см. Передольский. Новгород. древности, стр. 114).

²⁴ Вестник истории и археологии, издаваемый СПб. Археологическим институтом, вып. X, 1896 г. — статья А. Никольского — Описание семи новгородских соборов.

²⁵ В. С. Передольский. Новгородские древности. Новгород, 1898, стр. 288.

²⁶ Лукинская треть упоминается в ПК Гр. В ЛК (стр. 113) встречается Лукинский приход, который, вероятно, соответствовал Лукинской трети. Егорьевская треть упоминается в ЛК, стр. 191, в купчей 1613 г. (АЮБ. II, № 231) и в купчей 1654 г. (ГАНО. ф. 717, оп. 1, д. 53, лл. 16 об., 24).

²⁷ Передольский указывает на 40—43 лл. сборника (ГАНО. ф. 717, оп. 1, д. 53), где якобы встречается «Иванская треть», но там названа Иванская улица, а не треть.

Левая (северная) сторона Лукинской трети по ПК Гр. имела длину 314 сажен²⁸. Заканчиваясь на востоке у Большого деревянного города, она должна была доходить на западе до участка между нынешними Славной и Кировской улицами. Западной границей Лукинской трети был Лубяницкий переулочек, проходивший от Ильиной улицы к Лубянице²⁹. На плане 1740 года Лубяницкий переулочек нанесен пунктиром. Он идет от Ильиной, пересекает Лубяницу и выходит на Рогатицу.

Длина Лукинской трети составляла более половины всей Лубяницы. Западный участок Лубяницы (от Лубяницкого переулочка до берега, включая и колено улицы — часть Малой Лубянки в районе нынешней Московской улицы) имел длину около 260 сажен. Восточную часть этого участка составляла Егорьевская треть. Начинаясь от Лубяницкого переулочка, она доходила до Георгиевской церкви, а потом включала в себя Малую Лубянку, т. е. от поворота Лубяницы на север возле алтарей Георгиевской и Дмитриевской церквей до нового поворота улицы к берегу³⁰.

Малая Лубянка как бы перерезала Лубяницу на две неравные части и западную часть относила метров на 100 на север от восточной части. Но на юге, видимо, Малая Лубянка доходила до Ильиной улицы, а на севере заканчивалась тупицом и поворотом на запад к берегу³¹. От поворота до берега улица снова носила название Лубяницы. О том, что Малая Лубянка не шла дальше на север после вывода Лубяницы к берегу, можно видеть из купчей

---

²⁸ В это число входят 300 погонных сажен дворов и дворовых мест и 14 сажен огорода у Деревянного города. (См. ПК Гр., стр. 10—11). В Лукинской трети находился двор Ксвалова монастыря, упоминаемый в учке 1671 г. (АЮБ, II, № 133).

²⁹ Лубяницкий переулочек от Деревянного города находился по Ильиной улице на расстоянии 314 саж. (см. ПК Майк., стр. 230—234), а от церкви Спаса на запад на расстоянии 182 саж.

³⁰ Из купчей 1654 г. можно предполагать, что и береговой участок Лубяницы входил в состав Егорьевской трети. Там записано: «на Лубяницкой трети, идучи в гору от реке от Волхова по правой стороне в Егорьевской трети...» (ГАНУ, ф. 717, оп. 1, д. 53, л. 16 об.). Возможно, что во 2-й половине XVII века (если не раньше) Лубяница делилась только на две трети. В неопубликованной рукописи Передольский высказал предположение о наличии внутренних укреплений в районе Ярославова Дворища и Торга деление Лубяницы на трети ставил по границам внутренних укреплений. Он писал: «Из деления Лубяницы на трети выходит, что она, эти улицы, пересекалась какими-либо сооружениями или другими улицами; а какую предположено существование внутреннего укрепления около Дворища, рга и Бувеища, то я полагаю, что Лукинская треть Лубяницы была в ле за укреплением внутренним, по направлению к внешнему валу; Егорьевская в самом внутреннем укреплении, а Дмитровская между внутренним укреплением и берегом Волхова, против Детинца» (ГАНУ, ф. 717, л. 1, д. 1, л. 64).

³¹ Прав был И. Красов (О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851, стр. 111), определяя Малую Лубянку в районе Георгиевской церкви и отрицая ошибочное мнение Евгения Болховитинова о ее ходе вблизи Ипатьевской церкви.

1612 года о продаже двора на Лубянице по левой стороне от Волхова, стоявшего «лицом через улицу, против Лубянки Малою»³². Следовательно, этот дом закрывал возможное продолжение Мало Лубянки на север.

На восточной стороне Малой Лубянки имелись дворы. ЛК на зывают на ней три пустых места, отданные на оброк дмитриевскому священнику. На западной же стороне были торговые помещения. От Малой Лубянки между Георгиевской и Дмитриевско церквями шла к Волхову «улица проезжая», шириною 2 сажени локтем^{32-а}. Эта улица являлась продолжением восточной части Лубяницы, но не носила никакого названия, очевидно, потому что на ней не было жилых дворов, и она была одним из проездов к Торгу.

Какими данными можно подтвердить продолжение Лубяницы от Малой Лубянки до берега? При переписи дворов ПК в р. посл Иванской улицы называет Буяну, описание же Лубяницы, идущее раньше Иванской улицы, ограничивается только Лукинской третью. Судя по перечислению улиц из писцовою книги 1623 года, сделанному Евгением Болховитиновым³³, в ней береговой участок Лубяницы отсутствовал. Нет никаких указаний о прохождении Лубяницы в береговом участке и в ЛК, за исключением того, что Писцовый Плотенская улица пересекала Лубяницу^{33-а}. Однако, не следует из этого делать вывод, что Лубяница не касалась Волхова. В ПК Майк. при перечне дворов гостиною сохи (т. е. привилегированных купцов) назван двор Федора Катунина, стоящий «на Лубянице от реки от Волхова по правой стороне. И тот двор подоше под гостин под Псковскою двор»^{33-б}.

Береговой участок Лубяницы, примыкавший непосредственно к Торгу, застраивался торговыми и складскими помещениями, и жилых дворов на нем было немного. При переписи 1585—86 года (III Гр.) на этом участке совсем не оказалось жилых дворов. В ЛК возле нового Псковского двора, выходившего на Волхов и на Лубяницу, назван Льняной ряд, идущий от восточных ворот Псковского двора. Ряд, видимо, выходил на Лубяницу. Восточнее Псковского двора помещались амбары, очевидно, тоже доходившие до Лубяницы.

Лубяница выходила на берег между Иванскою и Буяною улицами. В данных книгах 1683—84 годов записана данная гостю Семену Гаврилову «на пустое порозжее место... на берегу у реки Волхова меж Иванскою и Лубяницы улиц под лавочное поставление поперег по 7 саж, в длину на 30 на 2 сажени»³⁴. В 1686 году Семен

³² АЮБ, II, № 148, V.

^{32-а} ЛК, стр. 191, 86.

³³ Истор. разговоры о древностях Вел. Новгорода. М. 1808, стр. 72.

^{33-а} ЛК, стр. 88.

^{33-б} ПК Майк., стр. 222.

³⁴ ГАНО, ф. 717, оп. 1, д. 53, л. 43.

Гаврилов получил еще тут же «пустое порозжее место» длиною в 10 сажен.

В XVII веке береговой участок Лубяницы был застроен жилыми дворами. Двор гостя Семена Гаврилова, выходявший на Иванскую улицу, задней своей стороной касался Лубяницы³⁵. Семен Гаврилов в 1669 году купил у посадского человека Ивана Вспольского двор, стоявший рядом с его двором³⁶. На этой же (южной) стороне Лубяницы в 1692 году Гаврилов купил двор у вдовы Авдотьи Степановой³⁷. На северной стороне Лубяницы против двора Степановой находилось подворье Лисицкого монастыря³⁸.

4. Конева площадка и Хлебная горка

Пространство на небольшом отдалении от алтарей Успенской, Георгиевской и Дмитриевской церквей, ПК Майк. и ЛК называют Коневой площадкой или Коневой горкой. От нее начиналась Ильина улица, направляясь к Большому деревянному городу³⁹. Здесь находился конский торг, но потом сюда в северную часть переместился хлебный рынок. ЛК, перечисляя пустые лавочные места на Хлебной горке, сообщают: «а все те места на Хлебной горке, что была Коневья площадка^{39 а}».

Хлебная горка находилась на Малой Лубянке. В ЛК имеется ее описание: «Горка хлебная, торгуют всяким хлебом посадские люди и всякие приезжие люди изо всех городов. Да туто ж изба таможная, збирают в ней тамгу с хлеба окупщики, а дают тамгу и окуп ноугородские дьяки Большие поместные избы»^{39 б}.

Южная часть прежней Коневой площадки в ЛК и ПК Майк. сохранила название Коневой площадки⁴⁰. На Коневой горке находились дворовые места причта Дмитриевской церкви, стоявшие лицом на горку, а задом к Малой Лубянке⁴¹.

5. Лубяницкое заполье

Находилось за Большим деревянным городом против Лубяницы. В заполье попадали через Лубяницкую проезжую башню.

ЛК называют Лубяницкое заполье на Всполье и помещают в

³⁵ Там же, лл. 3, 40.

³⁶ Там же, л. 3.

³⁷ Там же, л. 29.

³⁸ ГАНО, ф. 717, оп. 1, д. 53, л. 29 и ф. 480, оп. 9-а, д. 1050, л. 17 об. (указан билет 1731 г. на подворье Лисицкого монастыря на Лубянице).

³⁹ К статье автора «Топография Новгородского Торга в 1583 г.» (Новг. ист. сборн., вып. 1) приложен план Торга 1583 г., на котором неправильно дан выход Ильиной улицы на Пробойную Плотенскую. Ильина улица выходила на Коневу площадку на 12—16 сажен южнее, чем указано на плане.

^{39-а} ЛК, стр. 99.

^{39-б} ЛК, стр. 101.

⁴⁰ ЛК, стр. 81—93, ПК Майк., стр. 229.

⁴¹ АЮБ, II, № 148, XI — купчая 1613 г.

нем три улки (переулка)—Михайлову, Ильинку⁴² и Переделку. Заполье простиралось до Сокольницкого монастыря, находившегося в 600 метрах от Деревянного города⁴³. В ЛК указаны пустые места от Сокольницкого монастыря к полю, которые, очевидно, стояли на север от монастыря, ближе к Рогатицкому заполью. Всего в ЛК по Лубяницкому заполью числится 71 пустое место, отданные на оброк, как «места пожарные», т. е. погоревшие. Пожар Лубяницкого заполья произошел до переписи Новгорода Борисом Благово в 1572—73 году⁴⁴. По этой переписи места уже считались пустыми. Заполье перед переписью Благово сгорело все. Поэтому можно предполагать, что его размеры и ограничивались 70—75 дворовыми участками, располагавшимися на трех улках и возле Сокольницкого монастыря.

В большое половодье вся площадь Лубяницкого заполья, как и соседняя с ним площадь Рогатицкого заполья, покрывается водой. Вода заставила население покинуть оба заполья. После пожара, упомянутого Борисом Благово, Лубяницкое заполье, видимо, больше не заселялось. В описании улиц, составленном Евгением Болховитиновым по нарядной описи Новгорода 1623 года, Лубяницкого и Рогатицкого запольев уже нет⁴⁵.

6. Буяна

Прибрежный участок Торговой стороны от церкви Ивана на Опоках до Федоровского ручья за свое многовековое существование претерпел значительные топографические изменения, которые невозможно последовательно установить.

Уставная грамота князя Всеволода, данная церкви Ивана на Опоках около 1134—1135 годов, называет весь этот район — «Буевище, Петрятино дворище»⁴⁶. Что понимать под «буевищем» в новгородской топографии? Понимать ли его как площадь (возвышенное открытое кругом место — *Даль*), или как буян — речная пристань, или как кладбище, или как место прежнего кладбища? В. С. Передольский высказал мнение, что «буевище» было кладбищем немецкой церкви святого Петра⁴⁷. Мнение Передольского идет вразрез с общепринятым местоположением Немецкого двора, церкви св. Петра и кладбища при ней.

⁴² Улки (переулки) Михайлову и Ильинку ни в каком случае нельзя отождествлять с Михайловой и Ильиной улицами Славенского конца, так как на Михайлове улке ЛК (стр. 119) описывают пустые места, расположенные «от поля к городу», а на Ильинке — «от города к полю», т. е. за Деревянным городом.

⁴³ Место Сокольницкого монастыря, сгоревшего в 1775 г., известно под названием Филитмошкиной горки.

⁴⁴ Год составления писцовой книги Бориса Благово указан в ЛК (стр. 125).

⁴⁵ Ист. разговоры о древностях Вел. Новгорода, стр. 72.

⁴⁶ Дополн. к актам историческим, т. 1, стр. 3—5.

⁴⁷ В. С. Передольский. Новгородские древности, стр. 288.

Кроме «Буевища, Петрятина дворища» в древнем Новгороде известны еще два буевища. Одно из них находилось в Детинце, возле Софийского собора. В начале XVI века на нем значились четыре церкви — Афанасия, Анастасии, Спаса и Входа в Иерусалим⁴⁸. Местоположение этих церквей устанавливается: они находились около южной, восточной и северной стен Софии. Первые три церкви первоначально были построены в конце XIV — первой четверти XV веков в память прекращения мора. При них могли хоронить и умерших во время мора. Летопись Авраамки под 1422 годом сообщает о голоде, длившемся два года: «и наметаша мертвых 3 скуделницы, едину за святою Софию, а две у Рожества на поле». Обычно, умерших в мор или голод хоронили в специально отведенных местах на краю города или за городом. Погребения у Софии, видимо, совершались очень редко. В описании семи соборов начала XVI века буевище возле Софии названо «за Владычным двором», т. е. оно находилось на площади у Софийского собора, где со второй четверти XIV века начали ставить небольшие церкви. Следовательно, буевище в Детинце — это площадь.

Другое буевище встречается в ЛК и носит название Дмитриевского^{48-а}. Размещалось оно возле Дмитриевской церкви в Неревском конце. Через него шла Великая или Большая улица и на нем находились дворовые места. Ясно, что и в данном случае буевище представляет площадь. Не могло же у мостовой главной улицы Неревского конца находиться кладбище. Если и допустить, что при Дмитриевской церкви было какое-то кладбище, то тогда вряд ли на нем стояли жилые дворы.

Стало быть, и буевище Торговой стороны следует понимать как площадь, на которой с появлением Торга были устроены пристани и торговые склады.

Нельзя ли установить, откуда ведет свое название «Петрятино дворище»? Дворище в новгородском понимании — это место, где раньше находился двор высокопоставленного лица. Строитель церкви Ивана на Опоках, князь Всеволод, последний представитель монархического правления в Новгороде, дал в 1130 году посадничество Петриле (Петру) Микульчичу⁴⁹. Всеволод, приближая к себе Петрилу, мог построить и церковь Ивана на его дворе, местность которого после опустошительного пожара Торговой стороны в 1134 году могла получить название — «Петрятино дворище»⁵⁰. Уставная

⁴⁸ Вестник истории и археологии, издаваемый СПб. Археол. институтом, вып. X, 1896 г. — статья А. Никольского — Описание семи новгородских соборов.

^{48-а} ЛК, стр. 151.

⁴⁹ Посадничество было отнято у Петрилы в 1134 г., а вскоре на войне Петрил был убит (см. Новг. I лет.).

⁵⁰ Петрил близко стоял к князевской семье. Карамзин (Ист. гос. Росс., т. II, прим. 267) отметил, что Татищев считал женою князя Святослава (преемника Всеволода) дочь Петрилы.

грамота князя Всеволода, где Петрятино двориче впервые названо, была дана церкви Ивана на Опоках после пожара, в 1134 или 1135 годах⁵¹.

Буяна улица, разместившаяся в центральной части буевища, впервые встречается в Новгород. 1 летописи под 1300 годом как «Бояна улка». Под 1326 годом она снова названа «улкой». Следовательно, в то время Буяна представляла не улицу, а переулок.

Как проходила Буяна улица? Этот вопрос не разрешен в исторической литературе и возможно потому, что очень трудно разместить четыре улицы (Иванскую, Лубяницу, Буяну и Рогатицу) с выходом на Волхов на сравнительно незначительном береговом участке. Расстояние между Иванской и Рогатицей по берегу составляло всего около 210 метров.

Вполне обоснованной была попытка В. С. Передольского не проводить Буяну, как выходящую на берег, параллельно другим соседним улицам, идущим к берегу. Он ее вел сперва параллельно Волхову, а потом отклонял на восток к церкви Дмитрия, разобранной в XVIII веке⁵². Передольский направляет Буяну к Дмитриевской церкви, сообразуясь с известием Новгород. 1 летописи под 1300 годом о построении деревянной Дмитриевской церкви «на Бояни улке»⁵³.

При рытье котлована под телевизионную башню в 1956 году были обнаружены деревянные настилы улицы XIII—XIV веков, шириною до 4 метров, шедшие почти по диагонали квартала, окруженного улицами Герцена, Александра Невского, Большевиков и Московской⁵⁴. Эта диагональная мостовая, смещенная в юго-восточном углу квартала немного к северу (метров на 5 от угла), подходила под южное крыло двухэтажного дома, стоящего на юго-восточном углу улиц Александра Невского и Большевиков, т. е. в указываемом квартале. Мостовая прослеживалась и возле отмеченного углового дома на тротуаре улицы Александра Невского. Можно предполагать, что улица, обнаруженная по диагонали квартала, была древнейшей Буяной, выходявшей к церкви Дмитрия в Торгу. От нее шла перпендикулярно мостовая, шириною до 4 метров, проходившая под восточное крыло дома Почтамта. Эта мосто-

---

⁵¹ Косвенным указанием на выдачу грамоты после пожара может служить упоминание в ней «прежних дверей» церкви Ивана. Церковь была основана в 1127 г., и если за такой короткий период (до 1134 г.) названы «прежние двери», то они могли быть уничтожены в пожар 1134 г.

⁵² В. С. Передольский. Новгород. древности, стр. 291.

⁵³ В неопубликованной рукописи Передольский (ГАНУ, ф. 717, оп. 1. д. 1, лл. 64, 325) на основании летописных известий считает, что Буяна солрикасалась с Лубянкой в районе Дмитриевской церкви. Древнейшая Буяна и алтарная часть Дмитриевской церкви выходили на Малую Лубянку.

⁵⁴ К статье И. И. Кушнира — «О культурном слое Новгорода». (Сов. археология, № 3, 1960 г.) приложен план Новгорода с обозначением буровых скважин. В названном квартале обнаружен культурный слой мощностью до 8,3 м, а в одном месте на глубине 7,6 м встретилась деревянная мостовая. Все это говорит о давней заселенности квартала.

вая принадлежала проезжей дороге от древнейшей Буяной улицы к центру Торга, к Великому мосту.

Буяна второй половины XVI века, описанная в ПК Гр., не имела по отношению к современному кварталу диагонального направления. Длина дворов (от улицы в глубину) не дает резких колебаний (что говорит об ее прямом в берег направлении, а не диагональном) — по правой стороне от Волхова она доходила до 14 сажен. по левой — до 12 сажен. Буяна показана идущей от берега «к горе». Общая длина замеренных дворов составляет по каждой стороне улицы 92,5 саж. Но эту цифру надо увеличить за счет двух незамеренных дворов на южной стороне у берега (двор Троице-Сергиева монастыря и двор Коневского монастыря) и одного двора Хутынского монастыря на северной стороне, стоявшего тыльной стороной по Буяной, а передней — по Рогатице, по которой и был записан (его длина между обеими улицами — 30 саж.). Это увеличение по северной стороне будет около 10 сажен, а по южной — оно должно быть несколько больше за счет выдвинутости двора Троицкого монастыря ближе к берегу.

Если принять во внимание, как основную длину улицы, северную ее сторону (102 сажени), то она совпадает с длиной следующей за Буяной Рогатицы на отрезке от берега до Пробойной Плотенской улицы. Отсюда можно сделать вывод, что Буяна шла в гору только до Плотенской улицы, параллельно западным участкам Лубяницы и Рогатицы⁵⁵.

Ширина застроенного участка между Лубяницей и Буяной была 30 сажен плюс ширина Буяной — 4 сажени. На ширину участка между Буяной и Рогатицей оставалось у берега примерно 29 саж.

На земле трех монастырских дворов по Буяной, находившихся у берега, располагались монастырские подворья и в XVII — начале XX веков. Троицкое подворье появилось в Новгороде, очевидно, в конце XV или начале XVI веков. Троице-Сергиев монастырь был наиболее крупным и влиятельным в Московском государстве. Деятельность троицкого духовенства соответствовала духу объединительной общерусской политики московских государей. Троицкое подворье в Новгороде было проводником официальных государственных идей. Вероятно, в нем и останавливался в 1567 году Иван Грозный. В Новгородской 2 летописи сказано, что «стоял государь на Торговой стороне на Буянове улице».

На месте двора Коневского монастыря стоял жилой двухэтажный каменный дом XVI века, принадлежавший в XIX — начале

---

⁵⁵ В ЛК (стр. 104) указано: — «На Пробойной ж улицы подле Буяны сторожня решеточная да беседа улицкая». Ясно, что обе улицы сходились.

XX веков Деревяницкому монастырю. В этом доме в 1522 году останавливался греческий митрополит Феодосий⁵⁶.

7. Рогатица

Рогатица начиналась от берега Волхова и шла на восток до Большого деревянного города. В XVI веке она имела ширину 4 сажени. Рогатица была одной из самых длинных новгородских улиц. Длина ее южной стороны по ПК Гр. составляла 445 саж. плюс 5 саж., приходившиеся на пересекавшую ее Плотенскую улицу⁵⁷. Длина северной стороны по замеренным дворам, местам и садам — 332 сажени. На долю двух незамеренных дворов и одного незамеренного места, а также не включенных в перепись части дворов гостинной сохи, приходятся остальные 113 сажен⁵⁸.

Рогатица пересекала Плотенскую улицу (по данным ПК Гр.) на расстоянии 102 сажен от берега. Это расстояние соответствует обнаруженным в 1956 и 1959 годах мостовым Плотенской улицы (см выше). Дворы на участке южной стороны Рогатицы от берега до Пробойной Плотенской улицы имели длину (в глубь двора) от 9 до 12 сажен (в основном, по 11 саж.). После пересечения с Пробойной Плотенской улицей глубина дворовых участков южной стороны Рогатицы увеличивается от 20 до 24 саж. и ближе к востоку до 29 саж. Такое значительное увеличение глубины участков по сравнению с береговым районом объясняется тем, что после Плотенской улицы Буяна не продолжалась, и из-за отсутствия ее, длина дворовых участков в глубь улицы на Рогатице увеличилась.

На южной стороне Рогатицы у самого берега в ПК Гр. названы 4 пустых места, отведенных Хутынскому подворью, выходившему противоположной стороною на Буяну. Неподалеку от этих мест находился двор Медведского Ладожского монастыря. На северной стороне Рогатицы неподалеку от берега в полутора дворах жили «старцы богадельные». В древнем Новгороде богадельни—общезития для нетрудоспособных престарелых людей—изве-

---

⁵⁶ Название Буяной улицы, как Буяновская (ныне ул. Большевиков) сохранялось до 1922 г. После перепланировки в конце XVIII века, когда ширина Буяной была увеличена до 10 сажен, дом Коневского монастыря остался нетронутым, а на противоположной стороне улицы где было Хутынское подворье, выстроили каменный дом и каменную часовню, отступая на несколько сажен на север от прежней стороны улицы. Каменный дом Хутынского подворья, относящийся к концу XVIII века, сохранился после войны (рядом с гостинницей «Ильмень»), а дом Коневского подворья был разрушен немецко-фашистскими захватчиками.

⁵⁷ На долю дворов и пустых мест приходилось 432 саж. и 13 саж. на сад в конце улицы у Деревянного города.

⁵⁸ В числе незамеренных участков вошли двор Аркажского монастыря, «место гостинное Петра Тороканова», двор «гостинные сохи, что был за Борисом Годуновым» а также часть дворов гостинной сохи, обозначенных в ПК Майк., стр. 219.

стны на нескольких улицах. В XVI—XVII веках они находились на Славенской, Рогатице, Никитиной и Яковлевой улицах⁵⁹.

Рогатица по разнообразному составу своих строений принадлежала к числу живописных улиц. В 1183 году на ней была поставлена церковь Ипатия Гангрского. Судя по описи 1798 года, она была большой однокупольной церковью, по размерам и внешнему виду близкой к Яковлевскому собору Новгорода, основанному в 1172 году, на 11 лет раньше Ипатьевской церкви⁶⁰. Около Ипатьевской церкви были похоронены два брата Алфановы. Предание считало их посадниками. В старину, ежегодно, 4 октября, в день поминования новгородских князей и владык, похороненных в Софийском соборе, служилась панихида в Ипатьевской церкви игуменом Клопского монастыря. На Васильевских вратах XIV века⁶¹ помещены два изображения Ипатия Гангрского. Греческое слово «ипат» переводится как «правитель города». Поэтому П. Л. Гусев высказал мысль — не мог ли Ипатий Гангрский являться покровителем правителей Новгорода — посадников⁶². В. С. Передольский полагал, что Ипатьевская церковь была усыпальницей новгородских посадников, и считал ее домовою церковью посадничьего дворца, существование которого ни Передольским, ни другими исследователями не доказано⁶³.

Северная сторона Рогатицы на участке от Плотенской улицы до церкви Ипатия в XVI веке была застроена дворами купцов, входивших в состав гостинои сохи. Это были значительные дворы по площади и по величине жилых строений. Неподалеку от Климентовской церкви находились дворы гостей Тарakanовых. ПК

⁵⁹ ПК Гр., стр. 29; А. И. Семенов. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода (Новг. ист. сборн., вып. 9, стр. 66).

⁶⁰ Опись Ипатьевской церкви 1798 г. из архива Новг. дух. консистории не сохранилась. В ГАНО, в фонде № 480, оп. 9-а, д. 703 находятся инвентарные описи 1748 г. имущества нескольких новгородских церквей, в том числе и Ипатьевской церкви. Из описи видно, что в Ипатьевской церкви был четырехъярусный иконостас и внутренняя ширина храма равнялась 14 метрам (ширина храма восстанавливается по ширине ярусов иконостаса). В фондах Новг. музея до войны хранились храмовая икона Ипатия «в чудесах» XVI века и другая икона Ипатия в рост, с датой начала XVIII в. Обе иконы, ранее бывшие в Ипатьевской церкви, потом находились в Климентовской церкви. Фундаменты и нижние части стен Ипатьевской церкви, разобранной в 1830-ых гг., были обнаружены при строительстве двухэтажного каменного дома по ул. Большевиков против четырехэтажного здания средней школы. Яковлевский собор рухнул в 1846 г. (См. Макарий. Археол. описание церк. древностей в Новгороде, ч. 1. М. 1860, стр. 204). Рисунок Яковлевского собора начала 1840-ых годов приложен к работам — а) П. Л. Гусев. Три уничтоженные новгородские церкви, СПб. 1914 и б) В. Мясоедов. Два погибших памятника новгородской старины. Петроград. 1915.

⁶¹ Ворота были вывезены из Новг. Софийского собора Иваном Грозным в Александровскую слободу. Сейчас они находятся в соборе г. Александрадроа.

⁶² П. Л. Гусев. Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». СПб. 1900, стр. 45. (Отдельный оттиск из — «Вестника истории и археологии»).

⁶³ В. С. Передольский. Новг. древности, стр. 115.

Майк. первым от Пробойной улицы к деревянному городу называет двор гостя Федора Тараканова, длиною 20 сажен и поперек (по улице) 12 саж., отданный Грозным в 1573 году сперва боярину Вас. Ив. Умному, а потом боярину Богдану Яковл. Бельскому. За этим двором указан «двор пуст Гавриловский Федосеева стрелника, длина 25 сажен, поперек 5 сажен. И тот двор взят под государский денежный двор»⁶³.

И. Г. Спасский высказал предположение, что двор Федосеева соответствует двору Язычкова⁶⁴, о котором в ПК Гр. сказано: «Двор нетяглой денежной гостиные сохи Гавриловской Язычкова, а дворник в том дворе Дорох нетяглый, длина 25 сажен, поперек 15 саж.»⁶⁴. Двор Язычкова, как указано в ПК Гр., стоял не там, где двор Федосеева. Он находился на северной стороне Рогатицы последним у Пробойной улицы, если идти от берега. Не совпадают и поперечные размеры дворов Федосеева и Язычкова. Дворы эти безусловно разные. Видимо, сперва, был взят под денежный двор Язычковский двор, а потом к нему добавили находившийся через Пробойную улицу, через один двор, Федосеевский двор. Дворы Язычкова и Федосеева могли быть дополнительно приданы к Денежному двору, находившемуся на Ярославовом Дворище. На них не было чеканки монеты, они предназначались для хозяйственных надобностей Денежного двора.

П. И. Сумароков правильно предполагал⁶⁵, что Рогатицкий монетный двор находился на южной стороне современной ему Рогатицы, на которую приходилась северная сторона Рогатицы XVI века, где до наших дней сохранились остатки каменного старинного дома, известного под названием «дома Марфы посадницы». О происхождении этого случайного названия рассказано в экспликации к плану Новгорода 1756 года, приложенному к книге Муравьева — «Описание новгородской серебряной гривны» (1828 г.). Там отмечено: «Место в Новгороде единственного частного небольшого двужилого древнего каменного дома, ныне в продолжении последних десяти лет из ветреной угодливости жадному любопытству путешественников, показываемого за дом известной Марфы посадницы, так как нынешний стансионный дом в Новгороде от него находится едва в 50 саженьях»⁶⁶.

Сумароков об этом доме писал: «Рогатицкий монетный, потом княжий двор. Кажется, что остатки оногo сохранились до наших времен, и стоят против трактира, называемого Витебским. Все

⁶³-а ПК, Майк., стр. 219.

⁶⁴ Материалы и исследования по археологии СССР вып. 44, стр. 262.

⁶⁴-в ПК: Гр., стр. 36.

⁶⁵ П. И. Сумароков. Новгородская история. (Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1890. II, стр. 22).

⁶⁶ О выдуманном названии дома пишет и Погодин в книге Пушкирева — «Новгородская губерния...».- СПб., 1844 г.

нас в том удостоверяет, древность, огромность, толстые со сводами стены, обширные погреба и потаенные сходы. К тому присовокупить должно, что большая половина бывшего здания частью совсем разломана, а частью от нынешнего дома отделена; что даже куски кирпичей представляют на себе отпечатки нескольких веков; что таковой дом не мог тогда принадлежать частному человеку, и что существует оной на Рогатице же так, как в древности показано. (Оный продан от казны за 1200 руб. мещанину, который часть оного употребил для кузницы). Несправедливо слывет сей дом принадлежавшим Марфы посаднице»⁶⁷.

Но можно ли выяснить, к чему относятся остатки «дома Марфы посадницы»?

На планах Новгорода XVIII века направление древней Рогатицы не совпадает с направлением Рогатинской (ныне ул. Большевиков), устроенной после перепланировки Торговой стороны в 1770—80 годах. Рогатица, идя от вала, подходит к современной Кировской улице на 40 метров южнее нынешней улицы Большевиков. На плане 1756 года Рогатица не является прямой улицей, а в районе «дома Марфы посадницы» выступает коленом и к берегу подходит значительно севернее прежнего направления. После перепланировки «дом Марфы посадницы», стоявший ранее на северной стороне улицы, оказался на южной стороне. «Дом Марфы посадницы» стоял на том месте, где писцовые книги XVI века указывают дворы гостей Таракановых. На дворе Андрея Тараканова ПК Майк. называет «полату камену»^{67-а}. Возможно, что эта «полата» и стала в начале XIX века называться «домом Марфы посадницы». К сожалению, дворы гостей на Рогатице, обозначенные в ПК Майк. отдельно от других дворов, при общей подворной переписи в ПК Гр. не все оказались обозначенными. Если следовать подворной переписи, то нельзя точно определить, на какой двор приходится «дом Марфы посадницы», потому что из первых четырех дворов, названных на левой (северной) стороне Рогатицы после Плотенской улицы к валу, первый и четвертый дворы даны без указания размеров. Двор же Андрея Тараканова отсутствует в подворной переписи. Дворы же Богдана и Петра Таракановых названы и при переписи дворов гостей и при подворной переписи. Во всяком случае, все они находились поблизости друг друга, и «дом Марфы посадницы» входил во владения Таракановых.

⁶⁷ См. Примечание 65. О «доме Марфы посадницы» приводится ряд сведений в статье А. А. Потапова — «Очерк древнерусской гражданской архитектуры» (Труды имп. Московского археологич. об-ва, т. XIX, вып. I, М., 1901 г.). Потапов заимствует сведения из следующих книг: 1) Путеводитель от Москвы до С. Петербурга и обратно. Составил И. Д. М., 1839, 2 часть. 2) Исторические труды Александра Томилина. СПб., 1854. Состояние «дома Марфы посадницы» в 1837 г. описано в брошюре — «Трое уток в Новгороде» (автор И. Неронов), СПб., 1842, стр. 51—52.

^а ПК Майк., стр. 219.

ПК Майк. называет на Рогатице всего 6 дворов гостиной сохи и одно место гостиной сохи. В их число входил и «двор княж Борисовской Тулупова, а ныне тем двором пожаловал государь Бориса Федоровича Годунова^{67-б}. Длина этого двора в глубь улицы — 40 саж., ширина по улице — 19 саж.

На Рогатице находились три монастырских двора (кроме четырех пустых мест, отведенных у берега Хутынскому монастырю): между берегом и Пробойной на южной стороне был двор Медведского монастыря (с устья Волхова); на углу Рогатицы и Пробойной на северной стороне стоял двор Аркажского монастыря и по этой же стороне на углу Загородной улицы был двор Николо-Островского монастыря, горевший в 1560 году^{67-в}.

ЛК, составленные в 1583 году во время хозяйственного запустения Новгорода, отмечают на Рогатице несколько пустых дворовых мест, занятых пашней, в их число попало и «место пустое Таракановское^{67-г}.

В XVII веке (видимо, в 20-ых или 30-ых годах) на Рогатице был открыт большой кружечный двор, сгоревший в 1696 году⁶⁸.

8. Рогатицкое заполье

Заполье находилось за Большим деревянным городом. Дорога на него из города шла через Рогатицкую проезжую башню. Один из участков заполья носил название Залужья⁶⁹, а восточный конец заполья назывался Бардовкой⁷⁰. Название Бардовка встречается еще в деле об устроении Котельницкой слободы 1586 года и в книгах 1589 и 1600 годов⁷¹. В те годы на Бардовке были нивы. Непосредственно к Рогатицкому заполью примыкал Буянский заповлек с пашнею и огородной землей, который упомянут в документах единственный раз — в переписных книгах 1600 года⁷².

Население заполья, в основном, составляли калачники и хлебники, поселенные там по соображениям пожарной безопасности, так как им по роду своей профессии приходилось постоянно топить печи.

ПК Гр. (1585—86 г.) отмечает дворовые участки на Рогатице, Лубянице (в Лукинской трети), Загородной и Коржовой улицах, отведенные переселенцам из Рогатицкого заполья. Только на Ро-

^{67-б} Там же.

^{67-в} Об этом сказано в Новг. 2 летописи.

^{67-г} ЛК, стр. 114.

⁶⁸ Дополн. к актам историческим, т. XII, № 82.

⁶⁹ ПК. Гр., стр. 24.

⁷⁰ ЛК, стр. 187.

⁷¹ И. Я. Гурлянд. Новгородские ямские книги 1586—1631 гг. Ярославль, 1900, стр. 28, 39, 67, 226.

⁷² Там же, стр. 70. ПК Гр. называет в Рогатицком заполье Буянку (стр. 1). Вероятно это — Буянский заповлек. В ПК Майк. (стр. 114) встречается Малая Буянка. тоже, видимо, другое название Буянского заполья.

гатице были отведены участки 32 семьям. Такое массовое переселение из заполья было вызвано, очевидно, пожаром. На пустых местах заполья появились пашни⁷³. По книгам дворовых мест 1586 года в Рогатицком заполье числилось 51 дворовое место. Из этих мест 22 были отданы на оброк, видимо, под пашню⁷⁴. С того времени Рогатицкое заполье больше не заселялось. В книгах 1600, 1624 и 1626 годов в заполье указаны нивы и покосы, дворовых же мест нет⁷⁵.

9. Иворова

Первое упоминание Иворовой улицы в летописи относится к 1153 году по случаю закладки на ней церкви Климента. Улица проходила от берега Волхова, пересекая Пробойную Плотенскую, до церкви Климента. Ее длина по данным ПК Гр. 135 сажен (включая и ширину — 5 саж., пересекавшей ее Пробойной улицей). Дворы Иворовой улицы в сторону Рогатицы вдавались на 10—12 сажен (в отдельных случаях на 14,5 и 24 саж.), а в сторону Славковой — тоже на 10—12 сажен, и только в последней трети улицы у церкви Климента — на 16,5—25,5 сажен. Иворова пересекала Пробойную на расстоянии 118 сажен от берега, так что направление Пробойной улицы после Рогатицы, которую она пересекала в 102 саженях от берега, шло не прямо, а уклонялось к востоку.

ПК Гр. на крайние у Волхова пустые тяглые места по левой и правой стороне улицы указывает, как на подходящие «под новую под городовую меру»⁷⁶. Такие же места и дворы у берега на Ивановской, Славковой, Коржовой и Федоровой улицах тоже подошли под новую городовую меру. В ПК Гр. (стр. 45, 51) сообщается об отводе двух дворов под новую городовую меру на Розваже (на Софийской стороне). Эти сведения позволяют утверждать, что строительство деревянных стен и башен по обоим берегам Волхова осуществлялось в 1580-ых годах, одновременно с устройством Малого земляного города на Софийской стороне.

ПК Гр. называет на улице несколько дворов московских пришедцев (т. е. переселенцев). На улице находился двор Седифонтовой (Ксенофонтовой с реки Робейки) пустыни. Около церкви Климента проходил переулок, в котором помещались церковные дворы, двор Троицкого Сенного монастыря с Ладожского озера и др.⁷⁷.

⁷³ ЛК, стр. 116.

⁷⁴ И. Я. Гурлянд. Указан. сочин. стр. 19.

⁷⁵ Там же, стр. 77, 172, 191.

⁷⁶ ПК Гр., стр. 36, 40.

⁷⁷ В ПК Гр. (1585—86 гг.) на Иворовой улице значится место пустое, тяглое Лазарки ветошника, который «сшол в 87-м году, и ныне прикащиком у государевых садов на Коростыне». Это первое упоминание коростыньских садов на южном берегу Ильменя.

Климентовская церковь после падения в 1516 году была заново отстроена гостем Василием Никитичем Таракановым, представителем именитого купеческого рода. Церковь являлась патрональным храмом гостей Таракановых — московских выходцев⁷⁸. Небезынтересно отметить, что по росписи 1615 года в Климентовской церкви существовал придел в честь Параскевы Пятницы — главной покровительницы новгородского Торга. Видимо, Таракановы, жившие в районе Климентовской церкви и имевшие тут же свои торговые склады, отдали свои жилища и товары под охрану покровительницы новгородской торговли, сооружая придельную церковь в честь ее имени.

10. Славкова

Проходила от Волхова к Большому деревянному городу с южной стороны церкви Дмитрия Солунского. Улица проходила у северных граней колокольни Дмитриевской церкви, построенной в 1691 году и сохранившейся, как и церковь, до нашего времени. Длина улицы по данным ПК Гр. составляла 333 сажени (включая ширину — 5 саж. пересекавшей ее Пробойной улицы). Дворы Славковой улицы в береговой части углублялись в сторону Иворовой улицы на 10,5—14 саж., потом на 15—21 саж., а после Пробойной Плотенской дворы углублялись в сторону Рогатицы, за малым исключением, на 30—40 саж. В сторону Коржовой улицы дворы простирались в береговой части на 15 сажени, потом от 8,5 до 23 саж., и после пересечения с Пробойной улицей, в основном, на 12—25,5 саж.

Славкова пересекала Пробойную в 150 саж. от берега, так что после Иворовой Пробойная еще больше отклонялась к востоку, проходя за алтарем Дмитриевской церкви к Федоровскому ручью.

Надо полагать, что в XIV—XV веках Славкова улица принадлежала к числу благоустроенных улиц Новгорода, как и Рогатица. На ней в 1381—1382 годах была поставлена в память Куликовской битвы каменная церковь Дмитрия Солунского, возобновленная в 1463 году⁷⁹. В 1469 году на Славкове улицы начали сажать тополя. В 1470 году на ней поставили гридницу новую среднюю. В XVI веке часть дворов улицы отвели для московских «приведенцев». ПК Гр. застает Славкову улицы в запустении. Подавляю-

---

⁷⁸ Кутцы Таракановы известны в Новгороде в конце XV — первой половине XVI веков. А. П. Пронштейн в книге «Великий Новгород в XVI веке» (стр. 145—146) насчитал восемь представителей рода Таракановых в трех поколениях. ПК, Майк, (стр. 219) и ПК, Гр. (стр. 31) называют девятого представителя — Богдана Васильевича Тараканова.

⁷⁹ В 1571 г. в Дмитриевской церкви при участии Ивана Грозного состоялось венчание брата датского короля Магнуса (будущего короля Ливонии) на племяннице Грозного, 13-летней Марии Владимировне, дочери князя Владимира Андреевича Старицкого. Описание венчания дано в Др. Русск. Вифлиофике, ч. XIII, стр. 97—103.

щее большинство дворов пусты. Пятнадцать пустых мест на южной стороне улицы, ближе к Загородной, площадью в 2500 кв. саж. (78 погонных сажен по улице) были заняты пашней. На северной стороне четыре пустых места тоже были под пашней.

11. Коржова

Шла от Волхова до Загородной улицы. По ПК Гр. южная сторона улицы имела 214 саж., северная — 295 саж. Дворы северной стороны задами выходили на Федоровский ручей. На южную сторону, ближе к Загородной, выходили задние стороны дворов Славковой улицы, поэтому и получилась значительная разница в длине сторон Коржовой улицы. Дворы Коржовой в береговой части в сторону Славковой вдавались на 13—15 саж., а в сторону Федоровского ручья — на 6,5—8 саж. Потом улица несколько отклонялась к югу, дворы в сторону Федоровского ручья увеличились в длине до 14—19 саж. (в основном — 18 саж.). Потом дворы опять несколько приближались к Федоровскому ручью, а иногда немного отходили от него.

В ПК Гр. в 94,5 саж. от берега назван переулочек с Коржовой на Славкову, но пересечения с Пробойной улицей не обозначено. Оно было на таком же расстоянии от берега, как и на Славковой — 150 сажен. Часть дворов Коржовой улицы в XVI веке заняли московские «приведенцы»⁸⁰.

12. Загородная

Загородная улица шла параллельно Большому деревянному городу через всю Торговую сторону. Она начиналась у Волхова вблизи Ильинской церкви в Славенском конце и кончалась у Волхова неподалеку от Борисоглебской церкви в Плотенском конце. От Деревянного города улица находилась повсюду примерно на одинаковом расстоянии — в 100 саженях. Ее расположение видно на планах Новгорода XVIII века до перепланировки 1780—90-ых годов. На плане 1762 г. улица носит название Позагородной⁸¹.

На рассматриваемом участке Торговой стороны Загородную пересекали, направляясь к Деревянному городу, улицы — Лубяница, Рогатица и Славкова.

---

⁸⁰ На Коржовой улице находился двор иконного мастера Ефима Антропова, который был взят на Москву к царю для исполнения иконописных работ.

⁸¹ Новг. истор. сборник, вып. 9. Новгород, 1959, стр. 80.

С. Н. ОРЛОВ. М. М. АКСЕНОВ

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ НОВГОРОДА

История Новгородской земли, богатая яркими общерусскими политическими событиями, привлекала и привлекает внимание историков. Но эти события, в основном, известны со времени письменной истории, с X—XI веков. Они связаны уже с наличием города Новгорода. Более же ранний, дописьменный период истории расселения и жизни летописных новгородских, или ильменских славян изучен слабо и мало известен в науке. Этот период может быть изучен только с помощью археологии.

Археологам давно уже известны погребальные памятники ильменских славян — большие курганные насыпи земли, которые население в этих местах называет «сопками». Сопки, как установлено исследователями, действительно являются целыми кладбищами больших патриархальных славянских семей и, в основном, они относятся ко времени VII—VIII веков¹.

Сопки распространены на значительной территории бывшей Новгородской земли и своим присутствием указывают территорию и пути освоения этих районов славянскими племенами. Эти пути шли с верховьев рек Днепра и Западной Двины в верховья Ловати, Мсты, в бассейн озера Ильмень и на Волхов. Сотни таких сопок сохранились до наших дней в долинах рек Ловати, Мсты, Шелони, по Волхову, Воложке и вокруг озера Ильмень².

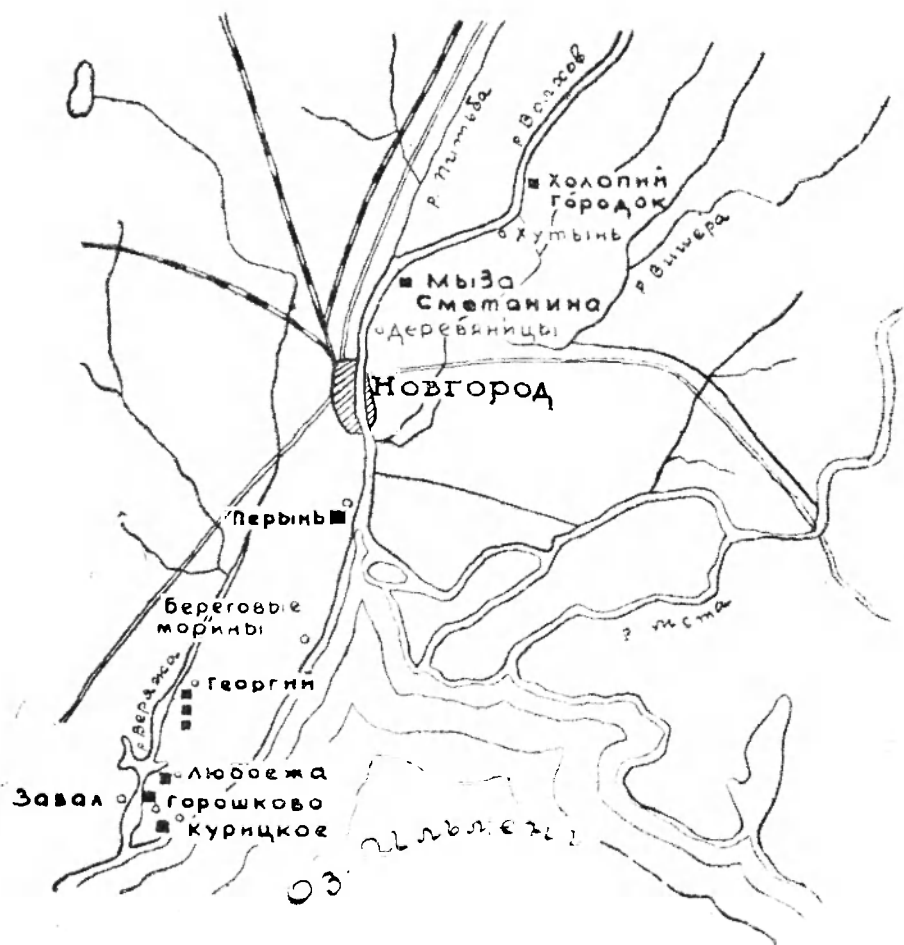
Естественно, что, где имеются кладбища славян, там должны были быть и их поселения.

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 232.

² Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА СССР, вып. 6, 1941 г. За период после Великой Отечественной войны Новгородское областное управление культуры провело обследование сопок на территории Новгородской области. Полученные материалы свидетельствуют о том, что количество известных и сохранившихся сопок на этой территории более чем в два раза превышает то количество, которое приведено в работе Н. Н. Черягина (см. картотеку археологических памятников Новгородского управления культуры).

КАРТА

местонахождения раннеславянских поселений в окрестностях Новгорода.

раннеславянские поселения

Рис. 1. Карта раннеславянских поселений.

Такие поселения славян изучались пока что только в низовьях реки Волхова, в районе Старой Ладogi, где имеется целый ряд раннеславянских поселений, древнейшие слои которых относятся, очевидно, к VII веку. Особую важность имеет земляное городище в Старой Ладoge, где многолетними археологическими раскопками установлено, что древнее славянское сельское поселение в IX веке превращается в городской ремесленный и торговый посад с мощеными деревом улицами³. Но Ладога находится в низовьях реки Волхова—это наиболее северный пункт распространения раннеславянской культуры. В центре же расселения летописных новгородских славян в районе озера Ильмень и вокруг Новгорода ранние поселения славян до сих пор почти не изучались.

За последние годы нами проведено сплошное археологическое обследование ближайших окрестностей Новгорода и обнаружен ряд остатков поселений славян с лепной керамикой, которые по времени существования относятся ко 2-й половине первого тысячелетия н. э.

Ближайшее к Новгороду раннеславянское поселение обнаружено около Перыни у истоков Волхова в 6 километрах от города (рис. 1). Здесь на левом берегу речки Прость при впадении в Волхов на мысу, который в настоящий момент распахан, встречаются обломки грубой лепной раннеславянской керамики типа ладожского городища⁴. Кроме лепной встречается и гончарная керамика,

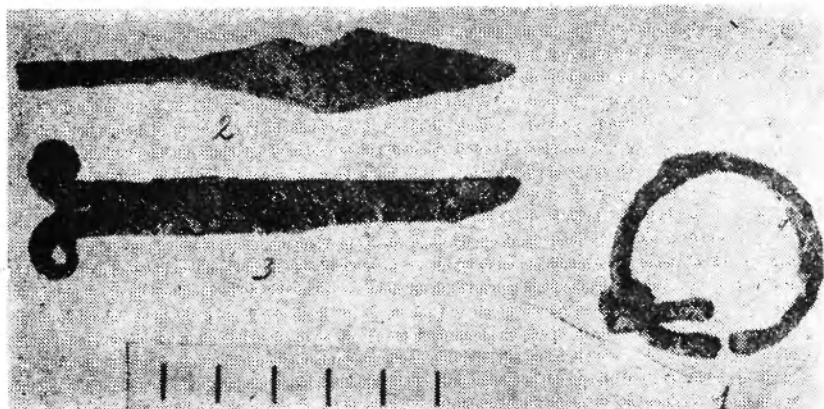

Рис. 2. Железные изделия с поселения у деревни Георгия.

³ Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладoge в 1948 г. «Советская археология», вып. XIV, 1950, стр. 139—167.

⁴ Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi. «Советская археология», вып. XIV, 1950 г., стр. 193. рис. 2.

а также осколки колотого пережженного камня от бывших печей-каменок. Культурный слой в нетронутым виде, очевидно, сохранился только во впадинах и ямах. Но судя по цвету темной почвы, поселение занимало возвышенную часть мыса, площадью около 1,5 гектара.

Дальше на юго-запад, в 12 километрах от Новгорода, сохранились остатки второго раннеславянского поселения. Поселение расположено на левом берегу реки Веряжи между деревнями Георгий и Васильевское, на мысу при впадении ручья в реку (рис. 1). Площадь мыса поднимается над уровнем реки от 2,5 до 3,5 метра.

Поселение в значительной степени разрушено размывом реки и ручья. Культурный слой на большой площади распахан. Сохранилась нетронутой, покрытая дерном, северо-восточная часть поселения на площади не более 30×20 метров. В 1958 году на поселении были проведены археологические раскопки с тем, чтобы спасти остатки важного, в научном отношении, памятника⁵. Исследована площадь около 100 квадратных метров. Культурный слой в виде черного, углистого цвета песка, насыщенного пережженным колотым камнем с остатками бытовых и производственных предметов, в неразрушенном виде встречался только под пахотным слоем, в западинах и ямах. Толщина культурного слоя, как правило, не превышает 0,40—0,60 метра. На исследованной площади обнаружены остатки глинобитной печи и двух печей-каменок. Открыты три подвальных ямы. Остатки жилищ проследить не удалось ввиду малой раскрытой площади и песчаного грунта, где не сохраняются органические остатки.

Но уже и из этого можно заключить, что жилища на поселении были наземные, очевидно, рубленные из бревен (найжены куски глиняной обмазки от пазов между бревнами). При разборке культурного слоя собрано значительное количество находок, среди которых особо важными являются железные изделия, хотя они и немногочисленны. Например, в одном экземпляре найдена железная, разомкнутая фибула с завитками на концах (рис. 1). Такие фибулы встречаются в памятниках середины I-го тыс. н. э. и реже в слоях IX—X и последующих веков⁶. Железный нож с прямой спинкой и завитками на конце черешка имеет очень архаическую форму (рис. 2, 3). Только в виде редких исключений такие ножи встречаются в памятниках IX—X веков⁷.

⁵ Раскопки были организованы на средства Новгородского пединститута, Новгородского областного управления культуры и Боровичского краеведческого музея.

⁶ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. «Советская археология», вып. 3, 1937, рис. 2, 2. И. И. Ляпушкин. Городище Новотроишкое. МИА СССР, 74, 1958 г., стр. 23, рис. 10, 7.

⁷ И. И. Ляпушкин. Указан. сочинен., стр. 99, рис. 65. 3. Т. И. Никольская. Шуклинское городище. (Краткие сообщения ИИМК АН СССР, № 72, рис. 19, 12)

Железный ромбической формы наконечник стрелы с плоским насадом также относится к архаическим формам. (рис. 2,2). Подобные наконечники известны в поселениях середины I тыс. н. э.⁸ и уже редко встречаются, при господстве других форм, в памятниках IX—X и последующих веков⁹.

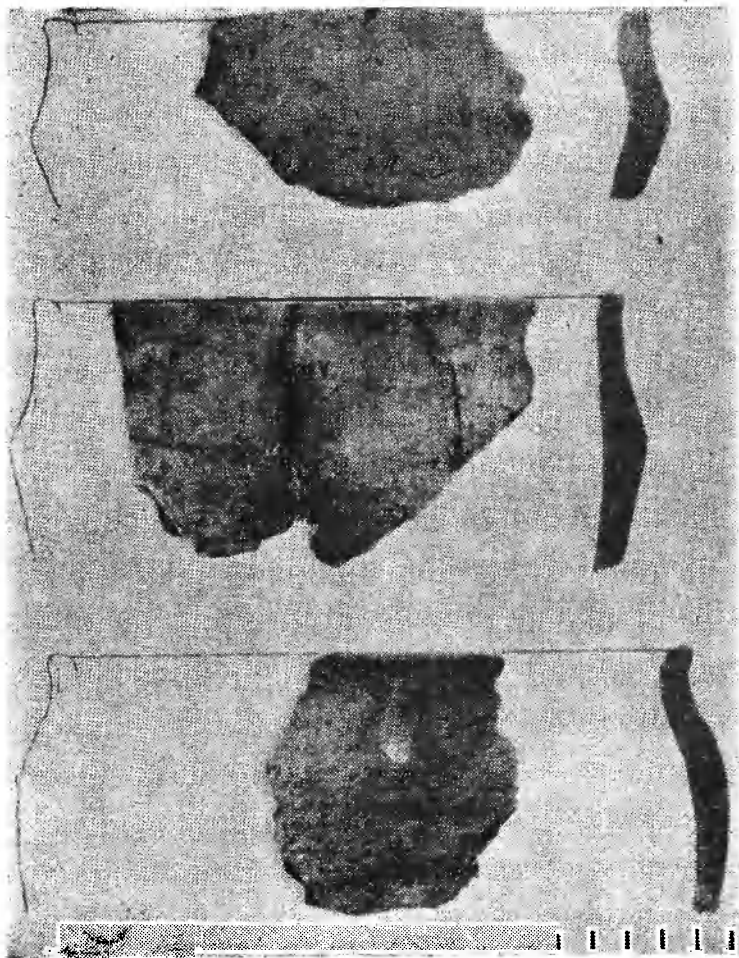

Рис. 3. Обломки лепных горшков из поселения у деревни Георгия.

⁸ Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 2,2.

⁹ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого (Труды Новгородской археологической экспедиции. т. II, М. 1959, стр. 150—171).

Таким образом, все железные изделия, найденные на поселении у деревни Георгия, имеют архаические формы. При отсутствии более поздних форм этот факт может свидетельствовать о большой древности поселения. Этот факт подтверждается и собранной в раскопках керамикой. В культурном слое поселения встречались только лепная керамика, по своим формам и составу глины совершенно аналогичная раннеславянской лепной керамике из сопки и Староладожского земляного городища (рис. 3)¹⁰. Кроме обломков керамики среди находок имеются целые лепные горшки (рис. 4).

Весь собранный при раскопках материал на остатках поселения у деревни Георгия, на левом берегу реки Веряжи дает основание относить существование этого поселения к концу первого тысячелетия, к VIII—IX векам.

К северу от данного поселения, на правом берегу ручья, ближе к деревне Георгия, на поле имеются остатки другого раннеславянского поселения (рис. 1). Остатки поселения здесь также распаханы. Культурный слой в виде черной земли с пережженным камнем и бытовыми остатками занимает на пашне значительную площадь. Наряду с обломками типичной раннеславянской лепной керамики здесь встречается и гончарная керамика X—XIII веков.

В 300 метрах к югу от поселения у ручья, ближе к деревне Васильевское, на левом берегу реки Веряжи, имеются остатки еще одного раннеславянского поселения с такой же лепной керамикой и остатками печей-каменок. Остатки поселения полностью распаханы, но в западинах и ямах культурный слой сохранился нетронутым (рис. 1).

В полутора километрах к югу от поселения у дер. Георгий между деревнями Любоежи и Горошково на левом берегу Веряжи обнаружены остатки еще двух раннеславянских поселений: одно около дер. Любоежи и второе ближе к дер. Горошково (рис. 1). Оба поселения распаханы. Культурный слой имеет черный цвет и содержит большое количество колотого перегоревшего камня. Здесь также собраны обломки лепной раннеславянской керамики и гончарной керамики домонгольского времени.

Тут же, около остатков поселений, сохранились остатки двух сопки¹¹.

Следы раннеславянского поселения имеются и на берегу озера Ильмень у деревни Курицкое. Остатки поселения здесь полностью размыты, но на песчаном пляже встречается лепная раннеславянская керамика (рис. 1).

¹⁰ Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 187—216.

¹¹ Одна сопка раскопана Новгородским музеем в 1931 г. См. Н. Н. Черныгин. Ук. соч., стр. 118.

Подобные же поселения славян были, очевидно, на берегу озера, у деревни Береговые Морины и на правом берегу реки Вереяжи у деревни Завал. (рис. 1). В обоих этих пунктах до сих пор сохранились остатки древних сопок.

К северу от Новгорода раннеславянское поселение имеется около Хутины. Здесь на правом берегу Волхова ниже впадения реки Малого Волховца находится холм, который носит название «Холопий городок», широко известный в литературе¹² (рис. 1). Холм в значительной степени уже размыт весенними паводками. Оставшаяся часть имеет размеры в длину около 100 метров и в ширину 20 метров. Высота холма над уровнем реки 6—7 метров, часть

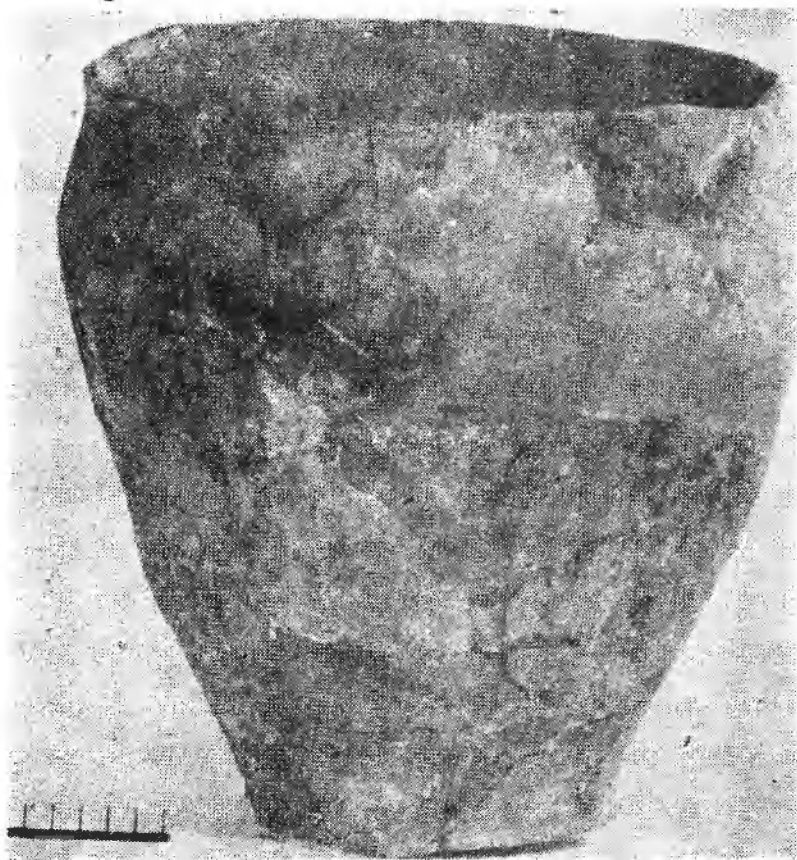

Рис. 4. Лешной горшок из поселения у деревни Георгия.

¹² И. Романцев. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород. 1911, стр. 63—65.

площадки занята огородами. Культурный слой в виде темного перегной, насыщенного битым камнем и кирпичом, хорошо виден в обресе размываемого берега, обращенного к Волхову. Толщина культурного слоя достигает от 0,7 метра местами до 1,2 метра, но весь слой сильно перемешан в результате перекопов могильными ямами. Часто видны погребения в обресе¹³. В обрыве осыни берега и при зачистке культурного слоя собрана лепная раннеславянская керамика, кости животных и колотые перегоревшие камни. У подножия холма встречается и гончарная славянская керамика и отдельные черепки неолитической керамики с ямочным орнаментом.

В 1,5 километра от поселения, около Хутины, на высокой береговой террасе до сих пор сохранились остатки большой сопки.

Следы раннеславянского поселения с наличием лепной керамики имеются на правом берегу Волхова выше Хутины у бывшей мызы Сметанина¹⁴. Здесь на широком распаханном поле встречается масса остатков от более позднего поселения в виде обломков гончарной керамики, шиферных пряслиц, стеклянных браслетов. В северном конце поля на всхолмлении выпахивается раннеславянская керамика (рис. 1).

Таким образом, благодаря сплошному археологическому обследованию окрестностей Новгорода удалось обнаружить около десяти мест остатков раннеславянских поселений с лепной керамикой, которые предшествовали городу Новгороду¹⁵. В большинстве случаев остатки этих поселений подвергались распашке в поздние периоды, но, тем не менее, фиксация их следов имеет важное научное значение, так как только на основе большого количества фактов можно сделать правильные исторические выводы о характере древнейшего расселения славян и их культуры.

---

¹³ Здесь в позднее время существовал монастырь. В Новгородской летописи под 1417 г. есть сообщение о постройке каменной церкви Николая на Холопьем городке. См. Д. Прозоровский Великий Новгород по четырем летописям. Записки отд. русск. и слав. археологии Русск. Археол. о-ва, т. 4, СПб, 1887, стр. 80.

¹⁴ Сейчас здесь расположен дом инвалидов.

¹⁵ Собранные находки в качестве подъемного материала с упомянутых памятников переданы на хранение в Новгородский музей. Вещи из раскопок на поселении у дер. Георгия на реке Веряже хранятся в Боровичском краеведческом музее.

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ И РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

Г. М. ШТЕНДЕР

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕРЕДИЦЫ

Закончено восстановление всемирно известного памятника архитектуры древнего Новгорода церкви Спаса Нередицы¹ (рис. 1).

Сохранившиеся от разрушения части памятника (рис. 2) укреплены и органически включены в новую кладку, точно воссоздающую утраченные формы (рис. 3). В настоящей работе освещены восстановительно-реставрационные работы 1956—1958 годов².

Исследования древних частей, проводившиеся в ходе восстановления, являются продолжением изучения памятника, начатого в 1898 году В. В. Сусловым³, продолженного в 1903—1904 годах П. П. Покрышкиным⁴ и вносят ряд новых черт к характеристике и оценке памятника.

В связи с утратой значительной части здания некоторые выводы сделаны на основании изучения доступных нам материалов исследований В. В. Суслова и П. П. Покрышкина, хотя изменения в облик памятника вносились только на основании наших натуральных исследований.

---

¹ В течение 1941—1943 гг. гитлеровцы прицельным артиллерийским огнем методически расстреливали памятник, превращая его в груды развалин. См. письма сторожа музея В. Ф. Антонова, опубликованные в сборнике «Практика реставрационных работ», т. I, М., 1950 г., стр. 123.

² Работы, проведенные до 1949 г., опубликованы ранее. См. Л. М. Шуляк. Раскопки руин церкви Спаса Нередицы близ Новгорода. («Практика реставрационных работ», т. I, М., 1950 г., стр. 123—133); С. Н. Давыдов. Восстановление архитектурных памятников Новгорода в 1945—1949 гг. Там же, стр. 65—69.

³ П. П. Покрышкин. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви. СПб., 1906 г., стр. 6.

⁴ Там же.

Процесс восстановления представлял из себя ряд этапов, на первый взгляд, вполне самостоятельных и не связанных между собой (раскопки, обмеры и консервация). Но все они являлись звеньями одной цепи; поэтому, говоря о восстановлении памятника, мы подразумеваем весь комплекс проведенных работ. Часть работ опубликована, и мы ограничимся только их упоминанием.

Сразу после освобождения Новгорода приступили к выявлению возможностей консервации руин и восстановления памятника. В 1944 году были произведены первые после изгнания немецких оккупантов раскопки внутри церкви, в результате которых расчищен юго-восточный угол храма. После расчистки произведено укрепление фресок на освобожденной от завалов части стен, и над стенами устроены защитные козырьки⁵.

В 1945 году, для предохранения от дальнейшего разрушения руин и оставшейся живописи, над остатками храма воины Советской Армии воздвигли деревянный шатер, который в дальнейшем неоднократно ремонтировался с заменой отдельных опор, кровли и боковых обшивок.

В 1945—1947 годах проведены археологические раскопки завалов с тщательным отбором упавших фресок⁶. Следующим этапом явился обмер руин⁷, показавший, что сохранилось примерно 10—45 процентов здания.

Как отмечалось выше, с 1945 по 1947 год временный шатер неоднократно ремонтировался и стало совершенно очевидно, что единственно реальным средством сохранения оставшейся живописи (сохранилось примерно 15 процентов росписей) было бы возведение новой кладки на древних стенах с покрытием их долговременной кровлей.

Можно было стать на путь устройства простейшей формы каменного постоянного шатра — чехла. Но принимая во внимание существование точных археологических обмеров П. П. Покрышкина, сохранность некоторых участков стен на полную их высоту и, главным образом, желательность воссоздания памятника, как неотъемлемой части новгородского архитектурного пейзажа, было решено возвести новую кладку по чертежам 1903—1904 года с соблюдением зафиксированной обмерами пластики стен⁸, т. е. восстановить облик здания, который он имел до разрушения.

---

⁵ Раскопки производились экспедицией ин-та им. И. Е. Репина под руководством профессора М. К. Каргера. Укрепление фресок было произведено реставратором А. В. Виннером.

⁶ Л. М. Шуляк. Ук. соч., стр. 126—127.

⁷ Обмер произвели В. Н. Захарова и Е. П. Демчук.

⁸ Проект восстановления разработан арх. С. Н. Давыдовым с использованием реставрационных чертежей П. П. Покрышкина. С. Н. Давыдов. Ук. соч., стр. 65—67.

Fig. 1. Column and Repeating.

Единственным существенным изменением, вносимым в облик храма, было предложение удалить декоративную надстройку восточных участков стен, выполнив до конца программу П. П. Покрышкина 1919—1920 годов⁹. В то время парапет не был удален из опасения повредить фресковый грунт при сотрясениях в процессе удаления прочной кладки на цементном растворе. В связи с разрушением храма это опасение само собой отпадало, так как парапет сохранился лишь на небольшом участке.

Однако, удаление парапета без изменения соседних с ним форм (верхних частей апсид) несомненно ухудшило бы эстетические качества данной части памятника, сохранив неубедительность реставрации. Окончательно этот вопрос был решен позднее. В 1956 году, при исследовании верхних участков стен апсид (см. ниже).

В 1949 году приступили к укреплению и консервации сохранившихся стен возведением новой кладки с укладкой железобетонных конструкций над трещинами с целью их разгрузки и скрепления углов. Кладку начали с южной части западной стены, пострадавшей более остальных. Северная стена, северная часть западной стены, а также юго-западный угол были возведены на высоту от 3 до 5 метров. Тогда же восстановлена внутрискладочная лестница и часть нижних окон.

С 1950 года по 1956 год работы по восстановлению Нередицы не проводились. В 1956 году мастерская приступила к следующему этапу работ — восстановлению храма. Одновременно со строительными работами проводились исследования с обмерами руин и разработка рабочих чертежей¹⁰.

Результаты исследований 1956 года

Пробоина в конхе центральной апсиды раскрыла кладку последней и представила ее, как бы в разрезе, благодаря чему была обнаружена поздняя надкладка стены (рис. 4). Надкладка высотой до 90 сантиметров состояла из двух одновременных частей: верхней — остатка карниза 1903—1904 годов и нижней — надкладки высотой 58 сантиметров из камня-известняка и кусков древнего кирпича (плинфы) на известковом растворе с песчаным заполнителем. На камнях и кирпичах были видны приставшие куски древнего известкового раствора с цемянкой, что свидетельствовало об их вторичном использовании.

⁹ В 1903—1904 гг. на восточной стене и восточных делениях северной и южной стен была возведена довольно высокая парапетная надстройка декоративного характера. По всей вероятности, появление ее было вызвано отсутствием достаточного пространства между покрытием центральной апсиды и обрамляющего ее покрытия центральной восточной закомары. См. «Фрески Спаса-Нередицы». Л., 1925 (вступительная статья В. Мясоедова), стр. 9.

¹⁰ Исследования и научно-техническое руководство восстановительными реставрационными работами осуществлял арх. Г. М. Штендер.

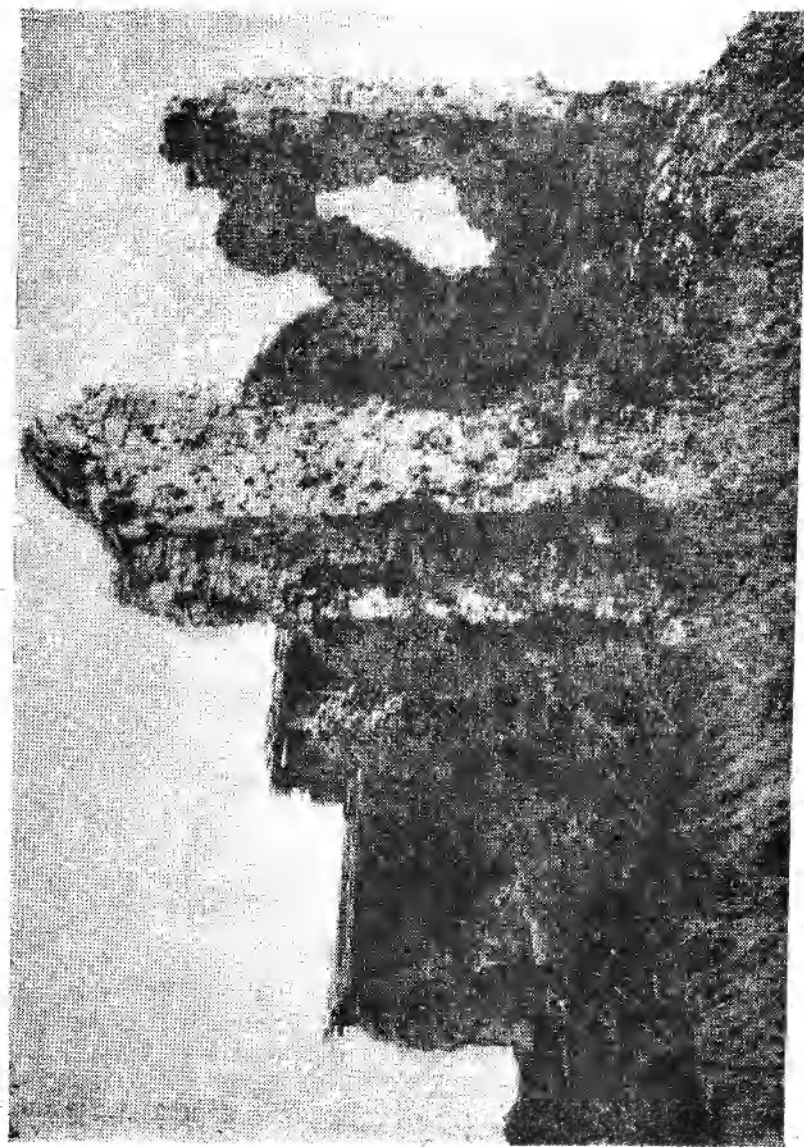

Рис. 2. Рундвг. Непригодной породы. Вид с северо-запада. (Фото 1946 года).

В системе надкладки было заметно стремление подражать первоначальной кладке стен, но чрезмерно регулярным чередованием рядов камня и кирпича, она отличалась от древней. Небезынтересно отметить, что если в растворе внутренней части надкладки толченный кирпич отсутствовал полностью, то на ее поверхности в растворе швов на глубину 3—4 сантиметра встречался в избытке мелкотолченный кирпич, придававший раствору розоватый цвет.

В верхних частях боковых апсид была обнаружена аналогичная картина (рис. 5) лишь с разницей в высоте надкладок — 50 сантиметров на северной и 40 сантиметров на южной. По-видимому, во время устройства надкладки сплошной обмазки на памятнике не было, так как ничем иным нельзя объяснить настойчивое желание строителей уподобить поверхность надкладки — кладке древнего массива.

Необходимо отметить, что по данным последних исследований архитектуры Новгорода XIII—XVI веков, сплошную обмазку (штукатурку) наружных плоскостей стен непосредственно после строительства не производили. Обнаруженный факт может служить еще одним доказательством этому и, по-видимому, расширяет указанные выше границы до даты построения Нередицы — конца XII века (1198 г). Очевидно, по этой причине, факт надкладки апсид П. П. Покрышкиным вскрыт не был, и увеличенная высота стен центральной апсиды вызвала необходимость поднять восточную стену храма в виде декоративного парапета.

Можно предположить, что надкладки стен апсид были вызваны заменой древнего покрытия в виде четверти сферы позднейшим коническим¹¹, которое без повышения стен осуществить было бы невозможно. Материал для надкладок мог быть получен в результате растески простенка парных окон северной и южной стен. Исходя из формы позднейших окон, этот строительный период можно датировать XVI—XVII веками.

В свете нового открытия появилась необходимость пересмотра проекта восстановления восточной части храма, включая восточные трети северной и южной стен, над которыми также возвышалась парапетная стенка 1903—1904 годов.

В ходе строительных работ был составлен проект реставрации восточной части¹², предусматривавший изменение формы венчания закомар в связи с удалением парапетной надстройки, понижение стен апсид и изменение формы их покрытия¹³ (рис. 6, 7). В проекте некоторое отражение нашли исследования

¹¹ П. П. Покрышкин. Ук. соч., табл. XIV.

¹² Проект составлен автором этих строк.

¹³ Архитектором С. Н. Давыдовым в первом варианте проекта снятие парапета предусматривалось без изменения соседних форм.

карнизов сохранившихся частей закомар и изучение материалов П. П. Покрышкина.

При исследовании памятника были сделаны наблюдения, касающиеся древней строительной техники, не отмеченные в «Отчете...» П. П. Покрышкиным или вносящие ряд поправок в его выводы. Некоторые древние строительные приемы были использованы нами при строительных работах и дали хорошие результаты в отношении экономии времени и строительных материалов.

Рис. 3. Нередицкая церковь после восстановительно-реставрационных работ.

1. Оказалось, что форма кривой тимпанов под своды, в процессе строительства, выкладывалась с помощью циркуля-кружала, а не по вырезанным и установленным деревянным шаблонам-кружалам, как это делается в современном строительстве¹⁴. Следы применения циркуля найдены в виде отверстий в растворе швов кладки. Сечение отверстий примерно 2X1 сантиметр, глубина до 6 сантиметров (рис. 8). В некоторых отверстиях сохранились полуистлевшие деревянные колышки, на которые, по-видимому, надевалась бичева. При помощи последней каменщик возводил нужную ему циркульную форму на стене. При проверке выяснилось, что отверстия являются не только центрами кривизны декоративных арок, но и лежащих за ними сводов. Расхождения встречались до 2—3 сантиметров.

Если в храмах XIV века с трехлопастной формой венчания фасадов разметку тимпанов под своды производили изнутри, а разметку декоративных ползучих арок, не соответствовавших форме свода, снаружи, здесь разметку сводов, а следовательно, и закомар, производили снаружи. Это подтверждают отверстия в швах кладки, найденные только снаружи.

Совершенно такая же картина обнаружена при исследовании новгородской постройки этого же периода церкви Параскевы Пятницы, хотя там отверстия свидетельствуют о трехлопастной форме венчания фасадов. Как и на Нередице, на Параскеве наружный декор соответствовал форме сводов (здесь угловые своды были в четверть окружности). И вполне понятно, что при разметке сводов и соответствовавшего им обрамляющего стены декора строители заботились о тщательности выполнения линии кривизны снаружи, т. е. там, где была видна малейшая погрешность выполнения, а не изнутри, откуда уловить погрешности в кривизне сводов почти невозможно.

По-видимому, описанный строительный инструмент — циркуль в древней Руси именовался «кружалом»¹⁵. Часто и сейчас можно услышать от местных рабочих слово «выкружалить», т. е. вырезать что-либо по размеченному кругу.

2. Обнаружены следы древнего строительного приема установки деревянных кружал — опор для возведения арок и сводов с помощью системы подкосов в кладку у пят возводимой конструкции, а не на стойки, опиравшиеся в пол¹⁶. Этот прием приме-

¹⁴ Г. М. Штендер. Разметка архитектурных форм древними зодчими. Сборник «Памятники культуры». Т. 1, М., 1959 г., стр. 66—71.

¹⁵ Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. т. II. М., 1955, стр. 201.

¹⁶ При современном способе установки деревянных кружал последние опираются на вертикальные стойки значительной длины. При восстановлении памятника древний прием был использован с большим экономическим эффектом. значительно упростив процесс работ.

нялся только для кладки арок и угловых сводов. Следы применения подобных конструкций в виде отверстий диаметром до 20 сантиметров и глубиной 12—20 сантиметров обнаружены у всех сохранившихся пят арок и юго-восточного углового свода. (рис. 9).

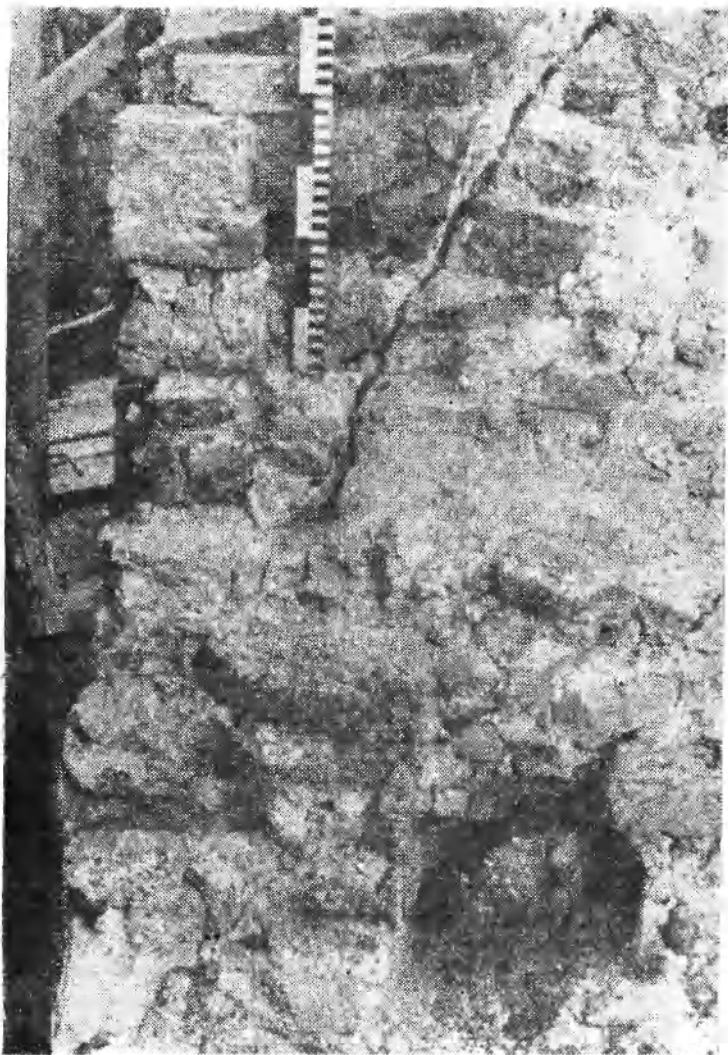

Рис. 4. Верхняя часть кладки центральной апсиды Неридицкой церкви. Вид с севера. (Слева видна позднейшая надкладка стены).

Центральные своды креста возводились по опалубке без кружал, так как последние становятся здесь излишними, поскольку толстые тесаные топором доски опалубки укладывались одним концом на возведенную подпружную арку, а другим на кладку тимпана. Следы укладки опалубки в виде оставшейся борозды в тимпане над сводом найдены везде, где сохранились отмеченные конструкции и, в частности, в тимпане центрального западного свода. Угловые своды возводились с помощью опор-кружал, так как нижний контур свода, например, юго-восточный с запада не совпадал с верхним контуром арки, и опалубка на нее не могла быть уложена.

Арочные перемычки окон, сводики внутрискрипной лестницы как и свод каморки северной части западной стены возводились по опорам-кружалам, вырезанным из одной доски и установленным непосредственно на обрезы стен¹⁷, создавая некоторую подковообразность формы. Покрышкин указывает на персидское происхождение этого строительного приема, мотивируя его недостатком дерева в древней Персии, а в связи с обилием леса в Новгороде в XII веке делает вывод о том, что этот прием «не может быть отнесен к изобретениям самостоятельным русским» и указывает на иностранных зодчих, пришедших с Востока¹⁸. Одновременно отмечается, что «восточное влияние выражено и в волнистых линиях арок, из которых подпружные, теперь сильно искаженные, имеют признаки трехлопастных линий»¹⁹.

Нам представляется, что как одно, так и другое предположение не имеют под собой почвы. Отмеченный конструктивный прием не может считаться «восточным» из-за того, что в связи с конструктивной необходимостью появилась некоторая подковообразность формы, так как в подавляющем большинстве памятников Малой Азии подковообразная форма сугубо декоративна и не связана с методом возведения²⁰. В то же время в Риме этот прием возведения арок уже известен при строительстве Терм Каракаллы (212—216 гг.). Что же касается восточного влияния, проявившегося в волнистости арок, то после изучения контуров сохранившихся арок и сводов, а также утраченных, рабочие чертежи которых нам пришлось изготовить по обмерам 1903—1904 годов, то приходится усомниться в предположении, что по замыслу строителя появилась их волнистая («трехлопастная») форма. Более того, сам П. П. Покрышкин отмечает, что подпружные арки «сильно искажены»²¹. Помимо деформаций на волнистости арок сказались

¹⁷ П. П. Покрышкин. Ук. соч., стр. 23—24.

¹⁸ Там же, стр. 24.

¹⁹ Там же.

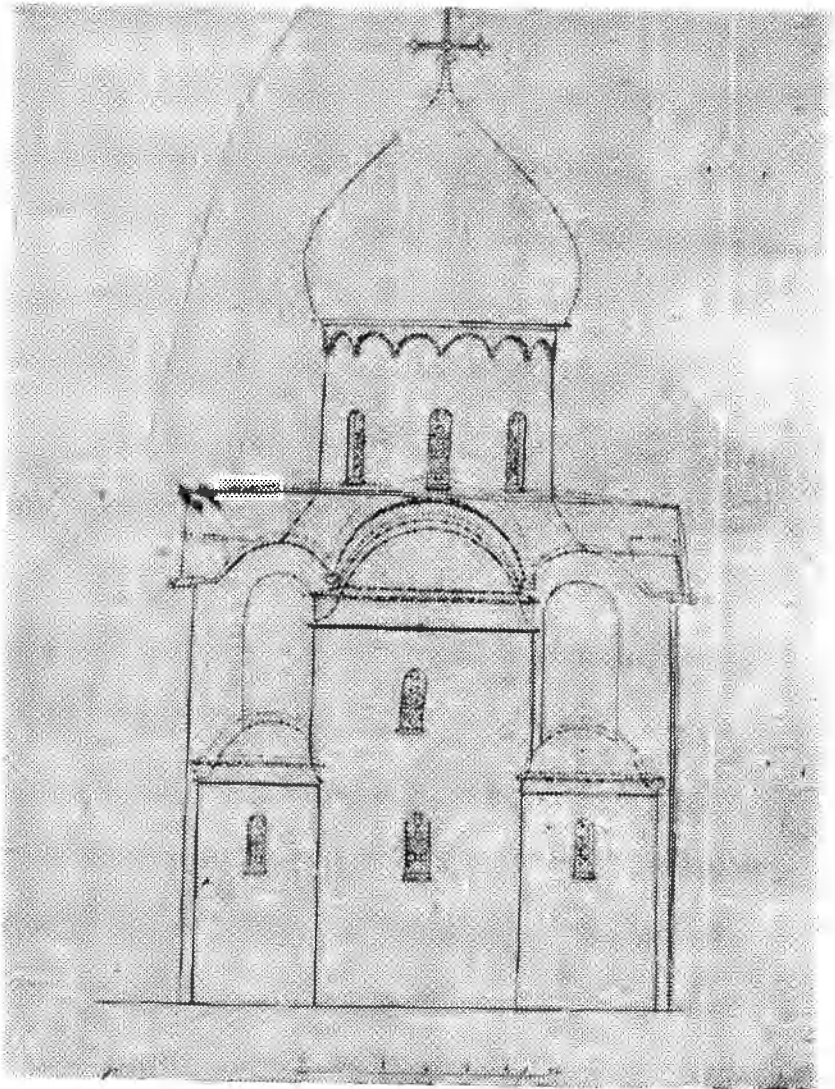
²⁰ Например, подковообразная форма алтарей в плане и сводов высекаемых в скальных храмах.

²¹ П. П. Покрышкин. Ук. соч., стр. 24.

небрежное отношение строителей к изготовлению кружальных опор и опалубки. Подтверждением этому могут служить следы на сохранившихся сводах и арках в виде огпечатков опалубки и сохранившаяся кружальная опора в камере северной части

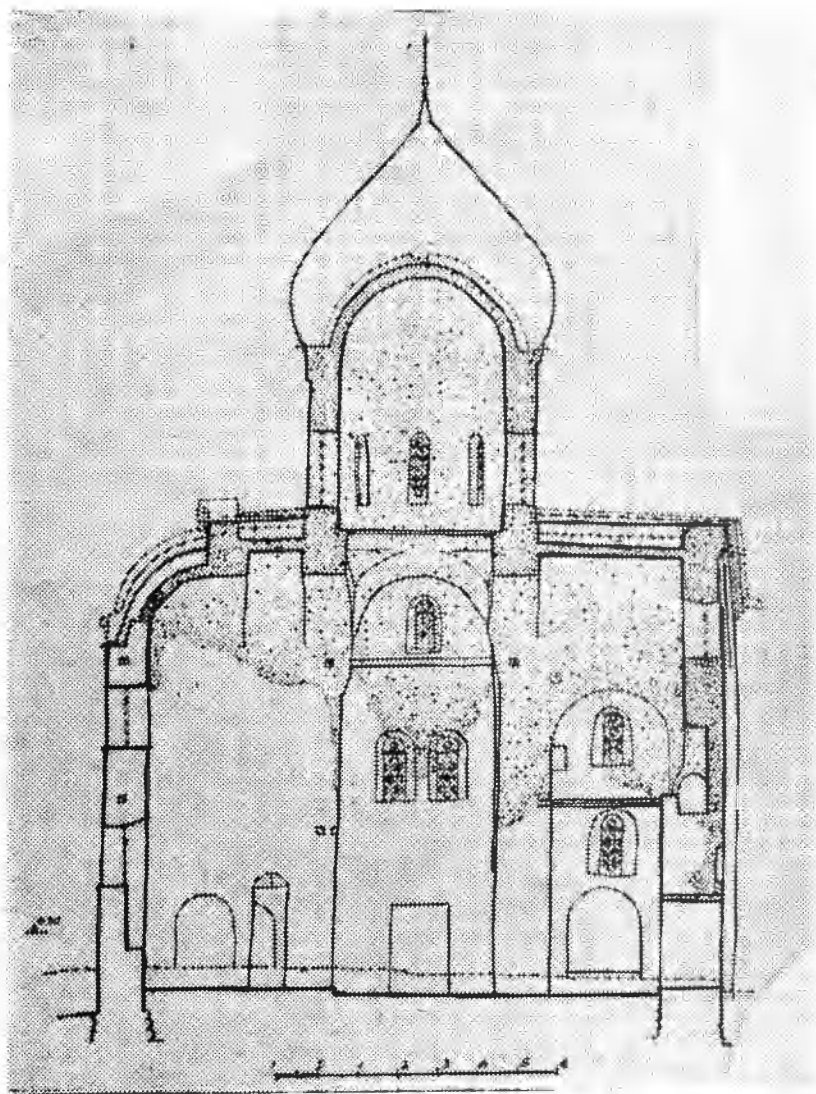
Рис. 5. Зондаж верхней части кладки южной апсиды. Разобрана позднейшая накладка в месте примыкания к центральной апсиде.

Условные обозначения

- Реставрация восточной части, произведенная в 1903—1904 гг. по чертежам П. П. Покрышкина.
- ..... Предполагаемая реставрация тех же форм по чертежам С. Н. Давыдова 1948 г.
- · - · - · - · Реставрация восточной части, произведенная в 1956 г. на основании обнаруженных накладок апсид

Рис. 6. Восточный фасад Неридицкой церкви

Условные обозначения

- ..... Реставрация восточной части, произведенная в 1903 - 1904 г. по чертежам И. П. Покрышкина.
- — — Предлагаемая реставрация тех же форм по чертежам С. Н. Давыдова 1948 г.
- — — Реставрация тех же форм, произведенная в 1956 г. на основании дополнительных натуральных исследований (новые своды и купол восстановлены толщиной в 25 см в отличие от древних, толщиной 50-52 см.).

Рис. 7. Разрез Нередицкой церкви с запада на восток.

западной стены, о которой П. П. Покрышкин писал: «Хотя на кружале нацарапан полуциркуль правильно, но отесано оно грубо, угловато»²². В опалубках, главным образом, крупнопролетных арок и сводов, применялись очень широкие горбыльные доски, уложенные круглой (горбыльной) частью кверху. В этом следует усматривать одну из главных причин волнистости контуров.

Относительно формы подпружных арок, в пятовых частях которых заметна некоторая трансформация, нам представляется уместной и следующая гипотеза.

В процессе спешного строительства (храм был выстроен за 3,5 месяца²³) для ускорения работ кружала для всех подпружных арок могли быть заготовлены сразу одного размера, предполагагая свести верхние части столбов в местах пят подпружных арок к одинаковому пролету²⁴. Попытку выполнить это можно усмотреть в движении верхней части западной пары столбов к востоку, а восточной пары к западу²⁵, т. е. наклон обеих пар навстречу друг другу. Однако, расстояние запад-восток у пят оказалось несколько больше расстояния север-юг²⁶, и северное и южное кружала, в отличие от западного и восточного, оказались меньше получившегося пролета. Поэтому пятовые части только северной и южной подпружных арок до встречи с опалубкой кружал были выложены при помощи напуска, что дало основание П. П. Покрышкину усмотреть в этих арках намек на трехлопастную форму.

Можно добавить, что волнистость линий арок и сводов была в характере линий стен и столбов и, возможно, поэтому не резала глаз неправильности формы как тех, так и других.

Изучение ряда памятников новгородской строительной школы XII века, таких, как Николо-Дворищенский собор 1113 года, Георгиевский собор Юрьева монастыря 1119 года, ц. Благовещения на Мячине 1179 года, ц. Параскевы Пятницы 1207 года, ц. Рождества в Перынском Скиту, храмов Пскова и Старой Ладогги, в строительстве которых соблюдены те же строительные приемы, дает основание предполагать, что ко времени построения Нередицы существовали целиком сформировавшиеся местные традиции каменного зодчества, в полном соответствии с которыми построен рассматриваемый памятник.

---

²² Там же.

²³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. 1951. стр. 44.

²⁴ В плане, как и в большинстве новгородских храмов XII—XV вв. расстояние между столбами запад-восток больше расстояния север-юг. См. П. П. Покрышкин. Ук. соч., табл. I.

²⁵ Там же, табл. VII.

²⁶ Там же, табл. VI и VII.

В связи со всем изложенным возникают сомнения в справедливости суждения П. П. Покрышкина об участии восточных мастеров и непосредственном восточном влиянии при сооружении **Нередицы**.

По-видимому, говорить о «восточных влияниях» возможно, имея в виду не конкретно новгородское зодчество, рождение которого, в основном, ведет нас к Киеву, и, тем более, не данный памятник, а вообще, формирование каменного древнерусского храма начальной поры.

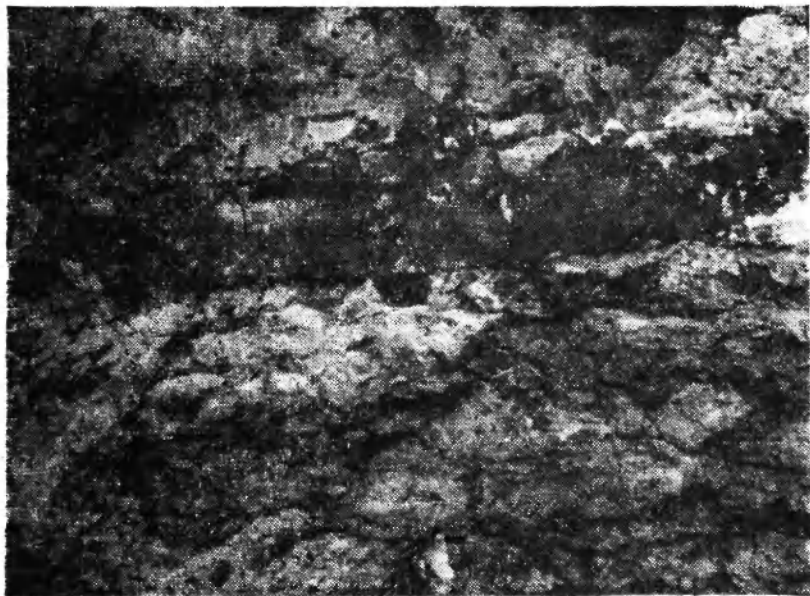

Рис. 8. След применения кружала-циркуля в процессе кладки стен (отверстие в шве кладки над порталной нишей южного фасада Нередицкой церкви).

3. До сего времени существует мнение, что стены древних новгородских зданий возводились с помощью деревянных опалубок— «коробов». Мнение это было выдвинуто одним из ранних исследователей архитектуры Новгорода — архим. Макарием: «...чтобы стены... во время кладки не разваливались, они строились в так называемую коробку, т. е. обстраивались досками дотоле, пока не могли засохнуть и окрепнуть»²⁷. П. П. Покрышкин в отчете

²⁷ Архим. Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Часть 1, М., 1860 г., стр. 26.

указывал, что кое-где видел отпечатки дерева²⁸. Как известно, после разрушения значительные участки стен храма, как изнутри, так и снаружи, оказались лишенными штукатурки. Тщательное обследование стен не выявило следов деревянных коробов. То же относится и ко всем другим новгородским постройкам, подвергшимся в последние годы серьезным исследованиям.

Следы волокон дерева на стенах, которые мог видеть П. П. Покрышкин, встречались и нам и, по всей вероятности, были отпечатками настилов строительных лесов, примыкавших к стенам вплотную. Как известно, леса устраивались не на парных, а на однорядных стойках с заделкой одного конца балок в кладку стен по мере их возведения²⁹.

Следующие факты свидетельствуют о том, что кладка стен велась обычным открытым способом без применения «коробов». Кладка стен возводилась горизонтальными слоями высотой 80—100 сантиметров, идущими по всему периметру стен³⁰. Границы их представляют собой горизонтальную поверхность, обмазанную раствором. Обычно, между двумя смежными слоями попадает мелкий строительный мусор и пыль, попавшие на уже отвердевший раствор кладки ниже лежащего слоя. Следовательно, в каждом данном месте, кладка нижнего слоя успевала отвердеть, прежде чем над ней возводилась свежая. Совершенно очевидно, что при высоте слоя в 80—100 см, на стене толщиной 110—150 см деформаций быть не могло и, как показали восстановительно-реставрационные работы, их не было, хотя известковый раствор с добавкой толченого кирпича (цемянка) схватывается и твердеет значительно быстрее обычного современного известкового раствора, на котором велась наша работы.

Все это лишний раз убеждает в том, что предположение о применении «коробов» при возведении стен новгородских храмов не имеет реального основания. Очевидно, наименование «кладки в коробку», понятое архим. Макарием буквально и принятое П. П. Покрышкиным, обозначало саму систему кладки. Вначале возводились наружная и внутренняя версты стены («короб»), затем пространство между ними заполнялось каменным и кирпичным щебнем с проливкой жидким раствором³¹.

4. В свое время П. П. Покрышкин обращал внимание на не-

²⁸ П. П. Покрышкин. Ук. соч., стр. 25.

²⁹ Ряды отверстий, оставленных пальцами лесов в стенах, обнаружены как снаружи, так и изнутри. Во многих случаях в кладке сохранились концы деревянных пальцев.

³⁰ В XIV веке, очевидно, в связи с изменением системы кладки стен, т. е. отсутствием в кладке кирпичных рядов, выравнивающих ряды камня, высота слоя кладки значительно уменьшилась — до 40—60 см.

³¹ Особенно ярко эта система выражена в Пятницком храме в Чернигове. См. Н. В. Холостенко. Исследования Пятницкой церкви в Чернигове. «Советская археология», вып. XXVI, М., 1956 г. стр. 285.

Рис. 1. Широко-островный угловой ствол и пять арки с жестко-связанными стеллажами
по бокам стеллажа. Диаметр стеллажа

соответствие очертания профиля полукуполов боковых апсид, очертанию последних в плане, относя это за счет желания зодчего сделать более выпуклыми конхи малых апсид³². Как показано исследование разрушенной верхней части жертвенника, его покрытие было осуществлено не коробовым сводиком с закруглением и тем более не конхой, а обычной аркой, на которой основана вышележащая часть восточной стены. Небольшое крутое закругление с востока впритык к арке без перевязки осуществляло переход к восточному участку стены апсиды. Если арки были возведены из рядов плинфы и плитняка, то закругления только из плинф. Таким образом, конхи в обычном понимании здесь не оказались, и поэтому контур малых апсид в разрезе не соответствовал их начертанию в плане.

Можно предположить, что прием перекрытия боковых апсид аркой, а не обычной конхой, был вызван стремлением зодчего значительно уменьшить их не только по высоте, но и по глубине, решая интерьер более компактно и цельно. Центр начертания боковых апсид в плане в Спасе-Нередице, по сравнению с другими трехапсидными храмами Новгорода, вдвинут внутрь к западу на толщину восточной стены, т. е. находится в плоскости внутренней поверхности восточной стены, в то время как в других более ранних памятниках, например, в ц. Благовещения на Мячине центр начертания находится в плоскости наружной поверхности указанной стены. По-видимому, во всем этом можно усмотреть эволюцию новгородского храма от трехапсидного типа к одноапсидному. В ц. Параскевы Пятницы (1207 г.) стремление к одноапсидности было выражено более решительно, хотя здесь налицо компромиссное решение—снаружи храм казался одноапсидным, в то время как изнутри пространство боковых апсид было полностью осуществлено. Но уже в ц. Пырьнского скита, относящейся, по-видимому, к несколько более позднему времени и затем в ц. Николы на Липне (1291 г.) можно видеть одноапсидный тип храма в чистом виде, который в XIV веке становится не только господствующим, но, по-видимому, единственным.

5. До настоящего времени спорным и весьма мало изученным вопросом древнерусского и, в частности, новгородского зодчества является вопрос о характере древних карнизов и кровель. Как те, так и другие на протяжении столетий подвергались частым заменам и чинкам. Единственная из построек второй половины XII века, которая, возможно, даст ответ на этот вопрос — является неисследованная церковь Петра и Павла на Синичьей горе.

Однако, и сейчас, на основании найденных зубчатых кирпичей, обмерных чертежей П. П. Покрышкина, на основании косвенных данных, обнаруженных на сохранившихся верхних участ-

³² П. П. Покрышкин. Ук. соч., стр. 24.

ках стен, а также при помощи сопоставления с другими памятниками Новгорода, можно сделать попытку реконструировать венчание стен с достаточной достоверностью. Было обращено внимание на взаимосвязь верхних сводов с декоративным венчанием стен. Конструкция сводов оказалась двух типов: в один и в два переката (слоя) (рис. 10, 11). Как в первом, так и во втором

Рис. 10. Фрагмент центрального западного свода Нередицкой церкви (кладка свода в один перекат).

случае двухступчатые арки закомар всех стен, кроме восточной, являлись непосредственным продолжением свода на фасадах. При этом, во втором случае, каждый из двух уступов арки соответствовал каждому из двух перекагов свода. Особый интерес представляет следующая деталь: в связи с тем, что своды второго типа были выложены по перекатам, соответственно из тычков и ложек, а арки закомар из двух тычков, верхние поверхности арок оказались ниже верхних поверхностей сводов. Таким образом, на стыке арки и свода образовался перепад в 10—12 сантиметров, дающий основание предполагать дополнительную надкладку над арками закомар до уровня поверхности свода или выше. Следует также отметить, что одноступчатые арки восточных закомар являлись продолжением сводов на фасадах, были совершенно равны им по толщине, и потому уступов на верхних поверхностях не имели.

Во время восстановительных работ 1956 года нам неоднократно попадались пятиугольные кирпичи «зубцы» (18×26×4,5), ранее встречавшиеся и П. П. Покрышкину³³. Они отличались от кирпичей такой же формы, употребленных в арочном декоре барабана (10×24×4), значительно большими размерами. Поскольку никаких следов специального применения этого кирпича не обнаружено, можно предположить, что из него был сделан венчающий декор над арками закомар.

Если предположить применение «зубцов», то один ряд «зубцов», уложенных непосредственно на кладку арки, мог быть перекрыт одним рядом кирпича — плинфы заподлицо с верхней поверхностью сводов. Но едва ли возможно, чтобы декор был только на трех стенах, исключая восточную, где, как отмечалось выше, верхняя поверхность арок закомар выкладывалась без уступа заподлицо с верхней поверхностью сводов. По-видимому, декор был на четырех стенах, т. е. венчал арки закомар по всему периметру, а если он был и на восточной стене, значит возвышался над сводами. Следовательно, венчание, возвышаясь над сводами, могло формироваться не только из одного ряда «зубцов», а из двух или трех, уложенных друг на друга без промежуточного кирпичного ряда. На восточных сводах церкви Рождества Богородицы Антониева монастыря (1117—1119 гг.) обнаружен совершенно аналогичный прием венчания стены. Ширина возвышения 45 сантиметров, высота из-за утрат неизвестна.

Два ряда зубцов с обычным кирпичным рядом между ними представляли из себя карниз 1903—1904 годов, тянувшийся непрерывной лентой как над полукружиями стен, так и над

³³ Там же, стр. 27.

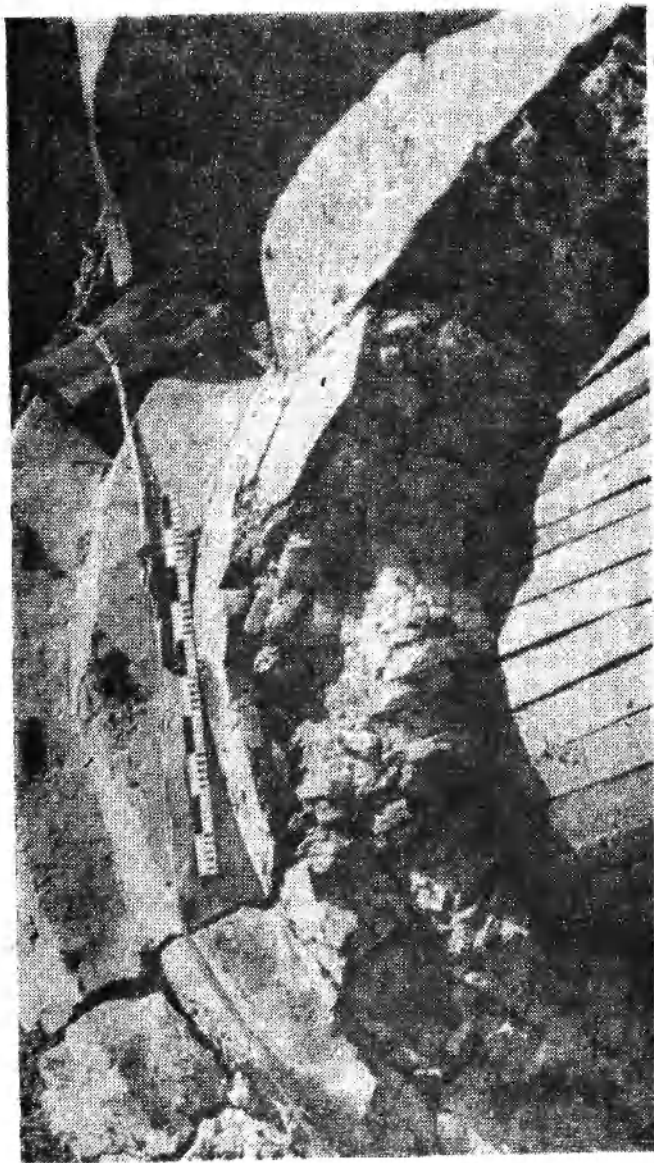

Рис. 11. Фрагмент юго-восточного свода Перелик зі перкви
(контра-столи в дна переката).

пилястрами³⁴. Образец для такого карниза П. П. Покрышкин видел в византийских храмах³⁵, так как декор Софийского собора считал повторением византийских карнизов. «...Можно предположить, что такие зубцы украшали наружные линии арок — закомар, как наблюдается в греческих церквях и как В. В. Суслов открыл при реставрации Софийского собора». Но, по-видимому, декор из «зубцов», найденный В. В. Суловым, был не таким, каким его сделал П. П. Покрышкин на Нередице, так как декор Софийского собора представляет из себя один ряд «зубцов», перекрытых полкой (плитой). Его нельзя назвать карнизом потому, что он незначительно нависает над стеной и, главным образом, потому, что не тянется бесконечной лентой по периметру стен, как развитые карнизы византийских храмов, а обрамляет отдельно каждый тимпан закомар с разрывом в местах лопаток.

Целый ряд данных, обнаруженных в последнее время, может служить этому достаточно убедительным подтверждением. Подобные обрамления были открыты на стенах Николо-Дворищенского собора 1113 года, Георгиевского собора Юрьева монастыря 1119 года, ц. Параскевы Пятницы в Новгороде 1207 года, ц. Николы на Липне 1291 года, ц. Спаса Преображения на Ильине улице 1374 года. В Новгороде этот элемент встречается как украшение стен и в более позднее время (до первой половины XV века).

В наиболее ранних Николо-Дворищенском и Георгиевском соборах имеются примеры декора из двух рядов «зубцов», но не разделенных обычным кирпичным рядом со значительным выносом верхнего зубчатого ряда над нижним, как было сделано на Нередице в 1903 году, а с точно таким же небольшим выносом, как и в случае одного ряда «зубцов». Кроме того, и здесь был разрыв декора над лопатками.

Таким образом, в архитектуре Новгорода XI—XII веков каменного карниза в настоящем его значении т. е. элемента, способного полностью оградить стены от атмосферных осадков, пока не обнаружено. Интересно, что в Софии Киевской не только карниза, но и следов какого-либо декора не най-

³⁴ Подобные карнизы известны в храмах Византии и с XIV в. на Балканах. Такие же карнизы по образцу византийских были устроены в Успенской церкви во Владимире Волынском при реставрации ее Г. И. Котовым и в ц. Василия в Овруче при реставрации ее А. В. Щусевым и П. П. Покрышкиным, хотя следы их обнаружены не были.

³⁵ П. П. Покрышкин. Ук. соч., стр. 27.

дено³⁶. Как показали исследования, стены храмов второй половины XIV века от осадков были защищены деревянными карнизными свесами, связанными с конструкцией деревянной кровли. Допустимо предположить, что подобные карнизы и кровли появились значительно раньше. Возможность существования такой конструкции на Спасе-Нередице будет рассмотрена ниже.

Реставрация 1903—1904 годов совершенно изменила облик здания. Исследователи в то время писали: «Новое покрытие освободило барабан купола и обнаружило всю необычайную соразмерность его масс... Однако, что-то неуловимое и, вместе с тем, дорогое и близкое — после реставрации исчезло и, наоборот, неожиданно выступили черты, как-будто чуждые Новгороду., появилось холодное мудрое мастерство, слишком еще византийское³⁷».

Поскольку, реставрация, за исключением карнизного венчания, была строго документированной, и поэтому научно обоснованной, чувство это могло возникнуть из-за замены древнего стенового материала, ранее придававшего стене скульптурную пластику, гладкой залицовкой современным материалом в современной технике. Кроме того, богатый «византийский карниз, возведенный без достаточных оснований»³⁸ из двух рядов зубцов, расположенных через один ряд кирпича и тянувшийся бесконечной лентой по стенам, подчас игнорируя подлинную форму венчания закомар³⁹, невольно вызывал в памяти черты, как будто чуждые Новгороду.

Как уже упоминалось выше, в 1919—1920 годах по предложению П. П. Покрышкина была удалена цементная штукатурка, так как цемент лишал стены естественной вентиляции и способствовал распространению сырости и плесени. Вместе со штукатуркой был срублен карниз, хотя форма венчания стен сохранилась.

Предложение П. П. Покрышкина срубить сделанный им пышный карниз было, безусловно, правильным, но для устройства другого, как тогда, так и во время работ 1956—1958 годов, прямых натурных данных не было. Поэтому во время восстановления было решено не изменять облик, приобретенный в результате работ 1919—1920 годов.

---

³⁶ Ссылаясь на сообщение Ю. С. Асеева, производившего исследование памятника.

³⁷ И. Грабарь. История русского искусства, т. I. М., 1910, стр. 193.

³⁸ П. П. Покрышкин. Ук. соч., стр. 21.

³⁹ Нижний ряд зубцов карниза располагался не на кладке арок закомар, как обычно, а значительно выше, при этом форма карниза не соответствовала начертанию и характеру ниже лежащих арок. См. П. П. Покрышкин. Ук. соч., табл. II—XII.

На памятниках архитектуры первой половины XII века кладка сводов и куполов под свинцовую кровлю покрывалась толстым слоем (4—6 см) тщательно заглаженного цемяночного раствора⁴⁰. Кое-где на этой поверхности обнаружены кованые гвозди без шляпок. Венчание стен барабанов осуществлялось по волнистой линии кокошников с уклоном между ними для удаления атмосферных осадков, что исключало возможность укладки мауэрлатов для опирания стропил главы.

Исследование сохранившихся верхних участков стен Нередицы показало, что конхи имели очень грубую поверхность, образованную рядами необработанного камня и плинфы. Полностью отсутствовали следы обмазки поверхности и крепления кровли к кладке. И, наконец, форма опирания конхи с резким переходом к горизонтальной поверхности, на которую мог быть уложен мауэрлат, и отсутствие щелевидной, обрамляющей конху выдры в восточной стене, куда могли быть защемлены первые листы свинца в случае, если свинец не крепился гвоздями, дает основание предполагать устройство древнего кровельного покрытия апсид по стропилам⁴¹ (рис. 7).

Что касается покрытия купола барабана, то замена венчания барабана по волнистой линии кокошников ранних храмов горизонтальной площадкой для укладки мауэрлата, отсутствие упоминаний о следах крепления свинца к кладке в отчете предыдущего исследователя, а также специальное устройство в виде отверстия в верхней части купола такого же размера и характера, как в храмах со стропильной главой, приводит нас к тому же выводу и в отношении покрытия купола.

Поверхность сохранившейся части сводов в юго-восточной части обследовать не представилось возможным из-за цементной обмазки, крепко приставшей к кладке свода. Тем не менее, уступ, как отмечалось выше, образованный верхней поверхностью свода, выступающего на 10—15 сантиметров по отношению к верхней поверхности декоративных арок, предполагает надкладки последних. Надкладка, возможно, была поднята настолько, что за ней могли скрываться стропильные конструкции. И, наконец, выдра у основания барабана с гнездами над шельгами сводов креста⁴² и отсутствие упоминаний П. П. Покрышкина о следах крепления

⁴⁰ Обнаружено на сводах и куполе Николо-Дворищенского собора, Георгиевском соборе Юрьева м-ря, собора Рождества Богородицы Антониева м-ря.

⁴¹ В Георгиевском соборе Юрьева м-ря в щелевидной выдре был обнаружен защемленный в кладке остаток свинцовой кровли. Отсутствие выдры под конхами Нередицы предполагает конструкцию строительных кровель храмов XIV в., т. е. большой вынос деревянной кровли для прикрытия стыка кровли апсид со стеной. (см. реставрацию церкви Петра и Павла в Кожевниках).

⁴² Зарисовка фрагмента барабана церкви Спаса на Ковалева и указание на аналогию конструкции в Спасо-Нередицкой церкви. Архив Ленинград. отделения института археологии. ф-21, арх. 917, л. 100

кровли к сводам дают основание считать, что в древности и покрытие сводов основного куба Спаса-Нередицы осуществлялось с помощью стропил или сплошной деревянной опалубки, уложенной непосредственно на своды.

По-видимому, П. П. Покрышкин не обнаружил следов материала древних кровель. Во всяком случае, он нигде об этом не упоминает, и, очевидно, поэтому предлагает применить несколько видов кровельных материалов в зависимости от их стоимости и прочности⁴³. Так как следов кровли на памятнике не обнаружено, нельзя судить с достоверностью о характере ее материала. Практика реставрационных работ показала, что в тех случаях, когда постройка была крыта каким-либо материалом кроме дерева, следы его всегда обнаруживались, в то время, как следы деревянных кровель за редким исключением исчезли бесследно. Поэтому из всего вышесказанного можно предположить и здесь в древности деревянную кровлю. Уместно отметить, что следы деревянной кровли в виде гнезд в кладке станы от бревен-водотечников кровли северного и западного притворов и слот пожара с гвоздями, идущего по древней дневной поверхности грунта, обнаружены автором на памятнике, близком по времени и тождественном по строительной технике — церкви Параскевы Пятницы в городе Новгороде (1207 г.).

Следует сказать еще несколько слов о наблюдениях, касающихся инженерных вопросов. Дубовые связи, укладываемые в стены, имели круглое или квадратное сечение с диаметром или стороной квадрата 24—26 см. Интересно, что одно и то же бревно оказывалось с одного конца круглого сечения, а с другой в комле было отесано на квадрат. По-видимому, зодчие не были безразличны к сечению связи и стремились примерно к одинаковым размерам на всем ее протяжении. Нужно отметить, что на памятниках XIV—XV веков сечения связей остались такими же.

При реставрации верхних участков стен дьяконника четко удалось проследить направление древних внутрстенных связей дьяконника, не зарегистрированных в чертежах 1903—1904 годов. Связь южной стены пересекалась со связью круглого в плане участка апсиды под прямым углом, в то время, как связи жертвенника были расположены совершенно иначе⁴⁴. Врубка осуществлена «в полдерева» с остатком.

Из-за утраты фресок над порталами внутри выявились арки в плоскости стены. Оказалось, что перемычки декоративных ниш над порталами со стороны фасадов являются разгрузочными арками и, прорезая стену, выходят на ее внутреннюю поверхность заподлицо с последней. По-видимому, древний зодчий предполагал аркой разгрузить горизонтальные деревянные перемычки порталов от веса стены.

⁴³ П. П. Покрышкин. Ук. соч., стр. 14.

⁴⁴ Там же, табл. I.

Реконструкция древнейшего облика

Несмотря на большие утраты, нам представляется возможным, на основании всего вышесказанного, представить древнейший облик ц. Спаса-Нередицы (рис. 12), облик, по-видимому, характерный для храмов Новгорода конца XII века.

Древняя дневная поверхность и древний уровень пола, установленные раскопками 1898 года, находятся ниже современных на 60—90 сантиметров. Высота апсид, в особенности центральной, значительно понижена.

Хотя, как указывалось выше, непосредственных следов венчания стен не обнаружено, изучение косвенных данных и материалы исследования других памятников дают основание реконструировать закомары: декоративное обрамление двухступчатых арок предполагается из двух рядов «зубцов», уложенных непосредственно по кладке арок и не разделенных обычным кирпичным рядом со значительным выносом верхнего зубчатого ряда над нижним, как было устроено в 1904 году, а с таким же выносом, как в случае одного ряда зубцов.

Кровли главы, апсиды основного куба сделаны из деревянной чешуи по стропилам. Форма главы, образованная стропилами, нам рисуется шлемовидной. Эта форма в единичных образцах дошла до наших дней, но в большом количестве встречается в иконографии и по всей вероятности бытовала в Новгороде⁴⁵.

Фасады не были оштукатурены. Стены широко затирались цемяночным раствором из швов в процессе кладки. Оставалась открытой кладка арок окон, дверных проемов и полукружий закомар. Здесь чередование видимых на поверхности кирпичей с кирпичами и камнями, несколько утопленными в раствор, подчеркивало арочные конструкции, зрительно выявляя их работу. Красные кирпичи арок и стен, видимые из-под желтовато-розовой затирки, красновато-коричневые и серовато-зеленые камни в сочетании с пятнами живописи в нишах над входами, а также орнаментальный характер резных деревянных оконниц, и, возможно, причелин напоминали красочные вышивки одежды, придавая памятнику народные черты.

Полы в Спасе-Нередице, по материалам раскопок В. В. Сушлова 1898 года, были набраны из поливных керамических плиток⁴⁶. В этом выразился некоторый аристократизм постройки, так как в других памятниках, близких по времени и характеру, полы были выполнены из более дешевого будничного материала — известняковых плит (в церкви Параскевы Пятницы 1207 и 1345 годов) или при помощи смазки толстого слоя известково-цемяночного

⁴⁵ И. Грабарь. Ук. соч. стр. 226—229

⁴⁶ П. П. Покрышкин. Ук. соч. стр. 6.

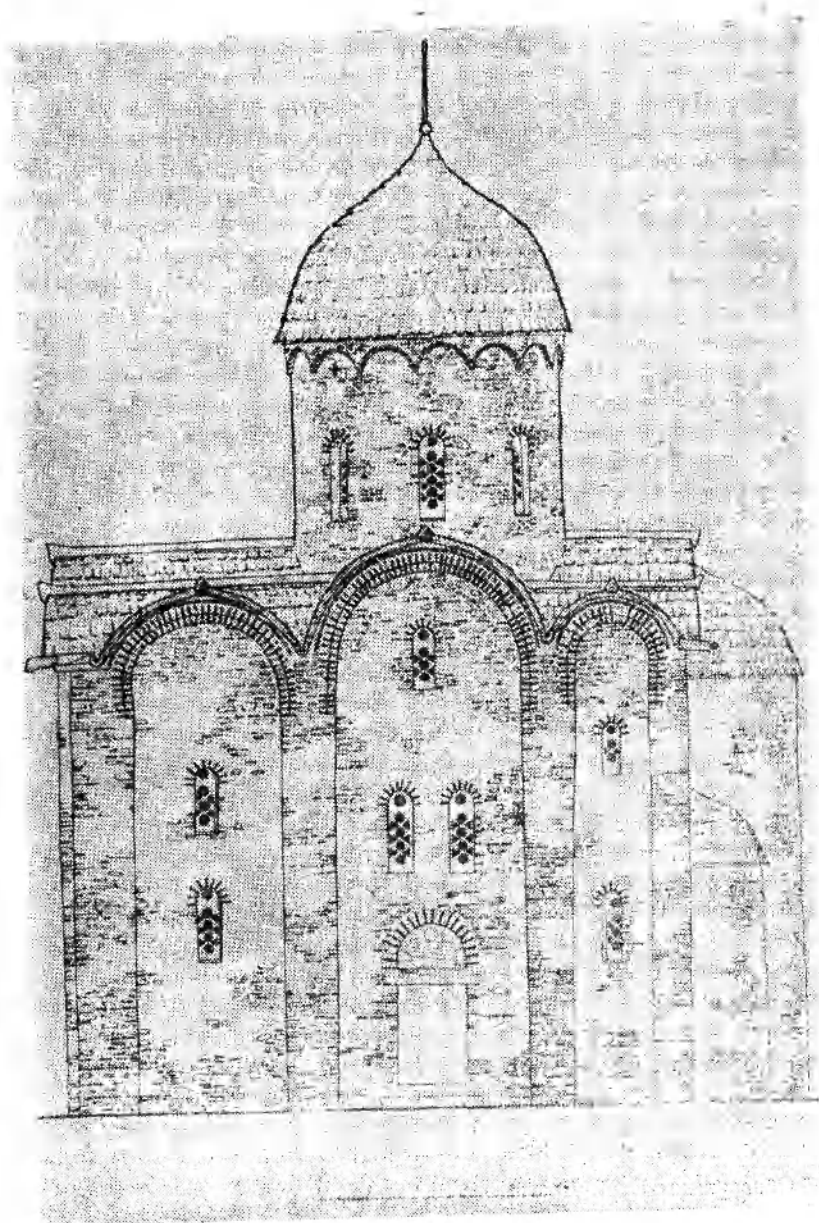

Рис. 12. Древний облик Нередицкой церкви. Реконструкция автора

раствора (в храмах XII века Старой Ладogi⁴⁷ и церкви Благовещения на Мячине⁴⁸).

Строительная техника (система кладки стен) Нередицы отличается от храмов 1-ой половины XII века. Если в последних чаще применялся прочный, но легко поддающийся околке волховский плитняк, то в Нередице и других постройках этого времени широко применен менее прочный, не поддающийся тщательной обработке темно-красный камень-ракушечник. Последнее явилось причиной, оказавшей существенное влияние на внешний облик зданий конца XII века⁴⁹. В связи с грубой отеской камнем стенам свойственна неровность поверхностей и кривизна линий, придающих зданию мягкую скульптурную пластику, характерную и для последующей архитектуры Новгорода.

Без расчета на последующую фресковую роспись возводились арки в интерьере. И в тех местах, где росписей не было, кладка арок несла в себе декоративное начало. Так, например, в угловых участках на хорах Николо-Дворищенского собора, где, как и в Спасе-Нередице, композиционной живописи не было, нами обнаружена древняя декоративная роспись арок в технике *alfresco*, имитирующая кладку арок со скрытым рядом⁵⁰.

В церкви Параскевы, интерьер которой не был расписан, а стены впервые были обмазаны в 1345 году, кладка арок с имитацией скрытого ряда, как и на Нередице, оставалась открытой. Принимая во внимание общее количество арок в интерьере (ниши-аркосолии, перемычки окон, крупнопролетные арки со сводами всех трех притворов, прорезавшие стены насквозь и выходившие в интерьер основного объема в виде мощных двухслойных арок в обоих ярусах, арки со столбов на стены и подпружные арки), можно с уверенностью говорить об их значительной декоративной роли в интерьере.

Строительные работы

а) Ограждение фресок

Перед производством строительных работ фрески были закрыты сплошным ковром фанеры, с отступом от живописи, в среднем, на 12—15 сантиметров. Делалось это следующим образом: к стене над фреской горизонтально прибавали доску с прокладкой войлока. К горизонтальным доскам, на расстоянии ширины листа фанеры (1.20 м), прибавались вертикальные, упиравшиеся в пол храма. Получившийся каркас обшивался фанерой при помощи мелких гвоздей.

Щели между верхними горизонтальными досками и стеной

⁴⁷ Обнаружены Е. А. Драги.

⁴⁸ Обнаружены Л. Е. Красноречевым.

⁴⁹ Исключением является церковь Петра и Павла на Синичьей горе (1185—1192), стены которой почти полностью сложены из кирпича.

⁵⁰ На северной подпружной арке юго-западного барабана Роспись доступна для обозрения.

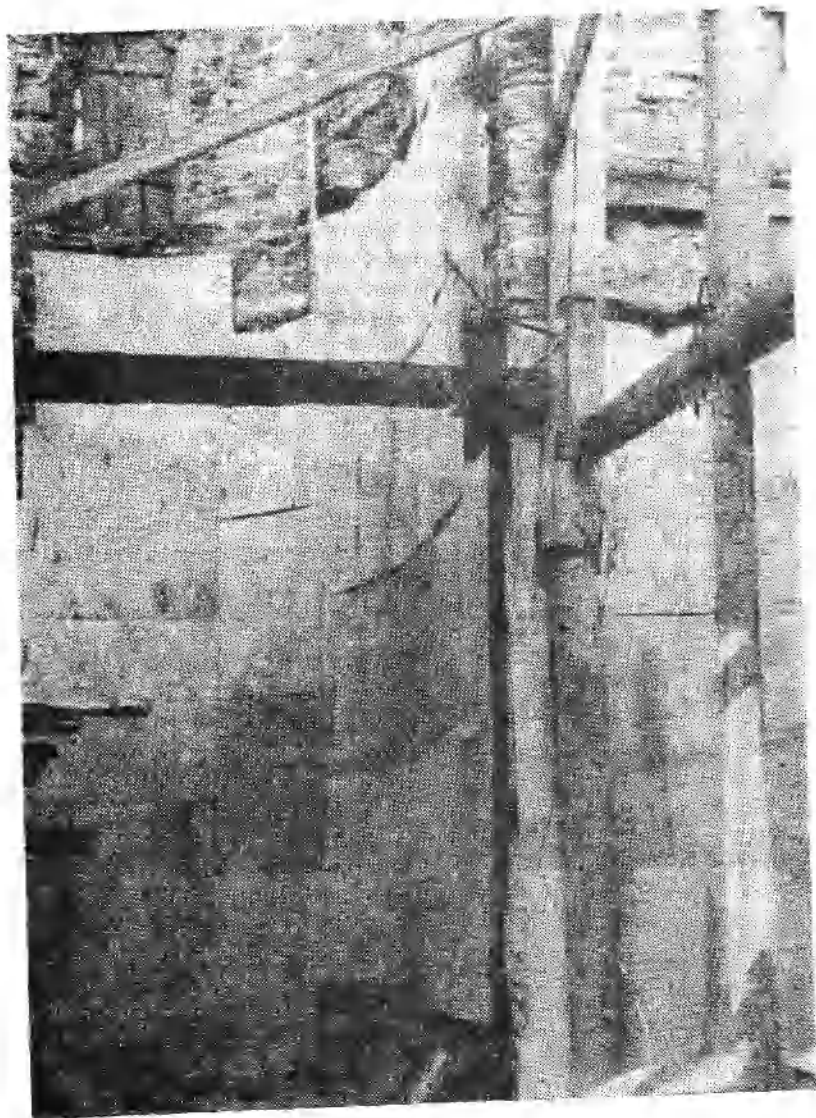

Рис. 13. Ограждение фресок в Нередицкой церкви перед производством строительных работ. Фото 1956 года.

были проконопачены войлоком и обмазаны известковым раствором. Отступавшие от стен вертикальные доски давали возможность циркуляции воздуха и попаданию света, одновременно защищая роспись от раствора, щебня и частиц пыли, не взвешенных в воздухе. Все фрески до мельчайших фрагментов были защищены указанным способом (рис. 13).

При укреплении стен инъекции подвергались в основном их верхние, более обветшавшие участки, т. е. места, где фрески, как правило, отсутствовали. Поэтому в отношении защиты живописи от инъекции осложнений не было.

б) Инженерные крепления 1956 года

1. Верхние части стен, и в особенности столбы, обрушились по косым плоскостям.

Внутренняя полость столбов, а в некоторых случаях и стен, была выложена из более мелкого камня и кусков кирпича с большим количеством раствора. К моменту начала работ эта кладка обветшала и связь между ее компонентами нарушилась. При возведении над ними новой кладки можно было поступить двояко:

разобрать верхние части древней кладки до образования более прочной горизонтальной площадки, которая исключала бы возможность косых сдвигов между древней и новой кладками.

укрепить ветхую кладку инъекцией, жидким известково-цементным раствором; затем устройством небольших горизонтальных площадок-уступов по всей высоте и укладкой стальной арматуры в древнюю и новую кладки превратить их в одно целое.

Для сохранения большего количества древних частей был применен второй метод.

2. В уровне древних деревянных связей, проходивших несколько ниже пят подпружных арок, во всех стенах и столбах были заложены стальные связи уголкового профиля.

Предварительно были извлечены остатки древних дубовых связей. В нижних ярусах, куда не был заведен металл, древние связи сохранены. На столбах к обоим взаимно пересекавшимся связям были приварены штыри, которые в последующем бетонировались вместе со связями. На стенах связи обкладывались кирпичом и заливались бетоном, образуя железобетонный пояс сечением 15×20.

3. Перед возведением барабана на шельгах подпружных арок и парусах по всему сечению стены было основано железобетонное опорное кольцо с арматурой из проволоки диаметром 0,6 см.

в) Возведение утраченных частей

Еще при составлении проекта восстановления было принято решение: утраченные части восстанавливать по направляющим маякам — шаблонам, изготовляемым из досок по обмерным чертежам 1903—1904 годов. Для стен наружная кромка маяков — шаблонов устанавливалась по отвесу, а внутренняя воспроизводи-

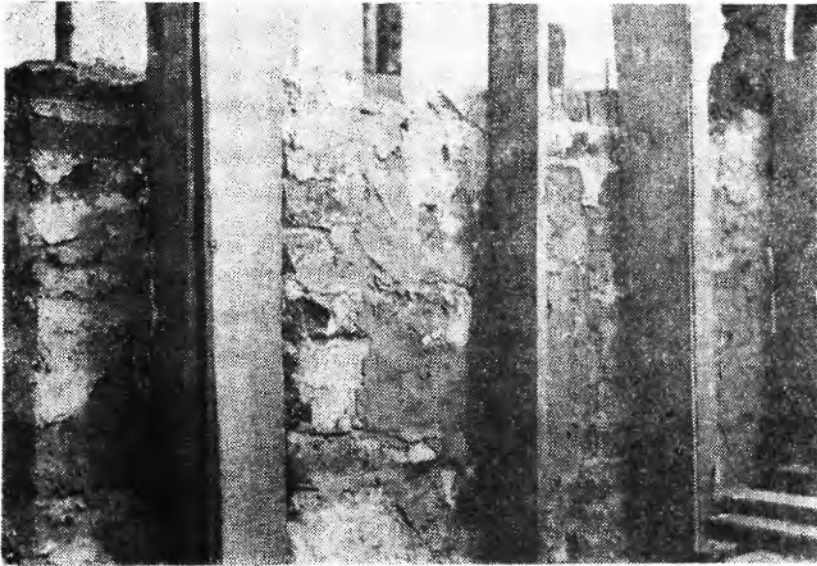

Рис. 14. Северная лопатка западного фасада Нередицкой церкви.
Возведение кладки по маякам-шаблонам.

ла все отклонения от вертикали (рис. 14). То же относится и к кружальным направляющим для сводов и арок с той лишь разницей, что последние устанавливались при помощи уровня, а внутренняя кромка их, соответственно чертежам, давала отклонение от правильной циркульной линии. Все окна (боковые грани и перемычки) возводились по трем маякам — шаблонам, установленным по наружному, внутреннему и среднему контурам.

Для уменьшения сотрясений при удалении поздней надкладки стен апсид и снятия парапетной надстройки с сохранившейся юго-восточной части храма работа велась при помощи тонких стальных зубил.

Новые участки стен возводились из плотного кирпича внизу и дырчатого — вверху. Для того, чтобы их фактура напоминала древнюю, поверхности облицованы грубо отесанным камнем. Как в облицовке, так и во внутренней полости кладки, часто приме-

нялся материал, оставшийся от разрушения храма. Раствор в кладке стен применялся известковый и сложный, в зависимости от места применения. В арках, сводах и столбах применялся сложный раствор. Кладка арок, сводов и столбов выполнена из современного плотного кирпича на растворе 1 : 3 : 10. При возведении арок и сводов был использован древний строительный прием: кружала для сводов и верхних арок были установлены на горизонтальные балки, специально уложенные для этой цели во время кладки стен и столбов.

Кладка барабана велась из дырчатых блоков с облицовкой наружных поверхностей камнем. Несмотря на применение дырчатых блоков, для большего облегчения барабана простенки возводились по строительному приему XVI века методом «колодцев», т. е. внутренность простенка оставалась пустой. На половине высоты окон и в уровне пят их перемычек, кладка стен «колодцев» перевязывалась каменными плитами или посредством выпусков плотного кирпича.

Стена барабана возводилась по деревянным маякам-шаблонам, установленным на двух деревянных кругах-шаблонах по наружной и внутренней поверхности: внизу в уровне опорного кольца и сверху у опоры купола (рис. 15).

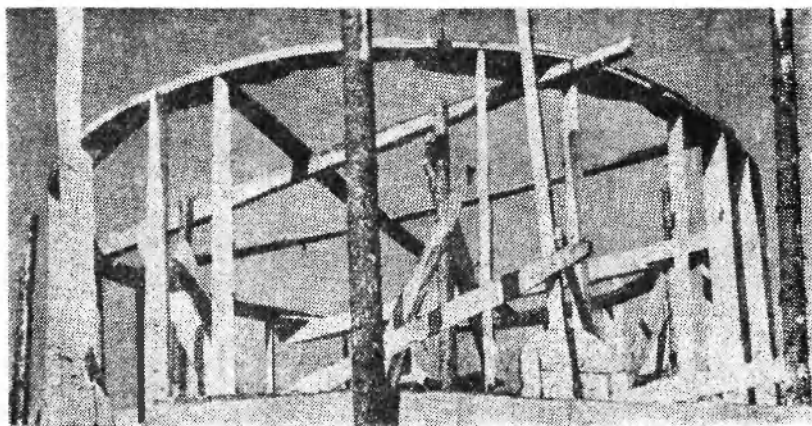

Рис. 15. Установка маяков-шаблонов для восстановления барабана Передницкой церкви. Фото 1958 г.

Окна барабана возведены по специальным шаблонам, установленным только для внутреннего и наружного контуров, так как имели односторонний растроб. Купол сооружен толщиной в 1 кирпич по шаблонам-маякам, опертым на внутренний верхний круг-шаблон.

Кривые кокошников барабана возводились без кружал-

Рис. 16. Центральная апсида Нередицкой церкви после восстановительно-реставрационных работ 1956 года. В верхней части новая кладка обмазана сплошной обмазкой.

шаблонов при помощи древнего строительного приема, обнаруженного на памятнике—метода натянутого шнура (циркуля-кружала).

Как и в древности, кокошники с кладкой купола не перевязаны. Для «зубчатого» декора, идущего по кокошникам, а также декоративным выступам закомар, непосредственно на строительной площадке были изготовлены бетонные камни по форме древних кирпичей.

Для отвода с крыши атмосферных осадков были установлены водометы из бстона по несколько упрощенной форме водометов 1903—1904 годов, рисунок которых был принят по водометам белокаменных владимирских храмов.

Крыша устроена из дощатых сегментных стропил, врубленных в бревенчатые ендовы, объединенные с водометами. Стропила главы двухслойные, дощатые без опалубки под кровлю. Крест изготовлен по обмерному чертежу П. П. Покрышкина⁵¹.

г) Отделочные работы

В связи с тем, что стены памятника представляли пестрый набор различных по виду кладок и, принимая во внимание сплошные цемянковые обмазки-штукатурки XII века, как результат последующего строительного периода (Софийский собор, ц. Петра и Павла на Синичьей горе, собор Антониева монастыря и др.) было принято решение оштукатурить стены известково-цемянковым раствором.

Обмазка производилась тонким слоем (до 1 см.) при помощи мастерка и бутылки, дававших возможность сохранять скульптурную пластику стены.

В интерьере тем же раствором обмазана только новая кладка, включая незначительное количество облицовки древних участков. Для лучшего зрительного восприятия границы обмазки выполнены несколько обобщенно по прямым линиям (рис. 16, 17).

Заполнения окон, т. е. оконницы, сделаны на основании древних, найденных П. П. Покрышкиным. Для лучшего проветривания в верхние отверстия вместо стекол вставлена стальная сетка.

В 1956 году производилась разборка завалов у северной стены. В 1957 году были убраны завалы у западной и частично у южной стен. Несмотря на то, что завалы со времени обрушения стен до их разработки пролежали 16 лет, попадавшиеся фрагменты фресок оказались в хорошем состоянии и были извлечены из строительного мусора. Следует упомянуть, что фресок в наружных завалах было значительно меньше, чем во внутренних⁵².

⁵¹ П. П. Покрышкин. Ук. соч., табл. XX.

⁵² Л. М. Шуляк. Ук. соч., стр. 126—127.

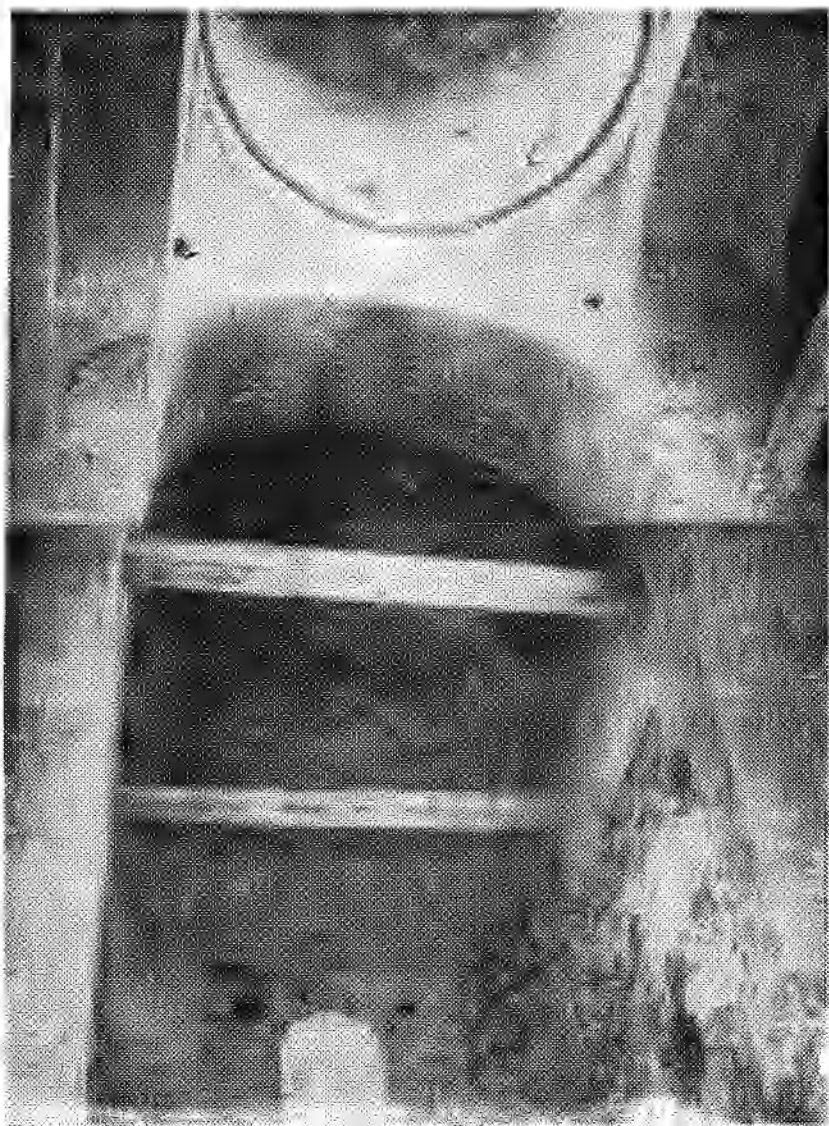

Рис. 17. Верхняя часть центральной апсиды, подпружные арки и барабан Нередицкой церкви после восстановительно-реставрационных работ.

д) Работы 1958 года

Была закончена разборка завалов вокруг стен памятника. Работана поздняя закладка северного и южного дверных проемов при этом в южном проеме на нижней части западной притоки был открыт фрагмент орнаментальной фресковой росписи XII века растительного характера, выполненный красной краской по белому фону.

По образцу сохранившейся древней двери входа во внутрстенную лестницу изготовлены и установлены в порталы новые двери. Древнее дверное полотнище составлено из двух широких дубовых досок. Ширина одной из них 60 и толщина 5 сантиметров. Доски скреплены двумя горизонтальными врезными шпонками. Полотнище установлено на деревянных подпятниках, являющихся продолжением крайней доски и вставленных в гнезда колоды, вертикальные и горизонтальные элементы которой соединены «в ус».

Стальные связи, уложенные в уровне пят подпружных арок обшиты дощатыми коробками, имитирующими древние деревянные связи с прямоугольным сечением. По нижнему поясу древних связей, несмотря на отсутствие здесь стальных связей, также установлены короба.

От древних хор в северной их части сохранилось несколько дубовых пластин. Западные концы их истлели и были позднее несколько укорочены, однако, в кладке западной стены сохранились следы пластин (отпечатки в растворе), доказывающие одновременность укладки настила с возведением стен. Следы были использованы при реставрации хор. Кроме того, были использованы реставрационные чертежи П. П. Покрышкина, где совершенно четко указана конструкция хор, количество, размер и форма пластин. Если в угловых частях хор пластины были уложены с запада на восток и зацементированы кладкой, то в средней части они были уложены с севера на юг и опирались на ближайшие пластины угловых участков, соединяясь «в полдерева». Судя по тому, что пластины угловых частей хор были уложены «горбылем кверху», а средняя часть хор, набранная из брусьев, несколько возвышалась над угловыми, имелось основание предположить, что последние в древности сверху покрывались досками, что и было нами осуществлено, несмотря на то, что доски отсутствовали во время работ 1903—1904 годов. Сохранившиеся древние пластины оставлены открытыми для экспозиции. Ограждение хор устроено в виде сплошного барьера из горизонтально сплоченных шпунтованных досок.

Подобные ограждения известны в памятниках древнерусского деревянного зодчества⁵³. Как крепилось ограждение хор в древ-

⁵³ А. В. Ополовников. Памятники деревянного зодчества Карелии Финской ССР. М. 1955. стр. 97, 98, 116, 117.

сти — неизвестно, поскольку следов его на западных столбах обнаружено не было.

Планировка участка охранной зоны была частично произведена в 1958 году. Уровень срезки принят по дневной поверхности строительных работ 1903—1904 годов, т. е. до плит, выстилающих площадку у западного фасада.

Еще в 1956 году предполагалось произвести срезку грунта вокруг памятника с понижением пола внутри храма до изначального уровня. Но оказалось, что нижние части стен, подвергшиеся реставрации в 1903—1904 годах, при срезке грунта необходимо подвергнуть серьезным перекладкам, так как облицовка подземных частей сделана из необработанного дикого камня, значительно выступающего из плоскости стен. Во время подтески или извлечения выступающих камней были бы возможны сотрясения стен, которые могли вредно сказаться на состоянии фрескового грунта, часть которого держится только бортовым креплением. Поэтому срезка земли и понижение пола до полного укрепления фресок не могут быть произведены. В дальнейшем после полного укрепления живописи будет возможно произвести понижение уровня современного пола до древнего и срезку культурного слоя снаружи.

П. И. ЗАСУРЦЕВ, Г. И. ЧИСТЯКОВ, Г. В. БОРИСЕВИЧ, В. П. ТЮРИН

АРХИТЕКТУРНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ УСАДЬБЫ СЕРЕДИНЫ XIII ВЕКА

До недавнего времени существовало мнение, что облик древнерусского города навсегда утрачен для истории. Это объясняется тем, что города в подавляющем большинстве строились из дерева. Опустошительные пожары начисто уничтожали целые улицы и города, при восстановлении которых изменялся характер их застройки.

Экономическое развитие города, его территориальный рост также не мог не отразиться на характере застройки. Невозможно представить древнерусский город как нечто застывшее, раз и навсегда установившееся. Поэтому, проследив картину изменения и развития этого города, мы сможем воссоздать его облик.

Для реконструкции города авторы данной статьи использовали обширный собранный материал: археология, иконография, этнография и литературные источники. Учитывая небольшой объем статьи, мы не можем дать полный разбор всех необходимых материалов и поэтому вынуждены остановиться подробнее на разборе археологического материала. Археологический материал явился той базой, без которой невозможна архитектурная реконструкция древнего Новгорода.

В настоящее время в Новгороде работает крупнейшая в нашей стране археологическая экспедиция. Работы ведутся на Не-

---

Примечание редакционной коллегии.

В публикуемой статье делается попытка дать зрительное представление о внешнем облике новгородской городской богатой усадьбы XIII века. Подобная попытка имеет определенный интерес, ибо она помогает представить себе внешний вид жилых построек древнего Новгорода, от которых к настоящему времени сохранились лишь немногие остатки, раскапываемые археологами. В основе предлагаемой реконструкции лежат обнаруженные в результате раскопок остатки построек, находившихся в XIII веке на пространстве данной усадьбы. Однако, нужно иметь в то же время в виду, что по данному раскопок мог быть точно установлен только план этих построек. Все остальные элементы предлагаемой реконструкции в большей или меньшей мере гипотетичны.

ревском раскопе, расположенном в центре города. Раскопки начались в 1951 году и к настоящему времени общая площадь раскопа превышает 10.000 кв. метров. Толщина культурного слоя равна 7 метрам. Через весь раскоп с севера на юг проходит мостовая древней Великой улицы, которую пересекали улицы Холопья и Козьмодемьянская. Настилы мостовых возобновлялись через каждые 25—30 лет, по мере нарастания культурного слоя. За время с середины X века по конец XV века мостовые возобновлялись 28 раз. При этом новый настил ложился непосредственно на предыдущий, который в большинстве случаев имел хорошую сохранность. Настилы мостовых точно повторяли рельеф местности. Благодаря этому, весь культурный слой на территории раскопа удалось расчленить на 28 ярусов. Ярус—это настил мостовой и соответствующая ему толщина культурного слоя на прилегающих к мостовым усадьбах. Конструкция мостовой с X по XVI век сохранялась одна и та же. Продольно укладывались три лаги из бревен диаметром 18—20 сантиметров, концы которых аккуратно подгонялись друг к другу. Сверху лаг лежали плахи — расколотые пополам бревна диаметром 25—35 см. Плахи лежали плоской стороной кверху, а в горбылях вырубались гнезда для более плотной подгонки к лагам. Ширина мостовой Великой улицы равнялась 4,4 метра. На Холопье — 3,5 м. По обе стороны мостовых вплотную к ним шли частоколы. К мостовым примыкали усадьбы. Термин «усадьба» применен здесь не совсем точно, так как включает в себя еще огородную или садовую землю. На территории раскопа раскрытые участки представляют собой в большинстве случаев дворы.

Двор — это определенная, огражденная частоколом территория со всем комплексом жилых и хозяйственных построек. На раскопе были прослежены периоды, когда отдельные усадьбы представляли собой огород или сад, поэтому в отчетах археологической экспедиции для удобства употребляется только термин «усадьба», которым мы будем пользоваться. Границы этих усадеб определялись в самом начале застройки участка и оставались неизменными на протяжении длительного периода

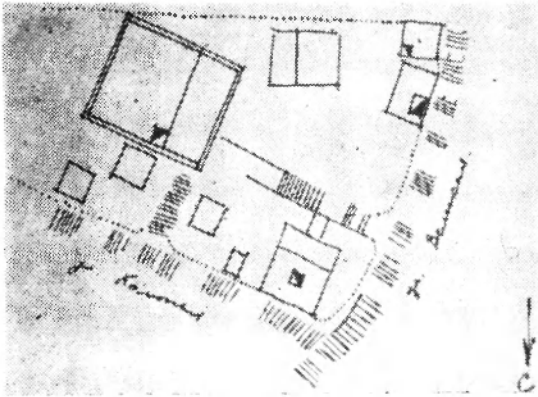

Рис. 1. Реконструкция боярской усадьбы начала XII века

Неревским раскопом вскрыты в той или иной степени территория шестнадцати усадеб. Рассматриваемая нами усадьба расположена к югу от перекрестка мостовых Холопьев и Великой улицы и занумерована литером «Б»¹. Территория этой усадьбы начала застраиваться в конце X века. К началу XI века с появлением Холопьев улицы границы этой усадьбы сложились окончательно. Благодаря сложному рельефу местности, мостовая Великой улицы сильно изгибалась к востоку, а Холопьевей, изогнулась в направлении к северу. Это привело к усложненному трапециевидному плану усадьбы. Площадь усадьбы составляла 1.500 кв. метров. Это самая большая из всех раскопанных усадеб. Застройка ее прослежена нами с конца X до конца XV века. В начале застройки здесь прослеживались две небольшие постройки, жилая и хозяйственная. В течение XI века эта усадьба несколько раз перестраивалась, причем с каждой новой

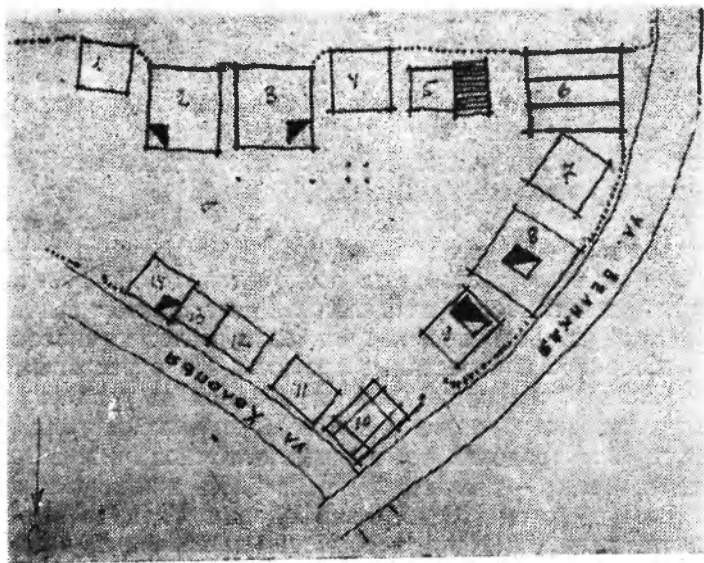

Рис. 2. Реконструкция боярской усадьбы середины XIII века.

перестройкой увеличивались размеры жилых домов. Своих предельных границ усадьба достигла к началу XII века. Дом владельца усадьбы (смотри план, рис. 1) располагался в глубине двора. Два других огромных жилых дома располагались в северной и южной сторонах усадьбы, а юго-западный угол ее занимала

¹ Б. А. Крличин. Топография Неревского раскопа. Труды Новгородской экспедиции. Том 1. МИА № 55. 1956, стр. 45, рис. 2.

небольшая изба и рядом с ней находилась поварня. Пять жилых и хозяйственных построек меньших размеров расположены были в разных углах. План усадьбы и комплексы находок убедительно свидетельствуют о том, что она принадлежала боярину.

Во второй половине XII века застройка резко изменилась. Вместо больших домов предшествующего периода появились маленькие избы площадью 12—15 кв. метров, причем расположены они были тремя гнездами. Совершенно очевидно, что усадьба одного владельца разбилась на три комплекса. Территориально усадьба оставалась единой.

В последующие годы постройки здесь менялись очень часто, а количество их постоянно увеличивалось. К началу XIII века застройка достигла наивысшего предела. Двадцать жилых и хозяйственных построек занимали весь периметр и центральную часть усадьбы.

В первой половине XIII века застройка была упорядочена; все постройки размещались исключительно по периметру, и центральная часть ее оставалась свободной. Такая планировка сохранилась до второй половины XIV века. Это был самый длительный период, когда усадьба сохраняла неизменной свою застройку. На реконструкции усадьбы данного периода мы и остановимся в нашей статье. В последующие периоды эта усадьба также неоднократно перестраивалась.

На изучаемой нами усадьбе наиболее полно представлены типы построек X—XV веков. Планировочное решение усадьбы в каждый период было своеобразно и определялось потребностью хозяйственной деятельности владельца. Для характеристики социального лица усадьбы огромное значение имеют комплексы находок и в особенности берестяные грамоты. По берестяным грамотам определена была принадлежность одной из усадеб, расположенных у перекрестка Великой и Козьмодемьянской улиц, знаменитому роду новгородских посадников, потомков Миши. Во второй половине XIV века — начале XV века здесь жили посадники Онцифор Лукич и его сын Юрий Онцифорович. Усадьба Б. в отдельные периоды принадлежала, несомненно зажиточным владельцам. Берестяные грамоты, найденные в слоях XIII—XIV веков, адресованы кругу лиц, связанных родственными отношениями: братьям Есифу и Фоме, Марине, Матфею, Давыду, Семену и другим. Во многих грамотах, адресованных представителям этой фамилии, имеется обращение «господин», что ясно указывает на принадлежность этих лиц к господствующему классу феодалов.

Многие исследователи древнерусского жилища, в том числе И. Е. Забелин, В. И. Равдоникас и другие, считали, что срубные постройки на протяжении длительного периода с X по XVII век оставались почти неизменными. Их размеры определялись основным модулем — длиной бревна (4—6 м). Увеличение площади построек происходило путем добавления новых срубов. По их мне-

нию не было также существенной разницы между городскими и сельскими постройками.

Открытые на Неревском раскопе постройки дают яркую картину дифференциации их как по размерам, так и по конструкции. Через сравнительно короткие промежутки времени коренным образом менялась вся застройка усадьбы, следовательно, мы не в праве говорить ни об однообразии этих построек, ни об их неизменности на протяжении многих столетий.

Приступая к работе над реконструкциями этих построек, мы имели в своем распоряжении первоклассный археологический материал, который дал ясное представление о функционально-планировочной структуре усадеб. Но, основываясь только на этом материале, мы не смогли бы с достаточной убедительностью и правдивостью сделать реконструкцию построек древнего Новгорода. Необходимо было привлечь все возможные графические и письменные источники.

Особенно ценными источниками оказались иконы и миниатюры с изображениями архитектуры. Как указывает академик И. Э. Грабарь, икона, начиная с идеи и кончая частями

своего композиционного выражения, архитектурна, на изображаемый мир художник смотрит, как на строительство своего благочестивого воображения, потому так всегда архитектурен пейзаж, архитектурна композиция. Передача же объема и иконе дается весьма условно. И в то же время это не плоскостное искусство Востока. Живописная трактовка объемов всегда есть раскрытие лица, складок одежды, архитектуры. Есть в ней и глубина, которая, правда, не рушит плоскости, а, скорее, подчеркивает ее. Она передает три измерения, но из всех трех измерений глубина самая малая, совсем так же, как, например, в архитектуре фасада храма. Все это связано с пониманием, основанном на чувстве архитектуры более чем на чувстве природы. При таком сильном архитектурном чувстве естественна та огромная роль, которую играли изображения архитектуры в русской иконе и которую играет икона при воссоздании древней архитектуры.

Рис. 3. Миниатюра из жития Нифонта, XVI век.

Широко привлекались нами также этнографические материалы, миниатюры и т. п.

Переходим теперь к рассмотрению реконструкции усадьбы. В основу реконструкции положен 12-й ярус Неревского раскопа, датированный серединой XIII века. На плане усадьбы (рис. 2) представлены остатки четырнадцати построек, расположенных по периметру. Со стороны Холопьей и Великой улицы были въездные ворота. Центральная часть усадьбы была свободна от застройки. Постройки тесно примыкают друг к другу. Характер такой планировки особенно подчеркивает замкнутость усадьбы. Все главные фасады домов были обращены внутрь двора. Через двор проходили мощеные дорожки, связывающие дома между собой. Городской характер данной усадьбы подчеркнут тем, что она была застроена, главным образом, жилыми домами. Правда, количество жилых и хозяйственных построек было одинаково, но по своим размерам жилые дома в несколько раз превосходили хозяйственные постройки и, кроме того, эти дома, несомненно, были развиты в высоту.

Остановимся на характеристике каждой из представленных здесь построек. Несмотря на то, что данная усадьба представляла собой единое целое, в ней выделяются несколько групп построек, которые можно связать в обособленные комплексы. В юго-восточном углу усадьбы расположены две постройки (1 и 2), которые, по нашему мнению, оставляли один из таких комплексов. Постройка № 1, квадратная в плане, имела размеры 5×5 метров. Следов печи и пола не было. Вероятнее всего, это была хозяйственная постройка (амбар, так как здесь было найдено много зерна). Эта постройка, вероятно, имела двускатное покрытие тесом. Высота определялась ее функциональным назначением (амбар). Амбар может быть одноэтажным и двухэтажным. Наличие подкладок под стенами свидетельствует о том, что этот амбар был двухэтажным и в этом случае мог иметь галерею над входом. Постройка № 2 имела размеры 7,5×8 метров, сохранился настил пола и печь в северо-восточном углу. Наличие мощной системы подкладок позволяли представить этот дом двухэтажным. Направление половиц с запада на восток определило местоположение входа с восточной стороны, т. е. со стороны амбара. Главный фасад этого дома был обращен внутрь усадьбы. Исходя из этих данных, мы дали реконструкцию его как довольно развитого объема с двускатной крышей и крыльцом на второй этаж. На существование подобных лестниц и переходов указывает И. Е. Забелин. Традиция наружных лестниц и переходов существовала издавна. Об этом свидетельствует рисунок из «Жития Нифонта» (рис. 3).

Следующий комплекс состоял из трех построек (3, 4, 5). Жилая постройка № 3, вероятно, была домом владельца усадьбы. Печь расположена в северо-западном углу. Со стороны двора

около этого дома имелись столбы, которые здесь, несомненно, несли очень развитую галерею с лестницей и крыльцом. Если мы посмотрим на план усадьбы, то нетрудно заметить, что, въезжая на территорию усадьбы, наше движение будет ориентировано на дом владельца. Этот дом является главным композиционным центром усадьбы. Наиболее выразительным вариантом покрытия дома будет «бочка», засвидетельствованная в иконографии с XIII века (рис. 5). «Бочка» покрывалась лемехом, найденным в слоях этого периода. Соответственно с покрытием дома покрытие галереи также должно иметь усложненную форму. Примером галереи на двух столбах и подобным покрытием может служить изображение на иконе XV века (рис. 4). По археологическим данным, печи топилась по черному, но для выхода дыма, особенно в богатых домах, устраивались дымники, конструкция которых хорошо известна по данным этнографии.

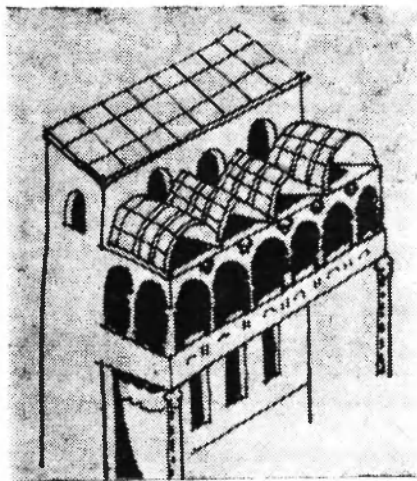

Рис. 4. Изображение здания на иконе „Благовещение“ (из Новгородского Софийского собора).

Рис. 5. Изображение здания на так называемых Лихачевских воротах (Русский музей)

Постройка № 4, входящая в этот же комплекс, имела размеры 6,5×6 метров. Прослежен пол, настланный по направлению с севера на юг. Следовательно, вход в этот дом находился с северной стороны. Признаков печи не обнаружено, так что этот дом мы вправе представить себе двухэтажным или на подклете. Очень широкие половицы говорят в пользу первого предположения. Общее входное крыльцо на четырех столбах явилось связующим элементом с домом владельца. У нас есть основание говорить о

том, что этот дом соединен переходом с повалушей (постройкой № 5). Повалуша среди других построек выделялась особенно мощными подкладками; размеры ее 4,5×4,5 м. В плане это самая малая постройка на усадьбе. В нижнем этаже имелись остатки пола из узких досок, характерных для данного типа построек. По соотношению размеров стен и подкладок, несомненно, это было самое высокое сооружение на усадьбе. Нам представляется, что здесь была повалуша, описание которой дает И. Е. Забелин. Покрытие повалуши в данном варианте мы даем шатровым. С западной стороны к повалуше примыкала небольшая пристройка.

Постройки, выходящие на Великую улицу, в большей части имели хозяйственное назначение. Здесь, в юго-западном углу усадьбы, находился самый большой по площади дом (№ 6), выходивший одним из своих фасадов на Великую улицу. Размеры дома 9×9 метров. Бревенчатые стены, параллельные южной и северной стене дома, делили его на три равные части. Сохранились половицы, которые были настланы в среднем помещении в направлении с запада на восток, а в обоих крайних — в направлении с севера на юг. Из этого следует, что вход в этот дом находился в средней части с восточной стороны. Огромные размеры постройки, наличие подкладок под стенами и внутренние ее членения позволяют предполагать базиликальный характер. Нижний этаж был хозяйственного назначения. Не случайно, что мостовая Великой улицы расширяется у западного фасада этого дома. Нам представляется, что в нижнем этаже этого дома была лавка. Самая верхняя, центральная часть базиликального дома является светелкой.

К следующему комплексу относятся постройки (7, 8 и 9). Постройка № 7 имела размеры 5,5×5,5 метра. Она сохранилась на четыре венца, причем, между третьим и четвертым венцом были врублены переводины пола. Расположение переводин ясно указывает на то, что постройка не могла быть жилой, и к тому же в ней было собрано огромное количество зерна. Несомненно, что это был амбар. В данном случае он реконструирован нами как одноэтажный. Постройка № 8 представляет особенный интерес. Размеры ее составляют 7,5×7,5 метра. В середине находилась печь. Вымостка, проходившая через весь двор, непосредственно примыкала к восточной стене этой постройки, следовательно, ни наружных, ни внутренних сеней не могло быть. В жилых домах древнего Новгорода печи в большинстве случаев помещались в углу. Только в X—начале XI века встречались дома с серединным расположением печи. В последующие века такое расположение печи встречалось только в производственных постройках (пекарня, поварня и т. д.). Несомненно, что и в данном случае перед нами производственное помещение. Среди находок в этой постройке обращают на себя внимание четыре жернова. Конструктивные особенности этой постройки дают основание представить

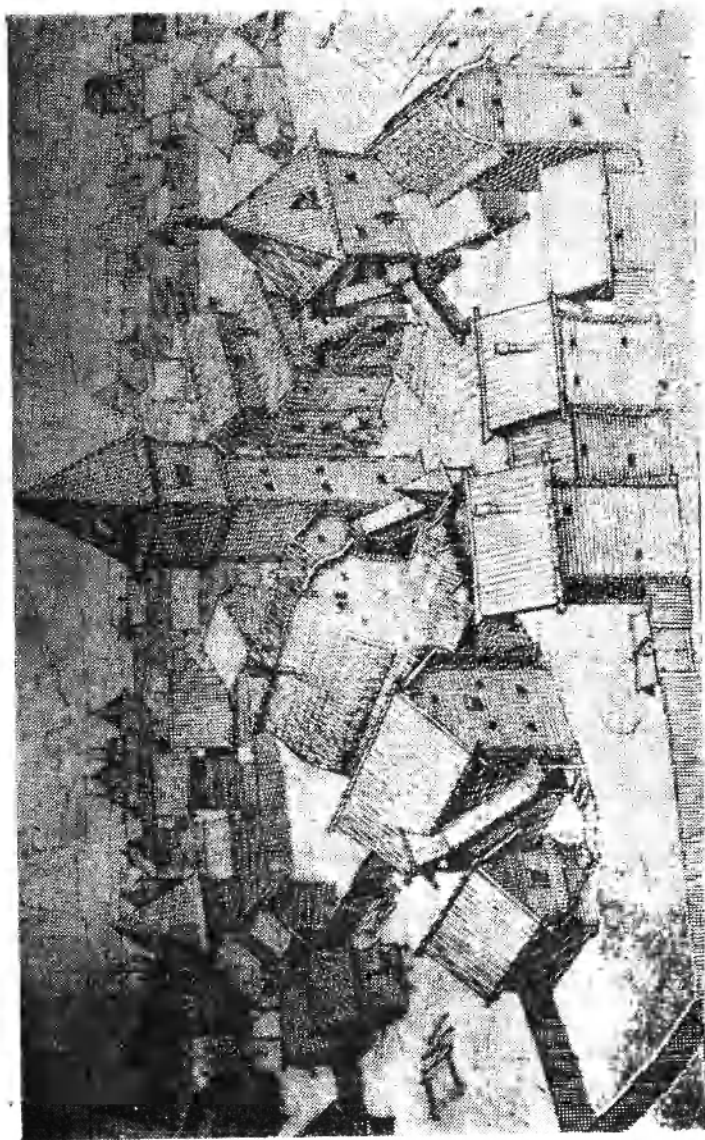

Рис. 6. Обширні види усадьби середини XIII века (реконструкція).

ее двухэтажной. В данном случае нижний этаж представлял производственное помещение, а верхний этаж был жилым. Вход на второй этаж осуществлялся по наружной лестнице с крыльцами. Квадратный план постройки, ее размеры обусловили четырехскатное решение кровли с дымником в центре.

Постройка № 9 имеет размеры 5×6,5 метра. Внутри этой постройки, в западном ее углу, имелся второй сруб размером 2,5×3,5 метра. Примерно половину внутреннего сруба занимала печь, с низкорасположенным подом. Бытовые находки около сруба отсутствуют, но был найден крючок, какие применяются в коптильне. На этом основании мы представляем себе постройку № 9, как коптильню.

В следующий комплекс входят две постройки (10, 11). Постройка № 10 располагалась у самого перекрестка Великой и Холопьевой улицы. Размеры ее 7×5 метров. В отличие от ранее рассмотренных жилых построек, у нее, кроме подкладок под стенами, нижние венцы были скреплены четырьмя взаимопересекающимися бревнами, врубленными на расстоянии одного метра от стен. Мы полагаем, что такая конструкция свидетельствует о значительной ее высоте. Эта постройка была, несомненно, двухэтажным жилым домом. Особенность ее расположения у самого перекрестка улиц требовала более выразительного решения силуэта. Бочкообразное покрытие жилого дома (рис. 6) обусловлено здесь также композиционными соображениями, поскольку этот дом, стоящий на перекрестке, является как бы лицом архитектурного решения этой усадьбы и, с другой стороны, подчеркивает неслучайный характер главного композиционного центра. Постройка № 11, размерами 6×4,5 метра, была хозяйственной.

Наконец, постройки 12, 13 и 14 составили последний комплекс, представлявший собой яркий пример трехкамерной связи (изба, сени, клеть). Изба имела размеры 5×5 метров с печью, расположенной в северо-западном углу, слева от входа. Изба была двухэтажной. Сениями шириной 3,5 метра она связывалась с клетью (постройкой № 12).

Планировка рассмотренной нами усадьбы показывает, что ее территория до предела насыщена постройками. Совершенно очевидно, что при такой тесноте постройки не могли оставаться одноэтажными. В то же время конструктивные особенности планов построек дают основание для реконструкции их объемно-пространственного выражения. Большую роль в работе по воссозданию облика усадьбы сыграли также особенности других источников, привлеченные нами для ее аргументации.

Многообразие представленных здесь построек, входящих в тот, или иной комплекс, по их размерам, конструкциям и функциональному назначению, дают нам яркую картину развитой городской усадьбы.

ПУБЛИКАЦИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ

Н. А. КАЗАКОВА

РУССКО-ГАНЗЕЙСКИЙ ДОГОВОР 1487 ГОДА

Важными вехами в истории новгородско-ганзейских торговых и дипломатических отношений являются договоры. Договоры заключались в результате обычно сложных и длительных переговоров между Новгородом и Ганзой. В них подводились итоги предшествующего развития и санкционировались на какой-то последующий отрезок времени сложившиеся отношения. За каждым договором стояло реальное соотношение сил между Новгородом и Ганзой в соответствующий хронологический период. Изменения в этом соотношении отражались в нормах договоров. Вот почему новгородско-ганзейские договоры являются источниками первостепенного значения для изучения сношений Новгорода с Ганзой.

Новгородско-ганзейские договоры составлялись в двух экземплярах: на русском и немецком языках. Русский экземпляр хранился в Новгороде, немецкий — направлялся в Любек, являвшийся руководителем ганзейского союза. Русских экземпляров новгородско-ганзейских договоров до наших дней дошло немного. Большая часть договоров сохранилась в архивах ганзейских городов в виде подлинников или копий, написанных чаще всего на средненижненемецком языке. Основные публикации договора находятся в немецких изданиях по истории Ганзы: «Hansisches Urkundenbuch» и «Hanserecesse», а также в дореволюционном издании документов по истории Прибалтики: «Liv-Est-und Kurländisches Urkundenbuch».

Редкость этих изданий в наших библиотеках, с одной стороны, и важность новгородско-ганзейских договоров при изучении истории Новгорода, с другой, побудили составителей академического издания сборника актов по истории Новгорода — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»¹ — включить в него все известные новгородско-немецкие торговые договоры с конца XII в. и до падения Новгородской республики (1478 г.). Чтобы

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.

сделать доступным пользование договорами не только специалистам, но и более широкому кругу читателей, тексты договоров, напечатанные на том языке, на котором они сохранились, были снабжены переводами на русский язык.

К сожалению за рамками сборника остался по чисто формальным основаниям (заключен после присоединения Новгорода к Русскому централизованному государству) договор 1487 г. Будучи напечатан только один раз — во втором томе третьей серии «Hanseerecessen» на средненижнемецком языке—этот договор до сих пор почти не известен русским исследователям. А между тем значение его очень велико. Договор 1487 года — последний русско-ганзейский договор, заключенный перед закрытием ганзейского двора в Новгороде (1494 г.). В нем нашли решение некоторые важные вопросы, являвшиеся предметом борьбы Новгорода с Ганзой на протяжении всего XV века. Договор 1487 года в известной степени завершает развитие новгородско-ганзейских отношений XV века; поэтому, его содержание может быть понято лишь с их учетом.

В связи с экономическим подъемом Новгорода, расцветом его внешней торговли и усилением роли купечества в политической жизни Новгорода, с начала XV века в политике Новгорода по отношению к Ганзе наступает новый этап. Новгородское правительство предъявляет Ганзейскому союзу ряд требований, касающихся изменения сложившегося еще в первый период новгородско-немецких торговых сношений (XII—XIII вв.) порядка торговли в Новгороде, выгодного для ганзейских купцов (ганзейцы почти не платили пошлин, имели право продавать свои товары без осмотра, измерения, взвешивания и т. д.). Новгородцы требуют теперь обязательного взвешивания, измерения и осмотра ганзейских товаров, продаваемых в Новгороде, введения на них твердых цен и т. д.

В то же время правительство Новгорода, идя навстречу возрастающей торговой активности новгородских купцов, стремится добиться от Ганзы «чистого пути за море» — гарантии в безопасном проезде на заморские рынки для купцов Новгорода.

Ганза упорно сопротивлялась требованиям Новгорода, настаивая на сохранении выгодной для нее «старинны». Особенно ревностно ганзейские города выступали против предоставления новгородцам «чистого пути за море»: они понимали, что установление непосредственных экономических связей новгородского купечества с западно-европейскими странами нанесет непоправимый удар по монополии Ганзы на посредническую торговлю между Русью и Западной Европой. Обе стороны — и Новгород, и Ганза — подкрепили свои требования запретами торговли, задержаниями купцов и т. д. Но ни у одной из них не хватало сил изменить колеблющееся «status quo» в свою пользу: новгородцы не

могли добиться реализации желаемых ими нововведений, ганзейцы не в состоянии были обеспечить прочное соблюдение «старинны». XV век в истории новгородско-ганзейских отношений прошел под знаком непрекращающихся конфликтов².

После присоединения Новгорода к Москве руководство новгородско-ганзейской торговли перешло в руки правительства Ивана III. Программа великокняжеского правительства по отношению к Ганзе была сформулирована во время переговоров между великокняжескими наместниками в Новгороде и ганзейскими послами в 1487 году. Целью переговоров являлось установление прочного мира между Новгородом и Ганзой, так как хотя срок последнего заключенного в 1472 году на 20 лет мира еще не истек, но переход Новгорода под власть великого князя изменил ситуацию и, кроме того, война Ливонского ордена с Новгородом в 1480—81 годах привела к нарушению новгородско-ганзейской торговли.

Программа, выдвинутая во время переговоров русской стороной, частично повторяла требования новгородского правительства — это касалось порядка торговли между ганзейцами и новгородцами в Новгороде, частично выходила за рамки этих требований — представители великого князя добивались создания выгодных условий торговли, а также личной и имущественной безопасности для новгородских купцов, торгующих в Ливонии. Ганзейские послы настаивали на сохранении «старинны»³. Результатом переговоров явился договор, заключенный в марте 1487 года.

Договор состоит из введения, семи статей и заключения. Во введении сообщается о прибытии в Новгород, «отчину великого князя», немецких послов, от Дерпта бургомистра Тимана Геркена и ратмана Иоганна Гаке, от Ревеля бургомистра Иоганна Рутерта и ратмана Лодевика Круфта, которые от имени 73 немецких городов заключили мир с наместниками великого князя «за всю державу новгородскую» от 25 марта до 25 марта на 20 лет.

Первая статья договора содержит обоюдную гарантию — для немецких купцов в Новгородской земле и для новгородских купцов в Немецкой земле — чистого пути и беспрепятственной торговли, причем указывается, что купцы приезжать и уезжать, а также торговать, должны по старине: «по старым грамотам и

² Политика Новгорода по отношению к Ганзе в XV в. рассмотрена нами в статьях: 1) Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. — ИЗ № 28, стр. 111—131; 2) Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. — ИЗ № 47, стр. 259—290.

³ Отчет послов Дерпта и Ревеля о переговорах в Новгороде в 1487 г. напечатан в Hansisches Urkundenbuch, Bd XI, München.— Leipzig, 1916. № 102; анализ переговоров, также как и договора 1487 г., дан в нашей статье «Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в.» стр. 271—280.

по этой грамоте, по старому крестному целованию и по этому крестному целованию, безо всякой хитрости». Эта статья в том или ином варианте встречается во всех новгородско-немецких договорах, начиная с договора 1189—1199 годов. Повторяемость ее естественна, ибо, взаимная гарантия беспрепятственного проезда и торговли купцов является краеугольным камнем торговых сношений между любыми сторонами. Рассматриваемая с этой точки зрения статья в равной мере отвечала интересам как Новгорода, так и Ганзы. Но взятая в конкретно-исторической обстановке второй половины XV века, в связи с требованиями, выдвигавшимися сначала Новгородом, а после его подчинения Москве великокняжеским правительством, эта статья должна быть признана соответствующей в первую очередь интересам Ганзы, ибо сохранение «старинны» в сфере торговли означало и сохранение в частности! тех условий торговли между новгородцами и ганзейцами в Новгороде, отмены которых добивалась русская сторона.

Вторая статья договора 1487 года гласит, что в случае распри Новгорода с его соседями — Швецией, Орденом или Нарвой — немецкие купцы в Новгороде не должны задерживаться. Эта статья также не является новой: в некоторых из более ранних договоров уже встречается положение о том, что возникновение конфликтов между Новгородом и кем-либо из его соседей (чаще всего имеется в виду Орден) не должно сопровождаться репрессиями по отношению к немецким купцам. Однако реальная ценность этой гарантии была невелика, ибо в исторической действительности интересы Ганзы и Ордена тесно переплетались, а это заставляло Новгород рассматривать их как силы, принадлежащие к одному лагерю, и ответственность за проступки одной возлагать на другую.

Новыми, не встречавшимися в более ранних новгородско-ганзейских договорах, являются третья и четвертая статья. Третья статья касается давно наболевшего вопроса об ответственности Ганзы за ограбления новгородских купцов во время их поездок по морю. Этот вопрос впервые был поставлен новгородским правительством еще в начале 20-х годов XV века в связи с случившимся в 1420 году ограблением новгородских купцов пиратами, происходившими из ганзейских городов. Возникшая между Новгородом и Ганзой распря закончилась подписанием в 1423 году договора, по которому ганзейские города брали на себя ответственность искать ограбленный у новгородцев в 1420 году товар, новгородцы же обещали не подвергать репрессиям немецких купцов из-за товара, который найти не удастся⁴. Согласно

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 62.

буквальному смыслу договора 1423 года действие этого решения на будущее не распространялось.

В дальнейшем новгородское правительство не раз ставило перед Ганзой вопрос о гарантии новгородцам «чистого пути за море». Но достаточной настойчивости в достижении поставленной цели правительство боярского Новгорода не проявляло, опасаясь, ввиду напряженных отношений с Москвой, осложнить положение на Западе. Возможно понимая это, руководство Ганзейского союза в вопросе «о чистом пути за море» для новгородцев заняло непримиримую позицию и на все требования Новгорода отвечало категорическим отказом.

К 1487 году положение изменилось. Ганзе противостояла теперь не Новгородская боярская республика, раздираемая внутренними противоречиями, опасавшаяся потери своей политической независимости, а Русское централизованное государство, возглавляемое великим князем московским. И это решило давний спор об ответственности Ганзы за ограбление новгородцев на море в пользу русской стороны. Согласно третьей статьи договора 1487 года Ганза принимала на себя обязательство отвечать за ущерб, причиненный новгородским купцам на море «злыми людьми» — пиратами. При этом предусматривалось два случая: 1) если «злые люди» являются жителями 73 городов, то есть городов Ганзы, то последние обязаны их искать и, если найдут, казнить, а товар возвратить новгородцам; 2) если же новгородцы пострадали от других «злых людей», то есть не являвшихся выходцами из ганзейских городов, то города, в случае если они получают известие о них, обязаны сообщить великокняжеским наместникам, чтобы те приняли меры для задержания «злых людей» и возвращения товаров новгородцам.

Вторая часть статьи трактует об ответственности Новгорода за ущерб, который может быть причинен немецким купцам в Новгородской земле: наместники великого князя должны искать «злых людей», пограбивших товар у немецких купцов, и если найдут их — казнить, а товар возвратить немецким купцам.

Таким образом, согласно букве договора, обе стороны брали на себя равные обязательства. Но, по существу, эта статья отвечала интересам русского купечества, ибо она удовлетворяла давнее требование Новгорода об ответственности Ганзы за ограбления новгородских купцов на море. Статья включает также существенную для русской стороны оговорку. Вторая часть статьи, обязывающая великокняжеских наместников искать грабителей немецких товаров, заканчивается формулой: «И из-за злых разбойников не должны новгородские купцы задерживаться ни в Риге, ни в Дерпте, ни в Ревеле». Эта формула гарантировала новгородских купцов, находящихся в ливонских городах, от репрессий за ущерб, причиненный немецким купцам в Новгороде. В случае же ограбления новгородских купцов на чужбине немецким купцам, находящимся в Новгороде, подобной гарантии статья не давала.

К рассмотренной статье примыкает по содержанию следующая, четвертая статья договора, также являвшаяся, как мы уже отметили, новой для формуляра новгородско-ганзейских договоров. Как и третья статья, она касается вопросов, связанных с заморскими поездками новгородцев. Так как новгородские купцы во время поездок по морю часто пользовались судами совместно с немецкими купцами, то в случае пропажи товара из-за кораблекрушения, грабежа или еще по какой-нибудь другой причине, между немцами и новгородцами легко возникали споры из-за дележа оставшегося товара. В XV веке в связи с ростом внешней торговли Новгорода и увеличением поездок новгородских купцов за море, такие споры стали особенно частыми. С целью их ликвидации статья устанавливала определенные правила дележа товара: что останется после несчастного случая, немец должен делить с новгородцем, соответственно доле товара, принадлежавшего каждому из них⁵.

Пятая статья договора 1487 года являлась (в своих различных вариантах) такой же обязательной для всех новгородско-ганзейских договоров, как и первая. Если первая статья содержала обоюдную гарантию беспрепятственного проезда и торговли для купцов обеих сторон, то пятая статья давала такую же гарантию в отношении суда: немцам в Новгороде, как и новгородцам в немецких городах, надлежало «исправу дать по всем обидным делам по старому крестному целованию и по этому крестному целованию, по старым грамотам и по этой грамоте безо всякой хитрости»; кончалась эта статья также часто встречающимся в формуляре новгородско-ганзейских договоров указанием на то, что «во всех делах истцу знать истца по крестному целованию».

С пятой статьей связана по своему содержанию седьмая статья договора. Цель ее — защита купца, находящегося на чужбине, от насилий со стороны местных властей; статья устанавливает, что купца, находящегося на чужбине (как новгородского, так и немецкого), нельзя ни в клеть сажать, ни в погреб, ни заключать в оковы, но следует ему «дать исправу» по крестному целованию. Эта статья встречается в несколько иной форме в более ранних договорах.

Шестая статья договора 1487 года предусматривала приезд в Новгород во время действия договора послов от ганзейских городов для переговоров об «обидных делах» купцов. Имелось в виду, очевидно, урегулирование путем переговоров различного рода конфликтов, постоянно возникавших в практике русско-ганзейской тор-

⁵ Данное нами ранее толкование этой статьи: «что останется после несчастного случая, немец должен делить с новгородцем поровну» (ИЗ № 47, стр. 218), является неверным. В настоящей работе мы используем указание И. Э. Клейнберга о том, что средненижнемецкое «*na partall*» соответствует латинскому «*pro rata parte*» и должно переводиться — «соразмерно доле каждого» (И. Э. Клейнберг. Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв. — Сб. «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 354).

говли: «а договорятся немецкие послы с великого князя наместниками в отчине великого князя, в Великом Новгороде, обо всех обидных делах купцов, то добро». В случае неудачного исхода переговоров послам гарантировался «чистый путь, приезжать и отъезжать, безо всякой хитрости».

В заключении указывается, что на договорной грамоте должны крест целовать немецкие послы, а с русской стороны — бояре и купеческие старосты. О крестоцеловании в грамоте говорится как о последующей процедуре. Заканчивается же договорная грамота указанием на то, что наместники великого князя к ней свои печати привесили и руку дали и немецкие послы также свои печати привесили.

Сравнение содержания договора с программой, выдвигавшейся русской стороной во время переговоров, показывает, что в договоре нашла отражение лишь часть этой программы. При заключении договора представители великого князя отказались от требований, направленных к изменению порядка торговли между новгородцами и ганзейцами в Новгороде и от большинства требований, имевших целью устранение помех для заграничной торговли новгородцев. Более того, великокняжеские представители согласились на включение в договор гарантии «старины» в вопросах торговой деятельности купцов и их юридического положения.

Отступление от первоначальной программы было связано, вероятно, с внешнеполитическим положением Руси. В 80-х годах XV века после присоединения Великого Новгорода и освобождения от татарского ига главной внешнеполитической задачей великокняжеского правительства становится обеспечение безопасности восточной и южной границ Русского государства, без чего был немислим переход к активной политике на Западе⁶. Весною 1487 года, как раз в то время, когда в Новгороде велись переговоры с ганзейскими послами, Иван III был занят подготовкой к решающему наступлению на Казань. При этих условиях вполне правдоподобно предположение о том, что по получении вестей из Новгорода о нежелании немецких послов принять русский проект договора в полном объеме, великий князь дал указание пойти на уступки, чтобы не осложнять положение на западных границах.

И тем не менее, несмотря на эти уступки, договор 1487 года свидетельствует о значительном переломе в русско-ганзейских отношениях.

Этот перелом нашел свое выражение уже в формуляре договора. Если прежние новгородско-ганзейские договоры начинались с формулы: «Приехали немецкие послы в Великий Новгород к преосвященному архиепископу Великого Новгорода... и к посаднику... и к старым посадникам, и к тысяцкому... и ко всему Нов-

⁶ К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 169—220.

городу... и немецкие послы... руку взяли у посадника новгородского...⁷,—то договор 1487 года начинается с обычного для дипломатических документов, вышедших из канцелярии великого князя, введения: «По божьей воле и по велению великого государя... приехали немецкие послы... и били челом... и докончали мир». За разными формулировками скрывались разные воззрения на положение договаривающихся сторон. Прежняя формула новгородско-ганзейских договоров исходила из равенства обеих сторон. Формула договора 1487 года подчеркивала приниженное неравное положение немецкой стороны. Вот почему во время предварительных переговоров вопрос о включении в договор формулы о «челобитьи» вызвал упорные возражения немецких послов; но в конце концов они вынуждены были с нею согласиться.

Еще больше о потере Ганзой ее позиций свидетельствует включение в договор статьи об ответственности Ганзы за ограбления, случившиеся с новгородцами во время поездок их по морю. Принятие Ганзой этой ответственности означало по существу согласие ее на предоставление новгородцам «чистого пути за море», то есть реализацию того требования, которого новгородцы добивались безуспешно в течение более чем полувека. Осуществление этого требования оказалось под силу только правительству Русского централизованного государства.

Договор 1487 года важен не только как итог развития новгородско-ганзейских отношений, но и как показатель политики московского правительства по отношению к Новгороду. Договор, так же как и предшествующие ему переговоры, наглядно показывает, что великокняжеская власть отнюдь не ставила своей целью подрыв новгородской торговли. Напротив, она стремилась к созданию максимально благоприятных условий для развития внешней торговли новгородского купечества, ставшего теперь частью купечества общерусского.

Ниже мы даем перевод текста договора 1487 года, изданного в Hanserecesse по копии, изготовленной в 1510 году для посольства Иоганна Роде в Москву; копия хранится в городском архиве Любека⁸. При переводе мы руководствовались принципами, положенными в основу переводов немецко-русских договоров в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова», и стремились формулы и термины немецкого текста заменять соответствующими формулами русских текстов новгородско-ганзейских договоров. напр. немецкое «приезжать... по воде и по земле» (sall kometen... unnd to wather to lande) передано «приезжать... водою и горою», немецкое «дать право» (recht geven) в значении «судить»

⁷ См. например, договор 1436 г. — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 67, стр. 110.

⁸ Hanserecesse, 3-te Abteilung, Bd. 11, Leipzig, 1883, № 136.

переведено «дать исправу», немецкое «бургомистр» заменено русским «посадник» и т. д.; соответственно немецкие названия городов Тарту и Таллина — Дерпт и Ревель переданы русскими названиями их — Юрьев и Колывань.

1487 г. март — Договорная грамота Новгородца с ганзейскими городами о 20-летнем мире.

По божьей воле и по велению великого государя царя русского великого князя Ивана Васильевича всея Руси и его сына великого князя Ивана Ивановича всея Руси. Сюда в отчину великого князя, в Великий Новгород, к наместникам великого князя в Новгороде, Якову Захарьевичу и Юрию Захарьевичу, к боярам и жителям людям, к купеческим старостам и к купцам, и детям купеческим, и ко всему Новгороду, отчине великого государя царя русского, приехали немецкие послы: от Юрьева посадник господин Тиман Геркен и господин Иогани Гаке, ратман, от Колывани посадник господин Иогани Рутерт и господин Лодевик Круфт, ратман, приехали послами от Любека, от Риги, Юрьева и Колывани и от 73 городов на сем поморье и заморских, и от всех купцов и всех немецких купеческих детей, и били челом великому государю царю Руси и наместникам в Великом Новгороде, Якову Захарьевичу и Юрию Захарьевичу, и докончали мир за 73 города немецких с наместниками великого государя в Новгороде, в отчине великого государя царя русского, и за всю державу новгородскую от благовещения до благовещения на двадцать лет, на следующих условиях.

Немецкому гостю приезжать в Великий Новгород со своим товаром водою и горою, торговать по старине, и путь иметь чистый, приезжать и отъезжать, по старым грамотам и по этой грамоте, по старому крестному целованию и по этому крестному целованию, безо всякой хитрости. Также новгородскому гостю и новгородцу ездить в Немецкую землю, в ее города, со своим товаром горою и водою, торговать по старине, приезжая и отъезжая по чистому пути, по старому крестному целованию и по этому крестному целованию, безо всякой хитрости.

А возникнет распря между шведами и великим государем, его отчиной Великим Новгородом, или между магистром, или с жителями Нарвы, немецкого купца из-за этого не задерживать.

А случится новгородскому купцу зло на море от злых людей, которые являются жителями 73 городов, то 73 городам их искать; а найдут они злых людей, то казнить их смертью и новгородскому купцу его товар возвратить. Если же случится зло от других злых разбойников, и 73 города узнают (об этом), то сообщить им о разбойниках наместникам великого государя в Великом Новгороде, отчине великого государя, по крестному целованию; а сумеют они схватить злых людей, то казнить их смертью и новгородскому купцу его товар возвратить. Также если случится ущерб в Новгородской земле немецкому купцу или его товарам, то наместникам великого князя в его отчине, в Великом Новгороде, искать злых людей; а найдут они злых людей, то казнить их смертью и немецкому купцу товар его возвратить. И из-за злых разбойников новгородских купцов не задерживать ни в Риге, ни в Юрьеве, ни в Колывани.

А захочет новгородец погрузить свой товар вместе с немцем на один корабль или лодью, и случится зло или ущерб товарам на море, то немцу с новгородцем делить всегда, что останется, соразмерно доле каждого, без хитрости, по крестному целованию, с обеих сторон.

И великого государя наместникам в Великом Новгороде, в отчине великого князя, в Великом Новгороде, исправу дать немецким детям, по всем обидным делам по старым крестным целованиям, по этому крестному целованию, по старым грамотам и по этой грамоте, безо всякой хитрости. Также немцам из 73 городов исправу дать великого князя отчине, Великому Новгороду, и купцам в Великом Новгороде и купеческим детям по всем обидным

делам по старым крестным целованиям и по этому крестному целованию, по старым грамотам и по этой грамоте, безо всякой хитрости; и во всех делах истцу знать истца по крестному целованию.

И в течение этого мира, который они заключили с наместниками великого князя в отчине великого князя, в Великом Новгороде, с немецкими детьми, чьи имена стоят в этой грамоте, приезжать в Великий Новгород честным людям, немецким послам от заморья и от сего поморья, от 73 городов, приезжать в Великий Новгород, чтобы говорить обо всех обидных делах купцов; а договорятся немецкие послы с великого князя наместниками в отчине великого князя, в Великом Новгороде, обо всех обидных делах купцов, то добро; а не договорятся, то послам иметь на обе стороны чистый путь, приезжать и отъезжать безо всякой хитрости, по старым крестным целованиям и по этому крестному целованию, по старым грамотам и по этой грамоте.

А немцам не причинять новгородскому купцу никаких насиллий, ни в клеть сажать, ни в погреб, ни заключать в оковы, без исправы, по крестному целованию. Также наместникам великого князя в Новгороде немецкого купца ни заключать в оковы, ни мучить, без исправы, с обеих сторон безо всякой хитрости, по крестному целованию.

На всем этом и на этой грамоте по велению государя царя русского, наместников великого государя в Новгороде, Якова Захарьевича и Юрия Захарьевича, крест целовать великого князя боярам новгородским, Григорию Михайловичу, Кузьме Остаховичу, и купеческим старостам, Ивану Елезаровичу, и Никите Леонтьевичу, за всех новгородцев, за отчину великого государя царя русского; также немецким послам крест целовать, от Юрьева посаднику господину Тиману Геркену и господину Иоганну Гаке, ратману, от Колывани посаднику господину Иоганну Ругерту и господину Лодевику Круфту, ратману, по приказу 73 городов за всех купцов немецких и за всех немецких купеческих детей, с обеих сторон, справедливо, без хитрости. И к этой грамоте наместники государя великого князя царя русского в Новгороде, Яков Захарьевич и Юрий Захарьевич, свои печати привесли и руку дали и немецкие послы 73 городов, от Юрьева господин Тиман Геркен, посадник, и господин Иоганн Гаке, ратман, от Колывани посадник господин Иоганн Ругерт и господин Лодевик Круфт, ратман, свои печати здесь привесли в году 1487 в марте

М. А. МАКИНА

О ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Богато и разнообразно идейное содержание нашей древнерусской литературы; идеи патриотизма, гуманизм, народность, большое социальное звучание свойственны нашей литературе XI—XVII веков.

Литература древнего Новгорода, наряду с литературой Киева — древнейшая у нас на Руси. В ней особенно сильны демократические тенденции, что несомненно объясняется особенностями политического устройства Новгорода XI—XV веков, а в дальнейшем — его традициями.

В настоящей статье мы рассмотрим два произведения Новгородской литературы, мало исследованные в литературном отношении: поучение Ильи-Иоанна (1166 г.) и так называемый «Новгородский хронограф XVII века».

I.

Поучение Ильи-Иоанна интересно в идейном и художественном отношении. Прежде всего обращает на себя внимание образ самого автора — архиепископа Иоанна, одного из самых популярных новгородских архиепископов¹. В образе автора привлекает скромность и вместе с тем глубокое сознание своей ответственности за порученное ему дело. Илья-Иоанн говорит о том, что он чувствует себя недостойным того «великаго сану», которым его облекли, но коль скоро он уже занимает этот высокий пост, он и будет действовать в соответствии со своим представлением о долге «владыки». Сознание долга заставляет его выступить перед священниками Новгорода с данным поучением — таков смысл вступления Ильи-Иоанна к своей проповеди: «не о собе бо се глаголю, но нудить мя святое писание, еже нарекшися пастуху не

¹ О том, что Илья-Иоанн пользовался большой популярностью, свидетельствует тот факт, что с его именем связаны многие новгородские легенды позднейших времен, например, легенды о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим, причем часто с именем Иоанна связываются даже события, современником которых Иоанн не был.

мълчати»². Иоанн «не молчит» потому, что видит в священниках, к которым он обращается, силу, способную влиять на «человечество» и, поучая попов, он убежден в том, что выполняет не только свой церковный долг, но и долг перед отечеством: «... Да не моим небрежением ввидеть вы в слабость, а от вас в чьловьчество, и аз буду вина всему отчеству своему, и вы в моем перодстве погыбнете душами: то за что ся буду и родил?»³.

Естественным следствием патриотизма Иоанна в условиях демократического устройства Новгорода XII в. является демократизм и редкая для средневековья гуманность его поучения. Иоанн выступает в своей проповеди как защитник бедных, сирот и женщин, причем не на словах, а на деле. Он призывает священников не накладывать тяжелых епитимий на сирот, не заставлять поститься слабых здоровьем и детей, не разрешать кланяться до земли и стоять на коленях беременным женщинам, чутко относиться к женщинам на поведи⁴, бережно обращаться с детьми во время крещения: «Не мозите обливать детнй, но погружайте, а съсуд чист дръжите на то»⁵. Очень большое место Иоанн отводит защите бедных людей и обвинению богатых, добывших свое богатство неправедными путями. Он призывает «творить милостьню», помогать нуждающимся, причем, высоко расценивает ту милостьню, которая творится «ог правого имения», а не от «неправедного добытка».

Вместе с тем поучение Иоанна — не отвлеченное рассуждение благодушного владыки, нет; некоторые проступки людей вызывают его гнев, и он требует за эти проступки серьезных наказаний. И здесь тоже проявляется его демократизм: так, самого строгого наказания заслуживает, по его мнению, ростовищичество попов: «А и еще слынию и другия попы наим емлюще, еже священичьску уму чину отинудь отречено... кого ли уведет, то и кун лишу, и в казни будеть от мене»⁶. Таким образом, наиболее резкое осуждение в устах Иоанна получает порок, от которого более всего страдала новгородская «чадь» — ростовищичество.

Иоанн не любит говорить отвлеченно, он насыщает поучение конкретным материалом из жизни современного ему Новгорода. Так, говоря о пороках новгородского населения, он упоминает о пьянстве и о нарушении клятв, даваемых на кресте: «Видите бо обычай в граде семь, оже насиливо пьють; даже любо си и пыле

---

² А. Павлов. Незданный памятник русского церковного права XII века. СПб, 1890, стр. 13.

³ Там же.

⁴ «А егда приходят дети к вам на покаяние, мужи и жены, вырощайте самех: нужно бо есть человеку, еже самому начяти и молвити своя грехи. оже мужем, а женам то велми тяжко...», там же, стр. 16.

⁵ Там же, стр. 20.

⁶ Там же, стр. 16.

(т. е. в великий пост, когда Иоанн выступает с поучением — М. М.) не возбороним им, то како говение управлять?»⁷. И ниже: «Бороните же людям крестьнаго целования: вы бо сами ведаете, оже в нашемъ граде мнози гибять в том»⁸.

Замечательно поучение и по своей форме. Поучение написано чистым русским языком. Не считая традиционных для подобного жанра цитат из Евангелия, в стиле поучения почти нет книжных элементов. Идейному содержанию (идеи патриотизма, демократизма, гуманности) отвечают художественные средства памятника. Иоанн облёк свое поучение в форму непосредственной, живой беседы с аудиторией. По сравнению с поучением новгородского списка Луки (XI век) это значительный шаг вперед к гибкости и подвижности художественной формы. Чувствуется постоянный внутренний диалог Иоанна со слушателями. Он то обращается к ним («братне», «сами бо сведаете», «вы сами ведаете, оже наша земля недавно крещена»⁹), то спрашивает их о чем-либо («но повелите милостыню вдати за поклон по силе, како кто мога; или пақы кто убог, то где взяти?»¹⁰), или высказывает вслух предполагаемый ответ ему священников («речем бо ли тако: «попы есмы, да тем избудем муки») и тут же возражает им («не мни, яко избудем, но тако боляши ны есть мука всех»¹¹). Все эти приемы Иоанна создают впечатление живой беседы с аудиторией.

Характерная особенность стиля поучения — обращение к народным высказываниям, к народной молве. В таких обращениях появляются разговорные интонации и просторечные выражения. Так, видя пьянство священников, люди могут сказать: «А попы чему творять?». Разговорным языком выражаются и попы в их предполагаемых Иоанном возражениях ему: «а не рците тако: «аже останемся поповьства, а помирати ны будеть гладом»^{11 а}.

Наконец, разговорный характер носит в большинстве случаев язык самого автора, причем, этот характер проявляется не только в лексике, но и в синтаксисе, в частности, в укороченных, типично разговорных оборотах, например: «А о церковномъ сточнии сваритесь на люди, от мълчать, напаче же на жене: отинудь бо не ведаемся, почто ходяче»¹².

Поучение Ильи-Иоанна с его патриотической и демократической направленностью является яркой иллюстрацией для характеристики новгородской литературы и искусства периода республики.

⁷ Там же, стр. 22—23.

⁸ Там же, стр. 24.

⁹ Там же, стр. 20.

¹⁰ Там же, стр. 22.

¹¹ Там же, стр. 16.

^{11-а} Там же, стр. 21.

¹² Там же, стр. 26.

II

Новгородский летописный свод 1680 года, известный под названием «Новгородский хронограф XVII в.»¹³, является основным памятником новгородской литературы XVII века.

Новгородский свод 1680 года отличается от новгородских летописей XI—XV веков ярко выраженной общерусской идеей, интересом к жизни всей России, наличием постоянных сообщений о событиях государственной важности.

В сообщениях начала XVII века очень сильно звучит патристическая идея необходимости отпора иноземцам. Общерусский характер идеологии летописца проявляется также в явном осуждении, с которым автор относится к тем, кто противится великокняжеской власти. Например, «непокорливых псковичей», нежелающих подчиняться великому князю, летописец называет «окаянными» и «безумными»¹⁴. Летописец приписывает им гордость, жестокость и другие отрицательные качества; так, например, псковичи зверски мучат московских дворян, попавших к ним в плен, а затем, привязав через седло, отпускают в полк великого князя, «и того бысть не творят и иноземнии люди»¹⁵.

Вместе с тем, летописный свод 1680 года ярко отражает атмосферу жизни самого Новгорода. В Новгороде в XVII веке классовая борьба протекала особенно остро в связи с тем, что здесь «мелкому люду противостояла переселенная из Москвы боярско-купеческая верхушка, стремившаяся захватить в свои руки как можно больше из бывшего богатства этого города»¹⁶. Антибоярские взгляды этих «молодых людей» и выражает Новгородская летопись XVII века.

Демократизм Новгородского свода 1680 года проявляется прежде всего в тематике записей: летописец сообщает о пожарах, наводнениях и других народных бедствиях, о народных волнениях в городе и т. д. Особенно важно отражение классовой борьбы в летописи. Так, например, под 1650 год летописец записывает: «Марта ж в I день бысть в Великом Новеграде и во Пскове велие смятение в людех, смугишася меж себя, якож пьянии, в то время дворы многие пограбиша: гостя Семена Стоянова, Михаила Вязмина, Василья Варварина, Василья Проезжалова, Андрея Земскова...»¹⁷. Очень подробно описываются события, затрагиваю-

¹³ Наиболее известен список этого свода, хранящийся в ГИМ, Забелинское собрание, № 261. Часть этого свода опубликована М. Н. Тихомировым. (См. М. Н. Тихомиров, Новгородский хронограф XVII в.— «Новгород. историч. сборник», вып. 7. Новгород, 1940).

¹⁴ Там же, стр. 78.

¹⁵ Там же, стр. 79.

¹⁶ Д. С. Лихачев, Русские летописи, М, 1947, стр. 386.

¹⁷ М. Н. Тихомиров, Ук. соч., стр. 77.

шие все новгородское население, например, под 1653 годом рассказывается, к каким последствиям приводит выпуск медных денег и о казнях фальшивомонетчиков.

Потрясающе показан в летописи 1680 года тяжелый труд народа. Летописец говорит о том, что церкви Новгорода часто строились буквально на костях простых людей. Так, под 1671 годом летописец рассказывает о строительстве церкви Богоявления: «И тое строение строили в чепех и стулы волоча, кирпичь и извисть носиша с великим томлением и со слезами, что многим не в мочь и не в силу»¹⁸.

Многие записи свода 1680 года рисуют перед нами и другую сторону народной жизни того времени — темноту, непросвещенность народных масс, рабский страх перед явлениями природы. Каждое «знамение» (затмение солнца, северное сияние и т. д.) кажется им предвещающим что-то недоброе. Так, под 1668 годом в хронографе записано: «Бысть знамение на небеси, солнце портилосе в третьем часу дни, багрово и зелено и желто, и того времени бысть полчаса. А которые многие людие видеша и глаголаша: не просто сие знамение бысть»¹⁹. Под 1670 годом летописец повествует: «Генваря в 9 день в ноци в третьем часу бысть знамение страшно вельми: отверзеся небо и бысть яко пламя и искры расыпашася. И от того страшнаго видения, кто видел, и те людие не могоша стояти бывшего ради страховання и падоша на землю ...»²⁰.

При чтении хронографа XVII века перед глазами встают люди, замученные тяжелым трудом, лишенные какой-либо надежды, кроме надежды на бога, и тем не менее время от времени восстающие на своих господ, и тогда начинающие «велие смятение».

Демократизм новгородского свода 1680 года ярко отразился в одной очень характерной легенде, включенной в летопись под 1672 годом. Хотя летописец предупреждает, что сказание это получено из Праги и, следовательно, не является русским по своему происхождению, однако само помещение этого сказания уже является яркой характеристикой социальных симпатий автора летописи.

В легенде рассказывается о том, что в чешском королевстве жила некая вдова, оставшаяся после смерти мужа с пятью детьми. Вдова не в состоянии была платить тяжелые дани своему господину, и тогда господин отобрал у нее единственное ее имущество — корову, обрекая этим на голодную смерть вдову и сирот. В тот же день у него в стаде пало 60 животных. Разгневавшись, он стал кормить вдову и детей мертвечиной, говоря: «Не

¹⁸ М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 107.

¹⁹ Там же, стр. 105—106.

²⁰ Там же, стр. 106.

поможет ей бог». Но бог покарал его: немилосердный господин превратился в большого мохнатого пса, и ныне возят его в клетке и кормят той же мертвячиной.

Ненависть к богатым, жажда об отмщении их злодеяний звучит в этой легенде²¹.

Демократизм характеризует не только содержание, но и художественные особенности летописи. Летопись написана языком, близким к разговорному, содержит много реалистических деталей, простых и конкретных. Автор не стесняется употреблять простые народные слова и выражения.

Повествование пересыпано конкретными деталями, свидетельствующими о том, что события излагает их очевидец: так о пожаре 1674 года автор сообщает, что он начался «во вторник в полночь»²².

Под 1653 годом так повествуется о строительстве каменного храма: «В Великом Новеграде на Торговой стороне начаша строити в Рагодовицком монастыре храм каменной болши старого, а старой разобраша, и как зделали и выняша подпоры и дуги, и в то время и падеся. А плотников мало бог соблюде, не до смерти убило»²³. Так же прост и конкретен рассказ о падении Евфимиевского «столпа» с часами²⁴. Говоря о приезде митрополита Иоакима в Новгород в 1672 году, автор уточняет, что он приехал «в санех»²⁵. Сообщая о наводнении 1650 года, летописец указывает, что от воды «во многих монастырех и келиях жити нелзе»²⁶ и т. д.

Летописец XVII века любит подробное, обстоятельное изложение событий, он обеспокоен тем, чтобы его правильно поняли, и в объяснение событий вкладывает все свои знания современника и очевидца. Говоря о том, что больные люди, желавшие получить исцеление от «Спасова образа», который был нарисован на городских воротах на Павловой улице, целовали кресты, расположенные по обеим сторонам ворот, автор считает нужным пояснить, почему они не целовали сам Спасов образ: «А ко Спасову образу в то время прикладыватца не уметь было для того, что высоко. а крыльца и лествицы не бысть»²⁷.

Язык летописи XVII века в силу своей близости к народному отразил даже фонетические особенности новгородского диалекта,

---

²¹ Текст сказания см. в «Новгородском историческом сборнике», вып. 7, 1940, стр. 108—109.

²² Там же, стр. 111.

²³ Там же, стр. 85.

²⁴ Там же, стр. 107.

²⁵ Там же, стр. 109.

²⁶ Там же, стр. 80.

²⁷ Там же, стр. 71.

в частности произнесение в ряде слов звука «у» вместо «о», например: «укуричны»²⁸, «убедал»²⁹ и т. д.

В речи летописца, как и в устной речи XVII века, появляются иностранные слова: «райтары», «драгуны», «салдаты»³⁰.

Так в этом памятнике XVII века во всей силе и чистоте воскресают традиции новгородской литературы — демократизм содержания, простота формы, близость к народному языку.

Никакое влияние книжной литературы, никакая политическая и церковная тенденциозность не смогли изгладить этих славных традиций литературы древнего Новгорода, выросших и окрепших в обстановке демократического вечского строя и перенесенных новгородскими писателями в литературу XVII века, стоящую в преддверии новой литературы.

Не только два проанализированных нами памятника, но все содержание новгородской литературы XI—XVII веков убеждает нас в большой внутренней связи со всей русской литературой этого времени, литературой мужественной, демократической, исполненной любви к своему отечеству.

---

²⁸ Там же, стр. 96

²⁹ Там же, стр. 89.

³⁰ Там же, стр. 94.

А. В. ВОРОБЬЕВ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ТОПОГРАФИИ НОВГОРОДА ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ XVII ВЕКА

Публикуемые ниже документы XVII века извлечены из фонда «Приказные дела старых лет», хранящегося в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. Они представляют собою росписи отдельных участков города или отписки и челобитные воевод на запросы правительства.

Документ № 1 — Роспись Софийской стороны Великого Новгорода 1632 г. — дает описание местонахождения каменных церквей на Софийской стороне с указанием улиц и их древних названий. Одновременно роспись отмечает количество жилых дворов на той или иной улице и особо отмечает все пустыри, огороды и сады. Часто роспись точно указывает расположение той или иной каменной церкви в отношении внешнего земляного вала и Малого земляного города. Многие из упомянутых в росписи церквей сохранились до наших дней. Все это дает основание считать роспись важным документом по восстановлению планировки древнего Новгорода.

В этой росписи на Софийской стороне в пределах Большого окольного города значится 32 церкви, из них 28 каменных и 4 деревянных; в том числе 4 каменных церкви находились в разрушенном состоянии. Жилых дворов посадских людей, келий, крестьянских дворов и др. было 152.

Документ № 2 — Роспись дворов, находящихся на территории Малого земляного города в Новгороде, 1693 года¹ — интересен тем, что он дает не только размеры площади, занятой тем или иным двором, но перечисляет поименно владельцев каждого дома и их социальное положение. Роспись указывает и те документы, на основании которых двор содержится.

Документы №№ 1 и 2 дают возможность проследить изменения в количестве и составе населения на территории Малого земляного города за 60 лет. Так, в 1632 г. здесь насчитывалось 228 дворов (документ № 1), в 1693 г. — всего 54 двора (документ № 2), т. е. — за 60 лет количество населения уменьшилось на 174 двора. Изменился и социальный состав владельцев дворов. Если в 1632 году здесь селились только люди военные, стрельцы, то в 1693 году из 54 дворов военных только 9, а все остальные принадлежали различным слоям населения.

Документы №№ 3—5 извлечены из переписки новгородских воевод с правительством в 1693 г. по вопросу об освобождении территории Малого земляного города от жилых построек, мешавших содержать в боевой готовности стену, вал и ров Малого города. Новгородский воевода хотел перенести жилые дворы из Малого земляного города на территорию Государева сада, находящегося на Славенской улице на Торговой стороне, а на их место пере-

¹ О Малом земляном городе см.: А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, № 31, М. 1952, стр. 7—132; С. Н. Орлов и А. В. Воробьев. Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959.

У земляного ж у Меньшого валу у Никольских у Розважских ворот у самого рва церковь каменная. Четыредесят мученик; а у той церкви пенье есть. А против церкви двор поповской.

А от тое церкви Четыредесят мученик до камене до пустые церкви Георгия страстотерпца, что на большой на проезжей улице, по пустым по огородным местам по мере 210 сажен. А та церковь Георгия страстотерпца обрушилась и стена развалилась, осталось 3 стены. Да у тое ж церкви храм деревяной с трапезою Рожество пречистые богородицы пуст (л. 179).

А от того от пустого храму от Георгия страстотерпца до камене церкви до Якова апостола, что на Яколе улице, по пустым по огородным местам по мере 23 сажени; а у тое церкви пенье есть.

А от церкви Якова апостола по Яколе ж улице до приходные до камене церкви Николы чудотворца порожжего места 16 сажен; а у тое церкви пенье есть (л. 180).

А от тое церкви Николы чудотворца по той же Яколе улице до камене церкви Великомученика Пантелеймона, где лежит Никола чудотворец Качанов, порожжего места 6 сажен; а у церкви Великомученика Пантелеймона пенье есть. А у тех у трех церквей по обе стороны 3 двора посацкие, да двор Вязитцкого монастыря.

А от церкви Великомученика Пантелеймона по Яколе же улице до камене церкви Мини великомученика по пустым по огородным местам по мере 115 сажен; а у той церкви пенье есть. Тут же храм деревяной с трапезою Мары Магдалыни пуст. У тое ж церкви двор поповской, да двор посацкой (л. 181).

А от церкви Мини великомученика до земляного до Большого валу садовых и огородных пустых мест 223 сажени. От земляного ж от Меньшого валу до другою быка, что меж Розважских и Чюдинцовских ворот, к земляному к Большому валу до пустые до камене церкви до Преображения господня, что на пустой на Щиркове улице, по пустым по огородным местом 56 сажен.

А от тое церкви от Преображения господня до пустые ж до камене церкви Козьмы и Демьяна пустого места 26 сажен.

А от пустые церкви Козьмы и Демьяна через пустую улицу Козьмодемьянскую до камене церкви Савы освященного 11 сажен. А у Савы освященного пенье есть. У тое ж церкви дворничко поповское.

А от пустые церкви Савы освященного до пустые до камене церкви Козьмы и Демьяна, что на Холопье улице, по пустым по огородным местом 35 сажен.

А на Холопье улице стоит врозни 6 дворничков посацких. А меж их огородов сажен 30 и по 40 и по 50 и болши. (л.182).

А от Холопьи улицы до Яковли улицы пустых мест 50 сажен.

От земляного ж от Меньшого валу от прясла, что к Чюдинцовским же воротам, к земляному к Большому валу до пустые до камене церкви царя Константина, что на пустой на Яневе улице, по мере лугу 80 сажен; и на том лугу пасут животину. А та церковь царя Константина обрушилась и стена развалилась, стоит 3 стены.

А от тое от пустые церкви царя Константина до пустые ж до камене церкви Федора Стратилата пашенные земли, сеян хлеб, 75 сажен.

А от того пустого храму от Федора Стратилата по пустой по Щиркове улице до земляного до Большого валу до Щирковских ворот пустых огородных мест 123 сажени.

Да от того ж храму от Федора Стратилата на другую сторону через пустые же улицы Холопью до Яколю мимо церкви Мини великомученика до Большого до земляного валу к Ореховским воротам пустых и садовых и огородных и пашенных мест 340 сажен, (л. 183) и в том числе у Большого валу садов 50 сажен.

А от Ореховских ворот от земляного от Большого валу до Кузьмодемьянских ворот, что в Большом же валу, лугу 100 сажен.

Да от Кузьмодемьянских ворот подле Большого вала к Щирковским воротам болота 50 сажень.

От Щирковские от пустые улицы от церкви от Федора ж Стратилата до Росткинского девича монастыря по пустым по садовым и огородным местам 75 сажень.

Росткин девичь монастырь, а в нем церковь каменная Ивана Предтечи; а в нем пенье есть. Около монастыря ограда деревянная замен; а на монастыре 15 келей. А по мере около монастыря ограды з дву сторон по 54 сажени, а другая две стороны по 32 сажени. У того же монастыря к земляному к Большому валу к Росткинским воротам подле Росткины улицы вдоль 100 сажень, поперек 32 сажени (л. 184).

А по другую сторону Росткины улицы до Большого ж вала пустых садовых и огородных мест 100 сажень. А от Меньшого земляного вала до того Росткина монастыря пустых мест 150 сажень.

От Росткина ж девича монастыря через пустую Легощу улицу к Чюдинцове улице огородных мест до пустые до каменные церкви Флора и Лавра 53 сажени; а та церковь пуста.

А от церкви Флора и Лавра до митрополичьи до Чюдинцовой улицы митрополичьих крестьян огородов 40 сажень.

А до Меньшого земляного вала до Чюдинцовских ворот от тое церкви Флора и Лавра 112 сажень, места пустые, пасут животину. От земляного ж Меньшого вала до Чюдинцовой улицы до дворов пустого места 50 сажень.

А от того места по Чюдинцове улице до деревянные церкви Тимофея апостола 123 сажени; а у тое церкви пенье есть. Тут же была каменная церковь Семюна Столпника. И та церковь развалилась, (л. 185) осталась одна стена.

А от тое церкви Тимофея апостола по Чюденцове ж улице до земляного до Большого вала до Чюдинцовских ворот 77 сажень. А на Чюдинцове улице митрополичьих крестьян 26 дворов.

От Чюдинцовой улицы подле Большого вала к Прусской улице до церковные земли Двенадцати апостол митрополичьих крестьян огородов и саду 58 сажень. Церковь каменная Двенадцати апостол; а у ней пенье есть. А до тое церкви от Большого вала 41 сажень. Да у тое ж церкви деревяной храм Святые Парасковей да великомученицы Екатерины; пенье у них есть. А меж тех храмов 5 сажень.

А от тех храмов до Двенадцати апостол до земляного до Меньшого вала 209 сажень огородных пустых мест.

От митрополичьи ж от чюдинцовские земли от огородов подле Большого ж вала до каменные до пустые церкви Вознесения господня, что на Прусской улице, огородов и пашен 173 сажени. (л. 186). А церковь Вознесение господне стоит у самого у Большого у земляного вала.

А от тое церкви до Прусские улицы и до Прусских ворот, что у Большого вала, пусто места 19 сажень. А от Прусских ворот от Большого вала до пустые до каменные церкви Михаила архангила, что на Прусской же улице, 66 сажень. А у того храму 5 дворов.

А до Меньшого земляного вала от тое церкви по Прусской улице 166 сажень. А на Прусской улице 15 дворов посацких, а меж ими огородных мест 100 сажень.

От Прусские ж улицы до Волосовы улицы до каменные церкви Власия епископа через пустую Добрыню улицу пустых огородных мест 100 сажень. А от земляного от Меньшого вала, от Новинского от первого быка, ото рву до тое церкви Власия епископа 35 сажень; а у Власия святаго пенье есть.

А от церкви Власия епископа до Варварского девича монастыря 19 сажень, а у Варвары великомученицы пенье есть. Да у того ж монастыря келья. (л. 187).

А от Власия епископа и от Варварского монастыря до Десятинского девича монастыря Волосовою улицею 124 сажени. А на Волосове улице пушкарских 15 дворов. В Десятинском девиче монастыре храм Рожество пречи-

тые богородицы каменной, пенье есть; да у того ж храму келья. А ограды около монастыря никакой нет.

А от Рождества пречистые богородицы до церкви Якова апостола, что на Добрыне улице, через улицу Волосову 25 сажен. А у Якова апостола пенье есть ж. Да у Якова ж апостола двор дьячка яковлевскаго.

А от тех церквей от Рождества богородицы и от Якова апостола до Большого до земляного валу 74 сажени. И в том месте Десятинского монастыря саду 41 сажен.

А от Волосовы улицы огородов до лугу, где животину пасут, 55 сажен. А лугу по мере ко Здвиженской улице до огородов через пустые улицы Черницыну да Рядетину 72 сажени. (л. 188)

А от земляного от Большого валу того ж лугу до Варварского девича монастыря и за монастырь в длину 200 сажен. И на том лугу пасут лошади и всякую животину.

А от того лугу через огороды до Здвиженские улицы 23 сажени. А от Здвиженских ворот от Большого валу Здвиженскою улицею мимо Лукину улицу по Ямскую слободу 220 сажен. А на Здвиженской улице и на Лукине 23 двора посацких.

А от Здвиженские ж улицы и от Лукины Козорожским переулком к Большому к земляному валу по огородным местом 86 сажен.

У земляного ж у Меньшого валу к Новинским воротам храм каменной Василией Парийский, пуст.

Да от земляного ж от Меньшого валу от Новинских ворот Новинскою ямскою слободою по улице через Черницыну улицу до Рядетины (л. 189) улицы до каменого храму Троицы живоначальные 72 сажени. А у Троицы живоначальные пенье есть. А от того храму до реки до Волхова пустых мест 60 сажен.

Да от Троицы ж живоначальные тою ж Ямскою слободою до пустые до каменные церкви Воздвижения честнаго креста 42 сажени; а та церковь пуста.

А от Воздвижения честнаго креста Ямскою улицею до пустые до каменные церкви Луки еуангелиста 31 сажен. И та церковь Луки еуангелиста обрушилася, и олтаре развалился.

А от Луки еуангелиста до Олексеевские до круглые башни до Большого до земляного валу тою ж Ямскою улицею пустых мест 100 сажен. (л. 190).

А от Меньшого земляного валу вверх по реке по Волхову и от Волхова до Олексеевские башни, а от Олексеевские башни по всему земляному Большому валу до Петровские башни, и от Петровские башни подле реки Волхова до Меньшого ж земляного валу по мере 2524 сажени. И от Меньшого от земляного валу вверх по реке по Волхову по берегу земляного валу нет. А з другою конца от Меньшого ж от земляного валу вниз по реке по Волхову до Петровские башни земляного валу нет же ничево.

В земляном Меньшом валу, что около Каменого города, поставлены дворы жлицкие 2 двора: один головы стрелетцкого Ивана Баранова, а другой двор сотника стрелетцкого, 2 двора церковных причетников, да стрелетцких Иваново приказу Баранова 22 двора (л. 191). И всего в земляном в Меньшем валу 228 дворов. А стоят же дворы в земляном в Меньшом городе подле самого земляного валу, а другие дворы стоят против тех дворов по самому рву, что около Каменого города. А промеж тех дворов улица. И в том городе в земляном и стрельцы все не изместились, живут человека по 2 и по 3 во дворе. А по мере от земляного валу под дворы и через улицу до рву, что около Каменого города, сажен по осьми и до десяти и по одиннадцати. А порозжих мест в земляном в Меньшом валу, опроче рва, нет. А рву глубине около Каменого города 3 сажени косых, а инде и большеи.

1693 г. — Роспись дворов, находящихся на территории Малого земляного города в Новгороде.

(Л. 203) Роспись дворам, которые поставлены на рву, в меньшем Земляном городе, против Каменного города, от Спаской проезжей береговой башни до Розважской проезжей башни, которая на Кривой мост, и кто имяны в тех дворах живут, и сколько сажен мерою тех дворов в длину и поперег, и почему кто владеет, и то писано ниже сего:

Двор марковского дьячка Осташки Макарьева, по мере того ево двора в длину полпяты сажени, поперег полчетверты сажени, владеет по даной 191 году.

Двор площадного подьячего Ивашки Корнильева, в длину 6 сажен, поперег 7 сажен с четвертью, владеет по купчей 195 году.

Двор спаского попа Никифора Якимова, в длину 6 сажен, поперег 4 сажени с четвертью, владеет по купчей 189 году.

Двор ладожского конного казака Гаврилки Степанова, в длину 6 сажен, поперег 4 сажени, владеет по купчей 200 году.

Двор спаского понамаря Андрюшки Федорова, в длину 6 сажен, поперег 3 (л. 204) сажени, владеет по купчей 199 году.

Двор конного казака Фетьки Ермолина, в длину 11 сажен с полусаженью, поперег полтрети сажени, владеет по купчей 167 году.

2 двора Лариона да Льва Завалишинных, в длину 9 сажен, поперег 10 сажен, и их в Новгороде нет и крепостей у них не взято.

Двор соборного дьякона Ивана Иванова, в длину 4 сажени, поперег 7 сажен, владеет по купчей 200 году.

Двор площадного подьячего Ивашка Губанова, в длину полпяты сажени, поперег полсеми сажени, владеет по поступной 171 году.

Двор Софейские площади площадного подьячего Корнишка Иванова, в длину 5 сажен, поперег 6 сажен без четверти, владеет по даной 195 году.

Двор конного казака Селиверстка Иванова, в длину полшесты сажени, поперег 10 сажен, владеет по купчим 195 и 199 годов.

Двор пушкаря Антияка Боровикова, в длину полпяты сажени, поперег полтрети сажени, владеет по даной, а которого года, того не сказал; и даной не объявил.

Двор работного человека Левки Васильева, в длину полпяты сажени, поперег полшесты сажени, владеет по купчей 200 году.

Двор приказные полаты подьячего Гаврилы Соболева, в длину полпяты сажени, поперег 5 сажен, владеет по даной 201 году. (л. 205)

Двор пешего казака Савки Синякова, в длину 5 сажен, поперег четыре сажени, владеет по купчей 196 году.

Двор софейского бобыля Васки Иконника, в длину 4 сажени, поперег 3 сажени, владеет по купчей 200 году.

Двор никольского попа Алексея Петрова, в длину 4 сажени, поперег тож, владеет по купчей 193 году.

Двор бывшего воротника Фетьки Ситникова, в длину 5 сажен, поперег тож, владеет по купчей, и та купчая у него утерялась.

Двор конного казака Мишки Макарьева, в длину 4 сажени, поперег полшесты сажени, владеет по купчей 193 году.

Двор дворцового приказу подьячего Карпа Иванова, в длину 4 сажени с четвертью, поперег 7 сажен, владеет по купчей 196 году.

Двор софейского бобыля Юрки Максимова, в длину 4 сажени, поперег 6 сажен, владеет по купчей отца своего 177 году.

Двор приказные полаты подьячего Богдана Кашманова, в длину полпяты сажени, поперег 4 сажени, владеет по купчей 199 году.

Двор конного казака Мишки Широкова, в длину полпята сажени, поперег 11 сажен, владеет по купчей 197 году.

Двор Софейского дому служебника Алешки Григорьева, в длину 6 сажен, поперег 5 сажен, владеет по купчей 186 году. (л. 206)

Двор веденской просвирни Парасковьицы, в длину 5 сажен, поперег 4 сажени, владеет по старине.

Двор нищей Аринки, в длину 5 сажен, поперег 4 сажени, владеет по купчей 197 году.

Двор попады Мавры, в длину 10 сажен, поперег 5 сажен, владеет по купчей 177 году.

Двор положенского дьячка Ивашка Григорьева, в длину 6 сажен, поперег 5 сажен, владеет по купчей 195 году.

Двор дворянина Федора Блеклово, в длину полдевяты сажени, поперег полшесты сажени, и ево в Великом Новгороде нет и крепости взять не у кого.

Двор софейского бобыля Ивашка Петрова, в длину полсемя сажени, поперег 6 сажен, владеет по купчей 196 году.

Двор подьячего Федора Федорова, в длину полшесты сажени, поперег полчетверты сажени, владеет по купчей 189 году.

Двор столыника Ивана Бутурлина, в длину 11 сажен, поперег 8 сажен, стоит пуст. (л. 207)

Двор Дворцового приказу подьячего Никиты Романова, в длину 5 сажен, поперег тож, владеет по купчей 198 году.

Двор софейского бобыля Офоньки Васильева, в длину 5 сажен, поперег полчетверты сажени, крепости на двор не объявил.

Двор нищего Прошки Григорьева, в длину без чети 6 сажен, поперег 4 сажени, и ево в Новгороде нет и крепости взять не у кого.

Двор посадцкого человека Осташки Дмитриева, в длину без чети 5 сажен, поперег полпята сажени, владеет по купчей 199 году.

Двор софейского бобыля Андрюшки Алексева, в длину полпята сажени, поперег 6 сажен, крепости на двор никакой не объявил.

Двор вдовой попады Овдотьи, в длину 4 сажени с четвертью; по лицу 6 сажен, а крепости никакой не сказала.

Двор Андрея Мордвинова, в длину 6 сажен, поперег 10 сажен, и ево в городе нет.

Двор приказного сторожа Ефтишки Ефтифеева, в длину 4 сажени, поперег 3 сажени, владеет по купчей 201 году (л. 208)

Двор вдовы Марьи, в длину 4 сажени с четью, поперег 6 сажен, крепости никакой не объявила.

Двор Дементия Гурьева, в длину 6 сажен, поперег 7 сажен, и ево в городе нет, и крепости взять не у кого.

Двор пешего казака Куземки Левонтиева, в длину 8 сажен, поперег 3 сажени с четью, владеет по купчей 182 году.

Двор подьячего Ивана Плаксина, в длину 7 сажен, поперег 3 сажени, владеет по купчей 200 году.

Двор подьячего Савы Михайлова, в длину 6 сажен с четью, поперег 15 сажен с полусаженью, владеет по купчей 201 году.

Двор Ивана Елагина, в длину полшесты сажени, поперег 15 сажен с четью, и ево в Новгороде нет и крепости взять не у кого.

Двор приказные полаты подьячего Лариона Савельева, в длину 4 сажени, поперег 12 сажен, владеет по купчей 190 году.

Двор Софейского дому бобыля Ивашки Кузнеца, в длину 5 сажен, поперег тож, владеет по купчей 190 году. (л. 209)

Двор подьячего Ивана Богданова, в длину 6 сажен, поперег полчетверты сажени, владеет по купчей 200 году.

Двор Гаврилы Карсакова, в длину 6 сажен, поперег 4 сажени, и ево в городе нет и крепости взять не у кого.

Двор софейского бобыля Маркушки Савельева, в длину полдесяты сажени, поперег 4 сажени, владеет по купчей 198 году.

Двор князь Терентия Мещерского, в длину 13 сажень с полусаженью, поперег полдесяты сажени и ево в городе нет и крепости взять не у кого.
ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1686 г., № 65, лл. 203—209.

3 — 5

1693 г. между января 11—июля 12. — Из дела о переносе дворов, находящихся в Великом Новгороде на Софийской стороне у городской стены.

№ 3

1693 г. между января 11 и февраля 24*). -- Выпись в доклад, составленная в Новгородском приказе, о переносе дворов, находящихся на Софийской стороне у городской стены на Торговую сторону.

(Л. 213) В нынешнем в 201 году генваря в 11 день писал к великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, из Великого Новгорода боярин и воевода князь Борис Иванович Прозоровский.

На Софийской де стороне в Меньшом земляном городе, на рву против Каменного города всяких чинов жилецких людей многие дворы подставлены, и от тех дворов и от всякого помету городской стене и валу и ва рву великая поруха. А на Торговой стороне по Славенской проезжей большей улице розсажен великих государей сад; а по мере того саду по большой Славенской улице от двора посацкого человека Васьки Колохова до двора ж посацкого человека Ивашка Прокофьева Рыбника 138 сажень с полусаженью, а позади двора посацкого человека Тимошки Агеева того ж саду 53 сажени, а в другую сторону от Славенской улицы к городской стене в одном конце подле двора Ивашка Рыбника 43 сажени, да посередки против того саду ворот 59 сажень, подле двора Васьки Колохова 80 сажень, подле двора Тимошки Агеева 30 сажень. А в том саду яблонь и груш и вишен старых и молодых 3409 дерев. И от старых дерев плоду нет. И естли де те жилецкие дворы и за Земляного города на Торговую сторону по Славенской улице, где ныне их, великих государей, сад, перенести, а не того саду молодые яблони и груши и вишни пересадить на тех местах на рву из Земляном городе, и тому рву порухи и осыпи никакие не будет; отом бы ему велеть указ учинить. И тем дворам прислал роспись, а по росписи написано 54 двора, в том числе церковных причетников 9 дворов, дворянских тож число, приказные полаты и Дворцового приказу и площадных подьячих и сторожей и пушкаря и воротника 15 дворов, казачьих 7 дворов, Софийского дому бобылей и нищенских, и работорных людей 13 дворов. А в тех дворех по мере, в длину по 4, и по полу 5, и по 6, и по 7, и по 8, и по 9, и по 10, и по 11 сажень, поперег по 3, и по пол 4, и по 4, и по 5, и по 6, и по 7, и по 10, и по 12 сажень; да двор столыника Ивана Бутурлина, в длину 11, поперег 8 сажень, стоит пуст. А сад, что писан выше сего в отписке боярина и воеводы князя Бориса Ивановича, в Новгородском приказе не ведом, а ведом в приказе Большого дворца.

На л. 214 под текстом помета:

201-го февраля в 24 день. По указу великих государей послать против ево отписки к нему, боярину и воеводе ко князю Борису Ивановичу Прозоровскому с товарищи, их государеву грамоту, тем жилецким людям, которые живут близ городской стены и рва, порухи городу и рва засыпывать не велеть и строение вновь возле городской стены земли не заставляивать, а прежняго строения дворов у жилецких людей ломать и сносить, так же и саду рубить не велеть для того, что в той переноске дворов жилецким людям будет тягость большая.

ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1686 г., № 65, лл. 213—214.

*) Датируется на основании упоминания числа в тексте и по помете.

1963 г. между июня 19 и июля 12 *) — Выпись в доклад, составленная в Новгородском приказе, о переносе дворов, находящихся на Софийской стороне у городской стены на место пустых дворов.

(Л. 215) И против сей пометы**) в Великий Новгород к боярину и воеводе ко князю Борису Ивановичу Прозоровскому с товарищи великих государей грамота послана февраля в 26 день.

И июня в 19 день писал к великим государем он же, боярин и воевода князь Борис Иванович, что июня в 12 день в приказной полате подал ему, боярину и воеводе, городничей Емельян Водянов пустым дворовым и огородным местам описную роспись за своею рукою, которые на Софийской стороне в городе всяких чинов люди пашут пахотою. И ту роспись тем дворовым и огородным местам прислал под отпискою своею, а в той росписи написано:

На Софийской стороне в Большом деревянном городе, на Яковлеве, и на Боркове, и на Дослане, и на Холопье, и на Росткине, и на Прусской улице, и меж Яковлевой и Борковой улиц же, и за Яковлевскими вороты пустые дворовые и огородные места, что владеют монастыри и дворяне и иных чинов жилецкие люди, и в том числе монастырских дворовых и огородных 6 мест, да 4 сада, мерою дворовых и огородных мест в длину 106, и 64, и 22, и по 18 сажен место. (л. 216), поперег 88, и 42, и 38, и 28, и по 9 сажен; а в садах длиннику 112, и 86, и 59 сажен, поперег 50, и 32, и по 20 сажен место. А на тех дворовых и огородных местах построены 3 избы с сенями, да двои ворота, да Духова монастыря поперег саду построен жилой двор. Да дворянских 5 мест дворовых и огородных, мерою в них в длину 39, и 37, и 28, и 24, и по 17 сажен место, поперег 32, и 29 и 24, и 23, и по 20 сажен. А на тех дворовых местах построены жилые двory. Да огород Ивана Арцыбашева, в длину 59, поперег по 9 сажен. Да Софийского дому приказного Андрея Сназина огород, мерою в длину 24, поперег 12 сажен. Да казенного кузнеца огород, в длину 27, поперег 17 сажен, пашет пахотою посацкий человек, на том месте построена избенка с сенями да забор, все ветхо. (Л. 217).

И о сносе тех дворов на пустые дворовые и огородные места велети б ему указ учинить, а впредь де городской стене от огненного запаления от тех жилецких дворов опасно.

На л. 217 — об. справа: Справил Федор Кишмутин.

На л. 217 под текстом помета:

201-го июля в 12 день по указу великих государей послать их, великих государей, грамоту в Великий Новгород к боярину и воеводе ко князю Борису Ивановичу Прозоровскому с товарищи против другой его отписки спрежняго отпуску, какова к нему о том же послана их, великих государей, грамота в нынешнем же в 201 году февраля в 26 день, не велеть тех дворов жилецких людей от города сносить на иные пустые места, чтоб от того жителям гостяи и напрасных больших убытков не было, а городу порухи чинить и рва городского засыпать отнюдь не велеть.

ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1686 г., № 65, лл. 215—217.

1693 г. — Роспись пустых дворовых и огородных мест в Большом деревянном городе на Софийской стороне.

(Л. 198) 201-го мая в 19 день по приказу ближнего боярина и воеводы князя Бориса Ивановича Прозоровского с товарищи городничей Емельян

*) Датируется на основании упоминания числа в тексте и помете.

**) См. помету на предыдущей выписи (документ № 3).

Водилов на Софейской стороне, в Большом деревянном городе, осмотрел и перемерил пустыи и дворовые и огородные места, что владеют монастыри и дворяня и иных чинов жилецкие люди, и то писано в сей росписи ниже сего порознь статьями.

Дворовое и огородное место Антоньева монастыря Римлянина меж Яковлеве п Боркове улиц, подле городской стены, мерою поперег 38 сажен, в длину 18 сажен, на том месте хором: изба на подзавалье с сеньми и в тыну ворота, все ветхое. На Боркове улице дворовое и огородное место Никифора Андреева сына Ожогина, по лицу поперег 29 сажен, в длину 37 сажен, на том месте двор жилой с хоромами. Да меж Яковлеве и Боркове улиц на Большой улице у красного кабака дворовое и огородное место Федора Нащокина, мерою в длину 28 сажен, поперег 23 сажени с четью, на том месте хором: изба наземная с полатою, да сарайшко непокрытое, да ворота, все ветхое.

На Дослане улице сад Вяжицкого монастыря, мерою в длину 59 сажен, поперег в первом конце 21 сажен с полусаженью, в другом конце 12 сажен. На той же Дослане улицы на другой стороне Фушня монастыря Варламовский огород, в длину 64 сажени, поперег 42 сажени. (л. 199) Духова монастыря сад и огород, длиною 86 сажен, поперег в первом конце 50 сажен, в другом конце 28 сажен с четью, а посередь того саду двор жилой. Церкви Святых великомученик Мины и Виктора сад, мерою в длину 123 сажен, поперег в первом конце 28 сажен, в другом конце 17 сажен, другой церковной мининской огород, пахут пахотою, мерою в длину 30 сажен, поперег 17 сажен. Сад Александрова монастыря, мерою в длину 112 сажен, поперег в первом конце 32 сажени, в другом конце 16 сажен с четью.

На Яковлеве улицы огород Вяжицкого монастыря, мерою в длину 106 сажен, поперег в первом конце 9 сажен, в другом конце 16 сажен. Сад Духова монастыря, что остался от дачи стрелецких дворовых мест стольника и полковника Мирона Баншева, мерою сад в длину от Вяжицкого огорода до глинных ям 50 сажен, глинные ямы длиною 33 сажени, поперег сад в первом конце 20 сажен, в другом конце поперег, через ямы, 25 сажен. На той же Яковлеве улицы огород умершаго казенного кузнеца Анисима Иванова, мерою в длину 27 сажен, поперег 17 сажен, пахут пахотою посадкой человек Артамошко Сысоев, на том месте избенко малое да сени, все ветхое, а по лицу забор. (л. 200)

На Холопье улицы дворовое и огородное место стольника Сергея Оничкова, мерою поперег по лицу 24 сажени, в длину 17 сажен, на том месте хором: изба на подызбны с сеньми. Князь Федора Елецкого дворовое и огородное место, длиною 24 сажени, поперег 39 сажен, на том месте двор жилой с хоромами.

На Росткине улице огород Арсеньева монастыря, мерою по улицы, по лицу, поперег 88 сажен, в длину в первом конце 18 сажен, в другом конце 15 сажен. Огород Юрьева монастыря по лицу, по улицы, поперег 28 сажен, в длину 22 сажени, на том месте хором: две избы промеж сени, а около всего огорода тын лежачей.

Против Легоцин улице, подле рву середняго земляного города, огород частоколе Софейского дому приказного Андрея Сназина, мерою огород в длину 24 сажени, поперег 12 сажен.

На Прусской улице дворовое и огородное место стольника и полковника Петра Оничкова, мерою в длину 39 сажен, поперег 20 сажен, на том месте хором: изба ветхая, да сени ветхие ж, забраны досками в столбы, да житница.

За Яковлевскими ворота на берегу огород Ивана Арцыбашева, мерою в длину 59 сажен, поперег пол 9 сажени.

А которые порозжие места в стрелецких слободах пахут пахотою, и те места в сей росписи не писаны для того, что те места отмерены стрельцам под дворы.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

В. Д. ЛИХАЧЕВА

ДЕСЯТЬ РУССКИХ ЭМАЛЕЙ XII ВЕКА НОВГОРОДСКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

В Новгородском историко-художественном музее находится позолоченный серебряный оклад XIX века с иконы Знамения Богородицы, украшенный эмалью, жемчугом и камнями, перенесенными с более старого оклада. Особый интерес представляют эмалевые образки, вставленные в него наряду с драгоценностями. Эти эмалы до сих пор почти не привлекали к себе внимания. П. Тихомиров, давший о них некоторые сведения в «Историческом описании Новгородского Знаменского собора»¹, называет их финифтями. Указывая имена святых, он ошибочно принимает Димитрия и Никиту за Андрея и Филиппа. П. Тихомиров также не пытается определить место и время возникновения произведений.

Между тем эмалы этой ризы заслуживают внимания. Данные, которые будут приведены ниже, покажут, что все десять эмалей составляли некогда общую деисусную композицию, созданную вероятнее всего, в XII веке в России мастером, придерживавшимся традиционных византийских канонов.

Все образки имеют квадратную форму с полукруглым верхом, размером 2,4×2,4 сантиметра, и выполнены в технике перегородчатой эмали. На них изображены Христос, Богородица, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, три апостола: Иоанн, Петр, Лука, святые Никита и Димитрий.

Эти иконки были вставлены в ризу в 1855 году², причем мастер нарушил обычный порядок их размещения. Судя по положению фигур, эмалевые образки входили в состав деисусной композиции, служившей ранее украшением ризы, оклада книги или креста. Изображения Христа, Богородицы, Иоанна Предте-

¹ П. Тихомиров. Историческое описание Новгородского Знаменского собора. Новгород, 1889, стр. 94.

² Там же.

чи и архангелов обычно помещались в верхней части композиции Деисуса, а ниже располагались фигуры апостолов. Такого рода применение деисусной композиции в произведениях прикладного искусства появилось только с XI века³. До этого Деисус был только иконным сюжетом. Из этого следует, что

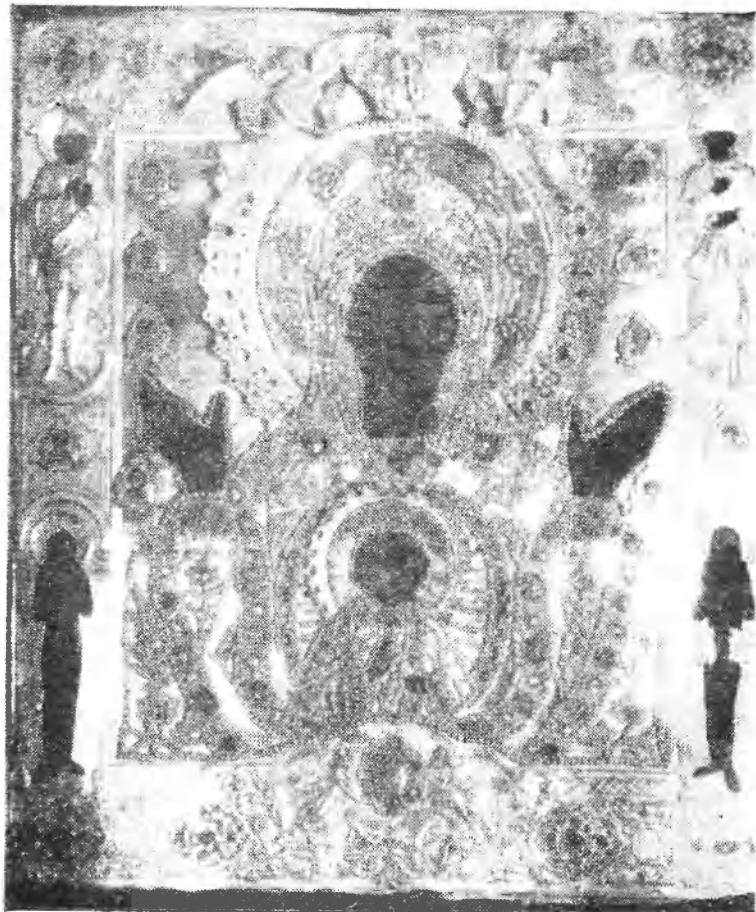

Рис. 1. Оклад иконы «Знамение». Эмали находятся: слева и справа от венчика Богоматери (по три) и возле ее рук (по одной — снизу руки и по одной — на полях).

разбираемые эмали относятся ко времени не ранее XI века. Надо думать, что первоначально всех изображений апостолов

³ Кондаков. История и памятники византийской эмали. СПб. 1892. стр. 257.

Рис. 2. Эмали с изображением Богоматери, апостола Луки и архангела Михаила.

Рис. 3. Эмали с изображением Христа, апостолов Петра и Иоанна.

было двенадцать. Образки Никиты и Димитрия, возможно, представляют патронных заказчиков.

О том, что образки были созданы в XII или в XIII веке, можно судить по типичному для того времени слою наложения

эмали в 2 миллиметра, в то время, как для вещей XI века характерен слой не более полумиллиметра толщиной⁴. Исполнение рассматриваемых произведений довольно грубо и небрежно. Складки одежд ложатся линиями, не связанными с формой. Это обычная манера эмальерных работ XII века⁵. Но произведения были созданы не позднее XII века, так как золотые вещи с перегородчатой эмалью перестали изготавливаться на Руси около середины XII века⁶.

Изображения отличаются довольно большой выразительностью. Этой экспрессии передачи художник добился с помощью резко скошенных в сторону глаз святых и смещенных бровей, которые у одних грозно сдвинуты, как у Христа, у других же слегка удивленно приподняты, как у Луки. Эмальер уделил большое внимание благословляющим или сложенным в молитвенном положении рукам святых.

Мастер новгородских произведений сумел сохранить главное достоинство эмалей — гармонию красок и чистоту тона. Особенно интересна синяя эмаль, представленная различными нюансами. Глубоким теплым синим тоном передает художник нимб Христа. И на этом синем фоне особенно хорошо выделяется чистый белый цвет линий креста. Той же синей эмалью выполнил художник гиматий Христа, передав нежным бирюзовым тоном хитон и украшения светло-желтого евангелия. Сходными оттенками синего цвета украсил эмальер и одежду Богоматери. С этой синей эмалью благородно сочетается темно-зеленый цвет нимба Богоматери. Седые волосы и брови Иоанна Богослова, Петра и Никиты отмечены голубоватой краской, волосы остальных святых — черные. Цвет тела довольно холодный, что характерно для поздних произведений, в то время, как для XI века типична теплая и прозрачная эмаль кожи⁷. Цвет тела Иоанна Предтечи несколько темнее, чем у других. Этим художник усилил впечатления аскетичности, создаваемое его суровым лицом. Складки одежды, контуры нимбов, рты святых обозначены красно-коричневым тоном, оживляющим общую голубовато-зеленую гамму одежд. Из сказанного выше видно, каким тонким колористом был мастер-эмальер. Своей общей темно-синей тональностью разбираемые произведения напоминают эмали Каменнобродской гривны (XII век)⁸. Это стремление к яркой красочности сочетаний отвлеченного цветового

⁴ Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 93.

⁵ Там же, стр. 134.

⁶ Г. Корзухина. Русские клады IX—XIII веков. М.—Л., 1954, стр. 29.

⁷ O. Wulf. Die byzantinische Kunst. Potsdam, 1924, S. 603.

⁸ Отчет императорской Археологической комиссии за 1903 г. СПб. 1906. таб. VI.

узора является характерной стилиевой чертой древнерусских эмалей⁹.

Иконографические типы изображенных святых отличаются чистотой. Спаситель новгородской эмали напоминает Христа Каменнородской гривны (XII век)¹⁰ и Мстиславова евангелия (XII век)¹¹. Христос держит в одной руке евангелие, а другой благословляет. Мастер показал его короткую бороду и волнистые темные волосы, разделенные по середине, прядь которых падает на лоб. На эмалевых образках гривны и оклада евангелия, как и на разбираемом произведении, Спаситель дан как Верховный Судья на страшном суде, составляя часть деисусной композиции.

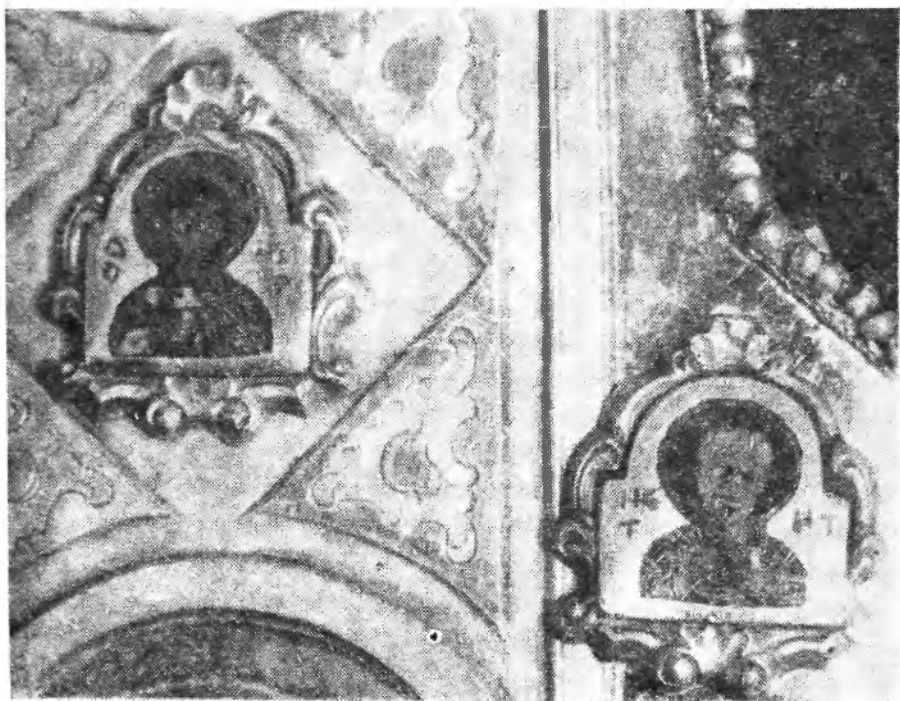

Рис. 4. Эмали с изображением святых Дмитрия и Никиты.

⁹ А. Гушин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII веков. М.—Л. 1936, стр. 60.

¹⁰ Отчет императорской Археологической комиссии за 1903 год, таб. VI.

¹¹ Г. Филимонов. Оклад Мстиславова евангелия. Чтения Московского общества истории и древностей за 1860 год. М. 1861, стр. 84.

Богородица изображена на новгородской иконе в молитвенном положении. Такой тип Марии, заступницы смертных, символически прообразует новозаветную церковь, входя в композицию Деисуса. Богоматерь, начиная с IX века, изображали, как это можно увидеть и на разбираемом произведении, в молодом возрасте. На ее мафории, на обоих плечах, обычно показывали крестики, каждый из которых на новгородском образе обозначен четырьмя точками. Ее изображение также близко по манере исполнения к Богоматери Каменнобродской гривны (XII век)¹², однако, в разбираемом произведении художник не нарисовал таких непропорционально больших рук, как в эмали Каменнобродского клада.

Иоанн Предтеча изображен, как и Богоматерь, в характерной для деисусной композиции молитвенной позе, символизируя ветхозаветную церковь. Художник показал его темные волосы и разделенную на пряди бороду. Как и Иоанн Предтеча с Каменнобродской гривны (XII век)¹³, святой новгородского образа представлен суровым аскетом. Особенно хороши глаза Иоанна, которым художник сумел придать страдальческое выражение. Это, пожалуй, лучшее изображение из десяти.

Евангелист Лука держит евангелие в левой руке, а правой благословляет. Художник показал его широкий лоб, черные волосы с лысиной и бороду клином.

Иоанн Богослов на новгородской иконе изображен старцем с седыми волосами и бородой, как творец Апокалипсиса и четвертого евангелия¹⁴.

Одна из разбираемых эмалей представляет молодого безбородого святого с греческим четырехконечным крестом — символом мученичества. Русская надпись рядом со святым довольно неразборчива и ее можно прочесть как имя Димитрия или Бориса. Но Бориса и Глеба чаще всего давали в княжеских шапках, так они изображены на подвесках Рязанского клада (XII век), найденном в 1822 году¹⁵, и на эмалях Каменнобродской гривны (XII век)¹⁶. Наш же святой без шапки, но в патрицианской одежде — в хламиде, застегнутой на правом плече. Так обычно изображали святого Димитрия¹⁷. Его представляли юным, безбородым, круглолицым, но не кудрявым, а с волосами, зачесанными на-

¹² Отчет имп. Археологической комиссии за 1903 год, таб. VI.

¹³ Там же.

¹⁴ Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 277.

¹⁵ Н. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Выпуск пятый. СПб. 1897, рис. 140.

¹⁶ Отчет имп. Археологич. комиссии за 1903 год таб. VI.

¹⁷ Н. Кондаков. Русские клады. СПб, 1896, т. I, стр. 123.

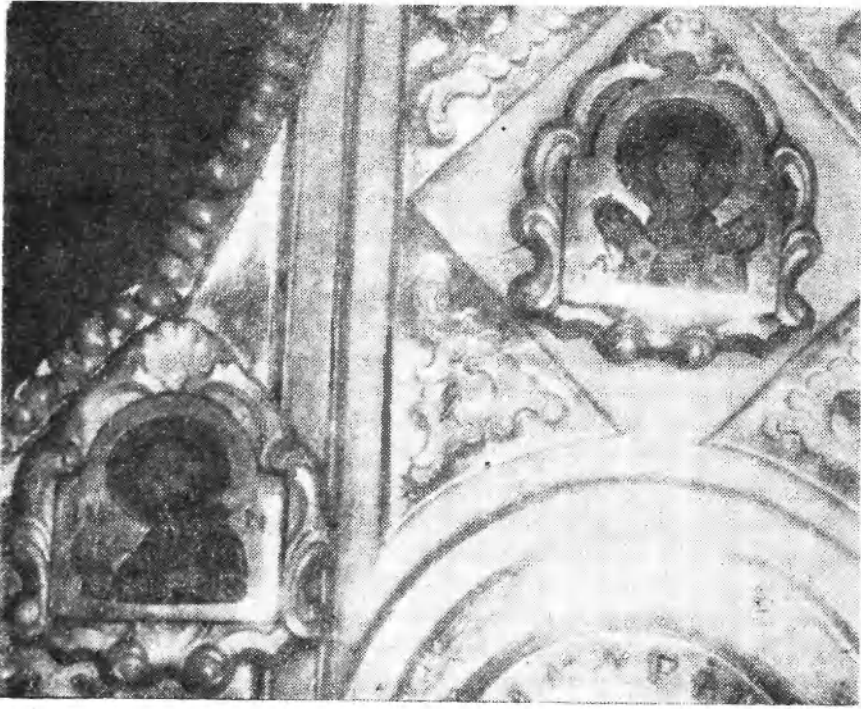

Рис. 5. Эмали с изображением Иоанна Предтечи и архангела Гавриила.

зад¹⁸. Таким можно его увидеть на эмали Мстиславова свангелия (XII век)¹⁹, так он дан и на разбираемом произведении.

Апостол Петр показан держащим в руке свиток своего писания и благословляющим. Это характерный для Византии²⁰ тип Петра с короткой седой бородой. Своим широким низким лбом и живыми глазами он напоминает Петра с Каменнобродской гривны (XII век)²¹.

Никита так же, как и Петр, представлен со свитком в руке и благословляющим. Он дан, как обычно²², бородатым старцем с седыми волосами. Скошенные в сторону глаза, большой, хотя и небрежно нарисованный рот, сдвинутые брови делают его лицо выразительным.

Из вышесказанного следует, что святые представлены в иконографических типах, выработавшихся в Византии. По стилю

¹⁸ Г. Филимонов. Ук. соч., стр. 84.

¹⁹ Г. Филимонов. Ук. соч., стр. 84.

²⁰ L. Reau. *Iconographie de l'art chrétien* Paris, 1955, v. III, p. 1077.

²¹ Г. Отчет имп. Археологической комиссии за 1903 год, таб. VI.

²² Г. Филимонов. Ук. соч., стр. 89.

своего исполнения они близки к эмалям Каменнородской гривны (XII век)²³, к медальонам Рязанского клада 1822 года (XII век), к шести эмалям (Спас и пять мучеников) с оклада Мстислава евангелия (XII век), к эмалям с креста Евфросинии Полоцкой (1161 год) и к целому ряду других памятников XII века. Перегородчатая техника эмалей, употребление Деисусной композиции в произведении прикладного искусства, слой наложения эмали, условные шрафировки, холодный цвет кожи святых подтверждают датировку XII веком.

О том, что эмали были выполнены на Руси, можно судить не только по стилю их исполнения, но и по надписям, которые, очевидно, принадлежат русскому мастеру, не знавшему греческих букв, но перерисовавшему их с каких-то образцов. Достаточно указать на неуверенный почерк писца, на неясное написание им некоторых букв (например, у Богоматери). Имена же Никиты и Дмитрия мастер написал русскими буквами. Надписи выполнены одновременно с эмалями. Об этом можно судить по синей эмали того же тона, что и одежды некоторых святых, которая частично сохранилась в процарапанных линиях этих букв.

Сохранность эмалей довольно хорошая. В некоторых местах эмаль выкрошилась. Значительно поврежден нимб Спасителя. Почиркан фон эмали с изображением Иоанна Предтечи.

Наше сообщение носит предварительный характер. Дальнейшее изучение этой замечательной серии эмалей XII века уточнит их происхождение и особенности.

---

²³ А. Гушин относит Каменнородскую эмаль к первой половине XI века (А. Гушин. Ук. соч., стр. 48). Это, однако, противоречит указанию Г. Корзухиной на то, что искусство перегородчатой эмали появилось в Древней Руси как убедительно показывают материалы кладов, в середине XI века (Г. Корзухина. Ук. соч., стр. 73). Г. Корзухина считает, что сам Каменнородский клад возник в период между 70-ми годами XII века и 1240 годом. Близость эмалей гривны к эмалевым украшениям Мстислава евангелия и креста Евфросинии Полоцкой позволяет датировать гривну скорее первой половиной XII века как это и сделано в «Отчете имп. Археологич. комиссии за 1903 год».

А. П. СЕМЕНОВ

ОСМЕННИКИ «УСТАВА О МОСТЕХ».

«Осменник» или «осьмник», «осьмничье», «осьмничее» или «восьмничее», «осьмничество» встречаются в летописи и актах несколько раз с середины XII века (1157 г.) до середины XVI века (1544 г.). Такое длительное употребление термина «осменник» не вызывает сомнения, что он был установленным и соответствовал хорошо известному понятию.

И. П. Срезневский правильно считал осменника сборщиком торговой пошлины. Но такое определение не раскрывает полного представления о должности осменника в Новгороде. «Устав о мостех» в какой-то мере позволяет высказать предположения об обязанностях осменников. Упоминание осменников в Уставе относится к одним из ранних. Устав, судя по имеющимся в нем названиям местностей и улиц Новгорода, не может быть относим ко времени Ярослава Мудрого. В этом сомневался еще Н. М. Карамзин, считавший, что Устав мог относиться к другому Ярославу, — «может быть отцу Александра Невского»¹. И. Д. Беляев отодвинул появление Устава на более позднее время и приписал его князю Ярославу Ярославичу (1255—1270 гг.)². М. Н. Тихомиров называет Устав памятником конца XII или начала XIII веков, причем больше склонен сблизить его с XIII веком³. Во всяком случае, Устав в тех списках, в каких до нас дошел, является памятником не раньше конца XII века.

Более ранне упоминание, чем в «Уставе о мостех», слово «осменник» встречается в летописи под 1157 годом при описании обстоятельств смерти Юрия Долгорукого: «Сице же бысть преставление его: пив бо Юрьи у осьмника у Петрилы мая в 10 и в ту ночь разболеся, и бысть болезни его пять дний и приставися мая 15 в среду на ночь»⁴. Из этой летописной заметки можно видеть, что осменник занимал высокое положение, иначе вряд ли бы великий князь пирувал с ним.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского (любое издание), том 2, прим. 108.

² И. Д. Беляев. Рассказы из русокой истории, ч. 2, стр. 350—353.

³ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 46, 131.

⁴ Воскресенская летопись под 6665 г., Ипатьевская — 6666 г.

Осменники были сборщиками осмнического. В договорной грамоте тверского великого князя Бориса Александровича с великим князем Василием Васильевичем 1451 года указано, при каком случае берется осмничее: «А тамга и осмничее взяти, аже имет торговати; а поедет мимо, ин знает свой мыт да костьки, а боле того пошлин нет»⁵. Значит, осмничее бралось только в том случае, если купец открывал торговлю. В этой же грамоте указан и размер осмнического: «А тамги и осмнического от рубля алтын». Отсюда ясно, что осмничее или осмническое не составляло восьмой части стоимости товара, а собиралось в значительно меньшем количестве. Но возможно, что в более раннюю пору оно устанавливалось и в большем размере.

Осмничее было предметом завещательных распоряжений князей. Приведем выдержки из духовных грамот:

а) «А из городских волостей даю княгини своей осмничее...» (Дух. грамота Ивана Калиты 1328 г.)⁶.

б) «А княгиня Ульяна по отца моего князя великого по грамоте по душевной ведает волости и осмниче и села до своего живота...» (Дух. грамота вел. кн. Ивана Ивановича 1353 г.)⁷.

в) «А тамга из двою моих жеребьев княгине моей половина, а сынам моим половина; а восьмыпчье мои два жеребья княгине моей...» (Дух. грамота вел. князя Дмитрия Ивановича 1389 г.)⁸.

г) «А жене своей княгине Олене дал есмь свою треть тамги московские и осмничее, и гостинное, и весчее, и пудовое, и пересуд и серебряное литье, и все пошлины московские» (Дух. грамота князя Владимира Андреевича 1410 г.)⁹.

Из этих распоряжений нельзя не видеть значимости осмнического для князя. Осмничее завещалось жене и, видимо, являлось основным источником княжеского дохода. Судя по духовной грамоте Дмитрия Ивановича осмничее не поступало великому князю полностью. Князю отдавалось только «два жеребья». Это его личный доход. Куда могла передаваться остальная часть осмнического? Надо полагать, что в государственную казну, расходование которой всецело зависело от воли великого князя. Новгородские осменники отчисляли в пользу великого князя часть осмнического, а остальное передавали местным властям.

Осмничее платили все торговцы, за исключением принадлежащих к церковному миру. В уставе Ярослава о церковных судах (принадлежность которого к XI веку твердо не установлена) говорится: «Дал есми митрополитом и епископом, и попом, и

⁵ Собр. гос. грамот и договоров, ч. I, № 76.

⁶ Там же, № 22.

⁷ Там же, № 25.

⁸ Там же, № 34.

⁹ Там же, № 40.

дьяконом свободу по всем градам; не емлют с них, ни с их людей, ни мыт, ни явку, ни тамгу, ни восьмичья»¹⁰. Эта привилегия церкви отмечена и в грамоте, данной великим князем Спаскому Ярославскому монастырю около 1345 г.

Из всего сказанного можно заключить, что осмничее было денежным сбором с торговли, и осменники являлись сборщиками осмничего от действительной продажи товаров. Новгородская феодальная республика признавала суверенитет великого князя. Как одно из следствий признания и было выделение части осмничего на долю великого князя. В обязанности осменников в Новгороде входило, кроме сбора осмничего, и мощение части улиц, через которые проходили торговые дороги, в том числе и «Русский путь», начинавшийся в Людином конце и направлявшийся в Южную Русь. Осменники «Устава о мостех» отвечали за выполнение определенных мостовых повинностей наряду с другими высокопоставленными лицами — князем, владыкою, посадником, тысяцким, огнищанами, имевшими свои мостовые участки. Участок мощения осменников наиболее крупный по сравнению с другими. Он занимал Людин конец, южную часть Загородского конца и южную часть Кремля.

Должность осменников известна по всей территории феодальной Руси. В великокняжеских землях осменники действовали от имени великого князя. В Новгородской феодальной республике осменники считались крупными должностными лицами и могли подчиняться либо посаднику, либо тысяцкому, так как в ведении последнего находилась часть торговых дел.

---

¹⁰ Н. М. Карамзин, т. 2, прим. 108.

С. Н. ОРЛОВ

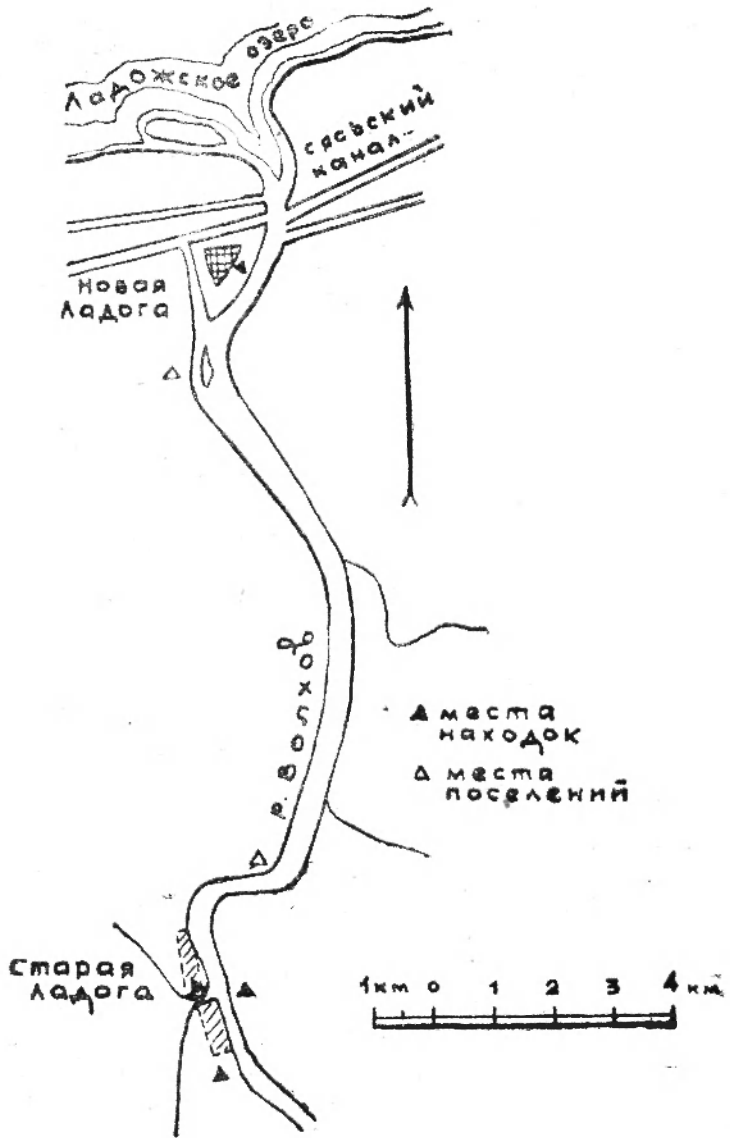
НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В НИЗОВЬЯХ РЕКИ ВОЛХОВА

При сплошном обследовании низовьев реки Волхова наряду с другими памятниками было обнаружено несколько новых мест нахождения неолитических орудий и поселений. В настоящей заметке мы ставим своей задачей дать описание этих находок.

В 1947 году на левом берегу Волхова на территории города Новой Ладogi, в 50 метрах ниже паромной пристани, было найдено шесть кремневых скребков и несколько кремневых отщепов (рис. 1). Скребки изготовлены на обломках массивных пластинок или на пластинчатых отщепах. Все скребки имеют двухсторонний или трехсторонний рабочий край (рис. 2, 4—6). Кремень светло-желтый или темный. Края орудий носят следы подправок и сработанности. Все находки собраны на поверхности небольшого волдоприбойного песчаного пляжика. Берег реки Волхова здесь пологий, и место находки было расположено на расстоянии 10 метров от края воды. В период же весенних паводков и при северных ветрах, дующих с Ладожского озера, уровень воды в Волхове повышается и тогда пляжик омывается прибойной волной. Нами детально было обследовано место находки и прилегающие участки, заложено несколько шурфов до глубины уровня воды, но культурного слоя обнаружить не удалось. Очевидно, мы имеем остатки совершенно размытой стоянки¹.

В 2-х километрах к югу от Новой Ладogi, вверх по Волхovu, около старого еврейского кладбища, в обресе берега на глубине 0,50 метра от поверхности, была обнаружена темная гумусированная прослойка толщиной 0,05—0,1 метра. Прослойка прослеживалась на расстоянии 12 метров, содержала угольки и золу. При зачистке были найдены обломки от лепных глиняных горшков с ямочным и гребенчатым орнаментом и несколько кремневых от-

¹ В 1948 году место находки вновь посещалось сотрудниками Староладожской археологической экспедиции и снова было найдено несколько кремневых скребков (см. «Советская археология», т. XIV, стр. 169).

КАРТА
неолитических местонахождений
в нижнем течении реки Волхова

щепов (рис. 1). Обломки неолитической керамики встречались и дальше по берегу в выдувах дюнных всхолмлений.

На левом берегу Волхова в 2-х км ниже Старой Ладоги, в урочище «Сопки», произведена зачистка обреза культурного слоя неолитического поселения. Стоянка впервые была обнаружена на-

Рис. 2. Образцы орудий из камня и обломки керамики с неолитических местонахождений.

1—3 — образцы керамики из урочища «Сопки», 4—6 — кремневые скребки из района Новой Ладоги, 7—13 — кремневые орудия из урочища «Сопки», 14 — сланцевое долото из урочища «Сопки», 15 — обломок кварцевого наконечника стрелы из урочища «Победище».

ми летом 1940 года при обследовании Волховских сопок². Волхов в этом месте делает крутой поворот с запада на восток и образует сильную излучину. Левый, подмываемый берег реки очень крутой и поднимается на высоту 20 метров над уровнем воды. Стоянка расположена на площадке мыса, образованного линией коренного берега р. Волхова и левой стороной глубокого оврага. Из общей конфигурации оврага видно, что площадка мыса в период существования неолитического поселения была значительно больше, но постепенно разрушалась, и со стороны берега, и со стороны оврага. Встречающиеся находки на дне оврага и на бичевинском берега подтверждают это. Оставшаяся часть площадки мыса, которая и дальше подвергается сильному разрушению, была погребена под насыпью сопки³. В результате зачистки обреза оврага получен стратиграфический разрез (рис. 3). Темный культурный слой стоянки, где встречались находки, достигал 0,15—0,20 метра. Отдельные находки встречались и в насыпи, куда они попали, очевидно, из разрушенного культурного слоя в момент сооружения сопки. При зачистке обреза и неоднократных сборах подъемного материала нами найдено на данном местонахождении свыше 150 изделий из кремня, сланца и обломков керамики.

Наиболее характерными находками являются следующие: шесть скребков на кремневых отщепях с широкими рабочими краями. Отщепы обработаны со спинки крутой ретушью (рис. 2—7, 8). Один скребок на кремневом отщепе с узким полукруглым рабочим краем (рис. 2—9). Скребок на остатке кремневого нуклеуса, один край которого обработан крутой ретушью (рис. 2, 10). Скребок на небольшом кремневом отщепе со следами кромки валуна на спинке (рис. 2—13). Обломок скребка с полукруглым рабочим краем на кремневом отщепе. Два небольших скребка на обломках кремневых пластинок (рис. 2—12). Обломок массивного кремневого орудия, обработанного с боков отжимной ретушью, и имеет форму черенка для насада (дротик — рис. 2—11). Шлифованное сланцевое долото с хорошо сохранившимся рабочим краем. Размеры орудия 4×1,5×0,9 см. (рис. 2—14).

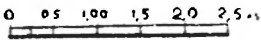
Кроме указанных орудий собрано еще свыше 90 кремневых отщепов, чешуек и обломков нуклеусов. Все кремневые изделия с данной стоянки изготовлены из цветного валунного камня.

---

² Обследование сопки проводилось по поручению профессора П. П. Ефименко на средства Новгородского музея.

³ В 1950 г. остатки сопки и стоянки раскопаны. См. Н. Н. Гурина. Археологические исследования на северо-западе Европейской части СССР (КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 65—77); С. Н. Орлов. Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Ладоги (СА, 1958, № 1, стр. 236—239).

Из остатков гончарного производства собрано свыше сорока обломков от лепных глиняных горшков. Все они представляют собою обломки тонкостенных горшков, сделанных из хорошо отмученной глины с небольшой примесью песка. Обжиг ровный, в середине излома черепки имеют бледно-кирпичный цвет. Профилировка сосудов слабая, верхний край прямой. По орнаменту керамика данной стоянки, по нашим сборам, распределяется на три группы. Первая группа — керамика имеет мелкий текстиль-

- насыпь сопки
- культурный слой
- материковый песок

Рис. 3. Стратиграфический разрез неолитической стоянки под сопкой.

Как известно, поздненеолитические стоянки с текстильной и гребенчатой керамикой часто встречаются в лесной европейской полосе Советского Союза. Подобная керамика имеется в верхних слоях Бологовской стоянки⁵, в стоянке на озеро Кубенино⁶, в стоянке Вознесенье⁷, и на многих приокских и более северных

⁴ Все находки из указанных месторождений сданы в Новгородский музей.

⁵ А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века. Зап. отдел русск. и слав. археологии Русск. археол. об-ва, т. V, вып. 1, СПб, 1903, табл. XIII.

⁶ М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, № 5, 1940.

⁷ Н. Н. Гурина. Керамика неолитического поселения у с. Вознесенье на р. Свирь. СА, V, 1940.

неолитических поселениях⁸. Совершенно тождественная керамика с текстильным и гребенчатым орнаментом широко представлена на стоянке у дер. Иссады, которая находится также в низовьях р. Волхова в 4-х км от места описываемого нами поселения⁹. Хронологически неолитические поселения с подобной керамикой датируются концом 2-го и первым тысячелетиями до нашей эры¹⁰. Но есть основание рассматриваемую нами стоянку относить к еще более позднему периоду, исходя из наличия в ней керамики с орнаментом в виде оттисков треугольника. Подобная керамика обычно не встречается в северных неолитических поселениях и севернее Старой Ладogi до сих пор она неизвестна. В более же южных районах, как в Прибалтике и в Белоруссии¹¹, в районе верхней Волги и Оки керамика с подобным орнаментом встречается не только в поздненеолитических поселениях, но и с культурой эпохи бронзы¹², и даже на городищах первых веков н. э.¹³

Неолитические орудия, отщепы кремня и обломки ямочно-гребенчатой керамики неоднократно встречались в обрезах насыпей сопок на правом берегу Волхова около Старой Ладogi в урочище «Победище» (рис. 1). Здесь находится целая группа сопок, при сооружении насыпей которых очевидно и был уничтожен культурный слой неолитического поселения. Неолитические орудия и керамика встречаются также на правом берегу реки Волхова напротив Старой Ладogi в урочище «Плакун»¹⁴ (рис. 1).

Обломки ранне-неолитической керамики с густым ямочным орнаментом были найдены и на правом берегу Ладожки выше моста, в Старой Ладoge (рис. 1).

Таким образом, новые местонахождения с культурой позднего неолита, обнаруженные в низовьях Волхова в дополнение к уже известным ранее¹⁵, свидетельствуют о густом заселении края в период каменного века.

⁸ Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики («Этнография», № 1, 1929 г.); А. Я. Брюсов. Сетчатая керамика. СА. XIV, М., 1950.

⁹ А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб, 1882.

¹⁰ Б. С. Жуков. Ук. соч., стр. 83; А. Я. Брюсов. Ук. соч. стр. 287—305.

¹¹ Работы археологич. комиссии I—II. Минск, 1930, стр. 433, табл. 15.

¹² В. А. Городцов. Русская доисторическая керамика. Труды XI археол. съезда в Киеве, 1899. Т. I, М., 1901 г.

¹³ Коллекция кабинета археологии ЛГУ, инв. № сг/Л-6, сборы В. П. Левенков, городища Трубининского р-на, бас. р. Десны, Н. Н. Гурина датирует данное поселение эпохой бронзового века (см. КСИИМК. вып. XLIX, 1953, стр. 65—77).

¹⁴ С. Н. Орлов. Сопки волховского гряда около Старой Ладogi — СА. вып. XXII, 1955, стр. 202.

¹⁵ А. А. Иностранцев. Указ. соч.; Н. Е. Бранденбург. О следах каменного века в южном Приладожье. Вестник археологии и истории. вып. VII, 1889 г.

СОВЕТСКАЯ НАУКА О НОВГОРОДЕ

БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ НОВГОРОДА И НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ, ВЫШЕДШЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1958, 1959 И 1960 ГГ.*

Схема классификации:

1. Общие работы о Новгороде.
2. Работы по общим проблемам истории СССР IX—XV веков, касающиеся истории Новгорода.
3. Научные сборники, посвященные Новгороду.
4. История Новгорода феодального периода:
  - а) социально-экономическая история;
  - б) внешняя политика и войны;
  - в) история архитектуры;
  - г) история искусства (кроме архитектуры);
  - д) публикация источников и источниковедение;
  - е) археология;
  - ж) топография Новгорода;
  - з) нумизматика и сфрагистика;
  - и) литература о городах и селениях Новгородской земли.
5. История Новгорода XIX — начала XX веков.
6. История Новгорода советского периода.
7. Хроника.
8. Библиография.
9. Газетные статьи.

---

⁹ Библиография составлена старшим библиотекарем библиотеки Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР О. А. Третьяковой и зав. отделом книжных фондов Новгородского музея В. И. Третьяк. Она является продолжением сводной библиографии советской научной литературы по истории Новгорода, составленной Б. М. Апраткиным и доведенной до середины 1958 года (Б. М. Апраткин. Указатель литературы по истории Новгородского края, вышедшей в 1917—1958 гг. Новгород, 1958). При составлении библиографии ценные указания и дополнения получены от Ю. К. Бегунова.

1. ОБЩИЕ РАБОТЫ О НОВГОРОДЕ

1. Жаворонков А. З., Тихонова Э. Ф., Тюрин В. В. Писатели на Новгородской земле. Новгород. 1960, 114 стр.
2. Константинова Т. М. Новгород. Краткий путеводитель. Новгород. 1960, 38 стр.
3. Лихачев Д. С. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959, 102 стр.
4. Новгород (буклет). Новгород. 1960.
5. Новгород в русской литературе XVIII—XX вв. (Сборник лит. текстов и текстов нар. поэзии). Сост. и автор вступит. статьи А. З. Жаворонков. Новгород, 1959, 255 стр.
6. Новгороду 1100 лет. «Новгородский исторический сборник», вып. 9. Новгород, 1959, стр. 5—15.
7. Попадейкин В. И. Москва — Ленинград. Путеводитель по автомобильной дороге. М., 1960.
О Новгороде и Новгородской области см. стр. 92—111.
8. Новгород. Историко-экономический очерк. Авторы: В. Н. Жуков, В. Н. Попов, И. И. Кушнир, М. Д. Полубояринова, Е. С. Григорьева. Новгород, 1959, 112 стр.
9. По древним русским городам. Путеводитель. М., 1958.
О Новгороде стр. 9—41 (автор статьи Т. М. Константинова).
10. Тихомиров М. Н. Великий Новгород в истории мировой культуры. Расширенный текст доклада, прочитанного в Новгороде на заседании научной сессии, посвященной 1100-летию города. «Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 42—52.

2. РАБОТЫ ПО ОБЩИМ ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ СССР IX—XV вв., КАСАЮЩИЕСЯ ИСТОРИИ НОВГОРОДА

11. Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI веков. М., 1960, 411 стр.
12. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI вв. М.—Л., 1960.
О новгородско-московской ереси — гл. III, стр. 75—203.
13. Пашуто В. Т. Очерки истории СССР. XII—XIII вв. Пособие для учителей. М., 1960.
Об истории Новгорода и Новгородской земли — стр. 46—54, 86—93, 108—112, 121—128, 146—158, 201—212.
14. Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959.
О внешней политике Новгорода — стр. 110, 125—133, 176—179.
15. Рыбаков Б. А. Спорные вопросы образования Киевской Руси. (Текст выступления, подгот. для XI Междунар. конгресса ист. наук). «Вопросы истории», 1960, № 9, стр. 18—26.
16. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки соц. экон. и полит. истории Руси. М., 1960.
Об истории Новгорода — стр. 855—874.

3. НАУЧНЫЕ СБОРНИКИ. ПОСВЯЩЕННЫЕ НОВГОРОДУ

17. Новгородский исторический сборник, вып. 9. Под ред. чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева. Новгород, 1959, 254 стр.
Рец.: Клокман Ю. Р. — «История СССР», 1959, № 6, стр. 175—177.
Шаскольский И. П. — «Новгородская правда» от 6 сент. 1959 г.
18. Труды Новгородской археологической экспедиции. т. 2. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 65. М., 1959, 364 стр.

4. ИСТОРИЯ НОВГОРОДА ФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА.

а) Социально-экономическая история

19. **Бернадский В. Н.** А. Н. Радишев об истории Великого Новгорода. «Уч. записки Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена», т. 170, 1958, стр. 69—78.

20. **Греков Б. Д.** Новгородский дом св. Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Переиздание. В кн.: «Исторические труды», т. 4, 1960, 485 стр.

21. **Кириянов А. В.** История земледелия Новгородской земли X—XV вв. (По археол. материалам). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 65, 1959, стр. 306—362.

21-а. **Клокман Ю. Р.** Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960, 223 стр.

22. **Коптев К. Н.** Обработка зерна в Новгороде Великом и Пскове в XVI веке. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сборн. 3. М., 1959, стр. 123—140.

23. **Лучинский М. Ф.** Деньги на Руси IX—XII вв.. Казань, 1958, 225 стр. («Уч. записки Казан. Фин.-Эконом. ин-та», вып. 12).

Использованы новгородские материалы.

24. **Маньков А. Г.** Борьба посада с феодалами во второй половине XVII в. «Ист. записки», № 64, 1959, стр. 217—232.

О социальной борьбе в Старой Руссе во 2-ой полов. XVII в.

25. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. «Труды Гос. истор. музея», вып. 33, М., 1959.

Использованы новгородские материалы.

26. **Рабинович Г. С.** Имущественная дифференциация среди новгородских ремесленников в XVI в. «Уч. записки Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена», т. 188, Л., 1959, стр. 255—278.

27. **Рабинович М. Г.** О социальном составе новгородского войска X—XV вв. «Научн. доклады высш. школы. Ист. науки», 1960, № 3, стр. 87—96.

28. Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М.—Л., 1960, 654 стр. Составители **М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юкт.**

Документы о торговле Новгорода, Ладоги и Тихвина со Швецией.

29. **Скрынников Р. Г.** Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских поместных землях в 50—70-х гг. XVI в., «Уч. записки Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена», т. 188, Л., 1959, стр. 279—294.

30. **Хорошкевич А. Л.** Внешняя торговля Руси XIV—XVI вв. в освещении современной буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1960, № 2, стр. 104—117.

31. **Хорошкевич А. Л.** Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Ганзой в XIV—XV вв. (состав ввоза и вывоза). Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М., 1958, 19 стр.

32. **Хорошкевич А. Л.** Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV—XV вв. «Ист. записки», № 63, 1958, стр. 206—243.

б) Внешняя политика и войны

33. **Ангарский М. К.** вопросу о поисках места Ледового побоища. «Воен. ист. журнал», 1960, № 6, стр. 110—118.

34. **Казакова Н. А.** Борьба Руси с агрессивней Ливонского ордена в первой половине XV в. «Уч. записки Ленингр. ун-та», № 270. Серия ист. наук, вып. 32, 1959, стр. 3—33.

35. **Караев Г. Н.** Новые материалы о поисках места Ледового побоища. К итогам работ комплексной экспедиции Акад. наук СССР летом 1958 г. «Воен. ист. журнал», 1959, № 3, стр. 117—122.

36. **Клейнберг И. Э.** Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV в. «Научн. доклады высш. школы. Ист. науки», 1960, № 2, стр. 140—151.

37. Клейнберг И. Э. К вопросу об огнестрельном вооружении новгородского войска. «Вестник Ленингр. ун-та», 1959, № 20, Серия истории, языка и литературы, вып. 4, 131—134.

38. Клейнберг И. Э. К вопросу о существовании в Новгороде Великом X—XII вв. берегового права. «Известия высш. учеб. заведений. Правоведение», 1960, № 2, стр. 158—161.

39. Клейнберг И. Э. Мероприятия Русского государства по укреплению Наровской границы в конце XV века. «Воен. ист. журнал», 1960, № 6, стр. 125—127.

40. Морской атлас. Том, 3, Военно-исторический. Ч. 1. Описания к картам. Л., 1959.

Войны и плавания новгородцев — стр. 56—61, 70—72, 74—76.

41. Покровский В. С. Договор Великого Новгорода с Готландом и немецкими городами 1189—1195 гг. как памятник международного права. «Известия высш. учеб. заведений. Правоведение», 1959, № 1, стр. 90—100.

в) История архитектуры

41-а. Агалецкая Н. А. Памятники русской архитектуры. М., 1960, 55 стр.

О зодчестве Новгородско-Псковской земли — стр. 8—11.

42. Арский Г. М. Инженерное укрепление памятников архитектуры Новгорода. «Памятники культуры. Исследование и реставрация», 1. М., 1959, стр. 216—234.

43. Воробьев А. В. Воеводский двор в Новгороде. «Архитектурное наследство», № 12, 1960, стр. 95—106.

43-а. Воробьев А. В. Реставрация Новгородского Кремля. «Архитектура СССР», 1958, № 8.

44. Воробьев А. В. и Алешковский М. Е. Воеводский двор Кремля. Новгород. 1959, 28 стр.

45. Всеобщая история архитектуры. т. 1, М., 1958, 686 стр.

О новгородской архитектуре — стр. 611—615, 626—629.

46. Гладенко Т. В. Церковь Иоанна на Опоках. Новгород, 1959, 14 стр.

47. Захаренко А. Г. Создание оборонительных сооружений вокруг каменных стен Новгорода, Пскова и Печорского монастыря в начале XVIII века. «Новгородский историч. сборник», вып. 9, 1959, стр. 171—188.

48. Захаренко А. Г. Усиление оборонительных сооружений на северо-западной границе Русского государства в начале Северной войны. «Сборник докладов Военно-историч. секции Ленингр. Дома ученых им. М. Горького», № 3, 1960, стр. 62—76.

49. Корнилович К. Из летописи русского искусства. О прославленных памятниках нашего древнего зодчества и живописи, книжного и ювелирного дела и о создавших их искусных мастерах. М.—Л., 1960, 204 стр.

О новгородском искусстве — стр. 65—120.

50. Косточкин В. В. К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV — начала XVI веков. (Копорье, Орехов и Ям). «Материалы и исследования по археологии СССР» № 77, 1958, стр. 101—142.

51. Косточкин В. В. Новые данные о крепости Копорье. «Советская археология», 1960, № 3, стр. 262—271.

52. Косточкин В. В. Об обмазке новгородских и псковских оборонительных сооружений. «Памятники культуры. Исследование и реставрация», 1. М., 1959, стр. 83—94.

53. Красноречьев Л. Е. Церковь Двенадцати апостолов. Новгород, 1959, 10 стр.

54. Кушнир И. И. Архитектура Новгорода (Градостроительный очерк). Новгород, 1959, 72 стр.

55. Кушнир И. И. Градостроительство Новгорода во второй половине XVIII — первой половине XIX веков. «Новгородский историч. сборник», вып. 9, 1959, стр. 155—169.

56. Кушнир И. И. Памятники архитектуры Новгорода. Путевой дворец XVIII в. Новгород, 1959, 7 стр.

57. Максимов П. Н. Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI — начала XVI веков. «Архитектурное наследство», № 12, 1960, стр. 23—44.
58. Мартынов П. А. Грановитая палата Новгородского Кремля. Новгород., 1959, 12 стр. (тоже: Новгород, 1960, 8 стр.).
59. Никитина Ю. И. Антоново. Новгород, 1959, 16 стр.
60. Орлов С. Н., Воробьев А. В. Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959, 55 стр.
61. Пагольская Е. К. Церковь Федора Стратилата на Торговой стороне. Новгород, 1959, 12 стр.
62. Раппопорт П. А. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества. «Советская археология», 1960, № 2, стр. 56—62.
63. Семенов А. И. Исторические памятники Новгородского Кремля. Новгород, 1959, 32 стр.
64. Семенов А. И. Новгородский Кремль. Краткий путеводитель. Новгород, 1960, 20 стр.
65. Семенов А. И. Юрьево. Новгород, 1959, 14 стр.
66. Штендер Г. М. Разметка архитектурных форм древними зодчими. «Памятники культуры. Исследование и реставрация», 1, М., 1959, стр. 66—71.
67. Штендер Г. М. Церковь Спаса на Нередице. Новгород, 1959, 26 стр.
68. Шуляк Л. М. Церковь Иоанна Богослова (на реке Витке). Новгород, 1959, 11 стр.

г) История искусства (кроме архитектуры)

69. Государственный Русский музей. Путеводитель. Под ред. В. А. Пушкирева. Л.—М., 1958, 386 стр.
- О новгородском искусстве — стр. 16—29.
70. Лазарев В. Н. Фрески Старой Ладоги. М., 1960, 215 стр.
71. Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М. — Л., 1958, 186 стр.
- Использован новгородский материал.
72. Мневa Н. Е., Филатов В. В. Икона Петра и Павла Новгородского Софийского собора. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 81—102.
73. Мневa Н. Е., Зернова А. Б. Раскрытие памятников древнерусской станковой темперной живописи. «Памятники культуры. Исследование и реставрация», 2, М., 1959, стр. 171—190.
- О новгородских памятниках живописи.
74. Пагольская Е. К. Набивные ткани Новгородского музея. «Новгородский историч. сборник», вып. 9, 1959, стр. 241—244.
75. Порфиридов Н. Г. Об одной группе древнерусских медных литых изделий. «Сообщения Гос. Русского музея», 1959, VI, стр. 52—55.
76. Порфиридов Н. Г. О путях развития художественных образов в древнерусском искусстве. «Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР», т. XVI, 1960, стр. 36—49.
- Использован новгородский материал.
77. Постникова-Лосева М. М. Новгородская серебряная чаша. (В книге: «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 177—184).
78. Постникова-Лосева М. М. Русское художественное серебро XV—XIX вв. М., 1959, 70 стр.
- О новгородской скани — стр. 16—21.
79. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 65, 1959, стр. 223—261.
80. Смирнова Э. С. Новые работы музея по реставрации произведений древнерусской живописи. «Сообщения Гос. Русского музея», 1959, VI, стр. 56—62.
81. Сопочинский О. И. Искусство Новгорода и Пскова в XIII—XV вв.

(В книге: Всеобщая история искусств, т. 2. Искусство средних веков, кн. 1, М., 1960, стр. 144—152).

82. Шаскольский И. П. Произведения древнерусского искусства в экспозиции музея. «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», II, М.—Л., 1958, стр. 333—341.

О памятниках новгородского искусства — стр. 336—340.

83. Азбелев С. Н. Две редакции Новгородской летописи Дубровского, д) Публикация источников и источниковедение

«Новгородский исторический сборник», вып. 9, 1959, стр. 219—226.

84. Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород. 1960. 295 стр.

85. Азбелев С. Н. Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Акад. наук СССР, т. 16, 1960, стр. 270—287.

86. Арциховский А. В. Новые новгородские грамоты. «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 230—244.

87. Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953—1954 годов). М., 1958. 158 стр.

88. Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 года). М., 1958. 152 стр.

89. Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. «Новгородский исторический сборник» вып. 9, Новгород, 1959, стр. 229—238.

90. Боголюбова Н. Д. и Таубенберг Л. И. О древнерусских памятниках XIII—XIV вв. Рижского городского архива. «Ученые записки Латвийского государственного университета», т. 36. Филологические науки. Сборник кафедры русского языка. Вып. 6, Рига, 1960, стр. 7—22.

Фотокопии и описание новг. грамот XIV—XV вв. из собрания Рижского гор. архива.

91. Вакуров В. Н. Из истории русской промысловой лексики. «Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия», 1959, 4, стр. 175—189.

Использован новгородский материал.

92. Два отрывка из Новгородской писцовой книги конца XV в. Подготовил А. А. Зимин, «Ист. архив», 1959, № 1, стр. 154—159.

93. Дмитриев Л. А. Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского. «Археографический ежегодник» за 1958 г. М., 1960, стр. 335—349.

94. Дмитриев Ю. Н. Одна из лицевых рукописей Новгорода. (В кн.: Из истории русского и западноевропейского искусства, М., 1960, стр. 61—80).

94-а. Елисеев Ю. С. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков. «Известия Акад. наук, отделение литерат. и яз.», т. XVIII, вып. 1, 1959.

95. Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959. 128 стр.

96. Жуковская Л. П. и Кошков С. И. О публикации памятников русского языка и письменности. «Вопросы языкознания», 1960, № 4, стр. 134—140.

О необходимости издания некоторых памятников новгородской письменности.

97. Зимин А. А. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI вв. Учебное пособие. М., 1960, 36 стр.

О новгородском летописании — стр. 12—14, 26.

98. История русской литературы, т. 1 (Литература X—XVIII веков). Гл. ред. Д. Д. Благой, М.—Л., 1958, 730 стр.

О новгородской литературе — стр. 93—99, 162—164.

99. Кафенгауз Б. Б. Заметки о новгородских берестяных грамотах. «История СССР», 1960, № 1, стр. 168—174.

100. **Корецкий В. И.** Новгородские грамоты XV века из архива Палеостроцкого монастыря. «Археографический ежегодник» за 1957 год. М., 1958, стр. 437—450.

101. Материалы по истории крестьян в России XI—XVII вв. (Сборник документов). Подгот. к печати **З. М. Андросенкова** и **Н. Н. Кононова**. Под ред. **В. В. Мавродина**. Л., 1958, 171 стр.

Помещены новгородские документы.

102. **Мещерский Н. А.** Польское издание новгородских берестяных грамот. (Рец. на кн. KuraszkieWicz W. Gramoty nowogrodzkie na brzozowej korze. Warszawa, 1957, 105 стр.). «Вопросы языкознания», 1959, № 6, стр. 144—147.

103. **Носов Н. Е.** Губной наказ Новгородской земли 1559 г. «Исторический архив», 1960, № 4, стр. 212.

104. **Панеях В. М.** Новгородская записная книга старых крепостей 1598 г. (опыт реконструкции). «История СССР», 1960, № 1, стр. 175—181.

105. **Панеях В. М.** Новый источник по истории холопства в России. «Историч. архив», 1959, № 4, стр. 206—209.

106. Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории (Академии наук СССР). Под ред. **А. И. Андреева**, М.—Л. 1958. 603 стр.

О новгородских документах — стр. 68—72, 107, 116, 128, 134, 135, 137—142, 148, 149, 151, 158—168, 171, 175—178 и др.

107. **Рухманова Э. Д.**, **Курсков Ю. В.** Источники по истории русско-скандинавских отношений в рукописных собраниях г. Ленинграда. «Скандинавский сборник», III, Таллин, 1958, стр. 257—269.

О новгородских документах — стр. 258—264.

108. **Семенов А. И.** Вкладные записи XVII в. на книгах Новгородской Софийской библиотеки. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР, т. 16, 1960, стр. 484—489.

109. **Семенов А. И.** Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю. «Новгородский исторический сборник», вып. 9, Новгород, 1959, стр. 245—248.

110. **Хорошкевич А. Л.** Зарубежные отклики на открытие новгородских берестяных грамот. «История СССР», 1958, № 5, стр. 224—231.

111. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века. Под ред. акад. **М. Н. Тихомирова**. Составители: **Л. Б. Миллов**, **А. И. Рогов**, акад. **М. Н. Тихомиров**. М., 1960, 735 стр.

Помещены новгородские документы.

112. **Черепнин Л. В.**, **Шумилов В. Н.**, **Александрова М. И.** Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции. «Исторический архив», 1959, № 6, стр. 113—126.

О новгородских документах — стр. 114—122.

113. **Шаскольский И. П.** «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского (XVII в.). «Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Акад. наук СССР», т. 14, 1958, стр. 451—460.

114. **Янин В. Л.** Две неизданные новгородские грамоты XV века. «Археографический ежегодник» за 1959 год. М., 1960, стр. 333—339.

е) Археология

115. **Арциховский А. В.** Новгород Великий в XI—XIV веках (По материалам археологических раскопок). Сообщение на XI Международном конгрессе исторических наук. «Вопросы истории», 1960, № 9, стр. 27—31.

116. **Арциховский А. В.** О новгородской хронологии (По поводу статьи **Б. А. Рыбакова** — «К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей» в журн. «Советская археология», 1959, № 4). «Советская археология», 1959, № 4, стр. 107—127.

117. **Балтин-Кольский А.** О рунической надписи из Старой Ладogi. «Скандинавский сборник», IV, Таллин, 1959, стр. 19—21.

118. Бобринский А. А. Гончары — пидьбяне (По данным археологических раскопок в устье р. Пидьбы). «Советская археология», 1959, № 1, стр. 228—242.

119. Вихров В. Е. Использование древесины в древнем Новгороде. Труды Института леса (Акад. наук СССР), т. 37, 1958, стр. 266—279.

120. Жолтовский П. Н. Ларец мастера Самуила. «Советская археология», 1958, № 4, стр. 209—213, 4 л. илл.

121. Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода. (Предварительная характеристика по материалам Неревского раскопа 1951—1955 гг.). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 65, 1959, стр. 262—298.

122. Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 65, 1959, стр. 192—222.

123. Качалов Н. Стекло. М., 1959 г., 454 стр.

В главе 6 — «Древнерусское стекло» — о существовании стекольного производства в Новгороде

124. Кислов М. Н. Археологические экспедиции 1959 г. (Новгородская археологическая экспедиция). «Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия», 1960, № 3, стр. 69—71.

125. Кислов М. Н. Раскопки Новгорода в 1958 году. «Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия», 1959, № 4, стр. 193—197.

126. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 65, 1959, стр. 7—120, с табл.

127. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. «Советская археология», 1958, № 2, стр. 92—111.

128. Константинова Т. М. Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период. «Новгородский исторический сборник». вып. 9, 1959, стр. 93—118.

129. Кушнир И. И. О культурном слое Новгорода. «Советская археология», 1960, № 3, стр. 217—224.

130. Лисицина Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1956 г. Краткие сообщения ИИМК, вып. 77, 1959, стр. 122—133.

Об исследованиях в Новгородской области — стр. 123.

131. Медведев А. Ф. Древнерусские писала X—XV вв. «Советская археология», 1960, № 2, стр. 63—88.

132. Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси (по данным археол. раскопок). «Советская археология», 1959, № 2, стр. 119—134.

133. Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 65, 1959, стр. 121—191, с табл.

134. Орлов С. Н. Новая находка деталей корабля XII в. в Новгороде. «Советская археология», 1958, № 4, стр. 207—209.

135. Орлов С. Н. О раннеславянском грунтово-могильнике с трупосожжением в Старой Ладог. «Советская археология», 1960, № 2, стр. 251—253.

136. Полевые археологические исследования Института археологии Академии наук СССР в 1959 г. «Советская археология», 1960, № 2.

О новгородской экспедиции — стр. 307.

137. Равдоникас В. И. и Лаушкин К. Д. Об открытии в Старой Ладог. рунической надписи на дереве в 1950 году. «Скандинавский сборник», IV. Таллин. 1959, стр. 23—44.

138. Рыбаков Б. А. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. «Советская археология», 1959, № 4, стр. 82—106.

139. Черных Н. Б. Новгородские ткани из Неревского раскопа. «Вестник Московского университета. Историко-филолог. серия», 1958, № 4, стр. 101—112.

140. Янин В. Л. По поводу заметки П. Н. Жолтовского «Ларец мастера Самуила». «Советская археология», 1958, № 4, стр. 213—215.

ж) Топография Новгорода

✓ 141. Воробьев А. В. План Новгорода 1762 года. «Новгородский исторический сборник», вып. 9, 1959, стр. 75—80.

142. Семенов А. И. Дворы северо-восточной части Новгородского Кремля по описи 1623 года. «Новгородский исторический сборник», вып. 9, 1959, стр. 249—253.

143. Семенов А. И. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода. «Новгородский исторический сборник», вып. 9, 1959, стр. 55—69.

з) Нумизматика и сфрагистика

✓ 144. Порфиридов Н. Г. Очерки памятников новгородской сфрагистики (Печати владык Великого Новгорода). «Новгородский историч. сборник», вып. 9, 1959, стр. 81—90.

✓ 145. Янин В. Л. Монетные клады Новгородского музея. «Нумизматика и эпиграфика». № 2, М., 1960, стр. 141—154.

146. Янин В. Л. О печатях Ратибсра. «Советская археология», 1960, (№ 2), стр. 270—275.

147. Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1955 г. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 65, 1959, стр. 299—305.

и) Литература о городах и селениях Новгородской земли

✓ 148. Громов В. И., Файнштейн Л. А. Памятные места Ленинградской области (Справочник путеводитель). Л., 1959, 488 стр.

Разделы о Старой Ладоге, Петрокрепости (Орешке), Тихвине, Приозерске (Кореле), Копорье, Ивангороде Кингисеппе (Яме).

149. Громов В. И., Потемкин Л. П., Шаскольский И. П. Приозерск (Корела — Кексгольм — Приозерск). Ист. очерк. Л., 1960, 126 стр.

150. Ефимов А. С. Кингисепп (Ям — Ямбург — Кингисепп). Историко-краеведческий очерк. Л., 1959, 134 стр.

151. Орлов С. Н. Старая Ладога. Ист. очерк. Л., 1960, 120 стр.

5. ИСТОРИЯ НОВГОРОДА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

152. Гандкин Я. А. Новые материалы к биографии Ипполита Мышкина. «Новгород. историч. сборник», вып. 9, Новгород, 1959, стр. 41—51.

153. Громов Г. Г. Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX вв. «Вестник Москов. ун-та. Историко-филолог. серия», 1958, № 4, стр. 141—152.

154. Мальцев И. К. Дом Глеба Ивановича Успенского (деревня Сябренщица Чудовского р-на Новгород. обл.) Новгород, 1960, 16 стр.

✓ 155. Новгородский историко-художественный музей. В кн.: Русская живопись в музеях РСФСР, вып. 4, 1958, стр. 1—13.

156. Пилявский В. И. Новгородские военные поселения (историко-архитектурный очерк). «Новгородский историч. сборник», вып. 9, Новгород, 1959, стр. 119—150.

✓ 157. Семенов А. И. Памятник «1000-летию России» в Новгородском Кремле. Новгород, 1960, 12 стр.

158. Суслова А. В. Некоторые данные к характеристике деятельности академика архитектуры В. В. Суслова в области реставрации и охраны новгородских памятников (1891—1900 гг.). «Новгород. историч. сборник», вып. 9, стр. 191—216.

6. ИСТОРИЯ НОВГОРОДА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

159. Гандкина Е. Г. Разгром контрреволюционного выступления в Новгороде в дни созыва и роспуска Учредительного собрания. «Новг. истор. сборник», вып. 9, Новгород, 1959, стр. 17—40.

✓ 159-а. Жуков В. Н. Своими силами (Из опыта строительства жилых домов в Новгороде при участии коллективов предприятий и организации), Новгород, 1958, 64 стр.

Сведения о восстановлении Новгорода.

160. Иванов В. Тридцать отважных. Новгород, 1959, 124 стр.

Очерки о героях Советского Союза — новгородцах и участниках боев на Новгородской земле.

161. Коровников И. Т. Новгородско-Лужская операция (Наступление войск 59 армии). М., 1960, 176 стр.

✓ 161-а. Кушнир И. И. Архитектурно-планировочное развитие Новгорода и опыт его послевоенного строительства. Автореферат дисс. на соискание уч. степени кандидата архитектуры. Новгород, 1959, 16 стр.

162. Новгородская губерния (доклады, отчеты и донесения организаторов агитаторов и военных комиссаров Всероссийской коллегии по организации и формированию РККА на местах). «Исторический архив». 1959, № 6, стр. 123—124.

163. Прокофьев В. А. Промышленность Новгородской области в семилетке. Новгород, 1960, 54 стр.

164. Рождение новгородского комсомола. Новгород, 1958, 57 стр.

165. Шевердалкин П. Р. Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959.

7. ХРОНИКА

✓ 166. Бем Ю. О. Научно-теоретическая конференция, посвященная 1100-летию Новгорода (Новгород. Авг. 1959 г.), «Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 199—205.

✓ 167. Бем Ю. О. Научно-теоретическая конференция, посвященная 1100-летию г. Новгорода (Новгород. Авг. 1959). «История СССР», 1959, № 6, стр. 208—209.

168. 1100-летие Новгорода. «Вестник Акад. наук СССР». М., 1959, № 11.

✓ 169. Новгороду 1100 лет, «Советский Союз», 1959, № 9, стр. 36.

8. БИБЛИОГРАФИЯ

✓ 170. Апяткин Б. М. Указатель литературы по истории Новгородского края, вышедший в 1917—1958 гг. Новгород, 1959, 77 стр.

✓ 171. Григорьева Е. С. О Новгородском крае (Краткий указатель литературы). Новгород, 1959, 28 стр.

172. Замечательные женщины Новгородской области (Краткий рекомендательный указатель литературы). Новгород, 1959, 13 стр.

173. Они сражались за наше счастье (рекомендательный список литературы). Новгород, 1959, 14 стр.

О Новгородской земле в дни Великой Отечественной войны.

9. ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ

(Включены только наиболее интересные статьи)

✓ 174. Арциховский А. В. Великий Новгород по археологическим данным. «Новг. правда», 1959, 21 августа.

175. Брагин В. И. Борьба большевиков Новгорода за победу и становление Советской власти. «Новг. правда», 1959, 18 августа.

✓ 176. Воробьев А. Г. Новгородский Кремль — историко-архитектурный заповедник. «Новг. правда», 1959, 21 апреля.

177. Жаворонков А. З. Новгород в творчестве А. Толстого и Д. Мамина-Сибиряка. «Новг. правда», 1959, 12 августа.

178. Кудряцева З. Документы о борьбе крестьян Новгородской губернии за свое освобождение. «Новг. правда», 1960, 20 сентября.

179. Кузнецова А. Л. Пребывание в Новгородской губернии Н. К. Крупской. «Новг. правда», 1959, 22 января.
180. Кушнин И. И. Семилетний план развития Новгорода и вопросы его застройки. «Новг. правда», 1959, 25 июля.
181. Лихачев Д. С. Памятники искусства и литературы Новгорода. «Новг. правда», 1959, 21 августа.
182. Малютин М. Н. Одиннадцать веков (к 1100-летию Новгорода). «Советская Россия», 1959, 23 августа.
183. Медведев А. Ф. По мостовым древнего Новгорода (итоги раскопок 1959 г.). «Новг. правда» 1960, 13 марта.
184. Мужество, отвага, героизм (из летописи суровых военных лет). «Новг. правда», 1959, 16 августа.
185. Научно-теоретическая конференция, посвященная 1100-летию Новгорода. «Новг. правда», 1959, 15 августа.
186. Незарастающие тропы становятся дорогами. «Новг. правда» 1960, 28 сентября.
- О совещании в Новгороде научных работников музеев-заповедников РСФСР.
187. Петровский Ю. А. Новгород в советском историческом романе. «Новг. правда», 1959, 14 августа.
188. Семенов А. И. Колыбель русской культуры. «Новг. правда», 1959, 11 августа.
189. Сергуни И. И. Партизанское движение на Новгородской земле в период Великой Отечественной войны. «Новг. правда», 1959, 22 августа.
190. Сидоров К. Новгородцы в боях за Родину в годы гражданской войны. «Новг. правда», 1960, 21 февраля.
191. Тихомиров М. Н. Великий Новгород в истории мировой культуры. «Новг. правда», 1959, 19 августа.
192. Шаскольский И. П. Внешняя политика Новгорода в XIII—XV вв. «Новг. правда» 1959 г., 21 августа.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И РЕЦЕНЗЕНТОВ.

А.

Агалецкая Н. А. — 41-а.
Азбелев С. Н. — 83, 84, 85.
Александрова М. И. — 112.
Алешковский М. Х. — 44.
Ангарский М. — 33.
Андросенкова З. М. — 101.
Апраткин Б. М. — 170.
Арский Г. М. — 42.
Арциховский А. В. — 86, 87, 88.
115, 116, 174.

Воробьев А. В. — 43, 43-а, 44, 60,
141, 176.

Г.

Гандкин Я. А. — 152.
Гандкина Е. Г. — 159.
Гладенко Т. В. — 46.
Греков Б. Д. — 20.
Григорьева Е. С. — 8, 171.
Громов В. И. — 148, 149.
Громов Г. Г. — 153.

Б.

Балтин-Кольский А. — 117.
Бегунов Ю. К. — 89.
Бем Ю. О. — 166, 167.
Бернадский В. Н. — 19.
Бобринский А. А. — 118.
Боголюбова Н. Д. — 90.
Борковский В. И. — 87, 88.
Брагин В. И. — 175.

Д.

Давыдова М. Б. — 28.
Дмитриев Л. А. — 93.
Дмитриев Ю. Н. — 94.

Е.

Елисеев Ю. С. — 94-а.
Ефимов А. С. — 150.

В.

Вакуров В. Н. — 91.
Вихров В. Е. — 119.

Ж.

Жаворонков А. З. — 1, 5, 177.
Жолтовский П. Н. — 120.

Жуков В. Н. — 8, 159-а.
Жуковская Л. П. — 95, 96.
3.

Засурцев П. И. — 121.
Захаренко А. Г. — 47, 48.
Зернова А. Б. — 73.
Зимин А. А. — 92, 97.

И.

Иванов В. — 160.
Изюмова С. А. — 122.

К.

Казакова Н. А. — 34.
Караев Г. Н. — 35.
Кафенгауз Б. Б. — 99.
Качалов Н. — 123.
Кириянов А. В. — 21.
Кислов М. Н. — 124, 125.
Клейнберг И. Э. — 36, 37, 38.
39.

Клибанов А. И. — 11.
Клокман Ю. Р. — 17 (рец.), 21-а.
Колчин Б. А. — 126, 127.
Кононова Н. Н. — 101.
Константинова Т. М. — 2, 9, 128.
Коптев К. Н. — 22.
Корецкий В. И. — 100.
Корнилович К. В. — 49.
Коровников И. Т. — 161.
Косточкин В. В. — 50, 51, 52.
Котков С. И. — 96.
Красноречьев Л. Е. — 53.
Кудрявцева З. — 178.
Кузнецова А. Л. — 179.
Курсков Ю. В. — 107.
Кушнир И. И. — 8, 54, 55, 56.
129, 161-а, 180.

Л.

Лазарев В. Н. — 70.
Лаушкин К. Д. — 137.
Лисицина Н. К. — 130.
Лихачев Д. С. — 3, 71, 181.
Лурье Я. С. — 12.
Лучинский М. Ф. — 23.

М.

Максимов П. Н. — 57.
Мальцев И. К. — 154.
Малютин М. Н. — 182.
Маньков А. Г. — 24.
Мартынов П. А. — 58.
Медведев А. Ф. — 131, 132, 133,
183.
Мещерский Н. А. — 102 (рец.).
Милов Л. В. — 171.
Мнева Н. Е. — 72, 73.

Н.

Никитина Ю. И. — 59.
Носов Н. Е. — 103.

О.

Орлов С. Н. — 60, 134, 135, 151.

П.

Пагольская Е. К. — 61, 74.
Панеях В. М. — 104, 105.
Пашуто В. Т. — 13.
Петровский Ю. А. — 187.
Пилявский В. И. — 156.
Покровский В. С. — 41.
Полубояринова М. Д. — 8.
Попадейкин В. И. — 7.
Попов В. Н. — 8.
Порфиридов Н. Г. — 75, 76, 144.
Постникова-Лосева М. М. — 77, 78.
Потемкин Л. П. — 149.
Прокофьев В. А. — 162.

Р.

Рабинович Г. С. — 26.
Рабинович М. Г. — 27.
Равдоникас В. И. — 137.
Рамм Б. Я. — 14.
Раппопорт П. А. — 62.
Рогов А. И. — 111.
Рухманова Э. Д. — 107.
Рыбаков Б. А. — 15, 138.

С.

Седова М. В. — 79.
Семенов А. И. — 63, 64, 65, 108,
109, 142, 143, 157, 188.
Сергунин И. И. — 189.
Сидоров К. — 190.
Скрынников Р. Г. — 29.
Смирнова Э. С. — 80.
Соловьевский О. И. — 81.
Суслова А. В. — 153.

Т.

Таубенберг Л. И. — 90.
Тихомиров М. Н. — 10, 111, 191.
Тихонова Э. Ф. — 1.
Тюрин В. В. — 1.

Ф.

Файнштейн Л. А. — 148.
Филатов В. В. — 72.

Х.

Хорошкевич А. Л. — 30, 31, 32, 100.

Ч.

Черепнин Л. В. — 16, 112.
Черных Н. Б. — 139.

Ш.

Ю.

Шаскольский И. П. — 17 (рец.), 28.

Юнг А. И. — 28.

82, 113, 149, 192.

Шевердалкин П. Р. — 165.

Я.

Шуляк Л. М. — 68.

Шумилов В. Н. — 112.

Янин В. Л. — 114, 140, 145, 146,
147.

Штендер Г. М. — 66, 67.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Б. К. МАНТЕЙФЕЛЯ

14 мая 1957 года скончался один из старейших научных работников Новгородского музея Борис Константинович Мантейфель. Деятельность Б. К. Мантейфеля отличалась многогранностью и широтой научных интересов. В течение ряда лет, начиная с 1918 года, он занимался краеведческой работой, главным образом, в качестве фенолога, и был членом многих научных обществ. К этому времени относятся его работы по фенологии Новгородского края. Особенно плодотворной стала научная деятельность Б. К. Мантейфеля с переходом в 1937 году на штатную работу в Новгородском музее. Труды Мантейфеля 1930—1950-х годов сыграли определенную роль в археологическом изучении Новгорода, в исследовании его истории и культуры. Наряду с этим Борис Константинович продолжал вести большую фенологическую работу.

Приводим перечень основных работ Б. К. Мантейфеля:

1. Календарь новгородской природы — Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. IX, 1928, стр. 19—25.

2. Деятельность Новгородского краеведческого общества по охране природы — журнал «Охота и природа», Л. 1930, № 11, стр. 18.

3. Раскопки Холопией улицы (в соавторстве) — Новгородский исторический сборник, № 1, 1936, стр. 41—64.

4. Обследование оснований башен Новгородского вала — Новгородский исторический сборник, № 2, 1937, стр. 105—115.

5. Естественные богатства Ильменского бассейна — Новгородский исторический сборник, № 3—4, 1938, стр. 173—182.

6. Раскопки на Ярославовом Дворище (в соавторстве) — Новгородский исторический сборник, № 3—4, стр. 183—210.

7. Раскопки в Новгородском Кремле (в соавторстве) — Новгородский исторический сборник, № 5, 1939, стр. 3—17.

8. Изменения в составе флоры и фауны Новгорода за время Отечественной войны — Сборник «Охрана природы», № 3. Издательство Всероссийск. об-ва охраны природы, М., 1948, стр. 67—78.

9. Календарь природы Новгорода — Календарь природы СССР. Книга 2. Изд. Московского об-ва испытателей природы. М. 1949, стр. 251—285.

ХРОНИКА

Совещание работников историко-архитектурных музеев-заповедников РСФСР в Новгороде 26 сентября — 2 октября 1960 г.

Совещание было создано отделом музеев Министерства культуры РСФСР с целью обмена опытом работы музеев-заповедников и подробного ознакомления с работой Новгородского музея, являющегося одним из значительных музеев-заповедников РСФСР.

На совещании присутствовали представители от всех музеев-заповедников РСФСР (гг. Новгород, Ярославль, Владимир, Горький, Кострома, Загорск, Серпухов, Кириллов) и от музеев городов Москвы, Ленинграда, Пскова, Вологды, Рязани, Углича, Боровичей, Переславля-Залесского, Сольвычегодска, Астрахани, а также гости из союзных республик (из музеев Киева, Риги и Хивы). Всего принимали участие в совещании 70 музейных работников.

Совещание открылось вступительным словом начальника отдела музеев Министерства культуры РСФСР В. Н. Игнатьевой — «О целях и задачах историко-архитектурных музеев-заповедников». В. Н. Игнатьева остановилась на задачах музеев-заповедников, заключающихся в охране и реставрации архитектурных памятников, в изучении и пропаганде их, в создании музеев на открытом воздухе и краеведческих отделов в тех музеях, где они необходимы. В текущей работе музеев-заповедников следует обратить внимание на организацию отделов истории советского периода, причем экспозиции этих отделов должны выделяться качественным подбором материалов и быть на высоком оформительском уровне. Музеи-заповедники должны иметь перспективный план работы. Им надо расширить и улучшить работу массовых отделов, организовать небольшие передвижные музеи для райцентров и сельской местности, вести атеистическую пропаганду, широко привлекать к работе музеев общественность.

Основной доклад о деятельности Новгородского музея — «Восстановление Новгородского музея и его реорганизация в историко-архитектурный музей-заповедник» — был прочитан начальником Новгородского областного управления культуры В. П. Никуличевым. Докладчик коснулся истории Новгородского музея, этапов развития музейной экспозиции и характеризовал в общих чертах деятельность отделов музея. В докладе были отмечены слабые стороны работы музея — медленная перестройка экспозиции отдела истории советского периода и недостаточное обслуживание музеем сельского населения.

Доклад научного сотрудника А. И. Семенова — «Научно-исследовательская работа Новгородского музея» носил итоговый характер. В нем был дан обзор научной работы за последние три года. По истории советского периода проводились работы по следующим темам: а) Обзор документов Новгородского облархива за 1917—1925 годы, б) Коллективизация сельского хозяйства в Новгородском округе. По революционному движению разрабатывались вопросы, относящиеся к революции 1905—1907 годов в Новгородской губернии. Выявлялись документы по памятникам архитектуры и собирались образцы орнаментов, встречающихся в стеновых росписях Новгорода. Несколько тем касалось археологического изучения Новгорода и Новгородской области. Велось научное описание рукописного собрания, тканей и шитья, выявлялся активный материал по феодальному Новгороду и пр. Постоянно проходили наблюдения за земляными работами в Новгороде. За последние три с половиной года музей выпустил 18 изданий, объемом в 77 авторских листов.

Были заслушаны сообщения заведующих отделами П. А. Мартынова, В. Ф. Васильевой, Е. К. Пагольской и Ю. И. Никитиной об основных методах и принципах экспозиционной работы Новгородского музея. Зав. отделом В. В. Горнин прочитал доклад — «Научная пропаганда памятников истории, архитектуры и искусства в Новгородском музее». Кроме того, сотрудниками музея были

сделаны сообщения на следующие темы: а) А. И. Семенов — Использование архивных материалов для изучения памятников архитектуры, б) Е. К. Пагольская — Изучение собрания тканей и реставрация шитья в Новгородском музее, в) В. М. Чехонадский — Из опыта работы реставрационной мастерской Новгородского музея.

Архитекторы Новгородской специальной научно-реставрационной мастерской выступили с докладами:

а) Г. М. Штендер — Изучение, исследование и реставрация памятников архитектуры музея-заповедника;

б) Г. М. Штендер — Исследование и реставрация церкви Параскевы Пятницы в Новгороде;

в) Л. Е. Красноречьев — Изучение памятников деревянного зодчества в Новгородской области.

Архитектор Облпроекта И. И. Кушнир прочитал доклад — «Традиции градостроительства и современный Новгород». О раскопках Новгородской археологической экспедиции Академии наук СССР доложил научный сотрудник экспедиции П. И. Засурцев, о реставрации Новгородского Кремля — автор проекта реставрации, главный архитектор Централных научно-реставрационных мастерских Академии строительства и архитектуры СССР А. В. Воробьев, а археолог той же мастерской М. Х. Алешковский по материалам раскопок 1956—1960 гг. прочитал доклад на тему: «История Новгородского Детинца с 1044 по 1430-ые годы». Главный архитектор музеев Московского Кремля В. И. Федоров доложил о состоянии охраны и реставрации памятников архитектуры в странах народной демократии (Болгарии, Польше, Чехословакии, Албании и Китае). Об исследовании и реставрации памятников новгородской темперной живописи был заслушан доклад научного сотрудника Централных художественно-реставрационных мастерских Н. Н. Померанцева.

Участники совещания осмотрели музей, архитектурные памятники Новгорода и выезжали на озеро Ильмень.

Выступления по обмену опытом были от всех музеев-заповедников, а также и от других музеев, представленных на совещании. Сотрудники Кирилловского и Переславль-Залесского музеев привезли с собой кинофильмы, посвященные местным архитектурным памятникам, которые и были просмотрены участниками совещания.

Совещание прошло в деловой, хорошо организованной обстановке. Участники пожелали, чтобы непосредственное общение между работниками родственных по профилю музеев продолжалось впредь, и совещания музейных работников проходили регулярно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- АЮБ — «Акты юридического быта».
ГАНО — Государственный архив Новгородской области.
ГАОРСС ЛО — Государственный архив Октябрьской революции и социального строительства Ленинградской области.
ГВН и П — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», под редакцией С. Н. Валка. М.—Л. 1949.
ГИМ — Государственный исторический музей (в Москве).
ИА — «Исторический архив».
ИЗ — «Исторические записки».
КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры».
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛК — Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М. 1930.
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
ЛПА — Ленинградский партийный архив.
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР».
НПА — Партархив Новгородского обкома КПСС.
ПТК — Писцовые книги.
ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей».
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
РИБ — «Русская историческая библиотека».
СА — «Советская археология».
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 3

I. История и археология

Я. А. Гандкин. Возникновение колхозного движения в Новгородской губернии (ноябрь 1917—1920 г.г.)	5
Т. К. Треногова. Работа петроградских рабочих среди крестьян Новгородской губернии в 1917 г.	25
Н. В. Ткаченко. Крестьянское движение в Новгородской губернии в 1905—1914 гг.	39
В. А. Дьяков, В. Е. Фильгус. Новгородский гарнизон во время революционной ситуации 1860-х годов	61
Г. С. Рабинович. Влияние соляного промысла на развитие товарно-денежных отношений в Старорусском уезде в XVII веке	75
А. А. Зимин. Новгород и Волоколамск в XI—XV веках.	97
И. П. Шаскольский. Политические отношения Новгорода и чард в XII—XIV веках	117
А. И. Семенов. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода	137
С. Н. Орлов, М. М. Аксенов. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода	161

II. История архитектуры и реставрация памятников

Г. М. Штендер. Восстановление Нередицы.	169
П. И. Засурцев, Г. П. Чистяков, Г. В. Борисевич, В. Г. Тюрин. Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII века.	207

III. Публикация и изучение источников

Н. А. Казакова. Русско-Ганзейский договор 1487 г.	217
М. А. Макина. О демократических тенденциях в литературе древнего Новгорода	227
А. В. Воробьев. Некоторые сведения по топографии Новгорода по архивным документам XVII века.	235

IV. Сообщения и заметки

В. Д. Лихачева. Десять русских эмалей XII века из Новгородского музея	245
А. И. Семенов. Осменники «Устава о мостех»	253
С. Н. Орлов. Новые неолитические местонахождения в низовьях реки Волхова	257

V. Советская наука о Новгороде

Библиография литературы по истории Новгорода и Новгородской земли, вышедшей во 2-ой половине 1958, 1959 и 1960 гг.	263
Библиография трудов Б. К. Мантайфеля	275

VI. Хроника

Совещание работников историко-архитектурных музеев-заповедников РСФСР в Новгороде 26 сентября — 2 октября 1960 год	276
Список сокращений	278

Редакционная коллегия: Д. С. ЛИХАЧЕВ, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР (редактор), В. М. КОВАЛЬЧУК, кандидат военно-морских наук, Т. М. КОНСТАНТИНОВА, А. Е. МАКСИМОВ, С. Н. ОРЛОВ, кандидат исторических наук, К. Н. СЕРБИНА, доктор исторических наук, И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ, кандидат исторических наук.

16

Редактор Морозов Г. А.
Корректор Горлова Г. А.

ОД—00002
Бумага 60×84. 1/16.
Заказ 2930

Подписано к печати 29-1-62 г.
Объем 17,5 п. л.—8,4 б. л.
Тираж 1500   Цена 1 р. 40 к.

Новгородская областная типография, г. Новгород, Боровничская, 5.